
3 1761 08821055 4

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. И. КОЗЛОВА.

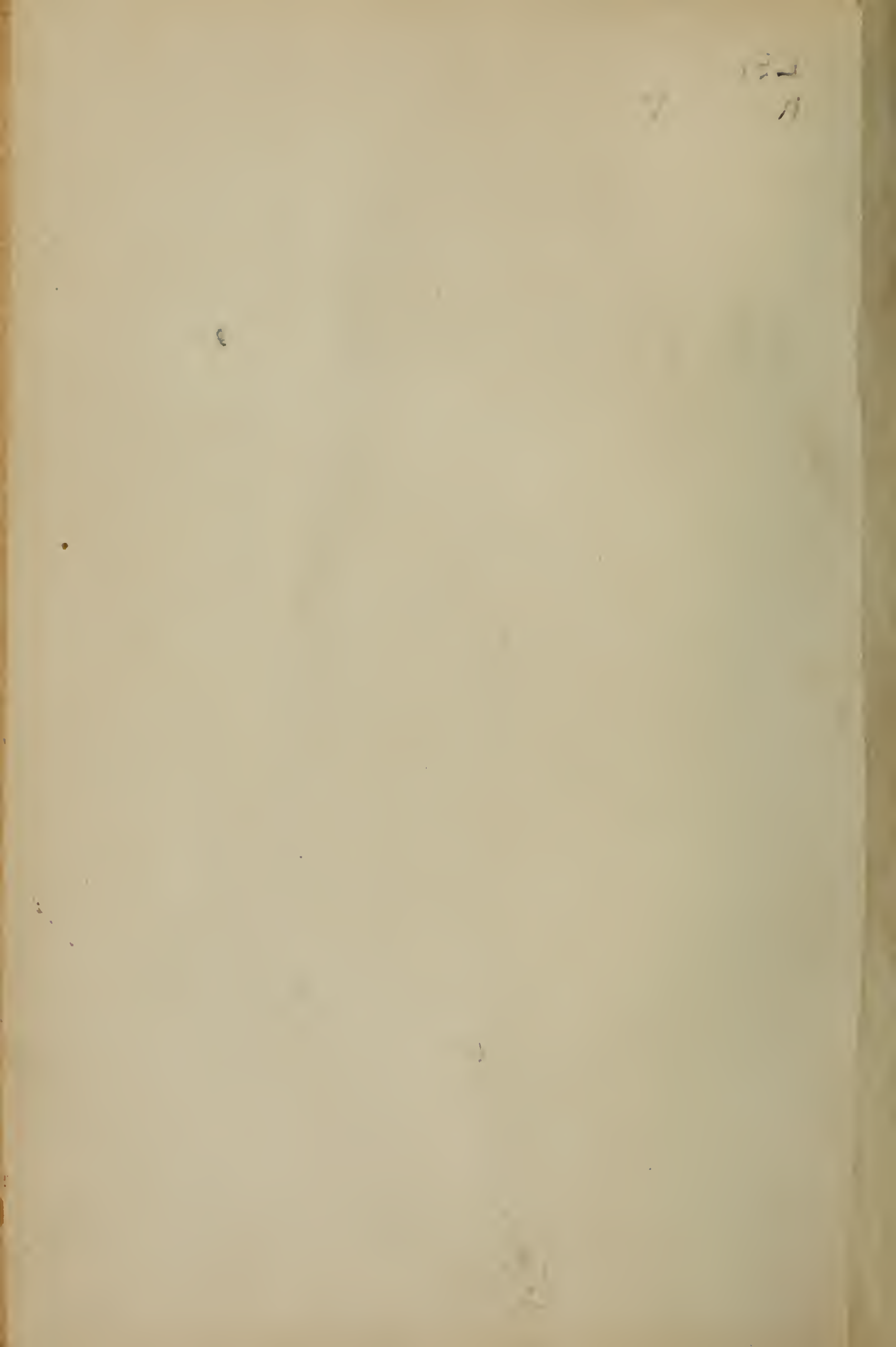


Гравировало у Ф А Брокгауза въ Лейпцигѣ

Иванъ Козловъ.

Дозволено Цензурою въ С.П.Б.

Печат. въ артистич. завед. А. Ф. Маркса въ С. Петербургѣ



СТИХОТВОРЕНІЯ

И. И. КОЗЛОВА.

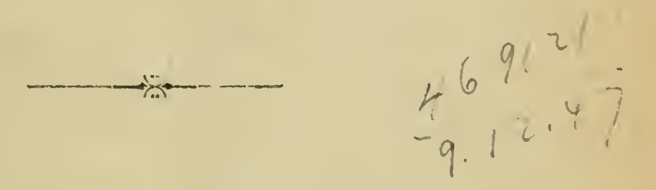
ИЗДАНІЕ ИСПРАВЛЕННОЕ

и

ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ

Арс. И. Введенскимъ.

Съ біографическимъ очеркомъ и съ портретомъ Козлова, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Маркса.
1892.

Дозволено цензурою. СПБ. 29 апрѣля 1892 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая въ свѣтъ, для обширнаго круга читателей, возможно полное собраніе произведеній И. И. Козлова, мы руководились мыслью—воскресить въ памяти потомства поэтическій образъ того, кто нѣкогда сильно повліялъ на русскую умственную жизнь и еще полстолѣтія назадъ вполнѣ заслуженно пользовался большою славою. Мы думаемъ, что поэзія Козлова, своими общечеловѣческими сторонами, еще не утратила своего значенія и понынѣ; но и помимо этого, уже одно историческое значеніе поэта, столь замѣчательнаго, обязываетъ русское читающее общество хранить о немъ благодарную память и изучать его произведенія. Ибо — недостоинъ будущаго тотъ народъ, который не умѣетъ цѣнить своего прошлаго.

Въ основаніе нашего изданія мы положили изданіе 1840 года, съ любовію и знаніемъ дѣла исполненное подъ руководствомъ В. А. Жуковскаго. Мы удержали и тотъ порядокъ стихотвореній, который имъ былъ принятъ. Со своей стороны мы внесли необходимыя исправленія въ текстъ стихотвореній и затѣмъ присоединили къ второй части, въ концѣ, многія, отысканныя нами въ старыхъ журналахъ и альманахахъ, стихотворенія Козлова, прежними отдѣльными изданіями пропущенныя.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ выразить искреннюю благодарность Л. Н. Майкову, В. П. Ламбину, В. И. Саитову и И. М. Болдакову, добрымъ совѣтамъ и указаніямъ которыхъ обязано многимъ настоящее изданіе.

А. В.

Иванъ Ивановичъ Козловъ.

Иванъ Ивановичъ Козловъ родился въ Москвѣ, 11 апрѣля 1779 года. Сынъ извѣстнаго Екатерининскаго статсъ-секретаря Ивана Ивановича и внукъ также Ивана Ивановича, капитана, командира у строенія судовъ въ Казани и члена Военной Коллегіи, Козловъ по происхожденію принадлежалъ къ высшему московскому обществу, и съ первыхъ же дней поставленъ былъ въ исключительно благопріятныя условія для служебной карьеры. Съ небольшимъ 5-ти лѣтъ, съ октября 1784 года, по тогдашему обыкновенію, онъ былъ уже зачисленъ въ Измайловскій гвардейскій полкъ сержантомъ, а 19 февраля 1795 года, когда ему не исполнилось еще и 16-ти лѣтъ, произведенъ въ прапорщики. Военная карьера его, впрочемъ, скоро скончилась; въ 1798 году онъ былъ отчисленъ къ штатскимъ дѣламъ, съ переименованіемъ въ губернскіе секретари, и съ 24 октября этого года, произведенный въ коллежскіе ассесоры, былъ зачисленъ въ канцелярію генералъ-прокурора, а въ слѣдующемъ году служилъ въ герольдіи. Въ 1807 году Козловъ находился въ канцеляріи Московскаго главнокомандующаго Тутолмина, гдѣ, 13 ноября этого года, получилъ уже чинъ надворнаго совѣтника.

Быстрые успѣхи по службѣ были, несомнѣнно, результатомъ и его выдающихся личныхъ качествъ и соединялись съ успѣхами въ московскомъ высшемъ обществѣ, гдѣ онъ вращался. Мать его, Анна Аполлоновна, урожденная Хомутова, родная тетка извѣстнаго атамана Хомутова, воспитывая сына дома, съумѣла дать ему прекрасное, по тому времени, разностороннее образованіе, а выдающійся умъ и поэтическое чувство, при привлекательной наружности, довершили остальное,—Козловъ былъ однимъ изъ блестящихъ молодыхъ людей того времени, всѣми любимый и уважаемый. Славный впослѣдствіи поэтъ В. А. Жуковскій, принявшій тогда на себя, вмѣстѣ съ проф. Каченовскимъ, изданіе *Вѣстника Европы*, основаннаго Карамзинымъ, отличилъ Козлова въ свѣтской толпѣ и подружился съ нимъ; дружба эта, не оставшаяся безъ вліянія на Козлова, связывала ихъ всю жизнь. Въ 1809 году Козловъ женился на дочери бригадира С. А. Давыдовой, отъ которой у него родились дочь и сынъ.

«Двѣнадцатый годъ» разрушилъ это мирное теченіе жизни Козлова. Съ 20 іюня по 30 августа онъ дѣятельно работалъ въ комитетѣ для образованія московской военной силы; но, уволенный вмѣстѣ со всѣми другими чиновниками отъ службы за три дня до вступленія Наполеона въ Москву, онъ уѣхалъ съ семьей въ Рыбинскъ къ роднымъ матери, Хомутовымъ. По изгнаніи французовъ изъ Россіи Козловъ не воротился въ разоренную Москву и, переѣхавъ въ Петербургъ, 24 іюля 1813 года получилъ мѣсто помощника столоначальника въ Департаментѣ Государственныхъ Имуществъ. Служба пошла и здѣсь удачно для Козлова; едва прошелъ годъ, какъ онъ, 7 октября 1814 года, получилъ уже чинъ коллежскаго совѣтника. Козлову предстояло видное служебное положеніе; но неожиданно, около 1818 года, его постигло страшное испытаніе: сначала параличъ лишилъ его ногъ, потомъ явилась слабость зрѣнія, постепенно увеличивавшаяся и, наконецъ, въ 1821 году превратившаяся въ окончательную слѣпоту.

Вся будущность Козлова, казалось, была разбита. Но въ это тяжелое время въ немъ вдругъ проснулись до тѣхъ поръ дремавшія поэтическія силы. Несомнѣнно, что литературныя влеченія всегда были сильны въ Козловѣ, но служба отвлекала его мысли отъ поэзіи. Теперь, на одрѣ болѣзни, онъ представилъ трогательное зрѣлище человѣка, среди невыносимыхъ страданій не потерявшаго энергіи и нашедшаго для себя новые пути жизни. Въ 1821 же году появилось въ печати его стихотвореніе «Къ Свѣтланѣ», за нимъ—посланіе «Поэту Жуковскому», «Байронъ» и т. д.; поэма «Чернецъ», напечатанная въ 1824 году, поставила имя Козлова на ряду съ лучшими поэтами того времени. Диктуя дочери свои произведенія, прослушивая и исправляя ихъ, онъ въ то же время дѣятельно занимался изученіемъ языковъ нѣмецкаго, англійскаго, польскаго, усовершенствованіемъ въ итальянскомъ (французскимъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ съ дѣтства); слушая лучшія произведенія Шиллера, Гёте, Байрона, Шекспира, Шатобріана, Мицкевича и т. д., почти заучивая ихъ, Козловъ находилъ въ нихъ неистощимый источникъ для своего вдохновенія.

Жуковскій, близкій свидѣтель жизни Козлова въ эту эпоху, говоритъ: «Глубоко проникнутый смиреніемъ христіанскимъ, онъ (Козловъ) переносилъ бѣдственную свою участь съ терпѣніемъ удивительнымъ—и Божій Промыслъ, пославшій ему тяжкое испытаніе, даровалъ ему въ то же время и великую отраду: поразивъ его болѣзнію, разлучившею его навсегда съ внѣшнимъ міромъ и со всѣми его радостями, столь намъ измѣняющими, от-

крылъ онъ помраченному взору его весь внутренній, разнообразный и неизмѣнчивый міръ поэзіи, озаренный вѣрою, очищенный страданіемъ. Имѣя память необыкновенную (великое счастіе для слѣпаго), Козловъ сохранилъ въ глубинѣ души все свое прошедшее; онъ жилъ имъ въ настоящемъ и до послѣдней минуты сберегъ всю свѣжесть и теплоту любящаго сердца. Несчастіе сдѣлало его поэтомъ—и годы страданій были самыми дѣятельными годами ума его. Знавши прежде совершенно французскій и итальянскій языки, онъ уже на одрѣ болѣзни, лишенный зрѣнія, выучился по-англійски и по-нѣмецки — и все, что прочиталъ онъ на сихъ языкахъ, осталось врѣзаннымъ въ его памяти: онъ зналъ наизусть всего Байрона, всѣ поэмы Вальтеръ-Скотта, лучшія мѣста изъ Шекспира, также какъ прежде всего Расина, Тасса и главныя мѣста изъ Данта. Но лучшимъ и самымъ постояннымъ утѣшеніемъ страдальческой его жизни было то, что онъ съ такою же вѣрностью могъ читать на память все Евангеліе и всѣ наши молитвы, столь спасительныя въ счастіи, столь отрадныя въ печали. Такимъ образомъ жизнь его, физически разрушенная, при безпрестанномъ, часто мучительномъ чувствѣ болѣзни, была раздѣлена между религіею и поэзіею, которыя цѣлебнымъ своимъ вдохновеніемъ заговаривали въ немъ и душевныя скорби, и тѣлесныя муки. Но онъ не былъ чуждъ и обыкновенной ежедневной жизни: все, что дѣлалось въ свѣтѣ, возбуждало его участіе— и онъ нерѣдко заботился о внѣшнемъ мірѣ съ какимъ-то ребяческимъ любопытствомъ».

Произведенія Козлова носили на себѣ, дѣйствительно, отпечатокъ его грустнаго положенія, глубокихъ чувствъ смиренія и покорности волѣ Божіей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ было такъ много общечеловѣческаго, соотвѣтствовавшаго общему настроенію умовъ и чувствъ того времени, когда онъ жилъ, что современники съ восторгомъ отзывались на поэтическія думы слѣпца-поэта. Извѣстно, что «Чернецъ» его еще до появленія въ печати разошелся въ рукописяхъ и заучивался наизусть. Нужно притомъ замѣтить, что поэма эта попала въ руки читателей не въ безплодную литературную эпоху, а въ то время, когда появлялся Пушкинскій «Евгеній Онѣгинъ» и распространялось въ рукописяхъ Грибоѣдовское «Горе отъ ума». На нее чутко отозвались всѣ живыя художественныя натуры русскаго общества того времени. Самъ Пушкинъ, при полученіи «Чернеца», написалъ Козлову слѣдующее стихотвореніе:

Пѣвецъ, когда передъ тобой
Во мглѣ сокрылся міръ земной,
Мгновенно твой проснулся геній,

На все минувшее воззрѣлъ
И въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.
О милый братъ, какіе звуки!
Въ слезахъ восторга внемлю имъ:
Небеснымъ пѣніемъ своимъ
Онъ усыпилъ земныя муки.
Ты въ немъ и видишь и летаешь,
Тебѣ онъ создалъ новый міръ:
И вновь живешь, и обнимаешь
Цвѣтущей юности кумиръ.
А я, коль стихъ единый мой
Тебѣ мгновенье далъ отрады,
Я не хочу другой награды:
Не даромъ темною стезей
Я проходилъ пустыню міра,
О нѣтъ, не даромъ жизнь и лира
Мнѣ были ввѣрены судьбой! *)

Поэтическая слава, окружавшая Козлова, внесла много утѣшенія въ его скорбную, страдальческую жизнь. Онъ еще болѣе сроднился и сдружился съ Жуковскимъ. Многіе замѣчательные люди той эпохи: А. Тургеневъ, Перовскій, Гнѣдичъ, Баратынскій, князь Вяземскій, Пушкинъ, Дельвигъ и проч. были дружны съ слѣпцомъ-поэтомъ и писали ему стихотворенія. Нерѣдко навѣщалъ поэта и велъ съ нимъ долгія бесѣды между прочимъ Мицкевичъ, жившій тогда въ Петербургѣ. Петербургское общество и иностранныя знаменитости литературы и искусствъ искали случая знакомиться съ Козловымъ, и каждый, чѣмъ могъ, старался облегчить его грустное положеніе. Въ бумагахъ Козлова остались многочисленныя доказательства дружескаго расположенія, которое вызывалъ Козловъ. Напечатанные въ приложеніи къ настоящему изданію англійскіе стихи Герейро и французскіе—виконта де-Ла-Буильери, написанные Козлову и переведенные вѣроятно имъ самимъ, такъ же какъ и стихотворенія русскихъ поэтовъ къ нему, служатъ слабымъ отголоскомъ симпатій къ слѣпцу-поэту.

Своимъ необыкновеннымъ вліяніемъ на русское читающее общество Козловъ обязанъ несомнѣнно тому, что въ «Чернецѣ» и слѣдовавшихъ поэмахъ онъ первый сильно и ярко отразилъ Байрона, вліяніе котораго все болѣе и болѣе распространялось тогда въ Россіи. Но помимо этого, не подлежитъ сомнѣнію и «самобытность замѣчательнаго таланта Козлова», говоря словами Бѣлинскаго. «Его талантъ — писалъ геніальный русскій критикъ—былъ выраженіемъ его души. Поэтому талантъ

*) Въ бумагахъ поэта стихотвореніе сохранилось именно въ этой редакціи, а не въ той, которая принята въ соч. Пушкина.

его тѣсно былъ связанъ съ его жизнью... Безъ потери зрѣнія Козловъ прожилъ бы весь вѣкъ, не подозрѣвая въ себѣ поэта. Ужасное несчастье заставило его познакомиться съ самимъ собою, заглянуть въ таинственное святилище души своей и открыть тамъ самородный ключъ поэтическаго вдохновенія. Несчастіе дало ему и содержаніе, и форму, и колоритъ для пѣсенъ, почему всѣ его произведенія однообразны, всѣ на одинъ тонъ. Таинство страданія, покорность волѣ Провидѣнія, надежда на лучшую жизнь за гробомъ, вѣра въ любовь, тихое уныніе, кроткая грусть—вотъ обычное содержаніе и колоритъ его вдохновеній. Присовокупите къ этому прекрасный, мелодическій стихъ — и муза Козлова охарактеризована вполнѣ».

Жизнью поэта-страдальца Козловъ прожилъ около 20 лѣтъ: онъ умеръ 30 января 1840 года. Вотъ какъ Жуковскій описываетъ его послѣдніе дни: «Съ той самой поры, въ которую параличъ лишилъ его и ногъ, и зрѣнія, физическія страданія его не только не умолкали, но, безпрестанно усиливаясь, въ послѣднее время нерѣдко доходили до крайней степени; они, однако, почти не имѣли вліянія на его душу, которая всегда ихъ побѣждала, а въ промежуткахъ спокойствія дѣйствовала съ юношескою свѣжестію. Только дней за десять до смерти сильныя страданія успокоились, но вмѣстѣ съ ними какъ будто заснула и душа. Смерть подошла къ нему тихимъ шагомъ; онъ забылся на рукахъ ея и жизнь его кончилась непримѣтно. До послѣдней минуты онъ сохранилъ свою память; но связи уже не было въ его мысляхъ. Переставъ страдать, онъ чувствовалъ безпрестанно какое-то безпокойство, поминутно требовалъ къ себѣ жену, дочь и сына: чего-то у нихъ просилъ, успокоивался, получивъ отъ нихъ отвѣтъ, и черезъ минуту опять ихъ кликалъ. Однажды, услышавъ мой голосъ, онъ подозвалъ меня, прочиталъ мнѣ стихъ: «и мертвый страшенъ былъ лицомъ!» и прибавилъ: «вотъ что ты завтра здѣсь увидишь». Въ послѣдніе два дня онъ не могъ уже и говорить; наконецъ мало-по-малу овладѣлъ имъ сонъ смертный».

Козловъ похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ въ Петербургѣ, недалеко отъ могилы Карамзина, гдѣ позже рядомъ съ нимъ навѣки почилъ и его другъ, Жуковскій, въ посланіи которому онъ съ такою силою изобразилъ свою жизнь, полную страданій и поэтическихъ стремленій.

А. В.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Стихотворенія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЧЕРНЕЦЪ.

КІЕВСКАЯ ПОВѢСТЬ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Прекрасный другъ минувшихъ, свѣтлыхъ дней,
Надежный другъ дней мрачныхъ и тяжелыхъ,
Вина всѣхъ думъ, и грустныхъ, и веселыхъ,
Моя жена и мать моихъ дѣтей!
Вотъ пѣснь моя, которой звукъ унылой,
Бывало, въ часъ безсонницы ночной,
Какою-то невидимою силой
Меня плѣнялъ и духъ тревожилъ мой!
О, сколько разъ я плакалъ надъ струнами,
Когда я пѣлъ страданье Чернеца,
И скорбь души, обманутой мечтами,
И пылъ страстей, волнующихъ сердца!
Моя душа сжилась съ его душою:
Я съ нимъ бродилъ во тьмѣ чужихъ лѣсовъ;
Съ его родныхъ Днѣпровскихъ береговъ
Мнѣ вѣяло знакомою тоскою.
Быть-можетъ, мнѣ такъ сладко не мечтать;
Быть-можетъ, мнѣ такъ стройно не пѣвать! —
Какъ мой Чернецъ, всѣ страсти молодыя
Въ груди моей давно я схоронилъ;
И я, какъ онъ, всѣ радости земныя
Небесною надеждой замѣнилъ.
Не зрѣть мнѣ дня съ зарями золотыми,
Ни розъ весны, ни сердцу милыхъ лицъ!

И въ цвѣтѣ лѣтъ ужъ я между живыми
Тѣнь хладная безчувственныхъ гробницъ.
Но я стремлю, встревоженъ тяжкой мглою,
Мятежный рой сердечныхъ думъ моихъ
На двухъ дѣтей. взлелѣянныхъ тобою,
И на тебя, почти милѣй мнѣ ихъ.
Я въ васъ живу, — и сладко мнѣ мечтанье!
Всегда со мной мое очарованье.
Такъ въ темну ночь цвѣтокъ, краса полей,
Свой запахъ льетъ, незримый для очей.
С.-Петербургъ,
17 сентября 1824 года.

I.

За Кіевомъ, гдѣ Днѣпръ широкой
Въ крутыхъ брегахъ кипитъ, шумитъ,
У рощи на горѣ высокой
Обитель иноковъ стоитъ;
Вокругъ нея стѣна съ зубцами,
Четыре башни по угламъ,
И посрединѣ Божій храмъ
Съ позолоченными главами;
Рядъ келій, темный переходъ,
Часовня у святыхъ воротъ
Съ чудотворящею иконой,
И подлѣ ключъ воды студеной
Журчитъ цѣлительной струей
Подъ тѣнью липы вѣковой.

II.

Вечерній мракъ въ туманномъ полѣ;
Заря ужъ гаснетъ въ небесахъ;
Не слышно пѣсенъ на лугахъ;
Въ долинахъ стадъ не видно болѣ;
Ни рогъ въ лѣсу не затрубитъ,
Никто не пройдетъ, — лишь порою
Чуть колокольчикъ прозвенитъ
Вдали дорогой столбовою;
И на Днѣпрѣ у рыбаковъ
Ужъ нѣтъ на лодкахъ огоньковъ;
Взошелъ и мѣсяцъ полуночный,
И звѣзды яркія горятъ;
Поляны, рощи, вòды спятъ;
Пробилъ на башнѣ часъ урочный;

Обитель въ сонъ погружена;
Повсюду миръ и тишина.
Въ далекой кельѣ лучъ лампадный
Едва блеститъ: и въ кельѣ той
Кончаетъ вѣкъ свой безотрадный
Чернецъ, страдалецъ молодой.
Утраты, страсти и печали
Свой знакъ ужасный начертали
На пасмурномъ его челѣ;
Гроза въ сердечной глубинѣ,
Судьба его покрыта тьмою:
Откуда онъ, и кто такой?—
Не знаютъ. Но, въ враждѣ съ собой.
Онъ мучимъ тайной роковою.
Разъ ночью, въ бурю онъ пришелъ;
Съ тѣхъ поръ въ обители остался,
Жизнь иноковъ печально велъ,
Дичился всѣхъ, отъ всѣхъ скрывался;
Его видъ чудный всѣхъ страшилъ.
Чернецъ ни съ кѣмъ не говорилъ:
Но въ глубинѣ души унылой
Ужасное замѣтно было.
Въ торжественный молитвы часъ
И онъ пѣвалъ хвалебный гласъ...
Но часто вопли тяжкой муки
Святые прерывали звуки!
Бывало, онъ, во тьмѣ ночей,
Покоя въ кельѣ не находитъ,
И въ длинной мантіи своей
Между могилъ, какъ призракъ, бродитъ; —
Теперь недвижимъ, ждетъ конца:
Недугъ терзаетъ Чернеца.

III.

Предъ нимъ, со взоромъ умиленья,
Держалъ игуменъ крестъ спасенья.—
И тяжко страждущій вздыхалъ:
Онъ пламенѣлъ, онъ трепеталъ,
Онъ дважды тихо приподнялся,
Онъ дважды рѣчь начать старался;
Казалось, нѣкій грозный сонъ
Воспоминать страшился онъ,
И робко, дико озирался.

Чернецъ, Чернецъ. ужели ты
Все помнишь прежнія мечты...
Но превозмогъ онъ страхъ могилы,
Зажглися гаснущія силы;
Онъ старца за руку схватилъ,
И такъ страдалецъ говорилъ:

IV.

«Отецъ! межъ васъ пришлецъ угрюмый,
Быть-можетъ, я моей тоской
Смущалъ спасительныя думы
И миръ обители святой.
Вотъ тайна: дней моихъ весною
Ужъ я все горе жизни зналъ;
Я взросъ бездомнымъ сиротою,
Родимой ласки не видалъ;
Веселья дѣтства пролетали,
Едва касаясь до меня;
Когда ровесники играли,
Уже задумывался я;
Огонь, и чистый, и прекрасный,
Въ груди младой пылалъ напрасно:
Мнѣ было не кого любить!
Увы! я долженъ былъ таить,
Страшась холоднаго презрѣнья
Отъ непривѣтливыхъ людей,
И сердца пылкаго волненья,
И первый жаръ души моей;
Уныло расцвѣтала младость,
Смотрѣлъ я съ дикостью на свѣтъ,
Не зналъ я, что такое радость;
Отъ самыхъ отроческихъ лѣтъ
Ни съ кѣмъ любви не раздѣляя,
Жилъ нелюдимо въ тишинѣ,—
И жизнь суровая, простая
Отрадною казалась мнѣ.
Любилъ я по лѣсамъ скитаться,
День цѣлый за звѣрьми гоняться,
Широкій Днѣпръ переплывать,
Любилъ опасностью играть,
Надъ жизнью дерзостно смѣяться,
Мнѣ было нечего терять,
Мнѣ было не съ кѣмъ разставаться.

V.

Но вскорѣ съ Невскихъ береговъ
Покрытый воинъ сѣдинами
Пріѣхалъ вѣкъ дожить межъ нами,
Подъ тѣнью отческихъ дубровъ.
Онъ жилъ въ селѣ своемъ съ женою,
И съ ними дочь въ семнадцать лѣтъ...
О, старецъ! гробъ передо мною...
Во взорахъ тмится Божій свѣтъ...
Ея давно ужъ въ мірѣ нѣтъ...
Но ею все живу одною...
Она одна въ моихъ мечтахъ,
И на землѣ, и въ небесахъ...
Отецъ святой, теперь напрасно
О ней тебѣ подробно знать;
Я не хочу ее назвать...
Молился только о несчастной;
Случайно насъ судьба свела!
Ея красы меня плѣнили!
Она мнѣ сердце отдала, —
И мать съ отцомъ насъ обручили.
Уже налой съ вѣнцами ждалъ!
Все горе прежнее въ забвеньи, —
И я въ сердечномъ упоеньи,
Дивясь, Творца благословлялъ.
Давно-ль, печально увядая,
Была мнѣ въ тягость жизнь младая?
Давно ли духъ томился мой,
Убитый хладною тоской?
И вдругъ дано мнѣ небесами
И жить, и чувствовать вполнѣ,
И плакать сладкими слезами,
И видѣть радость не во снѣ;
Съ какой невинностью святою
Она, пылающей душою,
Лила блаженство на меня;
И кто изъ смертныхъ подъ луною
Такъ могъ любить ее, какъ я?
Сбылося въ ней мое мечтанье,
Весь тайный міръ души моей, —
И я, любви ея созданье,
И я воскресъ любовью къ ней!

VI.

Но снова рокъ ожесточился;
Я снова обреченъ бѣдамъ.
Какой-то вдругъ, на гибель намъ,
Далекій родственникъ явился:
Онъ польскихъ войскъ хорунжій былъ;
Злодѣй, онъ чести измѣнилъ!
Онъ прежде самъ коварно льстился
Съ ней въ бракъ насильственно вступить,
Хотѣлъ ограбить, притѣснить, —
И презрѣнъ былъ, и только мщенья
Искалъ, съ улыбкой примиренья.
О, мой отецъ! сердечный жаръ
Благихъ небесъ высокій даръ.
Нѣтъ, не горитъ огонь священной
Въ душѣ, порокомъ омраченной.
Не видно звѣздъ въ туманной мглѣ:
Любовь—святое на землѣ.
Ему-ль любить!.. Но, ахъ, судьбою
Намъ съ нашей матерью родною
Была разлука суждена!
Она внезапно сражена
Недугомъ тяжкимъ... мы рыдали,
Мы одръ съ молитвой окружали;
Насталъ неизбѣжимый часъ:
Родная скрылася отъ насъ.
Еще теперь передъ очами,
Какъ въ страшную разлуки ночь
Теплѣйшей вѣры со слезами
Свою рыдающую дочь
Земная мать благословляла,
И, взявъ дрожащею рукой
Пречистой Дѣвы ликъ святой,
Ее Небесной поручала.
Съ кончиной матери, смѣлѣй
Сталъ мстить неистовый злодѣй:
Онъ клеветалъ; уловкой злою
Онъ слабой овладѣлъ душою, —
И старецъ слову измѣнилъ:
Желанный бракъ разрушенъ былъ.
Обманутъ низкой клеветою,
Онъ мнилъ, безжалостный отецъ,

Что узы пламенныхъ сердецъ
Могъ разорвать; и дочь младая,
Его колѣна обнимая,
Вотще лила потоки слезъ;
Но я ни гнѣва, ни угрозъ,
Ни мщенья ихъ не убоялся,
Презрѣлъ злодѣя, дочь увёзъ
И съ нею тайно обвѣнчался.

VII.

Быть-можетъ, ты, отецъ святой,
Меня за дерзость обвиняешь;
Но, старецъ праведный, не знаешь,
Не зналъ ты страсти роковой.
Ты видишь сердца трепетанья,
И смертный хладъ, и жаръ дыханья,
И блѣдный ликъ, и мутный взоръ,
Мое безумье, мой позоръ,
И грѣхъ, и кровь,—вотъ пламень страстный!
Моей любви вотъ слѣдъ ужасный!
Но будь мой рокъ еще страшнѣй:
Она была... была моей!
О, какъ мы съ нею жизнь дѣлили!
Какъ, утѣсненные судьбой,
Найдя въ себѣ весь міръ земной,
Другъ друга пламенно любили!
Живою нѣжностью мила,
Въ тоскѣ задумчивой милѣе,
На радость мнѣ она цвѣла;
При ней душа была свѣтлѣе.
Промчался годъ прелестнымъ сномъ,
Ужъ мнилъ я скоро быть отцомъ;
Мы сладко въ будущемъ мечтали
И оба вмѣстѣ уповали:
Родитель гнѣвный намъ проститъ.
Но злоба алчная не спитъ:
Въ опасный часъ къ намъ вѣсть несется,
Что вся надежда отнята,
Что дочь отцомъ ужъ проклята...
Обманъ ужасный удается —
Злодѣй несчастную убилъ:
Я мать съ младенцемъ схоронилъ.
И я... Творецъ!.. надъ той могилой,

Гдѣ легъ мой сынъ съ подругой милой,
Стоялъ, — и живъ!..
Отецъ святой!
Ка̀къ было что̀ потомъ со мною,
Не знаю: вдругъ какой-то тьмою
Былъ омраченъ разсудокъ мой;
Лишь помню, что, большой дорогой,
И день и ночь скитаясь, я
Упалъ; когда-жъ вошелъ въ себя,
Лежалъ ужъ въ хижинѣ убогой,
Безъ чувства бѣдъ моихъ, безъ силъ;
Я жизнь страданьемъ пережилъ,
И въ сердцѣ замерло волненье;
Не скорбь, но страхъ и удивленье
Являло томное лицо;
Въ душѣ все прежнее уснуло;
Но невзначай въ глаза мелькнуло
Мое вѣнчальное кольцо. . . .
. . . .

VIII.

Я бросилъ край нашъ опустѣлой;
Одинъ, въ отчаяньи, въ слезахъ,
Блуждалъ, съ душой осиротѣлой,
Въ далекихъ дебряхъ и лѣсахъ.
Мой стонъ, мой вопль, мои укоры
Ущелья мрачныя и горы
Внимали съ ужасомъ семь лѣтъ.
Угрюмый, скорбный, одичалой
Терзался я мечтой бывалой;
Рыдалъ о томъ, чего ужъ нѣтъ.
Ночная тѣнь, потокъ нагорной,
И бури свистъ, и вѣтровъ вой
Сливались втайнѣ съ думой черной,
Съ неутолимою тоской;
И горе было наслажденьемъ,
Святымъ остаткомъ прежнихъ дней;
Казалось мнѣ, моимъ мученьемъ
Я не совсѣмъ разстался съ ней.

IX.

Гдѣ сердце любитъ, гдѣ страдаетъ,
И милосердый Богъ нашъ тамъ:

Онъ крестъ даетъ, и Онъ же намъ
Въ крестѣ надежду посылаетъ.
Чрезъ семь тяжелыхъ, грозныхъ лѣтъ
Блеснулъ и мнѣ отрадный свѣтъ.
Однажды я, ночной порою,
Сидѣлъ уныло надъ рѣкою;
И неба огнезвѣздный сводъ,
И тихое луны мерцанье,
И говоръ листьевъ, и плесканье
Луной осеребренныхъ водъ—
Невольно душу все плѣняло,
Все въ міръ блаженства увлекало
Своей таинственной красой.
Проснулся духъ мой сокрушенной:
«Творецъ всего! младенецъ мой
Съ моей подругой незабвенной
Живутъ въ странѣ Твоей святой;
И, можетъ-быть, я буду съ ними,
И тамъ они навѣкъ моими!..»
Любви понятны чудеса:
Съ какимъ-то тайнымъ ожиданьемъ
Дрожало сердце упованьемъ;
Я поднялъ взоръ на небеса,
Дерзалъ ихъ вопрошать слезами...
И, мнилось, мнѣ въ отвѣтъ былъ данъ
Сей безмятежный океанъ
Съ его нетлѣнными звѣздами.
Съ тѣхъ поръ я въ бѣдствіи самомъ
Нашелъ, отецъ мой, утѣшенье,
И тяжкимъ уповалъ крестомъ
Съ ней выстрадать соединенье.
Еще, бывало, слезы лью,
Но ихъ надежда услаждала,
И горесть тихая смѣняла
Печаль суровую мою.
Забылъ я, вѣрой пламенѣя,
Мое несчастье и злодѣя:
Она съ младенцемъ въ небесахъ
Мечталась сердцу въ райскихъ снахъ.
Я къ ней душою возносился,—
И мысль однимъ была полна:
Желалъ быть чистымъ, какъ она,
И съ жизнью радостно простился;

Но умереть хотѣлось мнѣ
Въ моей родимой сторонѣ.
Я сталъ скучать въ горахъ чужбины:
На рощи наши, на долины
Хотѣлъ послѣдній бросить взглядъ,
Увидѣть край, весь ею полный,
И сельскій домикъ нашъ, и садъ,
И синія Днѣпровски волны,
И церковь на холмѣ, гдѣ спитъ
Въ тѣни березъ ихъ пепелъ милой,
И какъ надъ тихою могилой
Заря вечерняя горитъ.

X.

Ахъ, что сбылось съ моей душою,
Когда въ святой красѣ своей
Вдругъ видъ открылся предо мною
Родимыхъ Кіевскихъ полей!
Они, какъ прежде, зеленѣли,
Волнами такъ же Днѣпръ шумѣлъ,
Все тотъ же лѣсъ вдали темнѣлъ,
На жнивахъ тѣ же пѣсни пѣли,
И такъ же все въ странѣ родной,
А нѣтъ лишь тамъ ея одной!
Вездѣ знакомыя долины,
Ручьи, пригорки и равнины,
Въ прелестной, милой тишинѣ,
Со всѣхъ сторонъ являлись мнѣ
Съ моими свѣтлыми годами;
Но съ отравленною душой,
На родинѣ пришлецъ чужой,
Я ихъ привѣтствовалъ слезами
И безотрадною тоской.
Я шелъ; день къ вечеру склонялся;
И скоро сельскій Божій храмъ
Предсталъ испуганнымъ очамъ;
И внѣ себя я приближался
Къ могилѣ той, гдѣ сынъ, жена...
Вся жизнь моя погребена.
Я чуть ступалъ, какъ бы страшился
Прервать ихъ непробудный сонъ;
Въ груди стѣснялъ мой тяжкій стонъ,
Чтобъ ихъ покой не возмутился;

Страстямъ встревоженнымъ своимъ
Не смѣлъ вдаваться духъ унылой;
Казалось мнѣ, надъ ихъ могилой
Дышалъ я воздухомъ святымъ.
Творилось дивное со мною,
И я съ надеждой неземною
Колѣна тихо преклонилъ,
Молился, плакалъ и любилъ...
Вдругъ слышу шорохъ за кустами;
Гляжу, что жъ взоръ встрѣчаетъ мой?
Жнеца съ подругой молодой,
И возъ, накладенный снопами;
И вижу я, между сноповъ,
Сидитъ въ вѣнкѣ изъ васильковъ
Младенецъ съ алыми щеками.
Невольно я затрепеталъ:
«Я все имѣлъ, все потерялъ,
Намъ не дали жить другъ для друга,
Въ сырой землѣ моя подруга,
И не въ цвѣтахъ младенецъ мой;
Его червь точитъ гробовой».
Въ слезахъ тогда къ нимъ на могилу
Безъ памяти бросаюсь я;
Горѣло сердце у меня;
Тоска души убила силу.
Цѣлуя дернъ, я разрывалъ
Руками жадными моими
Ту землю, гдѣ я легъ бы съ ними;
Въ безумствѣ дикомъ я роптал;
Мнѣ что-то страшное мечталось;
Едва дышалъ я, въ мутной тьмѣ
Сливалось все, какъ въ тяжкомъ снѣ;
Ужъ чувство жизни пресѣкалось,
И я лежалъ между гробовъ
Мертвѣй холодныхъ мертвецовъ.
Но свѣжій воздухъ, влажность ночи
Страдальца вновь животворятъ;
Вздохнула грудь, открылись очи,
Кругомъ бродилъ мой томный взглядъ:
Все было тихо, скрыто мглою,
Въ туманѣ мѣсяцъ чуть свѣтилъ,
И лишь могильною травою
Полночный вѣтеръ шевелилъ.

XI.

Я всталъ, и скорыми шагами
Пошелъ съ потупленной главой
Черезъ поляну; за кустами
Вилась дорога подъ горой;
Почти безъ памяти, безъ цѣли,
Я шелъ, куда глаза глядѣли;
Изъ-за кустовъ навстрѣчу мнѣ
Несется кто-то на конѣ.
Не знаю самъ, какой судьбою,
Но вдругъ... я вижу предъ собою,
При блескѣ трепетномъ луны,
Убійцу сына и жены.
Отецъ, то встрѣча роковая!
Я шелъ, весь міръ позабывая;
Не думалъ я его искать,
Я не хотѣлъ ему отмщать;
Но онъ, виновникъ разлученья,
Онъ тамъ, гдѣ милые въ гробахъ,
Когда еще въ моихъ очахъ
Дрожали слезы изступленья...
То знаетъ совѣсть, видитъ Богъ;
Хотѣлъ простить, простить не могъ.
Я измѣнилъ святой надеждѣ,
Я вспомнилъ все, что было прежде,
И за узду схватилъ коня:
«Злодѣй, узналъ ли ты меня?»
Онъ робко смотритъ, онъ дивится,
Онъ саблю обнажить стремится;
Увы! со мною былъ кинжалъ...
И онъ въ крови съ коня упалъ.
Тогда еще не разсвѣтало;
Я внѣ себя иду назадъ;
И рощи, и поля молчатъ,
Передъ зарею все дремало,
Лишь несся гулъ издалека,
Какъ конь скакалъ безъ сѣдока,
Безчувственно я удалялся.
Все, что сбылось, казалось мнѣ
Какъ что-то страшное во снѣ.
Вдругъ звонъ къ заутренѣ раздался...
Огнями свѣтлый храмъ сіялъ,

А небо вѣчными звѣздами,
И лунный свѣтъ осеребрялъ
Могилы тихія съ крестами;
Призывный колоколъ звенѣлъ;
А я стоялъ, а я смотрѣлъ,
Я въ свѣтлый храмъ идти не смѣлъ...
«О чемъ теперь, и какъ молиться?
Чего мнѣ ждать у алтарей?
Мнѣ-ль уповать навѣки съ ней
Въ святой любви соединиться?
Какъ непорочность сочетать
Убійцы съ буйными страстями?
Какъ въ небѣ Ангела обнять
Окровавленными руками?»

XII.

Въ обитель вашу я вступилъ,
Искалъ я слезъ и покаянья;
Увы, я, грѣшный, погубилъ
Святыя сердца упованья!
Бывало, бѣдствіе мое
Я вѣрой услаждалъ всечасно;
Теперь—до гроба жить ужасно!
За гробомъ—вѣчность безъ нее!
Я мнилъ, отецъ мой, между вами
Небесный гнѣвъ смягчать слезами;
Я мнилъ, что постъ, молитва, трудъ
Винѣ прощенье обрѣтутъ;
Но и въ обители спасенья
Я слышу бурь знакомый шумъ;
Проснулись прежнія волненья,
И сердце полно прежнихъ думъ.
Вездѣ, отчаяньемъ томимый,
Я вижу ликъ неотразимый;
Она въ умѣ, она въ рѣчахъ,
Она въ моленьи на устахъ;
Къ ней сердце пылкое стремится,
Но тѣнь священную боится
На лонѣ мира возмутить.
О, вѣрь, необагренный кровью,
Дышалъ я чистою любовью,
Умѣлъ земное позабыть:
Я въ небесахъ съ ней думалъ жить!

Теперь, какъ гибельнымъ ударомъ
И тамъ я съ нею разлученъ,
Опять горю безумнымъ жаромъ,
Тоскою дикой омраченъ.
Здѣсь на соломѣ, въ кельѣ хладной,
Не предъ крестомъ я слезы лью;
Я вяну, мучуся, люблю,
Въ печали сохну безотрадной;
Весь ядъ, все бѣшенство страстей
Кипятъ опять въ груди моей,
И, жертва буйнаго страданья,
Мои преступныя рыданья
Тревожатъ таинство ночей.

XIII.

Вчера—бьетъ полночь—страхъ могилы
Послѣднія разрушилъ силы,
И предъ иконою святой
Съ непостижимою тоской
Я изливалъ мои страданья;
Я Милосердаго молилъ,
Чтобъ грѣхъ кровавый мнѣ простилъ,
Чтобъ принялъ слезы покаянья.
Вдругъ что-то, свыше осѣня,
Какъ будто душу озарило
И тайной святостью страшило,
Отецъ мой, грѣшнаго меня.
Лампада лучъ дрожащій, блѣдной
Бросала томно въ кельѣ бѣдной.
Покрыта бѣлой пеленой,
Она предстала предо мной,
И черныя горѣли очи
Ярчѣе звѣздъ осенней ночи.
О, нѣтъ, то былъ не призракъ сна
И не обманъ воображенья!
Святой отецъ, къ чему сомнѣнья!
Съ нея слетѣла пелена,
И то была, повѣрь... она!
Она, прелестная, младая!
Ея улыбка неземная!
И кудри темныя съ чела
На грудь лилейную бѣжали,
И, мнилось мнѣ, ея уста

Былое, милое шептали;
Все та-жъ любовь въ ея очахъ
И нашъ младенецъ на рукахъ.
«Она!.. прощенъ я небесами!»
И слезы хлынули ручьями.
Я внѣ себя бросаюсь къ ней,
Схватилъ, прижалъ къ груди моей...
Но сердце у нея не бьется,
Молчитъ плѣнительная тѣнь;
Неумолимая несется
Опять въ таинственную сѣнь:
И руки жадныя дрожали,
И только воздухъ обнимали;
Мечтой обмануты, онѣ
Къ груди прижалися однѣ.
«Ужель отринуты моленья?
Ужель ты вѣстникъ отверженья?
Или, въ ужасный, смертный часъ,
Моя все вѣрная подруга,
Хотѣла ты въ послѣдній разъ
Взглянуть на гибнущаго друга?..»
И съ ложа на колѣна палъ
Чернецъ; и замеръ голосъ муки;
Взоръ оживился, засверкалъ;
Къ чему-то вдругъ простеръ онъ руки,
Какъ изступленный закричалъ:
«Ты здѣсь опять!.. конецъ разлуки!
Зовешь!.. моя!.. всегда!.. вездѣ!..
О, какъ свѣтла!.. къ нему!.. къ тебѣ!..»

XIV.

Два дня, двѣ ночи онъ томился,
И горько плакалъ, и молился;
На третью ночь отецъ святой
Обитель мирную сзываетъ;
Послѣдній часъ уже летаетъ
Надъ юной, грѣшною главой.
И въ келью брата со свѣчами
Соборомъ иноки вошли,
И бѣлый саванъ принесли...
И гробъ досчатый за дверями.
Печаленъ былъ ихъ томный гласъ,
За упокой души молящихъ;

Печаленъ видъ ихъ черныхъ рясъ
При тускломъ блескѣ свѣчъ горящихъ.
Прочитана святымъ отцомъ
Отходная надъ чернецомъ.
Когда-жъ минута роковая
Пресѣкла горестный удѣлъ,
Онъ, тлѣнный прахъ благословляя,
Ударить въ колоколъ велѣлъ...
И звонъ трикратно раздается
Надъ полуночною волной,
И объ усопшемъ вѣсть несется
Далеко зыбкою рѣкой.
Въ пещеру вѣщій звонъ домчался,
Гдѣ схимникъ праведный спасался:
«Покойникъ!» старецъ прошепталъ,
Открылъ налой, и четки взялъ;
У рыбаковъ сонъ безмятежной
Имъ прерванъ въ хижинѣ прибрежной.
Грудной младенецъ сталъ кричать;
Его креститъ спросонья мать,
Творить молитву начинаетъ,
И тихо колыбель качаетъ,
И передъ тлѣющимъ огнемъ
Опять уснула крѣпкимъ сномъ.
И черезъ поле той порою
Шелъ путникъ съ милою женою;
Они свой ужасъ въ темну ночь
Веселой пѣснью гнали прочь:
Они, лишь звоны раздалися,—
Перекрестились, обнялися,
Пошли грустнѣй рука съ рукой...
И звукъ утихъ во тьмѣ ночной.



КЪ ДРУГУ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

(По возвращеніи его изъ путешествія).

Опять ты здѣсь! опять судьбою
Дано мнѣ вмѣстѣ быть съ тобою,
И взоръ хотя потухшій мой
Ужъ взоровъ друга не встрѣчаетъ,
Но сердцу внятный голосъ твой
Глубоко въ душу проникаетъ.
О, долго въ дальней сторонѣ
Ты зажился, нашъ путникъ милый!
И сей разлуки годъ унылый,
Мой другъ, былъ чернымъ годомъ мнѣ!
Но я любить не разучился,
Друзей моихъ не забывалъ,
Отъ нихъ нигдѣ не отставалъ
И часто мысленно носился
Съ тобою выше облаковъ,
Въ странѣ, гдѣ посреди снѣговъ
Весна роскошно зеленѣетъ,
Гдѣ виноградъ душистый рдѣетъ,
Дубровы мирныя шумятъ,
Луга красуются цвѣтами,
И вѣковые льды горятъ
Небесной радуги огнями.
И часто, часто я съ тобой
Альпійскихъ вѣтровъ слушалъ вой,
И мрачныхъ соснъ суровый ропотъ,
И тайный ихъ полночный шопотъ,—
Смотрѣлъ, какъ съ горъ потокъ тамъ бьетъ
И грохотъ въ рощахъ раздается;
Здѣсь, рухнувъ, лавина падетъ,
Чрезъ села страшный путь беретъ
И лавой снѣжною несется.
Но видъ угрюмой красоты
Отъ сердца гонитъ прочь мечты—
И насъ въ священный трепетъ вводитъ.
Бывало, чаще въ мысль приходитъ,
Когда ужъ мѣсяцъ надъ рѣкой,
Что другъ вечернею порой
Въ раздумьи по долинамъ бродитъ,
Плыветъ по тихимъ озерамъ
И, къ синимъ ихъ склоненъ струямъ,

Въ часы сердечнаго мечтанья,
Чужимъ передаетъ волнамъ
Родимыхъ волнъ воспоминанья
И дальнихъ милыхъ тѣхъ полей,
Гдѣ онъ въ безпечности своей
Жизнь встрѣтилъ, счастью довѣряясь,
Когда надежда, улыбаясь,
Тропинкой призраковъ вела:
Тамъ онъ лелѣялъ грусть и радость,
И въ вдохновеньяхъ тамъ цвѣла
Его задумчивая младость.
И кто-жъ весну свою забылъ?
Кто не живетъ воспоминаньемъ?
И я его очарованьемъ
Бываю менѣе унылъ.
Улыбку иногда встрѣчаю
И, весь въ минувшемъ, забываю,
Какъ въ непреклонности своей
Судьба карать меня умѣетъ,—
И память прежнихъ свѣтлыхъ дней
Тоской отрадною мнѣ вѣетъ:
И я, мой другъ, и я мечталъ!
Я видѣлъ сонъ любви и счастья,
Я свято сердцемъ уповалъ,
Что нѣтъ подъ небомъ имъ ненастья;
Съ зарей, ты знаешь, юныхъ дней,
Плѣненъ любимою мечтою,
Стремился я за ней одною,
И безъ нея мнѣ бѣлый свѣтъ
Казался степью лишь пустою;
Съ душой, наполненной огнемъ,
Я волнъ и бурь не устрашился,—
И въ легкомъ челнокѣ моемъ
Отважно по морю пустился.
Меня манилъ надежды лучъ,
И, какъ гроза ни бунтовала,
Мнѣ изъ-за гнѣвныхъ черныхъ тучъ
Звѣзда привѣтная сіяла:
Что сердцу снилось, все сбылось!
Ахъ, для чего же молодое,
Мое ты счастье золотое,
Такъ быстро, быстро пронеслось!
Иль видно, другъ, сказать съ тобою:

Не у меня ему гостить!
Такъ мы слыхали, что порою
Случайно птичка залетитъ
Отъ южныхъ острововъ прекрасныхъ
Въ страну дней мрачныхъ и ненастныхъ,
Гдѣ дикій долъ и темный лѣсъ
Не зрѣли голубыхъ небесъ,
И тамъ эѳирною красою,
И пѣнья нѣжностью простою
Угрюмый боръ развеселитъ,
Минутной нѣгой подаритъ!..
Но край, гдѣ буря обитаетъ,
Ей не родная сторона:
И, лишь залетная, она
Мелькнетъ, прельститъ и улетаетъ.
Пять разъ зеленыя поля
Весна цвѣтами обновляла
Съ тѣхъ поръ, какъ, другъ, она меня
Въ тѣнистыхъ рощахъ не видала.
Пять цѣлыхъ лѣтъ, въ борьбѣ страстей,
Въ страданьяхъ, горемъ я томился;
Окованъ злой судьбой моей,
Во цвѣтѣ лѣтъ ужъ я лишился
Всего, что въ мірѣ насъ манитъ,
Всего, что радость намъ сулитъ.
Могу-ли усыпать цвѣтами
Жизнь той, кѣмъ жизнь моя цвѣла,
Которая въ груди зажгла
Пылъ страстный райскими мечтами,-
И въ даль туманную со мной
Шла радостно рука съ рукой!..
Мой другъ, простясь съ очарованьемъ
Душою быть семьи своей,
Щитомъ, отрадой, упованьемъ
Подруги милой и дѣтей,
Уже дружился я съ тоскою,
Забылъ себя, сталъ ими жить,
Умѣлъ ихъ окружить собою,
Въ одно мои всѣ чувства слить,
Любовью счастье замѣнить...
Но что-жъ!.. и Божій свѣтъ скрываться
Вдругъ началъ отъ моихъ очей!
И я... я долженъ былъ разстаться

Съ послѣдней радостью моей.
Напрасно для меня, напрасно
И солнце міръ животворитъ,
И нѣгой дышитъ мѣсяцъ ясный,
И зыбь потоковъ серебритъ!
Не буду зрѣть полей зеленыхъ,
Лазури свѣтлой чистыхъ водъ,
Ни дня торжественныхъ красотъ,
Ни звѣздъ, во тьмѣ ночной зажженыхъ.
Но, другъ, тогда, какъ надо мной
Рокъ свирѣпѣлъ и вѣчной мглой,
И безотрадными годами
Мою онъ душу ужаснулъ,
Я, день и ночь встрѣчавъ слезами,
На поле, рощи не взглянулъ,
Забылъ проститься съ небесами:
Ахъ, на жену и на дѣтей
Хотѣло сердце насмотрѣться!..
Хотѣлъ я, чтобъ въ душѣ моей
Уже во вѣкъ не могъ стереться
Очамъ незримый образъ ихъ!..
«О!—думалъ я,—въ бѣдахъ твоихъ
Одно лишь счастье оставалось,
Чтобъ тѣхъ, кто сердцу милы, зрѣть,
И сердце ими любовалось,
И могъ ты радости имѣть.
Смотри на нихъ! ужъ наступаетъ
Тотъ грозный мракъ, въ которомъ ты
Не узришь ихъ!.. Дѣтей черты,
Ты знаешь, время измѣняетъ,
Съ годами новый видъ даетъ;
Страшись же: видъ сей измѣнится,
И будетъ образъ ихъ не тотъ,
Который въ сердцѣ сохранится!»
И я, съ отчаянной тоской,
На нихъ стремилъ взоръ тусклый мой,
На мигъ покинуть ихъ боялся,
Къ моей груди ихъ прижималъ,
Отъ горя думать забывалъ,
Смотрѣлъ на нихъ... но ужъ скрывался
Мнѣ милый видъ въ какой-то тьмѣ:
Онъ исчезалъ, сливался съ мглою,
И то, что есть, казалось мнѣ

Давно минувшею мечтою.
Угасъ, угасъ лучъ свѣтлый дня,
И сердце кровью обливалось:
И все въ грядущемъ для меня,
Какъ бездна гибели, являлось.
Навѣки окруженъ я тьмой!
Любовь, жизнь, счастье, все—за мной!
Къ чему же мнѣ души волненье?
Къ чему мнѣ чувства жаръ святой?
О, радость! ты не жребій мой!
Мнѣ нѣтъ сердечныхъ упоеній;
Я буду тлѣть безъ услажденій!..
Такъ догораетъ одинокъ
Забытый въ полѣ огонекъ;
Онъ никого не согрѣваетъ,
Ничьихъ не радуетъ онъ глазъ;
Его въ полночный путникъ часъ
Съ какимъ-то страхомъ убѣгаетъ.
О, другъ! повѣрь, Единый Богъ,
Въ судьбахъ Своихъ непостижимый,
Лишь Онъ, Всесильный, мнѣ помогъ
Стерпѣть ударъ сей нестерпимый!
Уже я духомъ упадалъ,
Уже въ отчаяньи томился;
Хотя роптать и не дерзалъ,
Но, ахъ, и уповать страшился!
Уже въ печали дикой сей
Мои всѣ мысли затмевались:
И жизнь, и смерть въ судьбѣ моей
Равно ужасными казались.
Но вдругъ... хвала Тебѣ, Творецъ!—
Ты не забылъ Свое творенье!
Ты видишь глубину сердецъ,
Ты слышишь тайное моленье.
Хвала Тебѣ, мой страхъ исчезъ!
Какъ Ангелъ мирный, благодатный,
Какъ вѣстникъ милости небесъ,
Незримый, тайный, но понятный,
Носилось что-то надо мной:
Душа отрадный гласъ ловила,—
И вѣра, огненной струей,
Страдальцу сердце оживила.
Мнѣ мниться стало, что и я

Еще дышать любовью смѣю,
Что тяжкой участью моею
Онъ—мой Отецъ, не Судія—
Даетъ мнѣ способъ съ умиленьемъ
Его о дѣтяхъ умолять.
И имъ купить, моимъ терпѣньемъ,
Его святую благодать!
И съ ней, надеждою безцѣнной,
Мнѣ сила крестъ нести дана;
И съ ней въ душѣ моей смятенной
Опять родилась тишина.
Но какъ навѣкъ всего лишиться?
Какъ міръ прелестный позабыть?
Какъ не желать, какъ не тужить?
Живому съ жизнью какъ проститься?..
Тогда въ священной красотѣ
Внезапно дружба мнѣ предстала:
Она такъ радостно сіяла!
Въ ея нашелъ я чистотѣ
Утѣху, нѣжность, сожалѣнье,
И ею жизнь озарена.
Ты правду намъ сказалъ: она
Второе наше Провидѣнье!
Свѣтлана добрая твоя
Мою судьбу перемѣнила,
Какъ Ангелъ Божій низлетя,
Обитель горя посѣтила,—
И безутѣшнаго меня
Отрадой первой подарила.
Случалось-ли когда, что вдругъ,
Невольной угнетенъ тоскою,
Я слезы лилъ,—тогда, мой другъ,
Свѣтлана плакала со мною;
Въ надеждахъ вѣры устремлять
Всѣ чувства на дѣтей искала,
И чѣмъ мнѣ сердце услаждать,
Своимъ то сердцемъ отгадала;—
И вслѣдъ за ней явились мнѣ
Тѣ добродѣтели святыя,
Всегда, вездѣ ко всѣмъ благія,
И лишь могущія однѣ
Печаль и горести земныя
Въ блаженный превращать удѣлъ.

А тамъ съ улыбкой прилетѣлъ
И новый ангелъ-утѣшитель,
И сердца милый одобритель,
Прекрасный другъ тоски моей:
Небесной кротостью своей
И силой нѣжныхъ увѣщаній
Она мнѣ сладость въ душу льетъ,
Ласкаетъ, радуетъ, поетъ, —
И рой моихъ воспоминаній,
Съ цвѣтами жизни молодой,
Какъ въ блескѣ радужныхъ сіяній,
Летаетъ слава надо мной.
Еще, мой другъ, два утѣшенья
Остались мнѣ: то легкихъ сновъ
И призраковъ ночныхъ явленья,
И васъ, возвышенныхъ пѣвцовъ,
Божественныя пѣснопѣнья.
Такъ, сновъ плѣнительный обманъ
Въ замѣну истины мнѣ данъ;
Онъ жизни памятью остался:
О томъ, съ чѣмъ я навѣкъ разстался,
Правдивую даетъ мнѣ вѣсть;
Опять мнѣ кажетъ міръ привѣтный,
Разнообразный, разноцвѣтный,
Почти такимъ, каковъ онъ есть;
Онъ мнѣ любимое являетъ
Мечтой отрадною своей,
И завѣсу съ моихъ очей
Волшебной силою снимаетъ.
Ахъ! удается часто мнѣ
Смотрѣть на Божій свѣтъ во снѣ,
Плѣнять мой жадный взоръ лѣсами,
Рѣкою, нивами, полями,
И всей знакомой красотой
Тѣхъ мѣстъ, гдѣ прежнею порой
Я часто ею любовался!
Какъ ты, мой другъ, я не скитался
Въ чужихъ далекихъ сторонахъ:
Все родина въ моихъ мечтахъ.
Однажды какъ-то я забылся
Обманчивымъ, но сладкимъ сномъ:
И вдругъ далеко очутился
Одинъ на берегу крутомъ,

Тамъ, у родной Москвы *). День знойный.
Мнѣ снилось, ярко догоралъ,
И вечеръ пламенно-спокойный
Во всей красѣ своей блисталъ:
Внизу Москва-рѣка сверкала,
Игриво рощу обтекала;
Въ дали гористой подъ селомъ
Былъ виденъ лѣсъ, желтѣли нивы,
А близъ Дербента **) надъ прудомъ
Тѣнистыя дремали ивы,
И зеленѣло за рѣкой
Дѣвичье поле предъ глазами,
И монастырь бѣлѣлъ святой
Съ горящими, какъ жаръ, крестами;
Отъ стѣнъ къ приманчивымъ струямъ
Долинка ясная пестрѣла;
Тутъ домикъ сельскій; въ липахъ тамъ
Часовня спрятаться хотѣла;
На всѣхъ сосѣдственныхъ холмахъ
Сады и дачи красовались,
И въ яркихъ вечера огняхъ
Струей багряной освѣщались,
И зелень рощей и полянъ
Сливалась съ твердью голубою,
И стлался золотой туманъ
Надъ бѣлокаменной Москвою.
Не знаю, другъ, но врядъ ли гдѣ
Подобный видъ тебѣ являлся!
Опять однажды, все во снѣ,
Я ночью по Невѣ катался,
Между роскошныхъ островов
Летѣлъ прозрачною рѣкою:
И видъ красивыхъ береговъ,
Дачъ, рощей, просѣкъ и садовъ,
Осеребряемыхъ луною,
И озаренный Божій храмъ,
И Царскій домъ, и мостъ чрезъ волны,
Легко такъ брошенный, все тамъ
Плѣняетъ взоръ. Но вздохъ невольный,
Отъ сердца тяжко вылеталъ.

---

*) Здѣсь описывается Васильевское, загородный домъ князя Юсупова, близъ Воробьевыхъ горъ.

**) Садъ графини Пушкиной.

Ты часто, милый край, видалъ
Меня близъ водъ твоихъ струистыхъ
На изумрудныхъ берегахъ
И въ цвѣтникахъ твоихъ душистыхъ,
И въ темныхъ рощахъ, и въ садахъ:
До поздней ночи тамъ съ тоскою
Сижу, бывало, надъ Невою;
И часто ранняя заря
Меня въ раздумьи заставала.
Но, ахъ, ужъ радость для меня
Давно съ зарей не расцвѣтала!
Еще-жъ случается, что я
Сны болѣ по сердцу видаю:
Я вижу васъ, мои друзья,
Мою жену, дѣтей ласкаю.
О, для чего-жъ въ столь сладкомъ снѣ
Нельзя мнѣ вѣчно позабыться!
И для чего же должно мнѣ
Опять на горе пробудиться!
Когда же я въ себѣ самомъ,
Какъ въ безднѣ мрачной, погружаюсь,—
Какимъ волшебнымъ я щитомъ
Отъ черныхъ думъ обороняюсь!
Я слышу дивный арфы звонъ,
Любимцевъ музъ внимаю пѣнье,
Огнемъ небеснымъ оживленъ:
Мнѣ льется въ душу вдохновенье,
И сердце бьется, духъ кипитъ,
И новый міръ мнѣ предстоитъ;
Я въ немъ живу, я въ немъ мечтаю,
Почти блаженство въ немъ встрѣчаю;
Ужъ безъ страданья роковой
Досугъ въ занятьяхъ протекаетъ;
Бесѣда мудрыхъ укрѣпляетъ
Колеблемый разсудокъ мой;
Дивитъ въ писателяхъ великихъ
Разсказъ дѣяній знаменитыхъ:
Иль нѣжной звучностью своей
Лелѣютъ арфы золотыя
Мятежный жаръ души моей
И сердца тайны дорогія.
О, счастливъ тотъ, кто обнимать
Душъ возвышенныхъ чувства, мнѣнья

Стремится съ тѣмъ, чтобъ повѣрять
Свои сердечныя движенья!
Мы съ ними чувствуемъ живѣй,
Добрѣе, пламеннѣй бываемъ.
Такъ Русь святая намъ святѣй,
Когда Карамзина читаемъ;
Такъ пылъ встревоженныхъ страстей
Твой геній услаждать умѣетъ,
Огнемъ любовь небеснымъ вѣетъ,
Когда надъ Ниною твоей
Невольно слезы наши льются—
И весело часы несутся!
О другъ, поэзія для всѣхъ
Источникъ силы, ободренья,
Животворительныхъ утѣхъ
И сладкаго самозабвенья!
Но для меня лишь въ ней одной
Цвѣтетъ прекрасная природа!
Въ ней міръ разнообразный мой!
Въ ней и веселье, и свобода!
Она лишь можетъ разгонять
Души угрюмое ненастье,
И сердцу сладко напѣвать
Его утраченное счастье.
Теперь ты зришь судьбу мою,
Ты знаешь, что со мной сбылося;
О, вѣрь, отрадно въ грудь твою
Мое все сердце излилося!
Несносный страхъ душой остыть
Всего ужаснѣй мнѣ казался,—
И я сталъ пламеннѣй любить,
Чѣмъ болѣ чувствами стѣснялся.
Извѣдалъ я, что убивать
Не могутъ грозныя страданья,
Пока мы будемъ сохранять
Любви чистѣйшей упованья.
И здѣсь ли, другъ, всему конецъ?
Взгляни... надъ нашими главами
Есть небо съ вѣчными звѣздами,
А надъ звѣздами ихъ Творецъ!



КНЯГИНЯ НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА ДОЛГОРУКАЯ *).

(Посвящено Василію Андреевичу Жуковскому).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Nessun maggior dolore,
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria.
Dante V.

I.

Большой Владимірской дорогой,
Въ одеждѣ сельской и убогой,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ,
Шла тихо путница младая;
Въ усталомъ взорѣ тайный страхъ.
«Какъ быть? Москва въ семи верстахъ;
Дорога межъ холмовъ лѣсная;
А въ полѣ дымномъ тѣнь ночная
Ужъ скоро ляжетъ; и луна
Лишь въ полночь на небѣ видна».

II.

Она идетъ, и сердце бьется;
Поляна съ рощей передъ ней,
И вотъ въ село тропинка вьется:
Она туда дойдетъ скорѣй;
Ночлегъ радушный тамъ найдется.
Уже, пылая между тучъ,
Зари багровой гаснетъ лучъ;
Уже предъ ночью, къ бурѣ склонной,

---

*) Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая была дочь фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева, знаменитаго полководца во времена Петра I. Судьба князей Долгорукихъ, пользовавшихся необыкновенною довѣренностію императора Петра II, извѣстна изъ Россійской исторіи. *(Примѣч. И. К.)*.

Поднялся вѣтеръ, боръ шумитъ;
Ея младенецъ полусонной
Озябъ, и плачетъ, и дрожитъ.
Она спѣшитъ въ пріютъ укромной,
Подходитъ скоро къ рощѣ темной.
Но, чѣмъ-то вдругъ поражена,
Стоитъ уныла и блѣдна.
Въ ея очахъ недоумѣнье,
Ей будто страшно то селенье;
Нейдетъ въ него, нейдетъ назадъ,
Кругомъ обводитъ робкій взглядъ.
«О, если тамъ!.. А мнѣ таиться
Велитъ судьба... быть-можетъ... нѣтъ!
Кому узнать!.. и сколько лѣтъ!
Забыто все; но вечеръ тмится,
Пора!» И къ рощѣ съ быстротой
Приблизилась, остановилась,
Подумала, перекрестилась,
Потомъ пошла, махнувъ рукой,—
И скрылася въ тѣни густой.

III.

За рощей темною въ долинѣ,
При зеркальной пруда равнинѣ,
Вельможи знатнаго село
Красой привѣтною цвѣло;
Высокихъ липъ въ тѣни зеленой
Хоромы барскіе стоятъ;
Они видъ древности хранятъ;
Въ гербѣ подъ графскою короной
Щитъ красный въ полѣ золотомъ
Лавровымъ окруженъ вѣнкомъ
Съ двумя блестящими крестами,
А въ полѣ свѣтломъ мечъ съ копьемъ
И полумѣсяцъ вверхъ рогами.
Но садъ, и воды, и мосты,
И розъ душистые кусты
Въ забвеньи долгомъ сиротѣли.
Хозяинъ, честь страны родной,
Давно лежитъ въ землѣ сырой;
Его хоромы опустѣли,
Широкій дворъ заросъ травой.
Простясь съ родимою Москвою,

Въ столицѣ пышной надъ Невою
Живетъ наслѣдникъ молодой;
А здѣсь одни воспоминанья
Во мракѣ сельской тишины.
И рода знатнаго преданья...
Священный отзывъ старины.

IV.

У церкви сельской за оградой,
Въ уютномъ домикѣ своемъ,
Въ кругу семьи, предъ тихимъ сномъ,
Дыша вечернею прохладой,
Священникъ у окна сидѣлъ;
Онъ въ думѣ набожной смотрѣлъ,
Какъ на закатѣ догорая,
Багряный блескъ смѣнялся тьмой:
Такъ ясно жизнь его святая
Клонилась къ сѣни гробовой.
Давно украшенъ сѣдинами,
Небесный житель на землѣ,
У Шереметева въ селѣ,
Онъ сердцемъ, словомъ и дѣлами,
Творцу и ближнему служилъ;
Умъ здравый съ дѣтской простотою
Былъ свѣтелъ праведной душою;
Покойный графъ его любилъ;
И прахъ владѣльца незабвенной
Былъ святъ душѣ его смиренной;
Для старца графъ не умиралъ.
Онъ часто, часто поминалъ
Его богатство, знатность рода,
Какъ онъ со Шведомъ воевалъ,
И, послѣ шумнаго похода,
Въ тиши села у нихъ живалъ.

V.

Но, полонъ важности старинной,
Святаго старца кротокъ видъ;
На немъ подрясникъ объяринной,
И катауръ широкій шитъ
Узорно яркими шелками,
И на груди его виситъ
Изъ кипариса крестъ съ мощами,

Хранитель вѣрный съ давнихъ поръ:
Одинъ монахъ съ Аѳонскихъ горъ,
Тотъ крестъ принесъ. Его обитель
Была убога и скромна
И, какъ ея радушный житель,
Какой-то святости полна;
Въ углу, въ серебряномъ окладѣ
Икона Спасова блеститъ,
И передъ ней огонь горитъ
Въ хрустальной на цѣпяхъ лампадѣ;
На полкѣ рядъ церковныхъ книгъ,
Бумага, перья подлѣ нихъ;
У зеркала часы стѣнные,
Портретъ, задернутый тафтой,
Двѣ канарейки выписныя,
И полотенце съ бахромой
Виситъ на вербѣ восковой.

VI.

Уже готовъ идти молиться,
Да снидетъ тихъ грядущій сонъ,
Бесѣды Златоуста онъ
Хотѣлъ закрыть; но вдругъ стучится
Легонько кто-то у воротъ,
И кто-то на крыльцо идетъ,
А дверь шатнулась: у порога
Съ младенцемъ путница стоитъ,
И голосъ жалобный дрожитъ,
Прося ночлега ради Бога.

VII.

«Войди подъ мой убогій кровъ,»
Сказалъ онъ ей, «пора ночная,
Кругомъ все лѣсъ, ночлегъ готовъ,
И есть у насъ хлѣбъ-соль простая;
Переночуй, ты съ новымъ днемъ
Пойдешь опять своимъ путемъ».
И старецъ мать благословляетъ,
Младенца соннаго креститъ,
И къ огоньку ее сажаетъ,
И съ ней привѣтно говоритъ;
Но, и блѣдна, и боязлива,
Она сидѣла молчалива,

На рѣчь привѣтную его
Полу-словами отвѣчала,
И лишь младенца своего
Со вздохомъ къ сердцу прижимала;
Украдкою бросая взглядъ
На барскій домъ, на темный садъ,
Какъ будто узнавала что-то,
Какъ бы искала тамъ кого-то;
И вдругъ, то пламень на щекахъ,
То слезы крупныя въ очахъ.

VIII.

Души встревоженной волненье,
Порывы томные страстей,
Ея печаль, ея смятенье
Замѣтилъ онъ: и старца въ ней
Дивило все. «Не та осанка,
Не тѣ ухватки въ деревняхъ:
Видна не грубая крестьянка
Въ ея застѣнчивыхъ рѣчахъ;
Въ ней горесть тихая пріятна,
И хоть бѣдна, но какъ опрятна
Одежда путницы простой!
На пальцѣ перстень золотой...
Куда-жъ теперь не въ часъ урочный
Одна дорогою большой?..
Ахъ, нѣтъ, какъ ангелъ непорочный
Она глядитъ, и за нее
Порукой сердце мнѣ мое!»

IX.

И чувствамъ тяжкимъ и мятежнымъ
Онъ мнилъ преграду положить,
И съ горемъ, въ жизни неизбѣжнымъ,
Ее невольно помирить;
Онъ, какъ родной, ее ласкаетъ,
И веселитъ, и начинаетъ
Разсказъ любимый старины;
Но сердце, полное волненій,
Чуждалось новыхъ впечатлѣній.
И думы, грустью стѣснены,
Далеко мрачныя летали
И межъ сомнѣній замирали.

Священникъ рѣчь свою прервалъ,
И вдругъ, съ душой отца во взорѣ,
Вздохнувши самъ, онъ ей сказалъ:
«Что такъ задумалась? Ты въ горѣ?»

Путница. — Я, мой отецъ?..

Священн. «Твоя тоска,
Повѣрь, къ душѣ моей близка;
Въ томъ нужды нѣтъ, что я не знаю.
Кто ты: мой долгъ того любить,
Кто въ горѣ».

Путница. — Ахъ, мнѣ тяжко жить!
Я день безъ радости встрѣчаю,
Я плачу ночь.

Священн. «Лукавый свѣтъ
Обманчивъ, другъ!»

Путница. — И сколько бѣдъ
Уже сбылось, и сколькихъ снова
Должна я ждать, и какъ сурова...

Священн. «Такъ Богъ велѣлъ; предъ Нимъ смирись,
Прими съ любовью крестъ тяжелый,
Терпи, надѣйся и молись;
Онъ Самъ носилъ вѣнецъ терновый;
Не унывай, не смѣй роптать,
Терпи—въ страданьи благодать!»

Путница. — Отецъ ты мой! Въ ужасной долѣ
Кто ропотъ слышалъ отъ меня?
Теперь дрожу не за себя,
И слезы льются поневолѣ.

Священн. «Не бойся волю дать слезамъ;
Но только, слезы проливая,
Стреми взоръ грустный къ Небесамъ;
Кто плачетъ здѣсь, утѣшенъ тамъ,
Сказалъ Господь».

Путница. —О, рѣчь святая!
Отрадна ты.

Священн. «И гдѣ же тотъ,
Кто жизнь безъ горя проживетъ!
Твои, мой другъ, младые годы
Не расцвѣли отъ непогоды;
Но ты, какъ видно, рождена
Въ семьѣ безвѣстной; ты бѣдна:
Тебя судьба не баловала,
Къ веселой участи она

Ничѣмъ тебя не пріучала;
А часто гибельный ударъ
Надежды знатныхъ разрушаетъ...
О нашемъ графѣ кто не знаетъ?
Онъ былъ—бояринъ межъ бояръ,
Петровой правою рукою,
И прямо русскою душою
Отчизну и царя любилъ;
Былъ славенъ, въ золотѣ ходилъ,
И что же? Дочь его родная
Не знаетъ радости земной,
И гибнетъ въ бурѣ роковой,
Какъ гибнетъ травка полевая...
Суди-жъ, дивна-ль судьба твоя?
Она была не ты».

Путница. —Не я!

Священн. «Давно отъ насъ она ужъ скрылась;
Но все живетъ въ душѣ моей.
Я разскажу тебѣ о ней:
Почти при мнѣ она родилась,
Я на рукахъ ее носилъ,
Ребенкомъ грамотѣ училъ,
И здѣсь, куда, мой другъ, ни взглянешь,
Вездѣ о ней, вездѣ помянешь.
Вотъ тамъ, въ тѣни густыхъ березъ,
Ты видишь кустъ махровыхъ розъ:
Она сама его садила;
Онѣ цвѣтутъ... ее одну
Печаль такъ рано сокрушила:
Она одна свою весну
Отъ нихъ далеко погубила.
Теперь я вижу, есть у насъ
Какой-то въ сердцѣ вѣщій гласъ:
Она, забавы убѣгая,
Въ шуму роскошнаго села
Тиха, задумчива росла,
Какъ будто горя ожидая,
Покорна будущей судьбѣ.
Могу-ль я выразить тебѣ
Весь жаръ усердія святаго
Сыскать, утѣшить нищету?
Въ слезахъ-ли видитъ сироту:
Родная бѣдствія чужаго,

Она отдать готова ей
Свои сережки изъ ушей,
И, сверхъ подарка дорогаго,
Бывало, плачетъ вмѣстѣ съ ней.
Съ невинной, нѣжною тоскою
Въ ея плѣнительныхъ чертахъ
Сливался непонятный страхъ.
И что-то схожее съ тобою
Въ ней было: такъ, лицо твое
Напоминаетъ мнѣ ее:
Рѣсницы, какъ у ней, густыя,
И очи темно-голубыя,
И цвѣтъ каштановыхъ волосъ;
Она была тебя стройнѣе
И воска яраго бѣлѣе:
Не диво: солнце и морозъ
Ее въ поляхъ не заставали,
Полоть и жать не посылали,
И одѣвалъ красивый станъ
Не твой кумачный сарафанъ».

X.

И дружно путницѣ смятенной
Священникъ руку протянулъ,
И ярко взоръ его блеснулъ,
Воспоминаньемъ оживленной.
Онъ разсказалъ о той порѣ,
Когда ей радость ложно снилась,
И какъ звѣздою при дворѣ
Въ семнадцать лѣтъ она явилась.
Тогда чинами и красой,
Невѣсты царской братъ родной,
Сіялъ надменный Долгорукой;
Онъ межъ бояръ и межъ князей
Ея очамъ былъ всѣхъ милѣй.
Съ нимъ бракъ надежною порукой
Казался всѣмъ, что вѣчно ей
Не знать ни слезъ, ни скорбныхъ дней.
Невольно старецъ вздохъ тяжелой
Стѣснилъ, и съ важностью веселой
Завелъ онъ рѣчь про ихъ сговоръ,
Какъ духовенство, пышный дворъ
Бояръ вельможныхъ посѣтили,

Какъ царь пріѣхалъ, какъ при немъ
Чету младую обручили,
И какъ восточнымъ жемчугомъ
Невѣсту милую дарили.
Межъ тѣмъ, прелестная, она
Стыдливо съ женихомъ сидѣла,
И, тихой радости полна,
То улыбалась, то краснѣла;
А, другъ веселости живой,
Кругомъ шелъ кубокъ золотой,
Въ бесѣдѣ шумной и привѣтной,
И щитъ зажегся разноцвѣтной,
И хоръ гремѣлъ, и до утра
Народъ, толпясь, кричалъ: ура!

XI.

«И кто бы, кто подумалъ прежде»,
Такъ продолжалъ, вздохнувши, онъ,
«Что радость измѣнитъ надеждѣ,
Что счастье ихъ минутный сонъ!
Неумолимая гробница
Схватила юнаго царя
Отъ двухъ вѣнцовъ, отъ алтаря:
Напрасно блещетъ багряница
И ждетъ княжна: всему конецъ!..
Женихъ и царь уже мертвецъ!
Затмились вдругъ мечты златыя,
И Долгорукаго семья
Погибла съ нимъ; чины, друзья
Исчезли; степи ледяныя,
Изгнанья горестный предѣлъ,
Любимца падшаго удѣлъ;
Но, жизни узнавая цѣну,
Когда во всемъ онъ зрѣлъ измѣну,
Невѣста юная одна
Ему осталася вѣрна;
Его подругою, душою
Съ нимъ въ ссылкѣ цѣлыхъ восемь лѣтъ
Она жила; но и съ женою
Онъ разлученъ...»

Путница. —И слуха нѣтъ
О немъ?

Священн. «Я помню, какъ родные

Тогда давали ей совѣтъ
Расторгнуть узы роковыя,
Покинуть друга своего.
И при дворѣ не трудно-бъ снова
Найти ей жениха другаго.
Нѣтъ, не покину я его,
Она въ слезахъ имъ говорила;
Я счастливымъ его любила,
Онъ и въ несчастьи все мнѣ милъ:
Самъ Богъ меня съ нимъ обручилъ.
Но ты, я вижу, улыбнулась;
Такъ вѣрь, не вѣрь, ни вѣчныхъ слезъ,
Ни гордой мести, ни угрозъ
Ея любовь не ужаснулась:
На все съ нимъ вмѣстѣ рѣшена,
И въ даль, и хладъ...»

Путница. —Она любила!
Не ссылка бѣдную убила;
Была разлука ей страшна!..
Скажи, гдѣ онъ?

Священн. «Какъ ты блѣдна!
Ты плачешь?»

Путница. —Плачу!.. Ахъ, она
О томъ лишь Небо умоляла,
Чтобъ въ нищетѣ, въ глуши степной,
Но вмѣстѣ жизнь ихъ протекала,
Чтобъ счастье ихъ!..

Священн. «О сонъ пустой!
Имъ счастье, тамъ?»

Путница. —Отецъ святой,
Не страшно съ другомъ заточенье:
Съ нимъ есть и въ горѣ наслажденье.

Священн. «Въ степяхъ лишь тотъ привыкнетъ жить,
Кому здѣсь не о чемъ тужить;
Но ей, взлелѣянной на радость,
Откинуть свѣтлыя мечты,
Губить красу свою и младость,
Подъ кровомъ душной нищеты!
Ей счастье?.. Нѣтъ!»

Путница. —Чѣмъ жертва болѣ,
Тѣмъ пламенной душѣ милѣй
Сердечный спутникъ грустныхъ дней:
И межъ снѣговъ, и въ низкой долѣ,

Когда въ ихъ юртѣ кедръ пылалъ,
И другъ ей молча руку жалъ,
Когда дѣтей она ласкала,
Отъ ихъ младенческой игры
Когда душа въ ней расцвѣтала,
Ужель она не забывала
Москву и царскіе пиры
И всѣхъ забавъ очарованья?

Священн. «Тебѣ какъ знать?»

Путница. —Гдѣ онъ? что съ нимъ?
Иль ждать за гробомъ ей свиданья,
И въ небесахъ назвать своимъ!

Священн. «Мы здѣсь въ тиши уединенья
И за нее, и за него
Льемъ къ небу жаркія моленья,
Но мы не знаемъ ничего».

Путница. —И не нашлося никого,
Кто-бъ защитилъ?

Священн. «Гдѣ правый сильный,
Кто-бъ за несчастье грудью сталъ?
О, если-бъ сонъ прервавъ могильный,
Бояринъ Шереметевъ всталъ!
Онъ злобу съ хитрой клеветою
Сразилъ бы истиной святою;
Онъ могъ изгнаннику помочь,
Онъ спасъ бы гибнущую дочь.
Но знай, и ты, ему чужая,
И ты, о путница младая,
Когда-бъ онъ былъ еще въ живыхъ,
Не даромъ здѣсь бы ночевала;
Повѣрь, горючихъ слезъ твоихъ
При немъ бы ты не проливала,
И въ путь не нищею пошла
Изъ Шереметева села!»

XII.

Онъ говорилъ, она дрожала,
Сказала что-то, замолчала.
Во взорѣ тмился Божій свѣтъ;
Но старецъ кажетъ на портретъ,
Который въ рамѣ золоченой
Задернутъ былъ тафтой зеленой.

Онъ снялъ тафту и молвилъ ей:
«Вотъ онъ, взгляни и пожалѣй!»
Написанъ кистью мастерскою,
За шпагу ухватясь рукою,
Въ мундирѣ, въ лентѣ голубой,
Фельдмаршалъ смотритъ, какъ живой.
Ей мнится, давняя могила
Подпору бѣдной возвратила:
Въ смятеньи робкомъ передъ нимъ
Она колѣна преклоняетъ,
Зоветъ его отцомъ своимъ,
Къ нему младенца поднимаетъ:
Казалось, взоръ ея молилъ,
Чтобъ сына онъ благословилъ.
Ей мнится, будто къ ней несется
Привѣтъ любви издалека.
Но вдругъ мятежная тоска
Съ порывомъ новымъ въ душу льется.
Волнуясь грозною мечтой,
Она свой перстень золотой
Къ устамъ, рыдая, прижимала,
И распущенною косой
Лазурны очи отирала:
Невольный трепетъ, дикой взглядъ
О чемъ-то страшномъ говорятъ.
Безмолвно старецъ изумленной
Молилъ Творца о сокрушенной:
Онъ понялъ, что единый Богъ
Ея печаль утѣшить могъ;
И старца важное молчанье,
Его встревоженный покой,
И незнакомки молодой
Неукротимое страданье,
Гласило все о черныхъ дняхъ,
О дняхъ отравленныхъ бѣдою,
И безнадежностью земною
Въ священный приводило страхъ.
Одинъ, тревогамъ непричастный,
Младенецъ тихій и прекрасный,
Не зная что̀ и жизнь, и рокъ,
Грозой нетронутый цвѣтокъ,
Съ улыбкой, съ ясными очами,
На грудь родимую припалъ,

И влажными отъ слезъ кудрями,
Безпечный, весело игралъ.

XIII.

Но скоро стонъ ея мятежной
Умолкъ, и грустью безнадежной
Залегъ въ сердечной глубинѣ;
И, при печальной тишинѣ,
Уже невольно часъ полночи
Сомкнулъ у всѣхъ усталы очи.
Младая путница одна
Разсвѣта ждетъ, не зная сна;
Стремится думою далеко:
Но что готовитъ рокъ жестокой?
Какую вѣсть она найдетъ?
Нѣтъ силы ждать; она встаетъ,
Младенца будитъ поцѣлуемъ:
«Когда бъ ты зналъ, гдѣ мы ночуемъ,
Дитя мое!...» И въ томну грудь
Желанье новое тѣснится,
И передъ тѣмъ, какъ удалиться,
Еще ей хочется взглянуть
На то село, гдѣ ночевала,
Село... И тихо, тихо встала,
И начала сбираться въ путь:
Иконѣ Спаса помолилась
И низко старцу поклонилась,
Который долго не смыкалъ
И самъ очей, но предъ зарею
Склоняся на плечо главою,
Въ широкихъ креслахъ почивалъ;
И вотъ стопою торопливой
Въ тѣнистый садъ она спѣшитъ,
И взоръ ея нетерпѣливой
Живѣе, пламеннѣй горитъ.

XIV.

Чуть видная межъ облаками,
Луна послѣдними лучами
Свѣтила съ пасмурныхъ высотъ;
Березы надъ прудомъ дремали,
И тѣни шаткія дрожали
На зыбкомъ лонѣ сонныхъ водъ.

О, какъ у бѣдной сердце билось!
Въ какихъ терялося мечтахъ!
Но хоть страданьемъ утомилось,
Хоть очи грустныя въ слезахъ,
А все улыбка на устахъ.
Казалось, будто ей знакомы
Пустые мрачные хоромы,
Что этотъ лугъ, что этотъ садъ
Не въ первый разъ встрѣчаетъ взглядъ;
Съ прудомъ, деревьями, цвѣтами,
Минувшимъ вдругъ оживлена,
Какъ съ незабытыми друзьями,
Опять увидѣлась она;
Хоть все печальнѣй, все небрежнѣй,
Но дышитъ все порою прежней,
Здѣсь все къ себѣ ее манитъ;
Привѣтъ нѣмой во всемъ находитъ;
Родную тѣнь лѣсокъ наводитъ,
Ручей знакомое журчитъ.
На барскій дворъ она бѣжитъ,
И на крыльцо легонько входитъ,
Въ покои темные глядитъ.
Они стоятъ давно пустые;
Но лишь въ окно луна блеснетъ,
И тамъ какъ будто что мелькнетъ,—
То мнится ей, въ часы ночные
Тамъ бродятъ призраки родные,
Тамъ дышитъ то, чего ужъ нѣтъ:
И все, чѣмъ сердце расцвѣтало,
И что сбылось, и что пропало,
Что обѣщалъ и не далъ свѣтъ,
Что было, есть, любовь, страданья,
Безвѣстность, ужасъ ожиданья,
Все разомъ гибельной стрѣлой
Въ душевны раны проникаетъ,
И жжетъ, и холодъ гробовой
Въ убитомъ сердцѣ разливаетъ.
Безъ силъ, къ столбу прислонена,
Ужъ не тоскуя, не мечтая,
Сама въ себѣ погребена,
Она стоитъ полуживая...
Но святость горя и любви
Сильнѣе бѣдствія земнаго:

Струя румяная вдали,
Предтеча утра молодаго,
Уже зажглась, и съ нею вновь
Рѣшимость, горе и любовь
Въ душѣ томящейся проснулись;
Всѣ думы разомъ встрепенулись.
«Пора, пора! идемъ, идемъ!
Я тамъ провѣдаю о немъ».
И, за дубовыя перила
Хватаясь трепетной рукой,
Въ тѣнистый садъ она сходила;
Уже тропинкой луговой
Бѣжитъ, влекомая мечтой;
Въ порывахъ быстраго движенья
Замѣтны тайныя волненья:
Садовникъ, спящій у воротъ,
Ее спросонья окликаетъ;
Она отвѣта не даетъ,
Прощальный взоръ назадъ бросаетъ
И въ поле темное спѣшитъ,
Гдѣ путь проселочной лежитъ
Къ Москвѣ и страшный, и желанной,
И ужъ теряется въ кустахъ
Съ младенцемъ милымъ на рукахъ,
И не видна въ дали туманной.
Но долго быть о ней молвѣ
У Шереметева въ селѣ...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

...The lost on earth revived in heaven.
Lord Byron.

I.

Востокъ алѣя пламенѣетъ,
И день заботливый свѣтлѣетъ;
Проснулись пташки; въ тихій боръ
Ужъ дровосѣкъ несетъ топоръ;
Колосья въ полѣ подъ серпами
Ложатся желтыми рядами;
Заутрень сельскихъ дальній звонъ
По рощѣ вѣтромъ разнесенъ;
Скрипитъ подъ сѣномъ возъ тяжелый,

И заигралъ рожокъ веселый.
О, если бъ ты, прекрасный день,
Гналъ мрачныя души волненья,
Какъ гонишь ты ночную тѣнь
И сновъ обманчивыхъ видѣнья!
Зачѣмъ ты въ блескѣ молодомъ
Лелѣешь каждою зарею
И вишню солнечнымъ лучемъ,
И ландышъ утренней росою,—
Но сердца, полнаго тоской,
Не освѣжишь своей красой?

II.

Клубятся въ полдень черны тучи
По раскаленнымъ небесамъ,
И вихрь несетъ песокъ горючій
Съ дороги пыльной по холмамъ:
Въ томленьи душномъ жнецъ лѣнивый
Лежитъ въ тѣни, оставя нивы:
Пастухъ со стадомъ въ лѣсъ бѣжитъ;
Боръ темный шепчетъ и дрожитъ;
Сожженый листъ о стебель бьется;
Все притаилось, все молчитъ:
И вдругъ огонь по тучамъ вьется,
Грохочетъ громъ, съ нимъ дождь и градъ
Въ поляхъ встревоженныхъ шумятъ.

III.

Въ пріютѣ сторожа лѣснаго
Съ младенцемъ путница ждала,
Чтобъ туча бурная прошла.
Теперь до города роднаго
Ужъ не далеко; путь свершенъ:
Тамъ всѣхъ увидитъ, все узнаетъ;
Но сердце больше замираетъ.
Теперь ей снится грозный сонъ,
Но какъ-то и надежда снится;
А завтра... завтра все рѣшится;
Быть-можетъ, завтра будетъ ей
День страшный, всѣхъ страшнѣе дней:
Быть-можетъ, завтра въ наслажденье
Ей было-бъ мрачное сомнѣнье.

IV.

Утихла буря; сводъ небесъ
Межъ дымныхъ тучъ уже синѣетъ,
И ароматомъ дышитъ лѣсъ,
И какъ свѣжо съ поляны вѣетъ!
Цвѣты, омытые дождемъ,
Блестятъ подъ влажнымъ жемчугомъ,
И солнце вечера спокойно
Бросаетъ ярко лучъ незнойный.
Одна дорогою большой,
Въ прекрасномъ мірѣ сиротой,
Молитвой ужасъ отгоняя,
Идетъ страдалица младая;
Почти ей жаль, что конченъ путь;
Къ ней въ душу страшно заглянуть:
Прошла пора искать, какъ прежде,
Минутной радости въ надеждѣ;
Зіяетъ рокъ... Но вотъ она
Стоитъ, дрожитъ: Москва видна...
«Хранитель-Ангелъ, дай мнѣ силу!
Веди меня... не на могилу»;
И внѣ себя она глядитъ,
А передъ нею болѣ, болѣ
Москва видна въ широкомъ полѣ,
И ужъ вдали замѣтенъ видъ
Стрѣлецкой башни полудикой,
Уже въ очахъ Иванъ-Великой,
Какъ жаръ, вѣнецъ его горитъ;
Глядитъ,—и въ сердцѣ онѣмѣли
Тоска и страхъ: чему нѣтъ словъ,
Что дышитъ тайностью гробовъ,
Напѣвомъ дѣтской колыбели,—
Прокралось въ грудь; и трижды въ прахъ
Передъ Москвой она склонилась,
И съ мрачнымъ пламенемъ въ очахъ
Къ заставѣ близко торопилась;
Но ужъ опять въ душѣ у ней
Волненье прежнее страстей.
Взгляните, какъ она уныло
То чуть ступаетъ, то бѣжитъ,
И сколько въ грусти боязливой
Неизъяснимаго таитъ!

Нѣтъ, гордый умъ не разгадаетъ.
Что сердце робкое мечтаетъ:
Любовью созданный въ бѣдахъ,
Ее волнуетъ новый страхъ.
Чья жизнь въ другихъ, тотъ поневолѣ
Примѣтамъ вѣритъ въ темной долѣ:
Она боится, чтобъ монахъ
Ей не былъ встрѣчею печальной.
Чтобъ черный гробъ въ дыму свѣчей,
При звукахъ пѣсни погребальной,
Не испугалъ ея очей;
И голосъ милый, но прощальной,
Вездѣ, во всемъ несется къ ней.

V.

Заря давно ужъ догорѣла,
Когда, печальныхъ думъ полна,
Въ родимый Кремль вошла она;
Кругомъ лишь въ сумракѣ бѣлѣла
Его зубчатая стѣна,
И крестъ на башнѣ Годуновой
Сіялъ во тьмѣ звѣздою новой.
Идетъ... и въ сердцѣ, и въ мечтахъ
Нетлѣнныхъ раки, царскій прахъ:
Уже встрѣчаютъ томны взоры
И златоглавые соборы,
И древній княжескій дворецъ:
Здѣсь, другъ Петра, ея отецъ
Дѣлилъ съ нимъ мудрыя бесѣды,
И праздновалъ свои побѣды:
Тамъ мать ея, въ тиши ночей,
За дочь молилась у мощей;
А тамъ. невѣстой молодою,
Была она двора красою;
Тогда женихъ... И вдругъ у ней
Ручьями слезы изъ очей.

VI.

Безмолвно бѣдная молилась,
Душой ввѣряясь небесамъ:
И теплой вѣрой оживилась.
Спѣшитъ въ завѣтный Спасовъ храмъ:

Нерукотворная икона
Отъ бѣдъ страдальцамъ оборона...
Шагами робкими идетъ
Чрезъ темный звучный переходъ,
За ту рѣшётку золотую,
Гдѣ при заботливыхъ отцахъ
Таили жизнь свою младую
Царевны въ свѣтлыхъ теремахъ:
И вотъ повергнулась въ слезахъ
Передъ иконою чудесной:
«Спаси его, Отецъ небесной,
Спаси его, а мнѣ дай знать,
Что съ нимъ, и какъ его искать!»
И мнилось: ангелы внимали
Ея таинственной печали.

VII.

Въ Кремлѣ святая тишина;
Въ Москвѣ на стогнахъ сонъ глубокой;
Уже надъ башнею высокой,
Въ дыму, туманна и красна,
Взошла полночная луна;
Но алый паръ предъ ней рѣдѣетъ
На темно-синей высотѣ;
Луна полночная свѣтлѣетъ
Во всей обычной красотѣ;
Сіянье томное трепещетъ
На бѣлокаменныхъ стѣнахъ,
И на соборахъ, на дворцахъ
Струями пламенными блещетъ:
Оно сребристой пеленой
Лежитъ на гладкой мостовой,
Бросаетъ въ стекла искры злата,
И Грановитая Палата,
Какъ бы, внутри освѣщена,
Чего-то дивнаго полна;
И ярко свѣтятся лампады
Сквозь окна узкія церквей,
И чуть замѣтно вдоль ограды
Мерцанье тусклыхъ фонарей.
Все тихо, все святыней дышетъ;
Травою воздухъ не колышетъ,
Лишь одинокій часовой

Прохожихъ глухо окликаетъ.
И только мѣди вѣщій бой
Молчанье ночи прерываетъ;
Но миръ ея не возмущенъ:
Онъ святъ, какъ праведниковъ сонъ.

VIII.

Уныло путница младая,
Младенца къ персямъ прижимая,
Сходила съ Краснаго крыльца,
Дрожала, плакала, блѣднѣла,
И робкая на камень сѣла
У озареннаго дворца.
Невольно душу волновали
И блескъ минутный юныхъ дней,
И тѣ святые дни печали,
Которыхъ память намъ милѣй...
Въ грозѣ, ничѣмъ неотразимой,
Темницу друга раздѣлять,
Съ нимъ вмѣстѣ плакать, съ нимъ страдать
Ея надеждою любимой!
Но сердце, сжатое тоской,
Тонуло въ думѣ роковой:
Навѣкъ-ли небо омрачилось?
Гдѣ онъ? что съ нимъ? Ужель свершилось?
И, въ немъ забывъ людей и свѣтъ,
Съ душой, усталою отъ бѣдъ,
Она сидѣла, чуть дышала,
Одну мечту другой смѣняла...
Томяся въ смутной тишинѣ
Не на яву и не во снѣ...
Къ ней что-то льнетъ, къ ней что-то вьется.
Она вздрогнула; сердце бьется,
По жиламъ холодъ пробѣжалъ;
Сквозь сонъ младенецъ закричалъ;
И что-то, будто бы, мелькнуло,
Пошевелилось и вздохнуло...
«Ты здѣсь? Творецъ!.. какой судьбой?
О! ты-ли, другъ, опять со мной?»
И прежнихъ дней товарищъ милой
Предъ ней, встревоженный, унылой,
На свѣтлой площади стоитъ;
Онъ къ ней нейдетъ, не говоритъ,

И зорко на нее глядитъ:
Онъ завернулся въ плащъ широкой;
Онъ въ думѣ мрачной и глубокой,
И чуденъ блескъ его очей.
И блѣденъ ликъ и видъ смущенной
И кольца черныя кудрей
Не вьются къ шеѣ обнаженной.
Сковалъ ее внезапный страхъ;
Встаетъ: нѣтъ силъ,—на камень пала
И внѣ себя ему въ слезахъ
Младенца соннаго казала.
Какъ будто содрогнулся онъ,
Какъ будто непонятный стонъ
Въ устахъ сомкнутыхъ раздавался:
Недвижимъ, къ ней онъ приближался,
Ужаснымъ чѣмъ-то омраченъ.
Она глядитъ, дохнуть не смѣетъ;
А полная луна свѣтлѣетъ:
И плащъ откинулся слегка,
Выходитъ медленно рука;
Грудь обнажилась, кровь чернѣетъ
Рубашки бѣлой на краю;
Онъ тихо сталъ передъ женою
И, волосы собравъ рукою,
Съ плечъ поднялъ голову свою:
И, ярко озаренъ луною,
На шеѣ, призракъ роковой,
Темнѣлъ багровой полосой.

IX.

Творецъ судилъ: навѣкъ страданье
Ея удѣломъ, розно съ нимъ;
Ея земное упованье
Навѣкъ подъ камнемъ гробовымъ.
Съ несчастнымъ страшною разлукой
Печальной жизни цвѣтъ убитъ;
Одинъ ударъ изъ двухъ мертвитъ:
И слезъ Натальи Долгорукой
Никто ничѣмъ не усладитъ.
Одна ужасная подруга
И въ темну ночь, и въ ясный день
Его страдальческая тѣнь,
Тѣнь мрачная младаго друга,

Неотразимая въ очахъ:
Въ ней жизнь и смерть, любовь и страхъ.
И слухъ ея тревожатъ звуки
Прощальныхъ стоновъ, вопли муки.
И ужасаютъ томный взоръ
Оковы, плаха и топоръ;
Его кровавая могила.
Страша, къ себѣ ее манила;
И долгъ святый велитъ терпѣть:
Нельзя ни жить, ни умереть:
Она окована судьбою
Межъ мертвецомъ и сиротою.

X.

Промчались годы; но они
Душевной скорби не умчали,
И въ горѣ чувства замирали.
Ахъ, есть еще страшнѣе дни
Дней первыхъ пламенной печали!
Мятежной горести полна,
Какъ бы сражаяся съ судьбою,
Душа, терзанью предана,
Живетъ утратою самою;
Но есть пора: въ томленьи бѣдъ
Ни силъ, ни думъ, ни чувства нѣтъ;
Безъ слезъ крушитъ воспоминанье,
Безъ пламя ѣдкаго страданья
Лишь раны сердца все хранятъ
Свой тайный, свой холодный ядъ.
Но долгъ завѣтный совершился:
Младенецъ взросъ, свободна мать.
Что дѣлать ей? какъ доживать
Печальный вѣкъ, который тмился
Суровой мглой? и гдѣ искать
Пріюта въ скорби одинокой?
Одинъ есть путь... Она летитъ,
Внушеньемъ вѣры, въ градъ далекой,
Гдѣ подъ Печерской Днѣпръ широкой
Волной священною шумитъ;
Тамъ, горе жизни вѣроломной
Стѣснивъ трудами и мольбой,
Она запрется въ кельи темной
До мирной сѣни гробовой.

XI.

Чей скорбный духъ воспрянетъ къ Богу,
Кто вѣры пламенникъ зажжетъ
И бездны скользкую дорогу
Съ крестомъ Спасителя пройдетъ,
Въ пучинѣ золъ тотъ не погибнетъ.
Но, ахъ, когда въ груди у ней—
Когда остынетъ пылъ страстей,
Гроза сердечная утихнетъ!
То, робкой думой въ небесахъ,
То, лишь отраду зря въ слезахъ,
Она, въ борьбѣ сама съ собою,
Дрожитъ предъ клятвою святою.
Она у волнъ въ раздумьи сѣла,
Склонила на руку лицо,
На Днѣпръ вздохнувши посмотрѣла,
Сняла вѣнчальное кольцо.
«Свершилось все, навѣкъ свершилось!
И страшной клятвой, съ новымъ днемъ,
Я поклянусь предъ алтаремъ—
Забыть все то, чѣмъ сердце билось.
Кольцо мое... залогъ живой
Межъ праха милаго и мной,
Тебя ждала моя могила!
Въ тебѣ страдальца я любила,
И Небесамъ (Творецъ, прости)
Кольца печали и любви
Въ безумствѣ я-бъ не уступила;
Но онъ, онъ самъ въ чудесномъ снѣ,
Онъ въ эту ночь являлся мнѣ:
Онъ мнѣ сказалъ: «покинь земное!
Въ любви есть тайное, святое:
Ей нѣтъ конца; и тамъ я твой!»
То былъ не сонъ». И томны очи
Искали неба въ мракѣ ночи
Съ надеждой, страхомъ и тоской.
И было все покрыто мглой.
Но вдругъ изъ облака густаго
Надъ рощей мѣсяцъ засіялъ;
Не страшенъ ей терновый путь;
Ей страшно небо обмануть,
Гдѣ свѣтлый міръ безъ разрушенья;

Тамъ живо все. тамъ нѣтъ забвенья:
Душа на вѣчность создана!
Любовь безсмертна, какъ она.
Духъ полонъ вѣры: онъ стремится
До гроба сердце умертвить:
Земной-ли жертвы ей страшиться!
Но какъ ей друга позабыть?

XII.

Настала ночь. Горой крутою
Кто легкой тѣнью межъ кустовъ.
Кто сходитъ позднею порою
На склонъ несчастныхъ береговъ?
Она... Зачѣмъ ей одинокой
Идти на Днѣпръ въ ночи глубокой?
Бушуютъ волны на рѣкѣ;
Зарница блещетъ вдалекѣ,
И тучи мѣсяцъ застилаютъ,
И на туманныхъ небесахъ.
Какъ бы забыты въ облакахъ,
Двѣ только звѣздочки мелькаютъ.
Увы! душа ея мрачнѣй
Осеннихъ бурь и мглы ночей!
Онъ такъ свѣтилъ. онъ такъ игралъ,
Какъ радость сердца молодаго;
И мракъ ночный предъ нимъ исчезъ,
И на краю родныхъ небесъ
Опять двѣ звѣздочки мелькнули—
И въ яркомъ свѣтѣ утонули.
«О, такъ и мы, душа съ душой,
Утонемъ въ радости святой!»
И вѣрой грудь ея дышала,
И жертва тайная въ мечтахъ...
Она кольцо къ устамъ прижала.
Оно блеститъ. оно въ волнахъ...
Въ волнахъ! Но что-жъ? рукой дрожащей
Въ порывахъ сердца своего
Она изъ-подъ волны шумящей
Хотѣла выхватить его;
Уже рука межъ водъ скользила,
Но руку, тихо заструясь,
Волна холодная отбила,
И, можетъ-быть въ послѣдній разъ,

Но слезы хлынули изъ глазъ...
И межъ кустовъ тропинкой мшистой
Она пошла къ горѣ крутой,
И скрылась вдругъ въ дали тѣнистой,
Какъ нѣкій призракъ гробовой.

XIII.

Звонъ громкій, вѣтромъ разносимой,
Сзываетъ Кіевлянъ во храмъ:
Навѣкъ сегодня въ жертвѣ зримой
Земное горе честной схимой
Передается небесамъ.
И старъ и младъ съ душой смятенной
Идутъ смотрѣть обрядъ священной:
Всѣ разомъ набожной толпой
Тѣснятся въ монастырь святой.
Какъ на стѣнахъ его высокихъ.
На мхомъ подернутыхъ рубцахъ,
На переходахъ, на столбахъ
Видна печать временъ далекихъ:
Вѣка исчезли, храмъ стоитъ,
Стоитъ незыблемый, огромный,
И самъ, какъ вѣчность, тайный, темный!
Граненый рядъ чугунныхъ плитъ,
Подъ коимъ тлѣетъ прахъ могильный;
Старинной живописи видъ,
И тусклый свѣтъ паникадильный
Во мракѣ сводовъ вѣковыхъ,
И будто тѣней гробовыхъ
Въ одеждѣ черной хоръ умильный
Поющихъ инокинь святыхъ:
Во всемъ понятенъ гласъ пророчій
Послѣдней нашей длинной ночи.
Однѣ какъ въ радужныхъ лучахъ
Иконы свѣтлыя съ мощами:
Ихъ ризы блещутъ жемчугами,
Алмазы, яхонты въ вѣнцахъ,
И, сыпля жаръ, скользитъ струями
Огонь лампадъ сквозь тонкій дымъ
По ихъ окладамъ золотымъ.
Но ужъ возносится моленье;
Начнется скоро постриженье;
Владыка здѣсь, готово все;

Уже во храмъ ведутъ ее;
Уже звучитъ по мертвыхъ пѣнье;
Въ кадилахъ пышетъ ароматъ;
Ведутъ... и въ храмѣ на налоѣ
Крестъ и Евангелье Святое
Передъ иконою лежатъ.
Подъ ними ножницы блестятъ.

XIV.

Одѣта длинной власяницей,
И ликъ подъ черной пеленой.
Она вошла: уже гробницей
Взята отъ прелести мірской;
Стремяся къ жертвѣ невозвратно,
Посту, трудамъ обречена,
Передъ налоемъ троекратно
Распростиралася она.
Но, искушая страшной долей,
Ее спросилъ святой отецъ,
Стяжаетъ волей иль неволей
Суровый инокинь вѣнецъ.
Онъ рекъ, да сердца правотою
Отвергнетъ ядъ лукавыхъ стрѣлъ,
Что вѣчный огнь ей будетъ мздою
Иль свѣтлый ангельскій удѣлъ,
И за нее святыя дѣвы
Молитвы теплыя творятъ;
Уже раскаянья напѣвы
Къ Судьѣ доступному летятъ.
Что я? кто я?—изгнанникъ рая,
Въ грѣховной безднѣ утопая.
Что жизнь, и разумъ, и краса?—
Цвѣтокъ увядшій, дымъ, роса.
Но Онъ Своей щедроты бездной,
Онъ, милосердый Царь надзвѣздной,
Услышитъ вопль мой; Онъ меня
Спасетъ отъ вѣчнаго огня.
Но вотъ и ножницы блеснули,
Невольно въ храмѣ всѣ вздрогнули;
И старецъ ихъ предъ ней держалъ:
«Возьми и даждь ми», онъ сказалъ.
Она свой взоръ на нихъ склонила,
Взяла и старцу возвратила.

Въ другой разъ тоже, въ третій разъ...
Вдругъ стонъ... и въ храмѣ раздалась
Толпа,—и отрокъ неизвѣстный,
Дрожащій, какъ она прелестный,
Не смѣя воли дать словамъ,
Бѣжитъ... упалъ къ ея ногамъ.
Цѣлуетъ, облилъ ихъ слезами...
Увы, что съ ней! Кто зритъ сердца,
То видѣлъ все; она очами
Искала образа; съ лица
Холодный потъ, какъ градъ катился:
Но взоръ на образъ устремился:
Безмолвно отрока она,
Душой молясь, благословляетъ,
И старцу ножницы вручаетъ.
Онъ взялъ—и жертва свершена,
И кудри темныя, густыя
Летятъ на плиты гробовыя;
И поясъ крѣпкой правоты,
И риза дивная нетлѣнья,
И покрывало чистоты,
И знакъ блестящій искупленья,
Ей все дано; она вняла,
Что мудрость вѣчная рекла:
«Кто хочетъ царствія Христова,
Блаженства отрекись земнаго,
И чрезъ долину слезъ и бѣдъ
Съ крестомъ гряди Ему во слѣдъ!»
Сей путь ея: и, ангелъ новый,
На небеса уже готовый,
Она стоитъ предъ алтаремъ
Въ рукѣ съ таинственнымъ крестомъ.
Въ житейскомъ морѣ зря волненье,
Отъ бури гибельныхъ страстей
Я притекла искать спасенья
У тихой пристани твоей.
И Ты, о Свѣтъ незаходимый,
Божественный, непостижимый,
Отрада чистая сердецъ,
Небесный страждущихъ Отецъ!
Привлекъ Ты къ пристани надежной
Разбитый челнъ грозой мятежной;
Ты отдалъ жизнь, Ты усладилъ,

Мечтанье правдой озарилъ.
И днесь, въ восторгѣ упоенья
Благословляя дни мученья.
Къ блаженству расцвѣтая вновь.
Она ужъ тамъ, гдѣ нѣтъ страданья,
Гдѣ брошенъ якорь упованья,
Гдѣ Ты, и вѣчность, и любовь!

XV.

Летая думой вдохновенной
Въ завѣтный мракъ минувшихъ дней,
Опять узналъ мой духъ смятенной
Тревогу томную страстей.
Хоть свѣтлый призракъ жизни юной
Печаль и годы унесли,
Но сердце, но мечты, но струны,
Онѣ во мнѣ, со мной, мои.
Я вспомнилъ ночь, когда томимый
Тоской ничѣмъ неотразимой,
Въ Печерской лаврѣ я сидѣлъ
Надъ той спокойною могилой,
Надеждамъ страшной, сердцу милой,
Въ которой прахъ священный тлѣлъ;
Она душѣ была порукой
Невѣрной радости земной,—
И тѣнь Натальи Долгорукой
Во тмѣ носилась надо мной.



БЕЗУМНАЯ.

РУССКАЯ ПОВѢСТЬ.

Нѣтъ надобности издателю хвалить въ предисловіи своемъ предлагаемое имъ публикѣ новое сочиненіе; само за себя говоритъ оно лучше его. Но, кажется, можетъ онъ сказать нѣсколько словъ, чтобъ удалить недоумѣніе читателя, когда оно предположительно, судя по новости или странности предмета, избраннаго сочинителемъ.

Вѣроятно многіе спросятъ: есть-ли поэзія въ несчастномъ состояніи человѣка, который лишился ума? — Поэзія, или, справедливѣе сказать, поэтическая сторона, есть въ каждомъ почти предметѣ. Найти точно ее и освѣтить ее съ надлежащей точки, закрывши все лишнее, безполезное, прозаическое: вотъ въ чемъ тайна искусства. Тихая, беззаботная любовь простодушной поселянки меньше представляетъ красокъ для поэзіи, нежели ужасныя слѣдствія измѣны, такъ дико омрачающія умъ ея. Мы видимъ съ удивленіемъ, что эта бездѣйственная, едва-ли не сонная прежде душа, вдругъ возстаетъ, и съ какимъ-то изступленіемъ раскрываетъ таившуюся въ ней силу. Поэтическое разнообразіе думъ, передаваемыхъ намъ то мятежною, то утихающею страдалицей; картины природы, въ которыхъ столько гармоніи съ ея сердцемъ; единство съ главнымъ предметомъ въ самыхъ отступленіяхъ автора: все это вмѣстѣ составляетъ цѣлое, столь же поразительное, сколько и занимательное.

Въ подобныхъ сочиненіяхъ не можетъ быть дѣйствія, или, по крайней мѣрѣ, оно безъ примѣтнаго движенія. Но тѣмъ не менѣе мы чувствуемъ вліяніе ихъ на душу свою. Такъ, созерцаніе живой картины, въ которой актеръ отвергнулъ всѣ мимическія пособія, — эти орудія волшебной власти его надъ нами, — часто плѣняетъ насъ не менѣе представленія трагедіи.

Москва, Москва, гдѣ радости и горе
Мой юный духъ, пылая, обнималъ,—
Гдѣ жизнь мою, какъ въ непогоду море,
Мятежъ страстей такъ часто волновалъ!
Ты—колыбель моихъ воспоминаній,
Сердечныхъ думъ и дерзкихъ упованій!
О, сколько ихъ увяло, не сбылось!
Но хоть тогда и много тучъ неслось:
Отважный взоръ не устрашенъ былъ мглою,
И вдалекѣ мелькающей звѣздою
Плѣнялся я: во тьмѣ—она одна
Свѣтила мнѣ; но такъ мила, ясна,
Она межъ тучъ такъ радостно играла,

Надеждою, любовью мнѣ сіяла!
Шуми же вѣтръ, тмись небо, вой гроза:
Въ очахъ, въ душѣ—звѣзды моей краса!
 И мой удѣлъ, съ надеждами, съ мечтами,
Съ веселыми и горестными днями,
По сердцу мнѣ; онъ мнѣ не утаилъ
Душевныхъ тайнъ, и я не даромъ жилъ.
Тучъ грозныхъ мракъ, румяный блескъ денницы
Знакомы мнѣ, и отзывъ ихъ живой
То ужасъ льетъ, какъ въ ночь протяжный вой
Далекихъ бурь, то нѣжный звукъ цѣвницы
Предъ нимъ ничто. Я снова, если-бъ могъ,
Искать бы сталъ тѣхъ пламенныхъ тревогъ,
Въ которыхъ все земное намъ милѣе,
Небесное и ближе, и святѣе!
Стремлю назадъ, вздыхая, томный взоръ,
Но въ немъ Москва—привѣтъ, и не укоръ.
 Бывало, я въ лѣсу уединенномъ,
Гдѣ Кунцово на холмѣ возвышенномъ
Задумчивой плѣняетъ красотой,
Брожу одинъ вечернею зарей;
Москва-рѣка тамъ съ синими волнами,
Въ тѣни березъ, межъ дикими кустами,
Шумя, блеститъ и, прихотей полна,
То скрылась вдругъ, то вдругъ опять видна;
Зеленый лугъ и роща за рѣкою;
Вдали видъ селъ, полуодѣтыхъ тьмою,
Манили взоръ,—и сладостной мечтѣ
Вдавался я, въ сердечной простотѣ:
«О, если-бъ здѣсь она, мой другъ прелестной,
Кѣмъ для меня все дышитъ въ поднебесной,
Таясь отъ всѣхъ въ безпечной тишинѣ—
Прекрасный сонъ!—была подругой мнѣ!
Деревня, садъ, любовь, уединенье,
И Божье съ ней и въ ней благословенье—
Во всемъ она!»—И мѣсяцъ ужъ всходилъ,
А я въ лѣсу, забывъ часы, бродилъ,
И съ нимъ тогда прощался поневолѣ,
Какъ мракъ ночной ложился въ тихомъ полѣ.
Иду—ко мнѣ изъ селъ летитъ порой
То звукъ рожка, то пѣсни плясовой:
Я оживленъ веселыми мечтами!
Но, проходя кладбище подъ Филями,

Случалось мнѣ,—внезапно я, смущенъ,
Надъ свѣжею могилой слышу стонъ;
И я, крестясь, задумаюсь уныло...
И пламеннѣй люблю, что сердцу мило!
Но ужъ прошелъ я поле и погостъ,
Дрожитъ вдали Дорогомиловъ мостъ,
Бѣгу къ нему, надеждою томимой;
Спѣшу пройти по улицѣ любимой:
Тамъ, можетъ-быть, теперь предъ тихимъ сномъ
Она сидитъ, въ раздумьѣ, подъ окномъ.
Но хоть одинъ огонь межъ ставней блещетъ,
Все счастливъ я,—и сердце затрепещетъ!
Нѣтъ! тайну чувствъ, несмѣтныхъ сердца думъ—
Ихъ чудный міръ постичь не можетъ умъ.
Мечта сбылась. Меня любила радость,
Священный жаръ мою лелѣялъ младость;
Хоть жизнь моя утрачена въ страстяхъ,
И Божій свѣтъ померкъ въ моихъ очахъ,
Но я стѣсненъ, а не убитъ судьбою—
Моя жена, и сынъ, и дочь со мною!
Мой духъ кипитъ, моя не стынетъ кровь,
Попрежнему я вѣрую въ любовь...
Такъ видимъ мы: покинувъ мать родную,
Мечтатель-сынъ летитъ въ страну чужую,
Гдѣ буря ждетъ, печаль, тоска крушатъ—
Быть-можетъ, самъ онъ, дерзкій, виноватъ,
Но онъ—ея, то-жъ сердце въ немъ пылаетъ,
И мать въ слезахъ страдальца обнимаетъ.
Москва! съ тобой давно разстался я;
Но я твой сынъ—родная ты моя!

Санктпетербургъ.
30 сентября 1830 года.

I.

Когда дорогою большою
Проѣзжій встрѣтится со мною
И колокольчикъ прозвенитъ:
Всегда въ мое воображенье
Онъ броситъ тайное смущенье,
И какъ-то сердце мнѣ стѣснитъ.
Напоминаютъ эти звуки
Обманъ надеждъ, печаль разлуки:
Быть-можетъ, страждущую мать
Любимый сынъ спѣшитъ обнять—

Увы? застанетъ-ли родную?
Платя, быть-можетъ, чести дань,
Жену покинувъ молодую,
Влюбленный мужъ летитъ на брань:
Сомнѣнье духъ его волнуетъ—
Кто любитъ страстно, тотъ ревнуетъ.
  Такъ, углубленъ въ моихъ мечтахъ,
Подъ буркой я лежалъ въ саняхъ,
И, снѣгъ копытами взвѣвая,
Неслася тройка удалая,
И мой ямщикъ унывно пѣлъ,
И колокольчикъ мой звенѣлъ.

II.

  Ужъ ночь морозная настала;
Ямщикъ коней легонько гналъ,
И подрѣзь по снѣгу визжала,
А я подъ пѣснею дремалъ.
Вдругъ бѣгъ коней остановился,
Открылся взоръ усталый мой,—
Гляжу: стоимъ; ямщикъ крестился:
Зажглося небо надо мной,
Горитъ кровавою зарей,
Волнуясь, сѣверъ пламенѣетъ,
То весь багровый, то блѣднѣетъ,
И море зыбкаго огня
Готово хлынуть на меня.
  Холоднымъ блескомъ рдяной ночи
Невольно ужаснулись очи;
Клубясь въ сверкающихъ волнахъ,
Столбы багряные явились,
То расходились, то сходились,
Сливались, таяли въ лучахъ,
Иль, разсыпаяся, дымились;
И зарево съ высотъ небесъ
Сіянье страшное бросало
На снѣжный долъ, на ближній лѣсъ;
Оно таинственно мерцало;
Пушистый иней вкругъ вѣтвей
Березъ высокихъ, соснъ косматыхъ,
Трепещетъ въ искрахъ красноватыхъ;
И снѣжные ковры полей
Гдѣ пожелтѣли, гдѣ алѣютъ;

Вездѣ дрожащій, чудный свѣтъ,
Какого днемъ и ночью нѣтъ:
Свѣтло и страшно—лишь темнѣютъ,
Со всѣхъ сторонъ омрачены,
Лѣсныхъ овраговъ глубины.
И въ полѣ только раздается
Звонъ колокольчика порой,
И тихо изъ лѣсу несется
Волковъ голодныхъ дальній вой.

III.

Природа мать! какъ ты прекрасна!
О, какъ всегда, вездѣ, во всемъ
Мила, прелестна иль ужасна!
Ты явно дышешь Божествомъ.
Въ красѣ-ли солнце засіяетъ
И свѣтлый міръ животворитъ;
Изъ тучъ-ли молнія сверкаетъ,
Гроза реветъ и громъ гремитъ;
Иль ночь нетлѣнными звѣздами
Усѣетъ небо, какъ цвѣтами,
И томно нѣжится луна;
Морская-ли кипитъ волна,
Журчитъ-ли тихо токъ сребристый;
Иль Этна броситъ снопъ огнистый
И вихритъ пламень къ облакамъ,—
Все тайну знаменуетъ намъ:
Что лишь Одно всему душою,
Что правитъ міра красотою,
Равно какъ ужасомъ тревогъ,
Морями, небомъ и землею:
Любовь, Премудрость, Сила—Богъ!

IV.

И кони борзые пугливо
Храпятъ, какъ будто чуя диво.
Ямщикъ молчалъ, смотрѣлъ кругомъ,
И молвилъ мнѣ: «Не предъ добромъ!
Вѣрна примѣта, не обманетъ:
Намъ черный годъ; бѣда нагрянетъ;
Столбы—къ войнѣ, а пламя—моръ;
Того гляди, опять наборъ!»
Напрасно, гнавъ его сомнѣнье,

Я толковалъ ему явленье;
Не понялъ онъ — какъ мерзлый паръ
Среди снѣговъ родитъ пожаръ;
Едва везти меня рѣшился,
Онъ возжи взялъ, перекрестился,
Лѣниво сѣлъ, махнулъ кнутомъ
И повторилъ: «Не предъ добромъ»;

V.

И молча онъ большой дорогой
Меня везетъ. Невдалекѣ
Лежитъ усадьба на рѣкѣ.
Вкругъ деревянной и убогой
Столѣтней церкви, межъ кустовъ,
Ряды являются гробовъ.
Изъ кольевъ съ ельникомъ ограда
Ужъ ихъ тѣснитъ. Ветха, бѣдна,
Часовня при пути видна:
Въ ней тускло свѣтится лампада.
Вблизи костеръ, дымяся, тлѣлъ;
Быть-можетъ, путниковъ онъ грѣлъ

VI.

Но кто, какъ тѣнь, какъ привидѣнье,
Какъ полуночное явленье,
Могилъ таинственный жилецъ,
На срокъ отпущенный мертвецъ. —
Кто тамъ мелькаетъ предо мною?
Освѣщена ночной зарею,
Зачѣмъ, свою покинувъ сѣнь,
Идетъ ко мнѣ младая тѣнь?..
Не тѣнь была то гробовая —
Была страдалица младая.
Она догнать меня спѣшитъ;
Она рукой къ себѣ манитъ;
За нами вопль ея несется;
Мой духъ смущенъ, и сердце бьется.
Я удержалъ моихъ коней;
Я самъ бѣгу навстрѣчу къ ней.
Но, къ намъ она летя стрѣлою,
Вдругъ неподвижною, нѣмою
Остановилась, тяжкій стонъ
Возникъ и смолкъ: — «опять не онъ!»

VII.

И внѣ себя она стояла,
Блѣдна, какъ майская луна;
И бѣглый взоръ кругомъ бросала,
Тревожной думѣ предана:
Какой-то грустью безнадежной
Она дышала; сарафанъ
И мѣхъ, накинутый небрежно,
Скрывали грубо легкій станъ;
По бѣлому челу бѣжали
Струи разметанныхъ кудрей,
И тмили чудный блескъ очей
И взору дикость придавали;
Слова нѣмѣли на устахъ,
И грудь вздымалась, трепетала;
Но вдругъ прошелъ мятежный страхъ —
И, какъ въ бреду, она сказала:
«Зачѣмъ ты, путникъ, здѣсь со мной?
Скачи къ нему! Когда-жъ онъ будетъ
Опять ко мнѣ? иль мнѣ живой
Въ могилу лечь? иль онъ забудетъ
И темный лѣсъ, и часъ ночной,
И этотъ перстень золотой?»

VIII.

Я понялъ все. У изступленной
Я руку взялъ, и вмѣстѣ съ ней
Къ часовнѣ, тускло озаренной,
Пошелъ не находя рѣчей.
Мы сѣли на могильный камень;
Теплѣй я бѣдную одѣлъ;
Костра оставленнаго пламень,
Сверкая, насъ обоихъ грѣлъ.
И все, что взоры ни встрѣчали,
Вливало въ душу мракъ печали:
Она, крушимая тоской,
Въ безуміи любви земной,
И сельскій храмъ, съ его гробами,
И блескъ, мерцающій надъ нами,
И тайной дышущая ночь,
Примѣтъ народныхъ впечатлѣнья —
Смущало все, и думъ волненья
Былъ я не въ силахъ превозмочь.

А между тѣмъ она сидѣла
Печально-сумрачна, блѣдна;
Невнятно, тихо что-то пѣла;
И, смутныхъ призраковъ полна,
То робко броситъ взоръ унылый
На снѣжныя вкругъ насъ могилы,
Начнетъ молиться и вздохнетъ;
То взглянетъ на небо, вздрогнетъ,
Ко мнѣ отъ ужаса прижмется,
И вдругъ сквозь слезы улыбнется.
Былъ дикъ огонь ея очей;
Но, сердце кровью обливая,
Ея улыбка роковая
Огня ихъ дикаго страшнѣй;
Веселый знакъ думъ ясныхъ, чистыхъ,
Улыбка на ея лицѣ;
Она — какъ изъ цвѣтовъ душистыхъ
Вѣнокъ на блѣдномъ мертвецѣ.

IX.

Она молчала — томный ропотъ
Ума броженье намекалъ;
Но страшный, непонятный шопотъ
Въ устахъ дрожащихъ замиралъ.
Она, казалось, устремляла
Всю память сердца къ прежнимъ днямъ,
И вдругъ мнѣ руку крѣпко сжала,
И молвила: «Ты любишь самъ:
Ты тронутъ былъ тоской моею!
Радушенъ, добръ ты, вижу я,—
А добрымъ не любить нельзя!
Будь счастливъ съ милою твоею!
Но, путникъ, ей не измѣни;
Иль черные настанутъ дни,
И сердце умъ ея встревожитъ,
И совѣсть страхи наведетъ,—
И съ горя, какъ моя, быть-можетъ,
Ея родимая умретъ!»
Тогда кладбище указала
Она мнѣ трепетной рукой,
И, запинаясь, продолжала
Разсказъ печальный и простой:
«Да, какъ моя! — Ее убила,

Убила дочь; но мнѣ простила
Моя родная: обо мнѣ
Теперь въ безвѣстной сторонѣ
Она все молится... Ужасно
Мнѣ безъ нея на свѣтѣ жить! —
Какъ безъ пріюта, въ день ненастной,
Себя фіалкѣ сохранить?

X.

«И что? и какъ?—сама не знаю,
А съ той поры, какъ нѣтъ родной,
Творится чудное со мной.
Я небывалое видаю,—
И, можетъ-быть, одна мечта!—
Но и природа ужъ не та:
Хотѣлось мнѣ убрать цвѣтами
Родной могилу,—что-жъ? въ поляхъ
Ни травки — снѣгъ! И я, въ слезахъ,
Бѣгу къ рѣкѣ, и надъ волнами
Я вижу ледъ, — и тайный страхъ
Кругомъ меня, какъ призракъ, бродитъ.
Вотъ полночь — а не мѣсяцъ всходитъ!
Взгляни — пожаръ на небесахъ!

XI.

«И все не такъ, какъ было прежде!
Но, путникъ, ты моей надеждѣ
Не измѣнишь... Страшнѣй всего
Съ нимъ розно жить, — пришли его,
Спроси, зачѣмъ онъ любовался
Моей дѣвичьей красотой?
Зачѣмъ, жестокій, издѣвался
Надъ безталанной сиротой?
Когда-жъ настанетъ день отрадный!
Когда же другъ мой ненаглядный
Пріѣдетъ къ намъ — и съ женихомъ
Я стану подъ святымъ вѣнцомъ!
По немъ, съ утра до поздней ночи
Тоскуетъ сердце, плачутъ очи.
Онъ далъ мнѣ слово; для чего
Такъ долго, долго нѣтъ его?
Я не хочу тоски умѣрить:
Бѣда — мнѣ сердце разувѣрить!

XII.

«Но быть за нимъ мнѣ суждено.
На прошлыхъ Святкахъ я гадала:
Кольцо подъ пѣсни вынимала,
И — какъ по бархату зерно,
Зерно бурмицкое катилось;
Какъ съ алымъ яхонтомъ оно,
Катяся, вмѣстѣ очутилось, —
Мнѣ вышла пѣсня. Также я
На мѣсяцъ въ зеркало смотрѣла:
Но тмился онъ, и я робѣла;
Въ немъ будто черная змѣя,
Клубясь, къ себѣ меня манила.
Бѣжать я бросилась домой,
Отъ страха зеркало разбила,—
И кто-то все гнался за мной!

XIII.

«Нѣтъ, не вѣнчаться мнѣ! Могила,
Могила ранній мой удѣлъ!
Мой свѣтлый призракъ улетѣлъ,
И смерть меня бы не страшила,
И сладко-бъ я въ землѣ сырой
Уснула, здѣсь, съ моей родной!
Но, путникъ, какъ не ужаснуться!
Придетъ пора намъ всѣмъ проснуться:
Священникъ говоритъ: пойдутъ
Всѣ изъ гробовъ на Божій судъ!
Какъ тамъ безъ друга я предстану?
Меня сожжетъ моя вина!
Но болѣ за него страшна
Мнѣ грѣшныхъ доля. Ни обману,
Ни лести хитрой мѣста нѣтъ
Въ странѣ святой, гдѣ вѣчный Свѣтъ.
О, если можно, пусть за друга
Его забытая подруга
Горитъ одна!»...

XIV.

И дикій взоръ
Стремился къ небу. Страхъ, укоръ,
Любовь, молитва въ немъ пылали;
Но мракъ таинственной печали
Исчезъ, — и съ новою мечтой

Она какъ будто бы очнулась,
Откинувъ кудри улыбнулась,
И, съ торопливостью живой,
Краснѣя шопотомъ сказала:
«Ты не повѣришь, я слыхала
Здѣсь отъ одной ворожеи,
Что мертвые гроба свои
Въ глухую полночь покидаютъ
И всюду бродятъ и летаютъ.
О! къ бѣлокаменной Москвѣ
Тогда-бъ и я, въ полночной мглѣ,
Съ кладбища къ милому носилась,
Не съ тѣмъ, чтобъ мнѣ ему пенять,
Не съ тѣмъ, чтобъ друга испугать:
Я-бъ въ невидимку обратилась,
Дышала-бъ въ тишинѣ ночной,
Какъ ландышъ на поляхъ весной;
Я-бъ томнымъ ропотомъ сказала:
— Не бойся, милый, это я,
Все неразлучная твоя! —
И тихо бы являться стала
Не блѣднымъ, страшнымъ мертвецомъ,
Холодной тѣнью гробовою,
Но въ видѣ радостномъ моемъ,
Собой румяной, молодою
И съ темнорусою косою —
Какъ передъ нимъ я вечеркомъ,
Бывало, пѣла и плясала,
Или тайкомъ къ нему бѣжала
Съ клубникой, съ свѣжимъ молокомъ.
Но если я и за могилой
Гонима тайною судьбой —
Когда забылъ меня мой милой,
И счастливъ онъ теперь съ другой:
Я-бъ мести ярой предалася,
Взыграло сердце бы мое,
Какъ острый пламень вкругъ нее
Я-бъ трижды, путникъ, обвилася!..»

XV.

И голосъ замеръ на устахъ.
Взбунтована мечтой ревнивой,
Она дрожитъ; въ ея очахъ

Сверкаетъ блескъ любви строптивой.
Невольно раздѣлялъ я съ ней
Души угрюмое волненье.
Былъ страшенъ мракъ ея рѣчей;
Но быстрый призракъ прежнихъ дней
Вдругъ озарилъ ея смятенье:
Такъ ночью бурная волна
Кипитъ во мглѣ и съ пѣной хлещетъ;
Проглянетъ мѣсяцъ — и она
Опять, мятежная, заблещетъ.

XVI.

«Но ты жестокою меня
Не называй, о путникъ! я
Уловкой злою на разлуку
Осуждена, быть-можетъ, съ нимъ:
Пойми-жъ мой страхъ и сердца муку!
Онъ мой, онъ долженъ быть моимъ —
Порука Богъ! я не рабою
На трудъ тяжелый рождена.
Хоть въ низкой долѣ, хоть бѣдна...
Но то не горе, что судьбою
Роднымъ полямъ возвращена:
На нихъ цвѣла я безъ кручины,
Чиста, какъ ручеекъ долины;
Былъ свѣтелъ день, отраденъ сонъ,
Не знала слезъ. Явился онъ:
Пропало все! Родня, чужіе,
Всѣ мнѣ пеняютъ, всѣ бранятъ!
Когда-бъ ты зналъ, что говорятъ!
Крестьянки грубыя, простыя
Со мной встрѣчаться не хотятъ!

XVII.

«И правда ихъ: не та я стала,
Какою прежде я была:
Печаль мнѣ на сердце напала,
И тьма всѣ думы облегла!
Что вижу я — не замѣчаю!
Что скажутъ мнѣ — я забываю!
Мой умъ лукавымъ отравленъ!
Мнѣ жизнь мерещится какъ сонъ!
Но то, что мнѣ, бывало, милой
Тихонько говорилъ, — ту рѣчь

Умѣла я какой-то силой
Въ туманной памяти сберечь.
Его рѣчамъ — хоть имъ не сбыться —
Какъ въ душу мнѣ не зарониться!..
Беретъ ли смѣхъ, томитъ ли грусть,
Я все твержу ихъ наизусть,
И затвердила слово въ слово;
И все мнѣ въ нихъ какъ будто ново...
Тамъ, въ рощѣ темной, при лунѣ,
Вотъ что сказалъ невѣрный мнѣ:
—Зачѣмъ, въ деревнѣ расцвѣтая,
Моя лилея полевая,
Несешь ты нужду и труды?
Мила ты, прелесть молодая,
Свѣтлѣе утренней звѣзды!
Не знаю самъ, но я тобою,
Прекрасный другъ, обвороженъ!
Съ тобой не перстнемъ, а душою,
Моя невѣста, обрученъ!
Люби меня!— . . . И я любила!
Забыла я отца и мать;
Дѣвичью совѣсть погубила;
Въ Москву хотѣла съ нимъ бѣжать;
Но не Москвой съ ея весельемъ,
И не жемчужнымъ ожерельемъ
Меня красавецъ обольстилъ.
Скажи: нѣтъ, онъ не измѣнилъ?

XVIII.

«Бывало, только тѣнь ночная
Одѣнетъ дальній небосклонъ;
Замолкнетъ пѣсня плясовая,
И всѣ пойдутъ на тихій сонъ:
А я, украдкой отъ родимой,
Бѣгу одна въ лѣсокъ любимой.
Но въ тотъ лѣсокъ ходила я
Не съ тѣмъ, чтобъ слушать соловья,
Не съ тѣмъ, чтобъ небомъ любоваться,
Когда въ немъ звѣзды загорятся;
Въ сѣни березъ, во тьмѣ ночей,
Моя звѣзда, мой соловей—
Все онъ одинъ! И какъ, бывало,
Какъ сердце билось, замирало,

Когда, въ полночной тишинѣ,
Я жду его, дохнуть не смѣю,
Дрожу, то вспыхну, то хладѣю —
И онъ идетъ.—И, какъ во снѣ,
Исчезло все!—Стыдомъ, тоскою
Я съ той поры сокрушена,
И всѣ смѣются надо мною,
И я—безумной названа.
Но если-бъ то, что миновалось,
Опять къ намъ, бѣднымъ, возвращалось,—
Въ груди стѣснила-бъ я тоску,
Мой стыдъ и горе утаила—
И, страхъ сказать духовнику,
Опять бы въ рощу я ходила!»
И, покраснѣвъ, она лицо
Рукой стыдливо закрывала,
И долго молча цѣловала
Ее сгубившее кольцо,

XIX.

Но вдругъ, окинувъ бѣглымъ взглядомъ
Дорогу, даль, кладбище, храмъ,
Она вздрогнула; слезы градомъ
Катились по ея щекамъ,—
И буря тайнаго страданья
Волнуетъ грудь сильнѣй, сильнѣй,
Какъ будто Ангелъ упованья,
Мелькнувъ, навѣкъ простился съ ней.
И молвилъ я:—«Ты убиваешь
Себя напрасною тоской.
Онъ живъ, онъ будетъ здѣсь—съ тобой!
О чемъ же слезы проливаешь?»—

XX.

«Нѣтъ, путникъ добрый, нѣтъ! повѣрь:
Когда-бъ я знала, что разбойникъ...
Что прорубь темная... что звѣрь...
Что нѣтъ его... что онъ покойникъ...
Такъ что же? Золотымъ вѣнцомъ
Нельзя вѣнчаться съ мертвецомъ.
Но я бы съ нимъ не разлучилась:
Я-бъ въ бѣлый саванъ нарядилась,
Тихонько въ гробъ къ нему легла—
Навѣкъ моимъ бы назвала!

У Бога правда—не земная!
Его законъ—любовь святая;
А я безъ слезъ не знаю дня.
Отрада сердцу за могилой!
Ты мнѣ сказалъ, что живъ мой милой?
Онъ живъ, хорошъ—не для меня!
И, можетъ-быть, давно съ другою
Злодѣй смѣется надо мною!
И страшно мнѣ, что, можетъ-быть,
Его не стану я любить!

XXI.

«На бѣломъ свѣтѣ мнѣ скитаться
Зачѣмъ? томиться, горевать,
Въ укорахъ совѣсти бояться
То позабыть, что̀ вспоминать
Такъ мило мнѣ.—Заря-ль алѣетъ
На радость всѣмъ; а я проснусь
И жду его—и не дождусь,
И все кругомъ меня темнѣетъ;
Ночныя-ль звѣзды зажжены,
И томно очи я закрою:
Но мнѣ и сонной нѣтъ покою...
Какая ночь! какіе сны!
То на конѣ его видаю;
Бѣгу за нимъ—не догоняю!
То между имъ и между мной
Оврагъ съ тернистою травой.
Но, путникъ, ахъ! всѣхъ сновъ страшнѣе
Мой вѣщій, мой послѣдній сонъ:
Подъ ивой темной, вижу, онъ
Со мной одинъ—милѣй, нѣжнѣе
Нѣтъ, никогда онъ не бывалъ,
И какъ божился, какъ ласкалъ!
Я въ немъ жила! я имъ дышала!
Но, лишь къ груди его прижала—
Въ могилу онъ столкнулъ меня;
И тьма кругомъ!—но зрѣли очи
Всѣ ужасы подземной ночи.
Съ тѣхъ поръ на смерть проснулась я.
Молися, путникъ!»—И дрожала
Она, какъ листъ, и мрачный ядъ
Опять затмилъ бродящій взглядъ.

Она внезапно съ камня встала,
И быстро кинулась въ сугробъ:
«Я гибну! я горю!» вскричала,
«Онъ жжетъ меня, мой душный гробъ!»
Я къ ней стремлюсь; она трепещетъ,
Часовню кажетъ мнѣ рукой,
Гдѣ образъ Дѣвы Пресвятой,
Лампадой озаренный, блещетъ.
«Идти не смѣю я одна—
Мнѣ кто-то шепчетъ: ты грѣшна!»
И предъ стеклянными дверями,
Какъ снѣгъ бѣла и холодна,
Она простерлась со слезами,—
Молитва бродитъ на устахъ;
Но какъ ее ни мучилъ страхъ,
Какъ грудь тоскою ни тѣснилась,
Она, страдалица, молилась
Въ тревогѣ сердца своего
Не за себя—а за него!

XXII.

Тогда дорожка передъ нами
Вдругъ освѣтилась огонькомъ,
И вотъ крестьянка съ фонаремъ
Идетъ поспѣшными шагами
За поселянкой молодой.
Она страдалицу искала,
Ей погрозила, и сказала:
«Поди, безумная, домой;
Поди скорѣй!» И та небрежно
Встаетъ и, голову склоня,
Къ селу тропинкою прибрежной
Пошла и скрылась отъ меня.

XXIII.

О, сколько черныхъ думъ тѣснилось
Невольно въ грудь! какъ сердце билось!
«Одинъ позоръ», воскликнулъ я:
«Теперь награда здѣсь твоя!»
И ту, которой дни свѣтлѣли,
Кто, какъ младенецъ въ колыбели,
Повѣрила земной любви,—
Страданью люди обрекли;
За чувство, на небѣ святое,

Она несетъ стыда ярмо,
И ужъ прожгло чело младое
Безумья страшное клеймо!

XXIV.

Но, между тѣмъ, ужъ исчезало
Мерцанье сѣверныхъ огней,
И небо синее блистало
Въ полночной красотѣ своей.
Мелькаютъ звѣзды, мѣсяцъ всходитъ;
Онъ блескъ серебряный наводитъ
На снѣгъ окружный, на лѣса;
Все неизмѣнны небеса,
Все та-жъ нетлѣнность, та-жъ краса.
О, если-бъ вы, страстей волненья,
Какъ метеоръ, какъ сновидѣнья,
Могли слѣдовъ не оставлять,
А сердце, позабывъ мученья,
Для новой жизни расцвѣтать!..
Но вы—ничѣмъ не отразимы,
Безжалостны, неукротимы!
Промчитесь вы, когда оно
Уже навѣкъ умерщвлено.

Простяся съ пышною Москвою,
Чрезъ то село я проѣзжалъ,
Гдѣ съ поселянкой молодою
Зимой минувшей горевалъ.
Кладбище было недалеко;
Ужъ лѣтній вечеръ пламенѣлъ,
И сельскій мальчикъ, черноокой,
Въ тѣни березъ игралъ и пѣлъ;
Онъ незабудки съ васильками
На свѣжій дернъ, рѣзвясь, бросалъ,
И мнѣ чуть внятными словами
На мой вопросъ объ ней сказалъ:
«Ее вотъ здѣсь похоронили;
Тужить не велѣно объ ней:
Теперь бѣдняжкѣ веселѣй!
Мы, дѣти, всѣ ее любили,
Она кого-то все ждала,
Не дождалась—и умерла».



ВЕНГЕРСКІЙ ЛѢСЪ.

БАЛЛАДА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1. «Какъ сердцу сладостно любить
Тебя, мой другъ прелестной,
И здѣсь въ лѣсу дремучемъ жить
Съ тобой—въ тиши безвѣстной!
Какъ ни красенъ нашъ Кіевъ градъ
Съ его Днѣпромъ-рѣкою,
Но я, мой другъ, скитаться радъ
Въ степяхъ одинъ съ тобою.
Съ тобой любовь вездѣ манитъ,
Повсюду радость встрѣтитъ,
Ярчѣе солнышко горитъ,
Яснѣе мѣсяцъ свѣтитъ.

2. «Покинулъ я, плѣненъ твоей
Дѣвичьей красотою,
Край милый родины моей
Съ привѣтливой семьею;
Я бросилъ шумъ кровавыхъ сѣчъ
И славу жизни ратной,
И вѣрнаго коня, и мечъ,
И шлемъ, и щитъ булатный,
И стрѣлы мѣткія мои,
И почести княжія
За кудри русыя твои,
За очи голубыя.

3. «Но то волнуетъ духъ тоской,
Что ты, родясь княжною,
Простилась съ нѣгой золотой,
Простясь съ родной страною.
Ахъ! прежде въ теремѣ своемъ
Ты жизнью лишь играла;
Теперь подъ бѣднымъ шалашомъ
Кручину здѣсь узнала.
Бывало, въ струны душу льешь,

Ихъ звономъ всѣхъ плѣняешь,—
Теперь волну и ленъ прядешь
И хрупкій листъ сбираешь.
4. «И, жертвой гнѣвнаго отца,
Въ чужбинѣ, въ тяжкой долѣ,
Ты здѣсь, подругой бѣглеца,—
Ты здѣсь не можешь болѣ
Себя, какъ прежде, наряжать
Узорчатой парчею
И грудь прелестную скрывать
Подъ дымчатой фатою.
Не для тебя, мой милый другъ,
И шелкъ, и бархатъ нѣжной,
Не вьется радужный жемчугъ
Вкругъ шеи бѣлоснѣжной».
5. — О, милый, милый! для чего,
Крушась моей судьбою,
Ты ясность сердца моего
Мрачишь своей тоскою?
Увяла-бъ въ свѣтлыхъ теремахъ
Моя безъ цвѣта младость;
А здѣсь съ тобой, въ чужихъ лѣсахъ,
Нашла любовь и радость;
И ты любилъ не жемчуги,
Не камни дорогіе,
А кудри русые мои
И очи голубыя.—
6. Такъ, на Дунайскихъ берегахъ,
Отъ родины далеко,
Въ дремучихъ Венгріи лѣсахъ,
Гонимъ судьбой жестокой,
Скитался витязь молодой
Съ подругою прекрасной,—
И далъ край дикій и чужой
Пріютъ имъ безопасной.
Вотще разгнѣванный отецъ
Погони посылаетъ:
Ихъ сочеталъ святый вѣнецъ,
Ихъ темный лѣсъ скрываетъ.
7. Останъ забылъ, узнавъ ее,
И славу, и свободу:
Онъ ею жилъ, онъ за нее
Прошелъ бы огнь и воду.

Ахъ! за нее въ борьбѣ съ судьбой
  На что онъ не рѣшится?
Онъ съ ней пылающей душой
  Къ прекрасному стремится.
Она отрадою въ бѣдахъ,
  Всѣхъ чувствъ и думъ виною,
Его надеждой въ небесахъ
  И радостью земною.

8. И, чувствомъ счастлива своимъ,
  Въ восторгахъ сердца тая,
Веледа въ бѣдной долѣ съ нимъ
  Нашла утѣхи рая.
Но что-то мрачное порой
  Останов духъ смущаетъ,
И что-то дивною тоской
  Взоръ ясный затмеваетъ;
Какой-то думой угнетенъ,
  Таится онъ отъ милой,—
И будто гонитъ грозный сонъ
  Изъ памяти унылой.

9. И тайный страхъ разстаться съ ней
  Невольно въ грудь тѣснится;
Онъ ловитъ звукъ ея рѣчей,
  Глядитъ—не наглядится,
И грусть свою, и тайный страхъ
  Въ молчаньи скрывъ тяжеломъ,
Съ слезами часто на глазахъ,
  Твердитъ ей о веселомъ;
То вдругъ, задумчивый, вздохнетъ,
  То вдругъ съ улыбкой взглянетъ:
Но сердце сердцу вѣсть даетъ,—
  И кто любовь обманетъ?

10. Печалью друга день и ночь
  Веледа волновалась;
Все усладить, всему помочь
  Надежда ей мечталась.
Какъ бури сердца отгадать
  Безоблачной душою?
«Остану можно-ль тосковать,
  Когда Останъ со мною?»
И мнила: «какъ онъ ни таитъ
  Тоски своей причину,
Любовь моя развеселитъ

Останову кручину».
11. Чуть въ думы милый погруженъ,
Она ихъ разгоняетъ
Безцѣнной лаской тѣхъ именъ,
Что сердце вымышляетъ,
И блескъ даетъ красѣ своей
Нарядами простыми,
И шелку золотыхъ кудрей
Цвѣтками полевыми.
Когда-жъ въ пріютный уголокъ
Ужъ темный вечеръ сходитъ,
Она, вздувъ яркій огонекъ,
Бесѣду съ нимъ заводитъ.
12. И быль родимой стороны
Разсказы оживляла:
Могучихъ прадѣдовъ войны
Съ ихъ славой вспоминала,
Иль юной плѣнницы тоску,
И Половцевъ набѣги,
И Кіевъ-градъ, и Днѣпръ-рѣку,
И роскошь мирной нѣги;
То пѣсни родины святой
Она ему пѣвала,
То, молча, ко груди младой
Со вздохомъ прижимала.
13. Но съ дѣтской нѣжностью она,
Какъ друга ни ласкаетъ,—
Печалью все душа полна,
Ничто не услаждаетъ.
Напрасно все, и съ каждымъ днемъ
Его страшнѣе думы;
Сидитъ съ нахмуреннымъ челомъ,
Задумчивый, угрюмый;
О страшномъ вдругъ заговоритъ,
Блѣднѣя, запинаясь;
Промолвитъ слово—и молчитъ,
Невольно содрогаясь.
14. И ужъ на ту, кѣмъ онъ плѣненъ,
Едва возводитъ очи,
И въ темномъ лѣсѣ бродитъ онъ
Съ зари до темной ночи.
Разъ смерклось, а Остана нѣтъ,—
И бѣдная подруга,

Въ раздумьи, подгорюнясь, ждетъ
Тоскующаго друга.
И внѣ себя Остапъ взбѣжалъ:
Потъ градомъ, дыбомъ волосъ,
Взоръ дикій ужасомъ сверкалъ,
Дрожащій замеръ голосъ.

15. «Онъ здѣсь, онъ здѣсь!»—Кто, милый. кто?—
«Онъ въ ночь придетъ за мною;
Онъ мертвымъ палъ; страшись его!»
— О другъ мой! что съ тобою?—
«Луна и кровь!»—Чья, милый, чья?
Ахъ! страшными мечтами
Почто измучилъ ты себя?
Хранитель-Ангелъ съ нами!
Какая кровь? удары чьи?
За что? скажи! какіе?—
«За кудри русыя твои,
За очи голубыя!»

16. И что придумать, что начать,
Съ тѣхъ поръ она не знала.—
Лишь только Пресвятую Мать
За друга умоляла.
И на младыхъ ея щекахъ
Уже не рдѣютъ розы;
Не видно радости въ очахъ,—
И льются, льются слезы.
Все то, чѣмъ сердце билось въ ней,
Что душу оживляло,
Исчезло все—и свѣтлыхъ дней
Какъ будто не бывало.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1. Туманный небосклонъ яснѣлъ,
Улегся вихрь летучій,
Лишь громъ вдали еще гремѣлъ,
И, разсѣкая тучи,
Вилася молнія зміей;
Дождь не шумѣлъ; пылаетъ
Заря огнистой полосой,
И блескъ свой отражаетъ
На темно-сизыхъ облакахъ
Румяною струею;

И тучи зыблются въ волнахъ
Багровою грядою.
2. Но вечеръ бурный догорѣлъ,
Лишь зарево алѣетъ;
Ужъ боръ зеленый потемнѣлъ,
Ужъ ночь прохладой вѣетъ;
Дыханье свѣжихъ вѣтерковъ
Несетъ съ полей росистыхъ
И нѣжный ароматъ цвѣтовъ,
И запахъ травъ душистыхъ;
И по холмамъ уже горятъ
Огни сторожевые;
И скалы мшистыя стоятъ,
Какъ призраки ночные.
3. Останъ, давно забытый сномъ
И мучимый тоскою,
Сидѣлъ на берегу крутомъ
Съ подругой молодою;
Невольно все его страшитъ,
Все въ ужасъ духъ приводитъ;
На сводъ небесъ она глядитъ,
Онъ вдаль, гдѣ сумракъ бродитъ.
И будто тайный вѣщій гласъ
Ему напоминаетъ,
Что къ сердцу онъ въ послѣдній разъ
Веледу прижимаетъ.
4. Но вотъ и полночь ужъ близка,
Сгустился мракъ въ долинахъ,
Въ дремотѣ катится рѣка,
Сонъ мертвый на равнинахъ,—
Лишь тамъ, далеко, за рѣкой,
Зарница все мелькаетъ,
Лишь тихій шорохъ чуть порой
По рощамъ пробѣгаетъ.
Но вотъ блеснулъ сребристый лучъ,
Проникъ и въ лѣсъ, и въ волны,
И надъ дубравой изъ-за тучъ
Выходитъ мѣсяцъ полный.
5. «О мѣсяцъ, мѣсяцъ, не свѣти!
Померкни, мѣсяцъ ясный!»
— Зачѣмъ же меркнуть? другъ, взгляни,
Какъ, свѣтлый и прекрасный,
Теперь спѣшитъ онъ разгонять

Мракъ ночи и туманы,
И блескъ таинственный бросать
На сонныя поляны!
Взгляни, какъ онъ съ высотъ небесъ
Въ струяхъ рѣки играетъ,
И нивы мирныя, и лѣсъ,
И долъ осеребряетъ!—

6. «Ты помнишь ночь, какъ ты со мной
Изъ терема бѣжала?
Онъ такъ свѣтилъ!»—О милый мой!
И я о томъ мечтала.
Я помню: онъ тогда сіялъ
Такъ радостно надъ нами,
И путь къ вѣнцу намъ озарялъ
Блестящими лучами.—
«Творецъ, Ты знаешь все!... Прости!...
Увы! въ тотъ часъ ужасный...
О мѣсяцъ, мѣсяцъ, не свѣти,
Померкни, мѣсяцъ ясный!»

7. И кинулъ онъ потухшій взоръ
Съ утесистой стремнины
На свѣтлую рѣку, на боръ,
На тихія долины;
Но не красу ихъ очи зрятъ,—
Въ немъ чувства духъ смущаютъ:
Тамъ звуки чудные страшатъ,
Тутъ призраки летаютъ;
То съ тяжкимъ стономъ и глухимъ
Волна ночная плещетъ,
То мечъ кровавый передъ нимъ
Въ дыму прозрачномъ блещетъ.

8. Нѣтъ, нѣтъ! Останъ не побѣдитъ
Души своей тревоги...
Встаетъ, съ Веледою спѣшитъ
Скорѣй подъ кровъ убогій.
Идутъ; поля въ глубокомъ снѣ,
Ничто не колыхнется,
Лишь гулъ шаговъ ихъ въ тишинѣ
За ними вслѣдъ несется.
Глухая полночь; все вокругъ
При мѣсяцѣ яснѣетъ;
Чета проходитъ лѣсъ... и вдругъ
Отъ страха цѣпенѣетъ.

9 Невѣдомый въ глуши лѣсной
Пришлецъ ихъ ожидаетъ,
Но мрачный ликъ подъ пеленой
Отъ нихъ пришлецъ скрываетъ;
И въ свѣтѣ лунномъ пелена
Бѣлѣетъ гробовая,
И кровь струей на ней видна,
Знать, тайно пролитая;
И предъ четою онъ стоялъ
Недвиженъ и безмолвный;
Остану только указалъ
Рукой на мѣсяцъ полный.
10. И тотъ, какъ громомъ пораженъ,
Хотѣлъ бы въ землю скрыться,
Не могъ обнять Веледы онъ,
Не могъ перекреститься;
А что-жъ съ Веледой? Ахъ, она
Къ Остану припадаетъ;
Душа въ ней ужасомъ полна,
Въ ней сердце замираетъ;
Но страждетъ другъ—и страсть сильнѣй:
Прочь ужасъ, прочь смятенье!
Веледа робкая смѣлѣй
Глядитъ на привидѣнье.
11. — О! кто же ты, пришлецъ ночной,
Могилы хладной житель?
Какъ разступилась надъ тобой
Подземная обитель?
Что къ намъ могло тебя привесть?
Что страждущихъ тревожишь?
Откуда ты? какую вѣсть
Загробную приносишь?—
На тѣ слова главой оно
Задумчиво качнуло,
Пошевелилось полотно,
Подъ полотномъ вздохнуло.
12. И томный голосъ пророптал,
Въ слухъ тихо проникая:
«Мой часъ насталъ, мой цвѣтъ увялъ;
Я жертва гробовая!
Но если кто перекреститъ
Меня тремя крестами,—
Опять, принявъ мой прежній видъ,

Предстану я предъ вами».
И вдругъ чудесная далась
Тогда Веледѣ сила,
И мертвеца вотъ въ первый разъ
Она перекрестила.
13. И взвылъ мертвецъ—и въ дымъ густой
Облекся весь, и рдѣлся,
Какъ уголь красный; кровь струей—
И саванъ загорѣлся.
Креститъ въ другой разъ,—пелена
Спадаетъ, блещутъ очи,
Какъ два блуждающихъ огня
Во тьмѣ осенней ночи;
И смерть лицо его мрачитъ.
Ужъ страхъ владѣетъ ею,
Чуть дышитъ; въ третій разъ креститъ,—
И братъ родной предъ нею.
14. — Изведъ, Изведъ! родной мой братъ!
О! дѣтства спутникъ милой!
Остановъ другъ! увы! ты взятъ
Безвременно могилой.—
И взоръ мертвецъ палящій свой
На витязя бросаетъ:
«Останъ, твой мужъ—убійца мой,»
Веледѣ онъ вѣщаетъ,
«И знаетъ то одна луна
Съ Днѣпровскими волнами;
Но кровь Изведова страшна,
И Божій судъ надъ нами!»
15. И что съ преступникомъ сбылось,
То въ мракѣ ночь сокрыла;
Слѣдовъ жилища не нашлось,
Явилась вдругъ могила.—
И страшная о лѣсѣ томъ
Молва вездѣ несется,
И голосъ дровосѣка въ немъ
Съ тѣхъ поръ не раздается.
И какъ вечерній часъ пробьетъ,
И въ сумракъ боръ одѣнетъ,
Ни пѣшій мимо не пройдетъ,
Ни конный не проѣдетъ.
16. Когда жъ повсюду тишина
И мертвое молчанье,

И полуночная луна
Льетъ томное сіянье,—
Изъ тѣсной кельи гробовой
Тѣнь блѣдная выходитъ,
И грустно, въ часъ урочный свой,
Въ лѣсу дремучемъ бродитъ,
Луны въ мерцающихъ лучахъ
Подъ соснами мелькаетъ
И вой могильный на скалахъ
Протяжно умираетъ.
17. И съ тѣхъ же поръ, въ лѣсной глуши,
Въ пещерѣ, близъ Дуная,
Жить начала въ святой тиши
Отшельница младая.
И тамъ, предъ ранней ли зарей
Чуть брезжитъ надъ холмами,
Иль сводъ небесъ въ красѣ ночной
Усѣянъ весь звѣздами,—
Она въ молитвѣ и въ слезахъ,
И пламенной душою
Летитъ къ Тому, Кто въ Небесахъ
Отцомъ намъ и Судьею.
18. Въ пещерѣ той пять цѣлыхъ лѣтъ
Отшельница молилась;
Но разъ—въ пещерѣ нѣтъ,
Куда, не знаютъ, скрылась...
Лишь слухъ прошелъ по деревнямъ,
Сосѣди прибѣжали,
Пошли за нею по слѣдамъ,
Искали, не сыскали;
Прошли и въ лѣсъ, какъ ни страшна
Останова могила,—
И на могилѣ той она
Жизнь юную сложила.
19. И въ вѣчномъ снѣ она цвѣла,-
Тѣ жъ прелести младыя,
И къ небу очи подняла,
Какъ небо голубыя;
И кудри русыя волной,
Развившися, лежали
И грудь невинную собой
Стыдливо одѣвали;
Вся въ бѣлыхъ розахъ, на устахъ

Съ улыбкою небесной,
И крестъ сіяющій въ рукахъ,
Кѣмъ данный, неизвѣстно.
И былъ тотъ день благихъ Небесъ
Съ виновнымъ примиренья.
Ужъ не страшитъ дремучій лѣсъ,
Ужъ нѣтъ тамъ привидѣнья.
Опять, какъ прежде, все цвѣтетъ,
Сталъ веселъ боръ унылой,
И сладко соловей поетъ
Надъ тихою могилой;
И звѣзды только-что блеснутъ
Привѣтными огнями.—
Дѣвицы сельскія идутъ
Къ ней съ свѣжими цвѣтами.



НЕВѢСТА АБИДОССКАЯ.

ТУРЕЦКАЯ ПОВѢСТЬ.

Лорда Байрона.

Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ съ чувствомъ сердечнаго благоговѣнія всеподданнѣйше посвящаетъ Иванъ Козловъ.

Надежда и любовь полуночнаго края,
Народа древняго Царица молодая,
О будь, хранимая Всевышняго рукой,
Блаженства Русскаго прекрасною звѣздой!
Безвѣстный я пѣвецъ, забвенный житель міра;
Дубравамъ и полямъ моя играетъ лира,
Задумчиво поетъ мечты минувшихъ дней,
Порывы бурные и тайный пылъ страстей:
Дерзну ли я—цвѣтокъ убогій и смиренной,
Подруга нѣжная Владыки полъ-вселенной,
Дерзну ль Тебѣ принесть? Кипитъ восторгъ живой...
А струны робкія нѣмѣютъ предъ Тобой.
Не санъ блистательный, не почести земныя,
Но добродѣтели нетлѣнныя, святыя
Плѣняютъ духъ пѣвца.—Тебя Всещедрый Богъ
Россіи подарилъ; Ты радости залогъ
И чувствъ возвышенныхъ пылающей душою,
И сердца нѣжныхъ думъ небесной чистотою;
Порукой прочнаго блаженства на земли

Святая благодать семейственной любви.
Блаженъ народъ, когда всѣмъ правиламъ священнымъ,
Всѣмъ кроткимъ должностямъ, отъ вѣка неизмѣннымъ,
Творящимъ жизни путь вѣрнѣе и свѣтлѣй,
Онъ видитъ образецъ въ душѣ своихъ Царей!
О часъ, прекрасный часъ надеждъ, очарованья,
Когда, священнаго полна воспоминанья,
Ты въ тайный тотъ чертогъ незримая спѣшишь,
Гдѣ образъ матери такъ набожно хранишь,
И, тихо мрамора касаяся устами,
Вѣнчаешь хладный ликъ душистыми цвѣтами;
Безцѣнная слеза дрожитъ въ Твоихъ очахъ,
А незабвенная ликуетъ въ Небесахъ!
Но знай, ужъ Небеса Тебя благословили;
Четыре Ангела Тебѣ ужъ возвѣстили
Награду чистую: любовь и благодать;
И набожная дочь—счастливая Ты мать.
Плѣнителенъ, какъ Ты, и пышно расцвѣтая,
Усердныхъ Россіянъ надежда дорогая,
Порфирородный Сынъ блистаетъ предъ Тобой
На все прекрасное готовою душой;
Имъ чувство новое Твой жребій озарило;
Предметъ святыхъ заботъ, забавъ товарищъ милой,
Онъ радость свѣтлая Твоихъ невинныхъ дней...
Дерзну ль я лирою нескромною моей
Тебѣ напомянуть о тѣхъ минутахъ ясныхъ,
Когда Ты вмѣстѣ съ Нимъ, въ тѣни садовъ прекрасныхъ,
Гуляешь, говоришь, и въ юный, гибкій умъ
Вливаешь доброту и жаръ высокихъ думъ;
Иль, въ часъ Его забавъ, вечернею порою,
Какъ волны звучныя Онъ дѣтскою рукою
Стремится разсѣкать сверкающимъ весломъ
И пѣна бѣлая кипитъ подъ челнокомъ,—
Ты спутница Его и, вдоль бреговъ тѣнистыхъ,
Одна, по зеркальной равнинѣ водъ сребристыхъ,
Въ томъ легкомъ челнокѣ летаешь вмѣстѣ съ Нимъ,—
Прелестенъ Онъ Тобой, а Ты прелестна Имъ!
И я не зрѣлъ Его!.. И, жертва мрачной ночи,
Мои потухшія, увы! не видятъ очи
Священной красоты Царицы молодой,
Ни Русскаго Царя, любви земли родной,
Чей первый Царства день былъ днемъ безсмертной славы,
Спасеньемъ алтарей, Россіи и Державы;

Кто съ Братомъ доблестнымъ примѣръ величья далъ,
Какого міръ земной не зрѣлъ и не слыхалъ!
Но сердца моего восторгъ и умиленье
Возносятъ ко Творцу усердное моленье,
Да свѣтлая печать Любви Его Святой
Пребудетъ навсегда надъ Нимъ и надъ Тобой!
Да солнце радости блестящими лучами
Надъ Русскою землей, надъ Русскими морями
Взыграетъ навсегда,—и миръ, и тишину
Прольетъ съ высотъ небесъ на вѣрную страну!
Да Вышній осѣнитъ Державу Николая,
И солнце вѣчное, вселенну обтекая,
Не узритъ ничего счастливѣе, славнѣй
Его высокихъ дѣлъ, Твоихъ прекрасныхъ дней!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Кто знаетъ край далекій и прекрасный,
Гдѣ кипарисъ и темный миртъ цвѣтутъ,
И гдѣ они какъ призраки растутъ
Суровыхъ дѣлъ и нѣги сладострастной,
Гдѣ нѣжность чувствъ съ ихъ буйностью близка,
Вдругъ ястребъ тихъ, а горлица дика?
Кто знаетъ край, гдѣ небо голубое
Безоблачно, какъ счастье молодое,
Гдѣ кедръ шумитъ и вьется виноградъ,
Гдѣ вѣтерокъ, носящій ароматъ,
Подъ ношею въ эѳирѣ утопаетъ,
Во всей красѣ гдѣ роза расцвѣтаетъ,
Гдѣ сладостна олива и лимонъ,
И лугъ всегда цвѣтами испещренъ,
И соловей въ лѣсахъ не умолкаетъ;
Гдѣ дивно все, видъ рощей и полянъ,
Лазурный сводъ и радужный туманъ,
И пурпуромъ блестящій океанъ,
И дѣвы тамъ свѣжѣе розъ душистыхъ,
Разбросанныхъ въ ихъ локонахъ волнистыхъ?
Тотъ край Востокъ, то солнца сторона!
Въ ней все дышитъ Божественной красою,
Но люди тамъ съ безжалостной душою.
Земля какъ рай. Увы! зачѣмъ она—
Прекрасная—злодѣямъ предана!

Въ ихъ сердцѣ месть; ихъ повѣсти печальны,
Какъ стонъ любви, какъ поцѣлуй прощальный.

II.

Собравъ диванъ, Яфаръ сѣдой
Сидѣлъ угрюмо.—Вкругъ стояли
Рабы готовою толпой
И стражей быть, и мчаться въ бой;
Но думы мрачныя летали
Надъ престарѣлою главой.
И, по обычаямъ Востока,
Хотя поклонники Пророка
Скрываютъ хитро отъ очей
Порывы бурные страстей—
Все, кромѣ спеси ихъ надменной,—
Но взоры пасмурны, смущенны
Являли всѣмъ, что втайнѣ онъ
Какимъ-то горемъ угнетенъ.

III.

«Оставьте насъ!»—Идутъ толпою.—
«Гаруна вѣрнаго ко мнѣ!»
И вотъ Яфаръ наединѣ
Остался съ сыномъ.—Предъ Пашою
Арабъ стоитъ:—«Гарунъ! скорѣй
Иди за дочерью моей
И приведи ко мнѣ съ собою;
Но пережди, чтобъ внѣшній дворъ
Толпа военныхъ миновала:
Бѣда тому, чей узритъ взоръ
Ея лицо безъ покрывала!
Судьба Зюлейки рѣшена,—
Но ты ни слова; пусть она
Свой жребій отъ меня узнаетъ».
— Что мнѣ Паша повелѣваетъ,
Исполню я.—Другихъ нѣтъ словъ
Межъ властелина и рабовъ.
И вотъ ужъ къ башнѣ отдаленной
Начальникъ евнуховъ бѣжитъ.
Тогда, съ покорностью смиренной,
Взявъ ласковый и нѣжный видъ,
Умильно сынъ къ отцу подходитъ,
И, поклонясь, младой Селимъ
Съ Пашою грознымъ рѣчь заводитъ,

Съ почтеньемъ стоя передъ нимъ.
«Ты гнѣвенъ,—но чужой виною,
Отецъ! сестры не упрекай,
Рабыни черной не карай...
Виновенъ я передъ тобою.
Сегодня раннею зарей
Такъ солнце весело играло,
Такою свѣтлою красой
Поля и волны озаряло!
Мой сонъ невольно отъ очей
Бѣжалъ; но грусть меня смущала,
Что тайныхъ чувствъ души моей
Ничья душа не раздѣляла.
Я перервалъ Зюлейки сонъ,—
И какъ замки сторожевые
Доступны мнѣ въ часы ночные,
То мимо усыпленныхъ женъ
Тихонько въ садъ мы убѣжали,—
И рощи, волны, небеса,
Какъ бы для насъ цвѣли, сіяли,—
И мнилось: наша—ихъ краса.
Мы день бы цѣлый были рады
Вдаваться сладостнымъ мечтамъ:
Межнуна сказки, пѣсни Сади [1])
Еще милѣй казались намъ,—
Какъ вѣщій грохотъ барабана [2])
Мнѣ вдругъ напомнилъ часъ дивана,
И во дворецъ являюсь я:
Къ тебѣ мой долгъ меня приводитъ.
Но и теперь сестра моя—
Задумчива—по рощамъ бродитъ.—
О, не гнѣвись! толпа рабовъ
Гаремъ всечасно охраняетъ,
И въ тихій мракъ твоихъ садовъ
Лукавый взоръ не проникаетъ».

IV.

«О сынъ рабы!» Паша вскричалъ.
«Напрасно я надеждой льстился,
Чтобъ ты съ годами возмужалъ.
Отъ нечестивой ты родился!
Иной бы, въ цвѣтѣ юныхъ дней,
То борзыхъ объѣзжалъ коней,

То стрѣлы раннею зарею
Бросалъ бы мѣткою рукою;
Но, Грекъ не вѣрой, Грекъ душой,
Ты любишь нѣгу и покой,
Сидишь надъ свѣтлыми водами
Или плѣняешься цвѣтами.
Ахъ! признаюсь, желалъ бы я,
Чтобъ взоръ лѣнивый веселя,
Хотя-бъ небесное свѣтило
Твой слабый духъ воспламенило!
Но—нѣтъ! позоръ земли родной!
О! если бурною рѣкой
Полки Московитянъ нахлынутъ,
Стамбула башни въ прахъ низринутъ,
И разорятъ мечемъ, огнемъ
Отцовъ завѣтную обитель!
Ты, грозной сѣчи вялый зритель,
Ты ленъ пряди,—а стукъ мечей
Лишь страхъ родитъ въ душѣ твоей.
Но самъ ты мчишься за бѣдою;
Смотри же, чтобъ опять съ тобою
Зюлейка тайно не ушла...
Не то—вотъ лукъ и вотъ стрѣла!»

V.

Уста Селимовы молчали;
Но взоръ отцовъ, отцова рѣчь
Убійственнѣй, чѣмъ Русскій мечъ,
Младое сердце уязвляли.
«Я сынъ рабы? я слабъ душой!
Кто-жъ мой отецъ?.. Давно-бъ иной
Палъ мертвый за упрекъ такой».
Такъ думы черныя рождались,
И очи гнѣвомъ разгорались,
И гнѣва скрыть онъ не хотѣлъ.
Яфаръ на сына посмотрѣлъ—
И содрогнулся... Ужъ являлась
Кичливость юноши предъ нимъ;
Онъ зритъ, какъ раздраженъ Селимъ,
И какъ душа въ немъ взбунтовалась.
«Что-жъ ты ни слова мнѣ въ отвѣтъ?
Я вижу все;—отваги нѣтъ,—
Но ты упрямъ,—а будь ты смѣлый,

И сильный, и годами зрѣлый,
То пусть бы ты свое копье
Переломилъ—хоть о мое».
И взглядъ презрѣнья довершаетъ
Паши насмѣшливый укоръ;
Но дерзкій видъ, обидный взоръ
Селимъ безстрашно возвращаетъ.
Самъ гордо на него глядитъ,
Гроза въ очахъ его горитъ,
И старецъ взоры опускаетъ,
И съ тайной злобою молчитъ.
«Онъ мнѣ рожденъ на оскорбленье,
Онъ мнѣ постылъ со дня рожденья.
Но что-жъ?—его безъ силы длань
Лишь серну дикую и лань
Разитъ на ловлѣ безопасной;
Его страшиться мнѣ напрасно.
Ему-ли съ робкою душой
За честь летѣть на смертный бой?
Меня кичливость въ немъ смущаетъ,
Въ немъ кровь... чья кровь?.. ужель онъ знаетъ?..
Въ моихъ очахъ онъ, какъ Арабъ,
Какъ въ битвахъ низкій, подлый рабъ;
Я усмирю въ немъ духъ мятежный.—
Но чей я слышу голосъ нѣжный?..
Не такъ плѣнителенъ напѣвъ
Эдемскихъ свѣтлоокихъ дѣвъ.
О, дочь! тобою жизнь яснѣе,
Ты матери своей милѣе,—
Съ тобою мнѣ, подъ сумракъ лѣтъ,
Однѣ надежды, горя нѣтъ;
Какъ путника въ степи безводной
Живитъ на солнцѣ ключъ холодной,
Такъ веселитъ взоръ жадный мой
Явленье Пери молодой.
Какой поклонникъ въ поднебесной,
Передъ гробницею чудесной,
Пророка пламеннѣй молилъ?
Кто такъ за жизнь благодарилъ,
Какъ я за дочь, мою отраду,
Его прекрасную награду?
Дитя мое... О, сладко мнѣ
Благословенье дать тебѣ!»

VI.

Плѣнительна, свѣтла, какъ та мечта живая,
Которая съ собой несетъ видѣнья рая
Страдальца горестнымъ, призраковъ полнымъ снамъ,
И радуетъ тоску, что встрѣча есть сердцамъ,
Что въ Небѣ отдана утрата намъ земная,
Мила, какъ память той, чей святъ безцѣнный прахъ,
Чиста, какъ у дѣтей молитва на устахъ—
Была Яфара дочь.—Заплакалъ вождь угрюмый,
Когда она вошла, и не отъ мрачной думы.
Кто самъ не испыталъ, что словъ на свѣтѣ нѣтъ—
Могучей красоты изобразить сіянье?
Предстанетъ-ли предъ кѣмъ? Въ душѣ очарованье,
Блѣднѣетъ, и въ очахъ затмится Божій свѣтъ,
И, сладостно томясь, веселый и унылый,
Онъ сердцемъ признаетъ всю власть чудесной силы.
Зюлейка такъ блеститъ той прелестью младой,
Которой имя нѣтъ, безвѣстной ей одной,
Невинностью цвѣтетъ, любовью пламенѣетъ,
И музыка у ней съ лица какъ будто вѣетъ [3]),
И сердце нѣжное льетъ жизнь ея красамъ.
А взоръ?—о, этотъ взоръ—онъ былъ душою самъ!

Она вошла—главу склонила
И руки бѣлыя крестомъ
На перси чистыя сложила,—
И передъ сумрачнымъ отцомъ
Съ улыбкою смиренной стала,
И на плечо къ нему припала,
И бѣлоснѣжною рукой
Привѣтно старца обнимала.
Лаская дочь, Яфаръ, нѣмой,
Унылый,—дѣло начатое
Уже готовъ былъ отмѣнить;
Яфаръ боялся погубить
Ея веселье молодое;
Онъ чувствомъ былъ прикованъ къ ней,—
Но гордость въ немъ всѣхъ чувствъ сильнѣй.

VII.

«Зюлейка—сердца утѣшенье!
Тебѣ сей день докажетъ вновь
Мою отцовскую любовь;

Съ тобой мнѣ тяжко разлученье;
Но я, забывъ печаль мою,
Тебя въ замужство отдаю;
Женихъ твой славенъ,—межъ военныхъ
Онъ всѣхъ храбрѣй; Османъ рожденъ
Отъ древнихъ, доблестныхъ племенъ,
Отъ Тимарьетовъ неизмѣнныхъ [4]),
Никѣмъ, нигдѣ непобѣжденныхъ;
И словомъ, я тебѣ скажу,
Онъ родственникъ Пасванъ-Оглу.
До лѣтъ его какое дѣло!
Не юноши искалъ я самъ;
Тебѣ-жъ приданое я дамъ,
Которымъ ты гордися смѣло.
Когда-жъ все будетъ свершено,
И наши силы заодно,—
То посмѣемся мы съ Османомъ
Надъ жизнь отъемлющимъ фирманомъ:
Лишь головы не сбережетъ [5]),
Кто въ даръ снурокъ къ намъ привезетъ.
Теперь, моей внимая волѣ,
Послушна мнѣ, ему вѣрна,
Уже ты съ нимъ искать должна
Любви и счастья въ новой долѣ».

VIII.

И дѣва юною главой
Безмолвно робкая поникла,
И вѣсть разящею стрѣлой,
Казалось, грудь ея проникла;
Въ смятеньи тяжкомъ и нѣмомъ,
И чувствамъ воли дать не смѣя,
Она стояла предъ отцомъ
Блѣдна, какъ ранняя лилея;
Но вздохъ прокрался,—на щекахъ
Зардѣлись дѣвственныя розы,
И на потупленныхъ очахъ
Невольно навернулись слезы.
Что можетъ, что съ твоей красой,
Румянецъ дѣвственный, равняться!—
И жалость нѣжная тобой
Всегда готова любоваться!
И что, что можетъ такъ плѣнять,

Какъ слезы красоты стыдливой?
Ихъ жаль самой любви счастливой
Лобзаньемъ страстнымъ осушать!
Но ужъ о томъ, какъ съ ней одною
Селимъ въ саду гулялъ зарею,—
Иль не хотѣлъ, иль позабылъ—
Яфаръ совсѣмъ не говорилъ.
Онъ трижды хлопаетъ руками [6]),
Чубукъ въ алмазахъ съ янтарями [7])
Рабамъ вошедшимъ отдаетъ;
Ужъ конь его арабскій ждетъ,
Онъ бодро на него садится,
И въ поле чистое летитъ —
Смотрѣть воинственный джиридъ;
Предъ нимъ, за нимъ несется, мчится
Дельгисовъ, Мамелюковъ рой [8]),
И черныхъ Мавровъ легкій строй;
Готовы дротики тупые,
Кинжалы, сабли ужъ блестятъ;
Туда всѣ скачутъ, всѣ летятъ,
Лишь у воротъ неподкупные
Татары на часахъ стоятъ.

IX.

И, подгорюнясь, думы полный,
На синія морскія волны
Угрюмый юноша взиралъ:
Межъ Дарданеллъ онѣ сверкали,
Струились тихо и плескали
Въ излучинахъ прибрежныхъ скалъ;
Но онъ, унылый, не видалъ
Ни моря съ синими волнами,
Ни поля съ дальними холмами,
Ни чалмоносцевъ удалыхъ,
Стремящихся передъ Пашою
Шумъ грозный сѣчей роковыхъ
Представить бранною игрою;
Не видитъ онъ, какъ къ облакамъ
Ихъ кони вихремъ прахъ взвѣваютъ,
Какъ сабли острыя мелькаютъ,
И какъ съ размаха пополамъ
Чалмы двойныя разсѣкаютъ [9]);
Не слышитъ онъ, какъ громкій крикъ

За свистомъ дротиковъ несется,
И какъ въ долинѣ раздается:
Олахъ! Олахъ! ихъ дикій кликъ [10]):
Душа полна мечтой одною —
Яфара дочерью младою.

X.

Задумчиво сидѣлъ Селимъ,
Печаленъ, блѣденъ, недвижимъ, —
И сквозь рѣшетки онъ безмолвно
Взоръ мрачный въ поле устремлялъ. —
Вздохнула дѣва, вздохъ невольно
Ея всѣ думы разсказалъ.
Такой внезапною грозою
Душа Зюлейки смущена;
Ахъ! розной съ нимъ — но и она
Уже волнуется тоскою
Въ любви младенческой, живой:
У ней такъ нѣжно сердце билось,
Но вдругъ теперь въ груди младой
Невнятно что-то пробудилось,
Какой-то стыдъ, какой-то страхъ,
И рѣчь нѣмѣетъ на устахъ.
И можно-ль долго ей таиться?
И какъ начать? и въ чемъ открыться?
«Что можетъ такъ его томить?
Зачѣмъ ему меня чуждаться?
Не такъ мы съ нимъ привыкли жить,
Не такъ намъ должно разставаться!»
И вотъ нарочно вкругъ него
Прекрасная въ раздумьи ходитъ,
А онъ и взора своего
Уже на дѣву не возводитъ.
Но что-жъ? — кувшинъ въ углу блеститъ
Съ персидской, розовой водою;
Она къ ней весело летитъ,
И плещетъ легкою рукою
На стѣны мраморны съ рѣзьбою,
На златотканные ковры,
Восточной роскоши дары;
Потомъ на милаго взглянула,
Къ нему бросается стрѣлой, —
И вдругъ душистою водой,

Рѣзвясь, на юношу плеснула.
Но онъ не слышитъ, не глядитъ,
И подъ одеждой парчевою
Вода душистая бѣжитъ
Студеною по немъ струею,
А онъ не чувствуетъ — Селимъ
Сидитъ, какъ мраморъ, недвижимъ.
«Онъ все молчитъ, тоской томимый;
Но разгоню его мечты...
Бывало, онъ любилъ цвѣты,
И я ему цвѣтокъ любимый
Сама сорву, сама подамъ».
И дѣва кинулась къ цвѣтамъ,
Весельемъ дѣтскимъ оживилась,
И роза мигомъ сорвана —
И вотъ бѣжитъ, и вотъ она
У ногъ Селима очутилась.

«Любовникъ розы — соловей [11])
Прислалъ тебѣ цвѣтокъ свой милый;
Онъ станетъ пѣснію своей
Всю ночь плѣнять твой духъ унылый.

«Онъ любитъ пѣть во тьмѣ ночей —
И дышетъ пѣснь его тоскою;
Но съ обнадеженной мечтою,
Споетъ онъ пѣсню веселѣй.

«И съ думой тайною моей
Тебя коснется пѣнья сладость,
И напоетъ на сердце радость
Любовникъ розы — соловей».

XI.

«Но ты цвѣтка не принимаешь,
И гнѣвъ на горестномъ челѣ. —
Ужъ ты со мною не играешь!
Скажи, кому-жъ ты милъ, какъ мнѣ?
О, мой Селимъ! о, сердцу милый!
Меня страшитъ твой взоръ унылый;
Ужель меня ты разлюбилъ?
Ахъ! если выдумкой напрасной
Твоей тоски не усладилъ
И соловей мой сладкогласной:

На грудь ко мнѣ склонись, склонись,
Вотъ поцѣлуй — развеселись!
Родитель грозный мой съ тобою,
Я знаю, и суровъ, и строгъ;
Но ты къ нему привыкнуть могъ,
И какъ за то любимъ ты мною!
Увы! не то-ль крушитъ тебя,
Что замужъ выдаютъ меня?
Османъ, женихъ мой нареченной,
Онъ, можетъ быть... онъ недругъ твой?
Клянусь же Меккою святой,
Клянусь любовью неизмѣнной,
Когда не ты велишь мнѣ самъ,
Султану я руки не дамъ!
Ужель, Селимъ, тебя лишиться,
И сердцемъ мнѣ съ другимъ дѣлиться?
О! если-бъ что, какой судьбой,
Меня съ тобою разлучило,
Кто будетъ другъ—хранитель мой,
И быть кому твоею милой?
Не билъ, и не пробьетъ для насъ
Ужасный разставанья часъ!
Самъ Азраилъ, явясь предъ нами [12]),
Съ колчаномъ смерти за плечами,
Стрѣлой одною насъ сразитъ,
И въ прахъ одинъ соединитъ!»

XII.

Онъ ожилъ—дышитъ—зритъ—внимаетъ,
Онъ дѣву тихо поднимаетъ;
Печали нѣтъ, исчезъ укоръ,
И вся душа въ очахъ сверкаетъ,—
И думы тайной полонъ взоръ.
Какъ спертый дубами
Потокъ, разъярясь,
Бушуетъ волнами,—
Въ долину стремясь;
Какъ ночью зарницы
Изъ тучи блестятъ,—
Сквозь темны рѣсницы
Такъ очи горятъ.
Ни конь оживленный
Военной трубой,

Ни левъ, уязвленный
Внезапной стрѣлой,
Ни варваръ, смятенный
Полночной порой,
Страшнѣй не трепещетъ,
Когда вдругъ заблещетъ
Кинжалъ роковой,—
Такъ онъ, въ пылу любви мятежной,
Дрожалъ при клятвѣ дѣвы нѣжной,
И все, что думалъ, что таилъ,
Въ порывѣ пламенномъ открылъ:
—«Моя, и будешь ты моею!
Моя и здѣсь, моя и тамъ!
Мы клятвой связаны твоею,
Она свята обоимъ намъ;
Ту клятву, вѣрь,—ее внушила
Тебѣ таинственно любовь.
Не знаешь ты, какую кровь
Она одна остановила!
Но не блѣднѣй—тобой, въ тебѣ
Все мило, все священно мнѣ.
Я всѣхъ сокровищъ драгоцѣнныхъ,
У Истакара сокровенныхъ
Въ пещерахъ глубоко въ землѣ [13]),
За кудри не возьму младыя,
Небрежно кольца завитыя
На дѣвственномъ твоемъ челѣ.
Какъ страшно тучи надо мною
Сегодня грянули грозою...
Мнѣ смѣлъ сказать родитель твой,
Что вялъ и робокъ я душой,
Что будто я рожденъ рабой...
Теперь узнаетъ онъ, надменной,
Кто сынъ рабы его презрѣнной...
Увидитъ онъ, таковъ-ли я,
Чтобъ могъ онъ устрашить меня.
И по тебѣ, быть-можетъ, снова
Я назову его отцомъ.
Но о сердечномъ, о святомъ
Обѣтѣ нашемъ ты ни слова.
Извѣстенъ мнѣ коварный бей...
Онъ смѣлъ искать руки твоей!
Его чины, его имѣнье—

Плоды неправды, ухищренья.
Онъ съ Негропонтскихъ береговъ [14]),
Не лучше родомъ онъ жидовъ.
Но знай, судьба не такъ сурова,
Лишь тайной клятвы не открой,
А споръ ему имѣть со мной;
Ужъ месть на черный день готова—
Есть и кинжалы, и друзья...
И ты не вѣдаешь, кто я».

XIII.

«Кто ты? О! что-жъ ты измѣнился?
Давно-ль румяная заря
Веселымъ видѣла тебя?
И вдругъ тоскою омрачился;
Ты зналъ, нельзя любви моей
Ни охладѣть, ни быть живѣй;
Дышу надеждою одною—
Твой взглядъ, улыбку, рѣчь ловить,
Тобою сердце веселить,
И жить и умереть съ тобою.
И, можетъ-быть, ночную тѣнь
За то одно я ненавижу,—
Что лишь когда сіяетъ день,
Селима я свободно вижу;
Цѣлуй меня, цѣлуй, цѣлуй
Въ уста, и въ очи, и въ ланиты!
Но, ахъ! онъ жжетъ—твой поцѣлуй,
Пылаетъ въ немъ огонь сокрытый;
Ужъ и меня объемлетъ страхъ,
Я вся дрожу и пламенѣю,—
И стелется туманъ въ очахъ,—
И чувствую, что я краснѣю.
Хочу я нѣжностью живой
Лелѣять милаго покой,
Съ нимъ раздѣлять и жизнь, и сладость,
И бѣдность весело сносить...
Съ тобой во всемъ найду я радость,
Лишь бы тебя не пережить...
О, нѣтъ, нельзя желать Селиму
Еще нѣжнѣе быть любиму;
Любить нѣжнѣй могу-ли я?
Но ты и взоромъ и рѣчами

Наводишь ужасъ на меня!
Что за кинжалы, за друзья?
Какая тайна между нами?
И клятву нашихъ двухъ сердецъ
Хотя-бъ узналъ Яфаръ угрюмой.
Ужъ надъ моей сердечной думой
Не властенъ грозный мой отецъ.
Но вѣрь, Селимъ, моей надеждѣ-
Не приневолитъ онъ меня!
Могу-ль я не любить тебя,
Тебя, кого любила прежде?
Съ тобою вмѣстѣ дѣтскихъ дней
Часы веселые летѣли,
Съ тобой играла въ колыбели,—
Ты спутникъ младости моей.
Что-жъ хочешь ты, чтобъ мы таились
Въ любви прекрасной и святой,
Невинной нашею мечтой,
Которой прежде мы гордились?
Законы наши, вѣра, Богъ
Велятъ намъ жить безвѣстно въ свѣтѣ;
Но для меня-ль Пророкъ былъ строгъ
Въ своемъ таинственномъ завѣтѣ?
Въ удѣлѣ, сердцу дорогомъ,
Онъ все мнѣ далъ въ тебѣ одномъ.
Ахъ! и меня печаль терзала!—
Какъ руку незнакомцу дать?
Отцу я все бы разсказала;
Но ты, Селимъ, велишь молчать.
Съ душой неопытной, простою,
Ужасенъ мнѣ обмана видъ,
И что-то все, грозя бѣдою,
Какъ тяжкій грѣхъ, меня страшитъ.
Но вотъ ужъ кончился джиридъ,
И Чекодаръ летитъ обратно [15]);
И вотъ отецъ съ забавы ратной.
Боюсь взглянуть я на него;
Селимъ, скажи мнѣ, отчего?»

XIV.

—«Зюлейка, ты спѣши укрыться
Въ высокомъ теремѣ своемъ;
Я долженъ, я могу явиться

Передъ разгнѣваннымъ отцомъ.
Внезапно съ береговъ Дуная
Къ намъ вѣсть примчалась роковая:
Визирь писалъ, что врагъ разбитъ,
А самъ отъ гуровъ бѣжитъ;
Но подвигамъ вождя такова
И у Султана мзда готова.
Когда же барабанный бой
Военнымъ ужинъ и покой
Съ вечерней возвѣститъ зарею,
Тогда во тьмѣ, никѣмъ незримъ,
Въ гаремъ прокрадется Селимъ,—
И мы уйдемъ порой ночною
Чрезъ садъ,—на берегу морскомъ,
Уединенномъ и крутомъ,
Въ тиши бесѣдовать съ тобою.
Не бойся, будутъ насъ стеречь
И темна ночь, и острый мечъ.—
Гарунъ за насъ, и въ часъ урочный...
Рѣшись, Зюлейка, не робѣй!»
«Робѣть съ тобой!..»
—«Иди-жъ скорѣй,
Гарема ключъ въ рукѣ моей;
Узнаешь ты во тьмѣ полночной
Мой рокъ, мой страхъ, мои мечты,
И я не то, что мнила ты».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Надъ Геллеспонтомъ вѣтеръ дуетъ,
Клубитъ волнами и бушуетъ,
Какъ бушевалъ передъ грозой,
Когда погибъ въ ночи ужасной,
Тотъ юный, смѣлый и прекрасной,
Что былъ единственной мечтой
Сестоса дѣвы молодой.
Бывало—только тѣнь сгустится,
И вѣщій факелъ загорится,
Тогда хоть вѣтеръ и шумитъ,
Хоть море гнѣвное кипитъ
И съ пѣной къ берегу несется,
И небо тмится черной мглой,

И птицъ морскихъ станица вьется,
Перекликаясь предъ грозой:
Но онъ смотрѣть, внимать не хочетъ,
Какъ небо тмится, валъ грохочетъ,—
Все факелъ свѣтится въ очахъ,
Звѣздой любви на небесахъ;
Не шумъ грозы, но томной дѣвы
Все слышатся ему напѣвы:
«Неси, волна, въ полночной тьмѣ
Скорѣе милаго ко мнѣ!»
Вотъ старина—и намъ дивиться
Не должно ей,—быть-можетъ, вновь
Пылать сердцамъ велитъ любовь,
И эта быль возобновится.

II.

Надъ Геллеспонтомъ вѣтръ шумитъ;
Онъ, волны черныя вздымая,
Ихъ въ море бурное клубитъ;
И, разстилаясь, тѣнь ночная,
На полѣ томъ уже легла,
Гдѣ такъ напрасно кровь текла;
Скрываютъ мрачные туманы
Ту степь, гдѣ царствовалъ Пріамъ;
На ней замѣтны, здѣсь и тамъ,
Одни могильные курганы.
Ни ужасъ битвъ, ни блескъ вѣнца,
Ничто-бъ отъ мрака не спаслося
Безъ пѣсенъ нищаго слѣпца
Съ холмовъ кремнистаго Хіоса.

III.

И я былъ тамъ! и видѣлъ я
Тотъ брегъ, мечты священной полный;
И я былъ тамъ!.. тамъ и меня
Кипучія носили волны.
Пѣвецъ! когда-жъ удастся мнѣ
Въ твоей минувшаго странѣ,
Томиму думою высокой,
Бродить опять по тѣмъ полямъ,
Гдѣ дивное понятно намъ,
Гдѣ каждый холмикъ одинокой
Останки славные хранитъ,

И гдѣ, какъ прежде, все шумитъ,
Шумитъ твой Геллеспонтъ широкой [16]).
И бѣденъ, бѣденъ тотъ душой,
Кто предъ завѣтной ихъ красою,
Пѣвецъ, разсказъ чудесный твой
Считаетъ выдумкой одною!

IV.

Одѣлись волны черной мглой,
И съ мракомъ ужась ночь наводитъ,
А надъ туманною горой
Желанный мѣсяцъ не восходитъ.
О Ида! онъ съ твоихъ высотъ,
Бывало, свѣтъ дрожащій льетъ
На поле битвъ; но смолкло поле—
И нѣтъ на немъ тѣхъ ратныхъ болѣ,
Которымъ часто въ тьмѣ ночей
Былъ въ гибель блескъ его лучей.
Лишь пастухи, въ ихъ мирной долѣ,
Когда онъ свѣтитъ веселѣй,
Пасутъ стада вокругъ могилы
Того, кто славный и младой
Сраженъ Дарданскою стрѣлой.
Здѣсь возвышался холмъ унылый;
Здѣсь сынъ Аммона горделивый [17]),
Свершая тризну, пировалъ.
Сей холмъ народы воздвигали,
Цари могучіе вѣнчали;
Но самъ курганъ надменный палъ,
И въ безъимянной здѣсь пустынѣ
Почти отъ взоровъ скрылся нынѣ.
О ты, жилецъ его былой!
Какъ тѣсенъ домъ подземный твой!
Пришлецъ одинъ на немъ мечтаетъ
О томъ, кого и въ гробѣ нѣтъ,
И свой задумчивый привѣтъ
Пустыннымъ вѣтрамъ повѣряетъ.
Нашъ прахъ какъ бы живетъ въ гробахъ;
Но твой—исчезъ и самый прахъ.

V.

Взойдетъ, взойдетъ въ свой часъ урочной
Сребристый рогъ луны полночной,

Утѣшитъ мирныхъ пастуховъ,
И страхъ отгонитъ отъ пловцовъ;
Но до луны, все тьма скрываетъ;
Маякъ на взморьѣ не пылаетъ,
И въ мглѣ туманной легкій челнъ
Ныряетъ робко между волнъ.
Вездѣ, вдоль берега морскаго,
Въ домахъ свѣтилися огни,—
Но вотъ, одинъ послѣ другаго,
Уже потухнули они;
Лишь только въ башнѣ одинокой
Младой Зюлейки свѣтъ блеститъ,—
Лишь у нея, въ ночи глубокой,
Лампада поздняя горитъ,
И тускло свѣтитъ пламень томной
Въ диванной тихой и укромной,
Блестя на тканяхъ золотыхъ
Ея подушекъ парчевыхъ.
На нихъ изъ янтарей душистыхъ
Вотъ четки дѣвы молодой,
Которыя, въ молитвахъ чистыхъ,
Она лилейною рукой
Такъ набожно перебираетъ [18]),—
И въ изумрудахъ вотъ сіяетъ
Съ словами Курзи талисманъ;
Ахъ, что-жъ она его забыла!
Въ немъ тайная хранится сила,
И ей онъ матерью былъ данъ [19]);
И съ комболойе вотъ Коранъ [20]),
Раскрашенъ яркими цвѣтами;
А подлѣ—съ пестрыми каймами
Тетради пѣсенъ и стиховъ
Счастливой Персіи пѣвцовъ,
И лютня, бывшая подруга
Ея веселаго досуга;
И вкругъ лампады золотой
Цвѣтутъ цвѣты, благоухая,
Въ фарфорѣ расписномъ Китая,
И дышатъ свѣжею весной!—
И пышные ковры Ирана,
И ароматы Шелистана,
И все здѣсь дивною красой
И взоръ, и чувство услаждаетъ.

Но что-то тайною тоской
Невольно сердце замираетъ.
Сама гдѣ Пери?—гдѣ-жъ она?—
И воетъ вѣтръ, и ночь темна.

VI.

Подъ соболемъ пушистымъ, чернымъ,
Сокрывъ отъ вьюги нѣжну грудь,
Она, не смѣя и дохнуть,
Съ проводникомъ своимъ безмолвнымъ
Проходитъ трепетной стопой
Кустарникъ дикій и густой.
Когда-жъ въ полянѣ вихрь промчится,
И вдругъ завоетъ, засвиститъ,—
То дѣва бѣдная дрожитъ,
Назадъ хотѣла-бъ возвратиться;
Но отъ Селима какъ отстать,
Какъ на любезнаго роптать?

VII.

И вотъ стезей уединенной
Пришли къ пещерѣ отдаленной,
Гдѣ часто, съ лютнею въ рукахъ,
По вечерамъ она пѣвала,
И набожно Коранъ читала,
Носясь въ младенческихъ мечтахъ
Дѣвичьей думой въ небесахъ.
Что будетъ съ женскими душами,—
Пророкъ ни слова не сказалъ,
Но ясными вездѣ чертами
Селиму вѣчность обѣщалъ.
«Ахъ! и въ тѣни садовъ чудесныхъ,
И въ свѣтлыхъ радостяхъ небесныхъ,
Селимъ встоскуется по мнѣ,
Ему такъ милой на землѣ.
О, нѣтъ! возможно-ль, чтобъ иная
Такъ нѣжно съ нимъ умѣла жить,
И будто можетъ дѣва рая
Страстнѣй меня его любить?»

VIII.

Но видъ пещера измѣнила
Съ тѣхъ поръ, когда въ послѣдній разъ

Зюлейка тамъ досужный часъ
Въ сердечныхъ думахъ проводила.
Быть-можетъ то, что мракъ ночной
Давалъ пещерѣ видъ иной,
Гдѣ пламень синеватый, блѣдной
Едва пылалъ въ лампадѣ мѣдной.
Но что въ лучахъ его блеститъ?
Что чудное въ углу лежитъ?
То были сабли и кинжалы;
Но съ таковыми въ бой летитъ
Не грозный обожатель Аллы,
А носитъ рать чужой земли.
И вотъ одинъ кинжалъ въ крови!..
Не льется кровь безъ злодѣянья...
И тутъ же чаша ликованья,
И не щербетъ былъ въ чашѣ той.
Она глядитъ, не понимаетъ,—
На друга робко взоръ бросаетъ:
«Селимъ! Ахъ! ты-ли предо мной?»

IX.

И онъ предъ ней въ одеждѣ новой:
Исчезла гордая чалма,
И шалью обвита пунцовой
Его младая голова;
Нѣтъ камней радужнаго цвѣта;
Кинжалъ не блещетъ жемчугомъ,
Но два чеканныхъ пистолета
За пестрымъ, шитымъ кушакомъ,
И сабля легкая звенѣла,—
И тонкій станъ его одѣла,
Небрежно сброшена съ плеча,
Изъ бѣлой ткани епанча,
Какую носятъ Кандіоты,
Пускаясь въ буйные налеты;
Не панцырь грудь его хранитъ,—
Она подъ сѣткой золотою;
И обувь странная гремитъ
Серебряною чешуею;
Но чинъ высокій онъ являлъ
Осанкой гордою своею,
Хотя казалось, что стоялъ
Галіонджи простой предъ нею [21]).

X.

—«Ты видишь правду тайныхъ словъ:
Что я—кто я—никто не знаетъ;
Мой рокъ мрачнѣе страшныхъ сновъ,
И многимъ горе предвѣщаетъ.
Но какъ молчать, стерпѣть-ли мнѣ,
Чтобъ мужемъ былъ Османъ тебѣ?
Доколѣ мнѣ тоской мятежной
Ты не явила страсти нѣжной,—
Я долженъ былъ, я самъ хотѣлъ
Таить мой бѣдственный удѣлъ;
Не пламенной моей любовью
Теперь я стану убѣждать:
Любовь я долженъ доказать
Годами, вѣрностью и кровью;
Но ты не будь ни чьей женой,
И я не братъ, Зюлейка, твой».

XI.

«Не братъ? и мнѣ тебя чуждаться?
Творецъ! роптать я не должна.
Но, ахъ! ужель я рождена
Безродной по землѣ скитаться,
Безъ милаго на свѣтѣ жить?
Меня не будешь ты любить!
И я увяну сиротою.
Но знай: и въ горести моей
Останусь другомъ я—сестрою—
Зюлейкой прежнею твоей.
Быть-можетъ, жаль тебѣ рѣшиться
Младую жизнь мою пресѣчь,
А долженъ мстить; возьми же мечъ—
Вотъ грудь моя! чего страшиться?
Сноснѣе тлѣть въ землѣ сырой,
Чѣмъ жить и быть тебѣ чужой.
Судьбы жестокаго удара
Теперь причину вижу я,—
Яфаръ... онъ вѣчно гналъ тебя,
А я, увы! я дочь Яфара!
Спаси меня!.. хоть не сестрой,
Пусть буду я твоей рабой».

XII.

—«Зюлейка! ты моей рабок

Пророкомъ я клянусь, Селимъ
Всегда, вездѣ, навѣкъ твоимъ!
Счастлива нѣжною мечтою,
Ты слезъ не лей передо мною.—
Взгляни на мечъ завѣтный мой,
Корана съ надписью святой [22])!
Пускай сей мечъ, въ день шумной брани,
Позоромъ ослабѣлой длани
Не защититъ въ бою меня,
Когда обѣтъ нарушу я!
Прелестный другъ, души отрада,
Соединимся мы тѣснѣй!
Теперь исчезла намъ преграда,
Хоть лично мнѣ Яфаръ злодѣй.—
Ему былъ братомъ—мой родитель;
Онъ тайно брата умертвилъ;
Но однокровнаго губитель
Меня, младенца, пощадилъ;
И сироту—онъ, Каинъ новый [23]),
Хотѣлъ себѣ поработить,
Какъ львенка, думалъ заключить
Обманомъ въ тяжкія оковы,
И тщился строго наблюдать,
Чтобъ я цѣпей не смѣлъ порвать.
Его обидъ я не забуду;
Кипитъ во мнѣ отцова кровь;
Но въ томъ порукою любовь,
Что для тебя—я мстить не буду.
Однако-жъ вѣдай, какъ Яфаръ
Свершилъ злодѣйскій свой ударъ!

XIII.

«Какъ ярость братьевъ раздраженныхъ
Вспылала гибельной грозой,
Любовь, иль честь тому виной,—
Не знаю я; въ душахъ надменныхъ
Обидъ малѣйшихъ даже видъ
Вражду смертельную родитъ.
Отецъ мой, Абдала, всѣхъ болѣ
Врагамъ былъ страшенъ въ ратномъ полѣ;
Еще поднесь его дѣла
Боснійцы въ пѣсняхъ величаютъ,
И ратники Пасвана знаютъ [24]),

Каковъ былъ смѣлый Абдала.
Я разскажу Зюлейкѣ нынѣ
О горестной его кончинѣ,
Какъ онъ коварства жертвой палъ,
И, о моей узнавъ судьбинѣ,
Какъ я навѣкъ свободнымъ сталъ.

XIV.

«Когда Пасванъ въ стѣнахъ Виддина
Уже не жизнь одну спасалъ,
А самъ Султану угрожалъ;
Тогда Паши вкругъ властелина
Стеклись, раздоръ забыли свой—
И двинулись съ мятежнымъ въ бой.
Два брата сабли обнажаютъ,
При каждомъ вѣрные полки,
Раскинутъ станъ, и бунчуки
Въ поляхъ Софійскихъ развѣваютъ.
Но Абдалы надежный мечъ
Напрасно ждалъ кровавыхъ сѣчъ.
Онъ мнилъ, что съ братомъ примирился,—
И въ небеса переселился,
Роднымъ злодѣемъ отравленъ:
Однажды, бывши утомленъ
Звѣриной ловлею и жаромъ,
Вкушалъ въ купальнѣ онъ покой,
И рабъ, подкупленный Яфаромъ,
Ему напитокъ роковой [25])
Поднесъ; онъ взялъ безъ подозрѣнья—
И смерть... Не вѣрь моимъ словамъ:
Гарунъ рѣшитъ твои сомнѣнья,
Спроси его, Гарунъ былъ тамъ.

XV.

«Ударъ свершонъ. Пасванъ надменный
Разбитый, но не побѣжденный,
Войну пресѣкъ,—родитель твой
Беретъ неправедною мздой
Удѣлъ и санъ высокій брата;
Такъ подлой наглостью своей
Въ Диванѣ все, цѣною злата,
Искатель низкій и злодѣй
Достанетъ:—наши земли, правы,

Его измѣны плодъ кровавый,
Онъ получилъ. Нѣтъ нужды въ томъ,
Что въ даръ богатство расточаетъ,—
Утрату новымъ грабежомъ
Яфаръ обильно замѣняетъ.
Ты спросишь: какъ?—Взгляни сама
На селъ, полей опустошенье,
И подъ жестокостью ярма
Рабовъ несчастныхъ изнуренье;
Спроси, какъ вымученный потъ
Ему сокровища даетъ.
Почто-жъ младенецъ безнадежной
Спасенъ отъ смерти неизбѣжной?
Зачѣмъ суровый твой отецъ
Его пріемлетъ въ свой дворецъ?
Не знаю: стыдъ иль сожалѣнье,
Иль дѣтской слабости презрѣнье,
Иль безъ сыновъ онъ, можетъ-быть
Хотѣлъ меня усыновить,
Иль замыслъ непонятный, тайный
Тому причиною случайной.
Но намъ-ли вмѣстѣ можно жить?
Въ обоихъ гнѣвъ нетерпѣливый
Всечасно разгорался вновь:
Его страшилъ мой духъ кичливый,
Я зрѣлъ на немъ отцову кровь.

XVI.

«Враги Яфаровы таятся;
Не всякъ тотъ вѣрность сохранитъ,
Кого онъ кормитъ и поитъ.
Когда-бъ они могли дознаться,
Что было съ Абдалой, кто я,—
Тогда-бъ ему не жить и дня.
Они лишь ждутъ, чтобъ сердцемъ смѣлой
Ихъ велъ на дерзостное дѣло;
Глядятъ, чтобъ буйною рукой
Имъ знакъ былъ поданъ роковой.
Но тьма судьбу мою скрываетъ,
Одинъ Гарунъ всю тайну знаетъ:
При Абдалѣ воспитанъ онъ
И стражемъ былъ отцовыхъ женъ,—
Онъ видѣлъ страшную кончину.

Но что невольник мог начать?
Владыки смерть ему-ль отмщать?
Он жизнь спасти решился сыну.
Гарун меня младенца взял,
И в день, когда в чаду кичения
Губитель гордый пировал,—
Осиротелый, без призренья,
Я у ворот его стоял.
Гарун молил—и не напрасно,—
Об участи моей несчастной.
Яфар велел таить—кто я,
От всех,—но боле от меня;
И в Азию с берегов Дуная,
Далеко от Румельских стран,
Свое злодейство скрыть желая,
Уехал сумрачный тиран;
Но мне Гарун открыл обман.
Узнал наперсник боязливой
Весь ужас тайны злочестивой;
Он изменить стремился ей.
Так Алла злобных наказует:
Он им сообщников дарует,
Но не дарует им друзей.

XVII.

«Мой рок невольно устрашает;
Но правды я не утаю,
Хотя разсказ мой и смущает
Невинность робкую твою.
Заметил я, как ты дрожала,
Когда Селима узнавала
В одежде странной; но уж я
Ее носил—она моя:
Твой юный друг, с которым вечно
Ты клятвой связана сердечной,
Начальник шайки удалой;
Нам жизнь, закон—один разбой.
И если-б ты узнала боле
О нашей в море буйной доле,
Тогда-б еще удвоил страх
Лилеи на твоих щеках.
Вот эта сбруя боевая
Моей толпой принесена;

Вблизи скрывается она;
Когда же чаша круговая
Въ пиру морскомъ осушена,
То удальцы мои суровы
На все летятъ, на все готовы;
Пророкъ нашъ долженъ имъ простить
Веселый грѣхъ—вино любить.

XVIII.

«Что было дѣлать? жить въ презрѣньи?
Дышать свободой въ заточеньи?
Яфаръ боялся ужъ меня,
И ни кинжала, ни коня
Мнѣ дать не смѣлъ, а предъ Диваномъ
Онъ правду затмевалъ обманомъ,
Что будто въ поле страшно мнѣ
Летѣть съ кинжаломъ на конѣ;
Пророкъ то знаетъ—въ бой кровавый
Спѣшитъ одинъ злодѣй лукавый,—
А я въ гаремѣ между женъ
И безъ надежды, и безъ славы,
Томлюсь, Гаруну порученъ.
Тогда ты ласкою безцѣнной
Меня утѣшить не могла;
Устрашена грозой военной,
Въ далекомъ замкѣ ты жила.
Я тяжкой праздностью томился,
Но волю мнѣ на время дать
Гарунъ изъ жалости рѣшился,—
Лишь я былъ долженъ обѣщать
Явиться прежде къ намъ въ обитель,
Чѣмъ съ поля брани твой родитель.
О, нѣтъ! сказать не въ силахъ я,
Какъ сердце билось у меня,
Когда свободными очами
Узрѣлъ я вдругъ и темный лѣсъ,
И синю даль, и блескъ небесъ,
И море съ яркими волнами.
Въ пучины моря—въ небеса,
Казалось, духъ мой проникаетъ;
Казалось мнѣ, онъ постигаетъ
Всѣ тайны ихъ, всѣ чудеса,
Съ тѣмъ чувствомъ новымъ: я свободенъ!

Восторгъ мой былъ съ безумьемъ сходенъ.
Тогда я розно былъ съ тобой,
И не грустилъ; я той порой
Владѣлъ и небомъ, и землей.

XIX.

«Простясь съ печальными брегами,
Я съ Маврскимъ опытнымъ пловцомъ
Стремилъ мой бѣгъ межъ островами,
Блестящими надъ влажнымъ дномъ
Жемчужно-пурпурнымъ вѣнцомъ
Святаго старца океана.
Я видѣлъ ихъ. Но жребій мой
Гдѣ свелъ насъ съ буйною толпой,
Какъ власть дана мнѣ атамана,
И какъ навѣки рѣшено,
Что жизнь и смерть намъ за-одно,—
Я разсказать тебѣ успѣю
Тогда, какъ будетъ свершено,
Что тайно въ думѣ я имѣю.

XX.

«То правда, въ шайкѣ удалой
Кипитъ духъ буйный, нравъ крутой;
Всѣ разныхъ званій, разной вѣры;
Имъ чужды общіе примѣры;
Но простота, безъ лести рѣчь,
Покорность власти, вѣрный мечъ,
Душа, которая стремится
Безстрашно съ гибелью сразиться,
Ихъ братство, дикая ихъ честь,
И вѣчная за падшихъ месть,—
Все мнѣ порукою надежной,
Что долженъ я искать межъ нихъ
Оплота въ участи мятежной,
Удачи въ замыслахъ моихъ.
Уже я главнымъ въ шайкѣ смѣлой,
Но Франкъ одинъ преклонныхъ лѣтъ
При мнѣ, и юности незрѣлой
Даетъ свой опытный совѣтъ.
Межъ ними много душъ высокихъ,
И много замысловъ глубокихъ;
Здѣсь вольностью оживлены,

Не помня бѣдствія былыя,
Друзья Ламброса удалые [26]),
Отчизны вѣрные сыны,
Въ пещерахъ часто ночью темной,
При яркомъ заревѣ огней,
Своихъ Раясъ мечтой огромной
Уже спасаютъ отъ цѣпей;
Имъ думать весело о волѣ,
О равныхъ правахъ, мирной долѣ;
Ихъ нѣтъ нигдѣ, имъ быть нельзя,
Но ихъ мечтой плѣненъ и я.
Я радъ нестись шумящими зыбями,
Скитаться радъ въ кибиткѣ кочевой [27]),
Мнѣ душно жить за пышными стѣнами;
Люблю шатеръ, люблю челнокъ простой.
О, милый другъ! всегда, вездѣ со мною,
И на конѣ мнѣ спутница въ степяхъ,
И по волнамъ на легкихъ парусахъ;
Ты правь конемъ, ты правь моей ладьею,
Ты будь моей надежною звѣздою!..
Ты освятишь мой жребій роковой,
Мнѣ принесешь небесъ благословенья;
Лети, лети въ ковчегъ мятежный мой,
Какъ благодать, какъ голубь примиренья;
Иль въ страшный часъ, во мракѣ бурныхъ дней,
Будь радугой прекрасною моей;
Зажгись зарей вечерней надъ холмами,
Пророческимъ огнемъ межъ облаками.
Свята—какъ святъ Муйциновъ Мекки гласъ
Поклонникамъ молитвы въ тихій часъ;
Плѣнительна—какъ пѣсни звукъ любимой
Въ мечтахъ младыхъ тоской неизъяснимой;
Мила—какъ милъ напѣвъ земли родной
Изгнаннику въ странѣ, ему чужой,—
Такъ будетъ мнѣ отрадою безцѣнной
Рѣчь нѣжная подруги несравненной.
Пріютъ, какъ рай въ часъ юности своей,
На островахъ, цвѣтущихъ красотою,
Съ моей рукой, съ любовію моей,
Тебѣ готовъ; тамъ дышитъ все тобою,
Тамъ сотнями мечи уже блестятъ:
Они спасутъ, и грянутъ, и сразятъ.
Съ тобою я,—а шайка удалая

Вдоль по морю помчится разъѣзжать,
И для тебя, подруга молодая,
Чужихъ земель наряды отбивать.
Въ гаремѣ жизнь скучна, какъ плѣнъ тяжелой;
У насъ свѣтла безпечностью веселой.
Я знаю, рокъ грознѣе съ каждымъ днемъ
Несется вслѣдъ за дерзкимъ кораблемъ;
Но пусть бѣда отважныхъ настигаетъ,
Судьба тѣснитъ и дружба измѣняетъ:
Все усладитъ любовь твоя одна.
Прелестный другъ! съ той думою сердечной,
Что ты моя, что ты вѣрна мнѣ вѣчно,
Печаль летитъ—и гибель не страшна.
Равна любовь, равно къ бѣдамъ презрѣнье,
Съ тобой во всемъ найдется наслажденье,
Заботы, грусть и радость пополамъ;
Все ты, все я—и нѣтъ разлуки намъ.
Свободные,—съ товарищами смѣло
Опять въ моряхъ начнемъ мы наше дѣло.
Такъ свѣтъ идетъ: духъ жизни боевой
Дается всѣмъ природою самой.
Гдѣ льется кровь, гдѣ странъ опустошенье,—
Ужасна брань, и ложно примиренье;
И я горю воинственнымъ огнемъ,
Но я хочу владѣть однимъ мечемъ.
На распрѣ власть престолъ свой утвердила,
И властвуетъ имъ хитрость, или сила;
Пускай же мечъ блеститъ въ моихъ рукахъ,
А хитрость пусть гнѣздится въ городахъ;
Тамъ нѣгою тѣ души развратились,
Которыя-бъ и бѣдъ не устрашились;
Тамъ безъ подпоръ, безъ друга красотѣ
Цвѣсти нельзя въ невинной чистотѣ.
Но за тебя страшиться мнѣ напрасно:
Какъ ангелъ, ты свѣтла душою ясной.
Какъ знать судьбу! Но намъ въ родной странѣ
Спасенья нѣтъ, а горести однѣ.
Мою любовь разлука ужасаетъ:
Яфаромъ ты Осману отдана.
Бѣги со мной! и страхъ мой исчезаетъ;
Попутенъ вѣтръ, ночь тихая темна.
Чета любви ненастья не робѣетъ,
Въ опасной тьмѣ надъ нею радость вѣетъ.

Бѣжимъ, бѣжимъ, о милая! съ тобой
Отрадно все—и дышутъ красотой
Моря и степь; въ тебѣ весь міръ земной!
Пусть вѣтръ шумитъ страшнѣе и страшнѣе,
Прижмешься ты къ груди моей тѣснѣе!—
Не ужаснетъ часъ гибельный меня!
Лишь о тебѣ молиться буду я.
Что буйный вѣтръ? что бездны океана?
Страшись, любовь, коварства и обмана!
Насъ гибель ждетъ въ гаремѣ, не въ моряхъ;
Тамъ мигъ одинъ, а здѣсь вся жизнь въ бѣдахъ.
Но—прочь отъ насъ тяжелыхъ думъ волненья!
Рѣшись скорѣй! насталъ уже для насъ
Иль часъ бѣды, или свободы часъ.
Мы жертва здѣсь и горести, и мщенья.
Яфаръ мнѣ врагъ! и хочетъ дерзкій бей
Насъ разлучить,—тебѣ Османъ злодѣй!

XXI

«Гарунъ отъ казни и упрека
Избавленъ мной,—въ сераль до срока
Я прибылъ; здѣсь не каждый зналъ,
Какъ я по островамъ скитался;
Кто тайну вѣдалъ,—умолчалъ,
И я начальникомъ остался
На все готовыхъ смѣльчаковъ.
Рѣшитель дерзостныхъ трудовъ,
Я ихъ въ разъѣзды разсылаю,
Межъ нихъ добычи раздѣляю;
И жалко мнѣ, что рѣдко самъ
Пускаюсь съ ними по волнамъ.
Но ужъ пора! во тьмѣ глубокой
Все тихо! челнъ мой недалеко;
Ужъ вѣтеръ вьется въ парусахъ;
Бѣжимъ! оставимъ гнѣвъ и страхъ
На здѣшнихъ мрачныхъ берегахъ!
Османъ пусть явится съ зарею;
А ты свободна—ты со мною!
И если этотъ гордый бей
Жить долженъ, и отца роднаго
Спасти отъ часа роковаго
Ты хочешь,—о, бѣги скорѣй!
Бѣги! Когда-жъ судьбы моей

Узнавъ всю тайну безъ обмана,
И клятву сердца, и мечты
Любви младой забыла ты,—
Я остаюсь, я жду Османа!
Тебѣ не быть его женой,
Не быть, что̀ бъ ни было со мной!!

XXII.

И, неподвижная, нѣмая,
Стояла дѣва молодая;
Такъ намъ рѣзецъ изобразилъ,
Какъ мать въ печали безотрадной
Вдругъ обратилась въ камень хладный.
Лишенная и чувствъ, и силъ,
Очамъ она являла тоже;
Лишь, бѣдная, была моложе.
Но, страха тайнаго полна,
Едва опомнилась она,—
Какъ видитъ: у воротъ садовыхъ
Вдругъ блещетъ факелъ роковой...
Блеснулъ одинъ,—блеснулъ другой,
И много,—и огней багровыхъ
Свѣтъ яркій озаряетъ садъ.
«Бѣги!.. ты больше мнѣ, чѣмъ братъ!»
И въ красномъ заревѣ съ мечами
Злодѣи видны межъ кустами.
Они бѣгутъ, они летятъ,
По рощамъ, въ просѣкахъ мелькаютъ;
Кинжалы, факелы сверкаютъ.
Страшнѣе всѣхъ Яфаръ бѣжитъ,
Бѣжитъ къ пещерѣ отдаленной,
И машетъ саблей обнаженной,
И гнѣвомъ бѣшенства кипитъ.
Селимъ! ужель судьба рѣшила,
Чтобъ здѣсь была твоя могила?

XXIII.

Отважный смотритъ: «билъ мой часъ—
Зюлейка! скоро все свершится!
Цѣлуй меня въ послѣдній разъ.
Но близко наши,—къ нимъ домчится
Призывный звукъ,—узрятъ они
Въ кустахъ багровые огни;

Ихъ мало... но—чего страшиться!»
Вдругъ изъ пещеры онъ стрѣлой,
Чеканный пистолетъ хватаетъ:
Раздался выстрѣлъ вѣстовой,—
И дѣва, въ горести нѣмой,
Безъ слезъ отъ страха обмираетъ.
«Не слышно... что-жъ?.. и приплывутъ,
Но ужъ Селима не найдутъ.
На выстрѣлъ мой бѣгутъ толпою
Злодѣи ближнею тропою:
Такъ обнажись отцовскій мечъ!
Ты не видалъ подобныхъ сѣчъ.
О, другъ! прости! чрезъ рощу тайно
Иди съ надеждой во дворецъ.
Тебѣ разгнѣванный отецъ
Проститъ. Но, ахъ! чтобы случайно
Свинецъ вблизи не просвисталъ;
Чтобъ въ очи не блеснулъ кинжалъ!
Иди... Не бойся за Яфара;
Пусть ядъ былъ данъ его рукой,
Пусть скажетъ: робокъ я душой;
Не дамъ ему—не дамъ удара;
Но ихъ—я радъ, готовъ разить:
Меня-ль убійцамъ устрашить!»

XXIV.

И онъ, какъ вихрь, на склонъ прибрежной
Стремится, выхвативъ свой мечъ.
Вотъ первый изъ толпы мятежной, —
Его глава скатилась съ плечъ.
Вотъ и другой; мечъ снова блещетъ, —
И трупъ у ногъ его трепещетъ.
Но ужъ онъ самъ со всѣхъ сторонъ
Толпою буйной окруженъ.
Селимъ сѣчетъ ихъ, колетъ, рубитъ;
Достигъ до волнъ береговыхъ,
И видитъ въ морѣ удалыхъ.
Ужели рокъ его погубитъ?
Къ нему безстрашные въ бояхъ
Летятъ на бѣлыхъ парусахъ;
О! дуй сильнѣе, вѣтръ попутной!
Они спѣшатъ, — они гребутъ,
И съ лодки въ море — и плывутъ,

И сабли блещутъ въ пѣнѣ мутной;
Ихъ дикій взоръ, какъ жаръ горитъ,
Съ одеждъ, кудрей вода бѣжитъ, —
Вскочили... вскрикнули... сразились;
Кипитъ въ саду шумящій бой.
Но гдѣ-жъ Зюлейки другъ младой?
Чьей кровью волны обагрились?

XXV.

От вражьихъ стрѣлъ, отъ ихъ мечей
Неуязвленный, невредимый,
Толпой неистовыхъ тѣснимый,
Ужъ онъ на взморьѣ, межъ друзей;
Ужъ вѣрная ладья манила
Его къ привѣтнымъ островамъ;
Уже рука его врагамъ
Ударъ послѣдній наносила...
Въ тотъ самый мигъ... увы! зачѣмъ
Ты медлишь, юноша несчастной?
Что оглянулся на гаремъ,
Гдѣ не видать тебѣ прекрасной?
Ни тяжкій плѣнъ, ни смертный страхъ, —
Она одна, одна въ очахъ;
Онъ въ ней живетъ — и въ часъ напасти
Надежда льститъ безумной страсти;
Въ тотъ мигъ свинецъ летитъ, свиститъ:
«Вотъ какъ Яфаръ враговъ казнитъ!»
Чей слышенъ голосъ? кто свершитель
Удара мести въ тьмѣ ночной?
Кто злобною вблизи рукой,
Кто мѣтилъ выстрѣлъ роковой?
Чей карабинъ?.. онъ твой, губитель!
Ты ядомъ брата отравилъ,
Ты-жъ сироту его убилъ!..
И хлещетъ кровь его струею
Надъ ясной влагою морскою, —
И бурныхъ волнъ прибрежныхъ шумъ
Уноситъ ропотъ тайныхъ думъ.

XXVI.

Уже разсвѣтъ; клубятся тучи,
Въ туманъ одѣтъ небесный сводъ;
Полночный бой у шумныхъ водъ

Давно замолкъ; — но брегъ зыбучій
Явилъ съ печальною зарей
Слѣды тревоги боевой,
Обломки сабли притупленной,
И мечъ еще окровавленной.
Замѣтно было на пескѣ,
Какъ буйные его топтали,
Какъ руки, роясь, замирали, —
И подъ кустомъ невдалекѣ
Курился факелъ обгорѣлой.
Вотъ опрокинутый челнокъ
Волною брошенъ на песокъ,
И епанча изъ ткани бѣлой
Въ крови, пробитая свинцомъ,
Виситъ на тростникѣ морскомъ, —
И быстрый плескъ волны упорной
Отмыть не можетъ крови черной.
Но гдѣ же тотъ, съ чьего плеча
Въ крови упала епанча?
О! если-бъ сердце чье хотѣло
Оплакать горестное тѣло, —
Пускай его, пусть ищетъ тамъ,
Гдѣ море и кипитъ, и блещетъ,
И подъ скалой Сигейской плещетъ,
Стремясь къ Лемносскимъ берегамъ;
Надъ нимъ морскія птицы вьются,
Ужъ хладный трупъ клевать несутся,
И онъ безчувственный плыветъ
По произволу бурныхъ водъ, —
И, колыхаяся съ волною,
Качаетъ юной головою,
Всплываетъ, тонетъ, и порой,
Какъ бы грозитъ еще рукой.
И пусть клюютъ морскія птицы
Его, лишеннаго гробницы, —
Ихъ дикій кликъ и клевъ страшнѣй
Тлетворныхъ гробовыхъ червей.
Былъ другъ одинъ, былъ ангелъ милой,
Прекрасный спутникъ прежнихъ дней;
Она одна душой унылой
Грустила-бъ надъ его могилой, —
И столбъ съ надгробною чалмой [28])
Кропила вѣрною слезой;

Но свѣтлый взоръ ея затмился, —
И пламень жизни въ ней погасъ
Тогда, какъ рокъ его свершился,
Какъ билъ ему послѣдній часъ.

XXVII.

Надъ Геллеспонтомъ вопль и стоны!
Уныли мужи — плачутъ жены;
Звѣзда любви, Яфара дочь
Послѣдняя семьи надменной!
Спѣшилъ — скакалъ и день, и ночь,
Но опоздалъ твой обрученной;
Не зрѣть ему красы твоей,
Не для его она очей.
И *Вулвулла* къ нему порою [23])
Несется съ вѣстью гробовою.
Плачъ громкій на твоемъ крыльцѣ
Подругъ, блѣднѣющихъ въ лицѣ;
Рабовъ безмолвныхъ видъ печальной,
Корана пѣсни погребальной
Протяжный хоръ, стенанья, вой,
Ему разскажутъ жребій твой.
Селима падшимъ ты не зрѣла;
Когда въ ночи на страшный бой
Твой другъ пошелъ, ты обомлѣла;
Онъ былъ надеждой свѣтлыхъ дней.
Любовью, радостью твоей.
Ты видишь — смерть неизбѣжима,
Ужъ не спасти тебѣ Селима!
И сердце кровью облилось,
Въ послѣднее затрепетало,
Вдругъ дикій вопль... разорвалось,
И разомъ биться перестало,
И тихо все — все тихо стало.
Миръ сердцу твоему! и миръ
Надъ дѣвственной твоей могилой!
Ты счастлива — любви кумиръ
Тебя плѣнялъ мечтою милой;
Одинъ ударъ тебя сразилъ;
Онъ вдругъ мечты твои убилъ,
Но вѣры къ нимъ не погубилъ.
Ты жизнь такъ радостно встрѣчала,
Ты не боялась, ты не знала

Разлуки, ссоры роковой,
Стѣсненной гордости позора,
И злобы съ тайной клеветой,
И мрачной совѣсти укора,
Ни язвы той... О! черныхъ дней,
Ночей ужасныхъ плодъ унылый
Безумства дикаго страшнѣй.
Она, какъ червь — жилецъ могилы —
Не утихаетъ, не уснетъ;
И этотъ червь въ душѣ гнѣздится,
Не терпитъ свѣта, тьмы страшится;
Онъ сердце точитъ, сердце рветъ,
И все мертвитъ, а самъ не мретъ.
Бѣда тебѣ, свершитель злодѣянья!
Напрасно ты главу опепелилъ,
И слезы льешь въ одеждѣ покаянья!
Кто Абдалу,—Селима кто убилъ?
Ты назвалъ дочь невѣстою Османа...
Та, чья краса плѣнила-бъ и Султана,
Отрада, честь твоихъ преклонныхъ лѣтъ...
О! рви власы, злодѣй! ея ужъ нѣтъ,
И нѣтъ тебя, ужъ нѣтъ, звѣзда младая!
Родимыхъ волнъ и прелесть, и любовь,
Твой блескъ погасъ, его затмила кровь.
Злодѣй, страшись, та кровь была родная!
Терзайся вѣкъ, ищи ее вездѣ:
«*Гдѣ дочь моя?*» и отзывъ скажетъ: *гдѣ* [30]).

XXVIII.

Въ долинѣ, межъ кустовъ блистая,
Могильныхъ камней виденъ рядъ;
И кипарисы тамъ шумятъ,
Не вянетъ зелень ихъ густая;
Но вѣтви, темные листы
Печальны, какъ любовь младая
Безъ упованья и мечты.
Въ долинѣ той есть холмъ унылой,
Одѣтъ муравчатымъ ковромъ,
И роза бѣлая на немъ
Одна надъ тихою могилой
Цвѣтетъ, — но такъ нѣжна, блѣдна,
Какъ бы тоской посажена.
Она сама грустить, томится,

И чуть повѣетъ вѣтерокъ, —
Уже и страшно за цвѣтокъ.
Но что-жъ? и буйный вихрь промчится,
И грянетъ громъ, и дождь польетъ,
А роза все цвѣтетъ, цвѣтетъ;
И если кто, грозы вреднѣе,
Ее сорветъ, — свѣжѣй, милѣе
Она съ румяною зарей
Опять надъ мягкой муравой.
Иль генiй тайный, но чудесной
Кропитъ ее росой небесной,
И пѣстунъ розы молодой?
Межъ дѣвъ Эллады слухъ несется,
Что роза не цвѣтокъ земной,
Когда ни дождь, ни вѣтръ, ни зной,
Ничто до розы не коснется;
Не нуженъ ей весеннiй лучъ,
Не страшенъ мракъ осеннихъ тучъ;
Надъ нею птичка, гость эѳирной,
Незримая въ долинѣ мирной,
Поетъ она въ тиши ночей,
И райской арфы сладкогласной
Дивнѣй напѣвъ ея прекрасной.
То не Иранскiй соловей:
Такой живой, сердечной муки
Его не выражаютъ звуки.
Зайдетъ ли кто, — ужъ онъ всю ночь
Отъ птички не отходитъ прочь,
И слушаетъ въ раздумьи пѣнье,
И плачетъ, — и въ душѣ волненье, —
Какъ бы въ груди проснулась вновь
Тоской убитая любовь.
Но такъ отрадно слезы льются,
Часы такъ сладостно несутся,
И такъ не тягостна печаль,
Что сердцу горестному жаль,
Какъ вдругъ плѣнительное диво
Разсвѣтъ огнистый прекратитъ,
И невидимка замолчитъ.
Инымъ въ тоскѣ мечталось живо;
Но кто, жестокiй, упрекнетъ,
Что въ пѣсни жалкой и любимой
Почти всегда пѣвецъ незримой

Зюлейки имя намекнетъ [31])?
Надъ ней тотъ кипарисъ надгробный,
Гдѣ влажный звукъ, словамъ подобный,
Звенитъ и таетъ въ тьмѣ ночной;
Тотъ мягкій дернъ надъ дѣвой чистой,
Гдѣ вдругъ расцвѣлъ цвѣтокъ душистой
Неувядаемой красой.
Здѣсь былъ вечернею зарею
Могильный мраморъ положенъ;
На утро камня нѣтъ, — и онъ
Ужели смертною рукою
На дальній берегъ унесенъ?
И намъ гласитъ разсказъ восточной:
Когда сраженный злобой мочной,
Селимъ былъ шумною волной
Лишенъ святыни гробовой;
Тогда вблизи крутаго ската
На взморьѣ камень былъ найденъ, —
И этотъ камень нареченъ
Подушкой мертваго пирата.
На немъ пловцы въ полночной тьмѣ
Видаютъ голову въ чалмѣ;
А роза все не увядаетъ,
Томится, снова расцвѣтаетъ:
Прекрасна и блѣдна подъ чистою росой,
Какъ щеки красоты при вѣсти роковой.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ НЕВѢСТѢ АБИДОССКОЙ.

1) Межнунъ и Лейла—восточные Ромео и Юлія. Саади—нравоучительный персидскій поэтъ.

2) У турокъ бьютъ въ барабанъ при восхожденіи солнца, въ полдень и въ сумерки.

3) Это выраженіе находили страннымъ; я не стану ссылаться на „того, кто не имѣетъ музыки въ душѣ“, а только попрошу читателя припомнить, въ теченіе десяти секундъ, черты женщины, которую онъ почитаетъ прекраснѣйшею; ежели онъ и тогда совершенно не пойметъ того, что слабо выражено въ этомъ стихѣ, то я жалѣю о насъ обоихъ.

О соотношеніи и непосредственномъ сравненіи, происходящемъ отъ сего соотношенія, музыки съ живописью, можно прочесть краснорѣчивый отрывокъ въ книгѣ „О Германіи“, твореніи, написанномъ женщиною, которой геній превзошелъ дарованія женщинъ всѣхъ временъ (de l'Allemagne, vol. III, chap. 10). Не гораздо ли сильнѣе сія связь съ подлинникомъ, нежели съ копіею? съ красками природы, нежели съ красками искусства? Однимъ словомъ, это легче чувствовать,

нежели описать; однако же я думаю, что будутъ люди, которые поймутъ сіе выраженіе, или, по крайней мѣрѣ, поняли бы, ежели бъ они видѣли лицо, котораго говорящая гармонія внушила сію мысль: въ самомъ дѣлѣ, мысль сія произведена не воображеніемъ моимъ, но я нашелъ ее въ моемъ воспоминаніи, этомъ зеркалѣ, которое печаль разбиваетъ, бросая на землю, но, глядя на обломки, видишь только умноженное отраженіе.

4) Карасманъ-Оглу, или Кара-Османъ-Оглу, есть богатѣйшій помѣщикъ въ Турціи; онъ управляетъ городомъ Магнезіею; тимарьетами называютъ тѣхъ, которые владѣютъ землею, въ родѣ феодальнаго права, съ обязанностью служить; они служатъ какъ спаги его, соотвѣтственно пространству участковъ ихъ, и приводятъ съ собою въ поле извѣстное число конныхъ воиновъ.

5) Когда паша столь силенъ, что можетъ противиться, то повелѣваетъ удавить посланнаго, возвѣщающаго ему смертную казнь; иногда такимъ образомъ умерщвляютъ пятерыхъ или шестерыхъ посланныхъ, одного за другимъ, по приказанію возмутившагося паши. Напротивъ того, ежели онъ слабъ или послушенъ, то онъ преклоняется, цѣлуетъ подпись султана и съ подобострастіемъ позволяетъ себя удавить. Въ 1810 году выставлены были на вратахъ сераля головы многихъ пашей, понесшихъ подобную участь, и между прочими голова Багдадскаго паши, храбраго молодаго человѣка, отчаянно сопротивлявшагося, но умерщвленнаго измѣною.

6) Хлопая въ ладони, кличутъ слугъ. Турки не любятъ тратить слова и не имѣютъ колокольчиковъ.

7) Богачи въ Турціи имѣютъ чубуки съ мундштуками, а иногда и самыя трубки, украшенныя дорогими каменьями.

8) Дельгисы—удалые всадники, всегда бросающіеся въ первый огонь и начинающіе сраженіе.

9) Турки, для упражненія въ искусствѣ рубить саблею, употребляютъ свертокъ войлока; мало кто, кромѣ мусульманъ, въ состояніи перерубить его однимъ ударомъ: часто употребляютъ для подобнаго же испытанія самую жесткую чалму. Джиридъ есть игра тупыми копьями, которая очень пріятна для глазъ необыкновенною живостью.

10) Олла, Алла-илъ-Аллагъ, восклицаніе, называемое испанскими поэтами: Лейла. По настоящему выговаривается Оллахъ; молчаливые турки довольно расточительны на сіе восклицаніе, особенно во время охоты, игры джиридомъ, а всего болѣе въ сраженіяхъ. Ихъ живость въ битвахъ представляетъ разительную противоположность съ ихъ важностію въ комнатахъ, когда они курятъ трубку и перебираютъ зерна комболойе.

11) Много разсуждали о томъ, почитать ли веселымъ или печальнымъ пѣніе сего любителя розъ; примѣчанія Фокса дали поводъ ко многимъ ученымъ спорамъ противъ мнѣнія древнихъ о семъ предметѣ. Я не смѣю сдѣлать тутъ никакого рѣшительнаго заключенія, хотя готовъ раздѣлять заблужденія г. Фокса.

12) Азраилъ—ангелъ смерти.

13) Сокровища султановъ, которые, по нелѣпому мнѣнію турокъ, были до Адама. Смотри у d'Herbelot, слово: Истакаръ.

14) Есть пословица, что турки изъ Негропонта, жиды изъ Салоники и греки изъ Аѳинъ хуже всѣхъ другихъ изъ ихъ почтеннаго народа.

15) Чекодаръ—служитель, предшествующій знатной особѣ.

16) Много было споровъ о томъ, что выражаетъ эпитетъ: широкій

Геллеспонтъ. При мнѣ спорили объ этомъ однажды на мѣстѣ; не предвидя скораго окончанія сего спора, я вздумалъ переплыть его между тѣмъ, и вѣрно еще разъ переплыву, пока это рѣшатъ. Извѣстно, что споръ о семъ начинается со временъ Троянскихъ: все затрудненіе представляется въ словѣ ἄπειρος. Можетъ быть поэтъ имѣлъ такое же понятіе о разстояніи, какое кокетки имѣютъ о времени, и говоря о широкомъ, подразумѣваютъ не болѣе полмили; такимъ же образомъ кокетки, говоря о вѣчной ихъ привязанности, подразумѣваютъ не болѣе трехъ недѣль.

17) Александръ Македонскій, прежде наступленія на Персію, почтилъ гробницу Ахилла и увѣнчалъ алтарь лаврами и проч. Впослѣдствіи сдѣлалъ то же, въ подражаніе ему, Каракалла. Полагаютъ, что Каракалла умертвилъ своего друга, по имени Фестуса, отравою, для того только, чтобы найти причину учредить новыя игры, подобно бывшимъ въ память Патрокла. Я видѣлъ стада овецъ, пасущихся на гробницахъ Эсіетеса и Антилоха; гробница перваго въ срединѣ долины.

18) Янтарь при треніи издаетъ слабый, но пріятный запахъ.

19) На Востокѣ еще и теперь всѣ суевѣрные вѣрятъ могуществу талисмановъ, вырѣзанныхъ па драгоцѣнныхъ камняхъ или помѣщенныхъ въ золотыхъ коробочкахъ. Талисманы составляются изъ нѣсколькихъ стиховъ Корана, и носятъ ихъ на шеѣ, или привязываютъ къ рукѣ, въ видѣ браслета. Стихи изъ Курзи (престолъ), во второй главѣ Корана, составляютъ талисманы, имѣющіе наиболѣе силы; почему набожные мусульмане и носятъ ихъ начертаніе на драгоцѣнныхъ камняхъ, какъ высочайшее изъ всѣхъ познаній.

20) Четки мусульманъ называются комболойе.—Восточныя и въ особенности персидскія рукописи украшены съ большою роскошью. Гречанки вообще не имѣютъ никакого просвѣщенія, но многія молодыя мусульманки получаютъ хорошее воспитаніе, которое, впрочемъ, не доставило бы имъ блеску въ обществѣ европейцевъ.

21) Галіонджи, или галіондже, то есть турецкій матросъ; на корабляхъ сего народа матросы суть греки, а солдаты—мусульмане. Одежда галіонджи весьма красива. Я часто видалъ капитана-пашу въ сей одеждѣ, когда онъ хотѣлъ не быть узнаннымъ.—Сіи галіонджи обыкновенно ходятъ босыми ногами; описаніе обуви, которую я придалъ Селиму, сдѣлано съ обуви одного изъ бывшихъ прежде въ числѣ морскихъ разбойниковъ, у котораго я жилъ, близъ Гальмона, въ Мореѣ; она составлена изъ чешуекъ, лежащихъ одна на другой, какъ на армадиллѣ.

22) На лезвеѣ турецкихъ сабель бываетъ начертано названіе завода, на которомъ онѣ сдѣланы, но чаще бываетъ начертано золотыми буквами нѣсколько стиховъ изъ Корана. Между восточными саблями, которыя имѣю я, есть одна, которой лезвее имѣетъ необыкновенный видъ. Оно очень широко и съ остраго края представляетъ изгибы на подобіе волнъ или на подобіе пламени.—Я спрашивалъ у албанца, который мнѣ продалъ сію саблю, какую выгоду можетъ принести такой видъ оружія? Онъ отвѣчалъ по-итальянски, что не знаетъ того, но что мусульмане думаютъ, что таковыя оружія наносятъ опаснѣйшія раны, и предпочитаютъ ихъ по той причинѣ, что онѣ жесточе. Я не удивлялся объясненной имъ причинѣ, но купилъ сію саблю по ея странному наружному виду.

23) Турки неосновательно думаютъ, будто преданія о Каинѣ, о ковчегѣ и всѣ повѣствованія Ветхаго Завѣта имъ столько же извѣстны, сколько и евреямъ. Они даже тщеславятся знаніемъ самыхъ мелоч-

ныхъ обстоятельствъ изъ жизни патріарховъ съ большею подробностію, нежели означены оныя въ Св. Писаніи, и, не довольствуясь повѣствованіями отъ Адама, перваго человѣка, имѣютъ ложныя жизнеописанія до временъ адамовыхъ. Съ такою же неосновательностію почитаютъ они Соломона царемъ Некромантіи, а своего Магомета осмѣливаются сравнивать съ Моисеемъ, истиннымъ пророкомъ. Зюлейкою, по-персидски, называется жена Пентефрія, и любовь ея къ Іосифу дала предметъ къ сочиненію одной изъ прекраснѣйшихъ восточныхъ поэмъ. Итакъ, неудивительно, когда мусульманинъ говоритъ о Каинѣ и Ноѣ.

24) Пасванъ-Оглу, возмутившійся паша виддинскій, который въ послѣдніе годы своей жизни поколебалъ могущество Оттоманской Порты.

25) Яфаръ, паша аргирокастранскій или скутарскій (не могу вспомнить, котораго изъ сихъ двухъ городовъ), былъ отравленъ албанскимъ пашою, Аліемъ, тѣмъ же самымъ образомъ, какъ я предполагалъ, что Абдала сіе сдѣлалъ. Между тѣмъ какъ я еще тамъ находился, Али-паша женился на дочери отравленнаго имъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ сего убійства, которое совершилось въ одной изъ адріанопольскихъ или софійскихъ бань. Ядъ былъ примѣшанъ въ чашку кофе, который всегда пьютъ прежде шербета, подаваемаго восточнымъ жителямъ при выходѣ ихъ изъ бани.

26) Грекъ Ламбро Канцани въ 1789—90 годахъ силился избавить отечество свое отъ турецкаго владычества; но, бывъ оставленъ Россіею, не успѣлъ въ своемъ предпріятіи и сдѣлался морскимъ разбойникомъ, избравъ театромъ нападеній своихъ Архипелагскіе острова. Говорятъ, что онъ еще живъ и поселился въ Петербургѣ. Ламбро и Рига занимаютъ, безъ сомнѣнія, первое мѣсто между защитниками независимости своего народа.

27) Кочующая жизнь арабовъ, татаръ и туркменцевъ описана всѣми путешественниками въ Левантъ. Нельзя не сказать, чтобы они не находили въ ней особенной прелести. Одинъ молодой французъ, отступившій отъ христіанства, разсказывалъ Шатобріану, что всегда, когда онъ мчался на конѣ въ степи, онъ испытывалъ неописанное чувство, приближавшееся къ восторгу.

28) Чалма высѣкается изъ камня на гробницахъ однихъ мужчинъ.

29) Это надгробная пѣснь по усопшимъ женщинамъ въ Турціи. Тамошняя благопристойность не позволяетъ, чтобы невольница могла публично изъявлять свою горесть.

30) „Я пришелъ въ мою отчизну и вскричалъ: гдѣ друзья моей юности? гдѣ они?—и эхо отвѣчало: гдѣ они?“—Отрывокъ изъ арабской рукописи.

31) Не нужно ѣхать на Востокъ, чтобъ найти людей, вѣрящихъ переселенію душъ въ птицъ. Исторія привидѣнія лорда Литтльтона, герцогини Кендаль, которая увѣряла себя, что Георгъ I прилеталъ на ея окно въ видѣ ворона (см. Воспоминанія Орфорда), и многіе другіе примѣры доказываютъ, что сіе суевѣріе было не чуждо и Европѣ. Самый чрезвычайный примѣръ есть суевѣріе одной госпожи изъ Ворчестера, которая, вообразивъ, что ея покойная дочь приняла видъ пѣвчей птички, велѣла помѣстить на своемъ мѣстѣ, которое она имѣла въ соборной церкви, нѣсколько клѣтокъ съ птицами сего рода. Сія дама была богата и украшала церковь своими приношеніями, почему и не воспротивились этому сумасбродству. Сей анекдотъ упоминается въ письмахъ Орфорда.

КРЫМСКІЕ СОНЕТЫ

АДАМА МИЦКЕВИЧА.

(Переводы и подражанія).

АКЕРМАНСКІЯ СТЕПИ.

Въ пространствѣ я плыву сухого океана;
Ныряя въ зелени, тону въ ея волнахъ;
Среди шумящихъ нивъ я зыблюся въ цвѣтахъ,
Минуя бережно багровый кустъ бурьяна.
Ужъ сумракъ. Нѣтъ нигдѣ тропинки, ни кургана;
Ищу моей ладьѣ вожатую въ звѣздахъ,
Вотъ облако блеститъ; заря на небесахъ...
О, нѣтъ!—то свѣтлый Днѣстръ,—то лампа Акермана.
Какъ тихо! постоимъ: далеко слышу я,
Какъ вьются журавли; въ нихъ соколъ не вглядится;
Мнѣ слышно—мотылекъ на травкѣ шевелится,
И грудью скользкою въ цвѣтахъ ползетъ змѣя.
Жду голоса съ Литвы—туда мой слухъ проникнетъ...
Но ѣдемъ,—тихо все—никто меня не кликнетъ.

МОРСКАЯ ТИШЬ

НА ВЫСОТѢ ТАРКАНКУТА.

Ласкаясь, вѣтерокъ межъ лентъ надъ ставкой вѣетъ,
Пучина влажная играетъ и свѣтлѣетъ,
И волны тихія вздымаются порой,
Какъ перси нѣжныя невѣсты молодой,
Которая во снѣ о радости мечтаетъ,
Проснется—и опять, вздохнувши, засыпаетъ.
На мачтахъ паруса висятъ, опущены,
Какъ бранная хоругвь, когда ужъ нѣтъ войны,
И, будто на цѣпяхъ, корабль не шевелится;
Матросъ покоится, а путникъ веселится.
О море! въ глубинѣ твоихъ спокойныхъ водъ,
Межъ твари дышащей, страшилище живетъ;
Таясь на мрачномъ днѣ, оно подъ бурю дремлетъ,
Но грозно рамена изъ волнъ въ тиши подъемлетъ.

О мысль! и у тебя въ туманной глубинѣ
Есть гидра тайная живыхъ воспоминаній;
Она, не въ мятежѣ страстей или страданій,—
Но жало острое вонзаетъ—въ тишинѣ.

ПЛАВАНІЕ.

Сильнѣе шумъ—и волны всколыхались,
Морскія чуда разыгрались,
Матросъ по лѣстницѣ бѣжитъ,
Взбѣжалъ:—«скорѣй! готовьтесь, дѣти!»
И какъ паукъ повисъ межъ сѣти,
Простерся—смотритъ, сторожитъ.
Вдругъ: «вѣтеръ! вѣтеръ!»—закачался
Корабль и съ удила сорвался,
Онъ, ринувъ, бездну возмутилъ,
И выю взнесъ, отваги полный,
Подъ крылья вѣтеръ захватилъ,
Летитъ подъ небомъ, топчетъ волны,
И пѣну разметалъ кругомъ,
И облака разсѣкъ челомъ.
Полетомъ мачты духъ несется;
Воскликнулъ я на крикъ пловцовъ;
Мое воображенье вьется,
Какъ пряди зыбкихъ парусовъ.
И на корабль я упадаю,
Моею грудью напираю,
Мнѣ мнится, будто кораблю
Я грудью хода придаю,
И руки вытянувъ невольно,
Я съ нимъ лечу по глубинѣ;
Легко, отрадно, любо мнѣ;
Узналъ, какъ птицей быть привольно.

БУРЯ.

Корма затрещала, летятъ паруса,
Встревоженной хляби звучатъ голоса,
И солнце затмилось надъ бездной морскою
Съ послѣдней надеждой, кровавой зарею.
Громада, бунтуя, реветъ и кипитъ,
И волны бушуютъ, и вѣтеръ шумитъ,

И стонъ раздается зловѣщихъ насосовъ,
И вырвались верви изъ рукъ у матросовъ.
  Торжественно буря завыла; дымясь,
Изъ бездны кипучей гора поднялась,
И ангелъ-губитель по ярусамъ пѣны
Въ корабль уже входитъ, какъ ратникъ на стѣны.
  Кто силы утративъ, безъ чувства падетъ;
Кто, руки ломая, свой жребій клянетъ;
Иной полумертвый о другѣ тоскуетъ,
Другой молитъ Бога, да гибель минуетъ.
  Младой иноземецъ безмолвно сидитъ,
И мнитъ онъ: «тотъ счастливъ, кто мертвымъ лежитъ,
И тотъ, кто умѣетъ усердно молиться,
И тотъ, у кого еще есть съ кѣмъ проститься».

ВИДЪ ГОРЪ ИЗЪ СТЕПЕЙ КОЗЛОВСКИХЪ.

ПИЛИГРИМЪ и МИРЗА.

ПИЛИГРИМЪ.

Кто поднялъ волны ледяныя,
  И кто изъ мерзлыхъ облаковъ
Престолы отлилъ вѣковые
Для роя свѣтлаго духовъ?
Ужъ не обломки-ли вселенной
Воздвигнуты стѣной нетлѣнной,
Чтобъ караванъ ночныхъ свѣтилъ
Съ Востока къ намъ не приходилъ?
Что за луна! взгляни, громада
Пылаетъ, какъ пожаръ Царьграда!
    Иль для міровъ, во тьмѣ ночной
    Плывущихъ по морю природы,
    Самъ Алла мощною рукой
    Такъ озарилъ небесны своды?

МИРЗА.

Не вьется гдѣ орелъ, я тамъ стремилъ мой бѣгъ,
Гдѣ царствуетъ зима, свершилъ я путь далекій;
Тамъ пьютъ въ ея гнѣздѣ и рѣки, и потоки;
Когда я тамъ дышалъ—изъ устъ клубился снѣгъ;
Тамъ нѣтъ ужъ облаковъ, и хладъ сковалъ мятели;
Я видѣлъ спящій громъ въ туманной колыбели,

И надъ чалмой моей горѣла въ небесахъ
Одна уже звѣзда,—и былъ то...
ПИЛИГРИМЪ.

Чатырдагъ! *)

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ДВОРЕЦЪ.

Въ степи стоитъ унылъ Гирея царскій домъ;
Тамъ, гдѣ толпа пашей стремилась
Съ пороговъ пыль стирать челомъ,
Гдѣ гордость нѣжилась, и гдѣ любовь таилась,
На тѣхъ софахъ змѣя сверкаетъ чешуей,
И скачетъ саранча по храминѣ пустой.
И плющъ, межъ стеколъ разноцвѣтныхъ,
Ужъ вьется на столбахъ завѣтныхъ,
Прокравшись въ узкое окно;
Уже онъ именемъ природы
Къ себѣ присвоилъ мрачны своды;
Могучей право отдано;
И тайной на стѣнѣ рукою,
Какъ Балтазаровой порою,
Развалина—начерчено.
Гарема вотъ фонтанъ. Еще бѣжитъ понынѣ
Изъ чаши мраморной струя жемчужныхъ слезъ,
И ропщетъ томная въ пустынѣ;
Но слава, власть, любовь!—Токъ времени унесъ
Мечтавшихъ здѣсь гордиться вѣчно;
Онъ ихъ унесъ скорѣй и влаги скоротечной.

БАХЧИСАРАЙ НОЧЬЮ.

Молитва отошла, джамидъ уже пустѣетъ,
Утихъ *изана* звукъ въ безмолвіи ночномъ, **)
Даль тмится, и заря вечерняя краснѣетъ
Рубиновымъ лицомъ.
Сребристый царь ночей къ наложницѣ прелестной
Въ эѳирной тишинѣ спѣшитъ на сладкій сонъ,
И вѣчною красой блеститъ гаремъ небесной,
Звѣздами освѣщенъ.

---

*) Вершина Чатырдага, по закатѣ солнца, отъ отраженныхъ лучей, кажется нѣсколько времени въ пламени.

**) *Джамидъ*—мечеть; *изанъ*—молитва, которую поютъ муэзины на минаретахъ.

Межъ ними облако одно, какъ лебедь сонной,
На тихомъ озерѣ плыветъ во тьмѣ ночной;
Бѣлѣетъ грудь его на синевѣ бездонной,
Въ краяхъ отливъ златой.
Здѣсь дремлетъ минаретъ подъ тѣнью кипариса,
А тамъ гранитныхъ скалъ хребты омрачены;
Тамъ непреклонные въ диванѣ у *Эвлиса*
Чернѣютъ сатаны.
Подъ мракомъ иногда вдругъ молнія родится,
И чрезъ туманный сводъ лазуревыхъ небесъ
Она изъ края въ край, внезапная, промчится,
Какъ быстролетъ *Фаресъ*. *)

ГРОБНИЦА ПОТОЦКОЙ.

Въ странѣ прекрасныхъ дней, межъ пышными садами,
О роза нѣжная, тебя давно ужъ нѣтъ!
Минуты прежнія златыми мотыльками
Умчались;—память ихъ точила юный цвѣтъ.
Что-жъ сѣверъ такъ горитъ надъ Польшею любимой?
Зачѣмъ небесный сводъ такъ блещетъ тамъ въ звѣздахъ?
Иль взоръ твой пламенный, стремясь къ странѣ родимой,
Огнистую стезю прожегъ на небесахъ?
О Полька! я умру, какъ ты,—одинъ, унылой;
Да броситъ горсть земли мнѣ милая рука!
Въ бесѣдахъ надъ твоей приманчивой могилой
Меня пробудитъ звукъ роднаго языка.
И вѣщій будетъ пѣть красу твою младую,
И какъ ты отцвѣла въ далекой сторонѣ;
Увидитъ близъ твоей могилу здѣсь чужую,
И въ пѣсни, можетъ-быть, помянетъ обо мнѣ!

МОГИЛЫ ГАРЕМА.

МИРЗА.

Вы, недозрѣлыми кистьми
Изъ виноградника любви
На столъ Пророка обреченныя,
Востока перлы драгоцѣнные,
Давно вашъ блескъ покрыла мгла;

*) *Эвлисъ* — Люциферъ; *Фаресъ* — славный бедуинскій наѣздникъ.

Гробница, раковина вѣчности,
От нѣги сладкой, отъ безпечности,
Изъ моря счастья васъ взяла.

Онѣ подъ завѣсой забвенія;
Лишь надъ могильнымъ ихъ холмомъ
Одинъ, въ тиши уединенія,
Дружины тѣней бунчукомъ,
Бѣлѣетъ столпъ съ чалмою грустною.
И начерталъ рукой искусною
На немъ Гяуръ ихъ имена,—
Но ужъ и надпись чуть видна.

О вы, Эдема розы нѣжныя!
Близъ непорочныхъ струй, въ тѣни,
Застѣнчивыя, безмятежныя,
Увяли рано ваши дни!
Теперь же взорами чужими
Гробницъ нарушился покой;
Но ты простишь, Пророкъ святой!
Здѣсь плакалъ онъ одинъ надъ ними.

БАЙДАРЫ.

По волѣ я пустилъ коня—
Скачу,—лѣса, долины, горы,
То вдругъ, то розно встрѣтя взоры,
Мелькаютъ, гибнутъ вкругъ меня
Быстрѣе волнъ;—и межъ видѣній,
Я внѣ себя гоню, скачу:
Упиться вихрями явленій
И обезумѣть я хочу.
Когда же конь мой опѣненный
Уже нейдетъ, и саванъ свой
На міръ усталый, омраченный
Накинетъ ночь, глазъ томный мой,
Разгоряченъ, еще трепещетъ:
Въ немъ призракъ скалъ, лѣсовъ, долинъ,
Какъ въ зеркалѣ разбитомъ, блещетъ.
Земля уснула, я одинъ
Не сплю и къ морю прибѣгаю;
Стремится черный вздутый валъ;
Склонивъ чело, предъ нимъ я палъ,
Къ нему я руки простираю,—

И треснулъ валъ надъ головой.
Теперь хаосъ владѣетъ мной;
Я жду, чтобъ погружась въ забвенье,
Какъ надъ пучиною ладья,
Такъ бы кружась и мысль моя
Могла исчезнуть на мгновенье.

АЛУШТА ДНЕМЪ.

Гора отрясаетъ мракъ ночи лѣнивый;
И раннимъ намазомъ волнуются нивы;
И злато струями вездѣ разлилось;
Лѣсъ темный склоняетъ густыя вершины,
Какъ съ четокъ калифовъ, гранаты, рубины
Онъ сыплетъ съ кудрявыхъ зеленыхъ волосъ.
Въ цвѣтахъ вся поляна; надъ ней мотыльками
Летучими воздухъ пестрѣетъ цвѣтками,—
Какъ радуги ясной сіяетъ коса,
Алмазнымъ наметомъ одѣвъ небеса.
Лишь взоръ опечаленъ вдали саранчею,
Крылатый свой саванъ влекущей съ собою.
Подъ дикимъ утесомъ шумя въ берегахъ,
Сердитое море кипитъ, напираетъ,
И въ пѣнѣ, какъ будто у тигра въ очахъ,
Дневное свѣтило предъ бурей играетъ;
А въ лонѣ лазурномъ далекихъ зыбей
Купаются флоты и рать лебедей.

АЛУШТА НОЧЬЮ.

Свѣжѣетъ вѣтерокъ, смѣнила зной прохлада,
На темный Чатырдагъ падетъ міровъ лампада—
Разбилась, пурпуръ льетъ, и гаснетъ. Черной мглой
Одѣты горъ хребты, въ долинѣ мракъ глухой.
И путникъ слушаетъ, блуждая изумленный,—
Сквозь сонъ журчитъ ручей межъ томныхъ береговъ
И вѣетъ ароматъ, отъ слуха утаенный:
Онъ сердцу говоритъ въ мелодіи цвѣтовъ.
Невольно клонитъ сонъ подъ сѣнью тихой ночи...
Вдругъ будитъ новый блескъ: едва сомкнулись очи,
Потоки золота льетъ свѣтлый метеоръ
На долъ, на небеса, на рядъ высокихъ горъ.

Ты съ одалискою Востока,
О ночь восточная! сходна:
Лаская нѣжно, и она
Лишь усыпитъ, но искрой ока
Огонь любви опять зажженъ,
Опять бѣжитъ спокойный сонъ.

ЧАТЫРДАГЪ.

Какъ мусульманинъ устрашенной,
Твоей твердыни возвышенной
Подошву днесь цѣлую я.
Ты мачта Крыма-корабля,
Ты вѣчный минаретъ вселенной,
О нашъ великій Чатырдагъ!
Ты надъ горами Падишахъ *).
От дальнихъ скалъ за облаками,
Ты подъ небесными вратами,
Какъ стражъ Эдема, Гавріилъ,
Сидишь себѣ между свѣтилъ,
Ногами попираешь тучи;
Твой плащъ широкій—лѣсъ дремучій;
Изъ облакъ выткана чалма
И шита молніи струями.
Прольетъ-ли солнце зной надъ нами,
Иль осѣнитъ внезапна тьма,
И жатву саранча, а домы
Гіауръ жжетъ,—ты невредимъ
Стоишь недвижимо глухимъ;
Но землю, и людей, и громы
Ты подослать себѣ возмогъ;
Стоишь, какъ драгоманъ созданья,
И лишь тому даешь вниманье,
Что говоритъ творенью Богъ.

ПИЛИГРИМЪ.

Роскошныя поля кругомъ меня лежатъ;
Играетъ надо мной лучъ радостной денницы;
Любовью дышатъ здѣсь плѣнительныя лицы,—
Но думы далеко къ минувшему летятъ.

*) Падишахъ—титулъ турецкаго султана.

Напѣвомъ милымъ мнѣ дубравы тамъ шумятъ;
Байдары соловей, Сальгирскія дѣвицы,
Огнистый ананасъ, и яхонтъ—шелковицы
Твоихъ зеленыхъ тундръ, Литва, не замѣнятъ.
Въ краю прелестномъ я брожу съ душой унылой:
Хоть все меня манитъ,—въ тоскѣ стремлюся къ той,
Которую любилъ порою молодой.
Онъ отнятъ у меня, мой отчій край! Но милой
О другѣ все твердитъ въ родимой сторонѣ:
Тамъ живъ мой слѣдъ,—скажи, ты помнишь обо мнѣ?

ДОРОГА НАДЪ ПРОПАСТЬЮ ВЪ ЧУФУТ-КАЛЕ.

МИРЗА.

Теперь молитву сотвори;
Кинь поводъ, взоръ отвороти;
Ногамъ коня сѣдокъ ввѣряетъ
Разсудокъ свой. Какъ онъ идетъ
И окомъ бездну измѣряетъ,
Едва скользитъ, колѣна гнетъ—
И вдругъ, межъ скалъ на край склоняся,
Повисъ, копытомъ уцѣпяся.

Но ты на бездну не взгляни:
Она, какъ кладязь Ал-Каира;
Рукой надъ нею не махни,
Неокрыленной для эѳира,
И думать ты о ней страшись:
Какъ якорь дума—берегись!

Перуномъ онъ съ ладьи стремится;
Но, дерзко брошенный межъ волнъ,
Въ пучину опрокинетъ челнъ,
И въ дно морское не вонзится.

ПИЛИГРИМЪ.

А я сквозь трещину земли,—
Я заглянулъ въ нее...

МИРЗА.

Скажи,
Что-жъ видѣлъ ты?

ПИЛИГРИМЪ.

Мои видѣнья,
Мирза! по смерти разскажу,
Но для живыхъ я выраженья
Въ земныхъ рѣчахъ не нахожу.

ГОРА КИКИНЕИСЪ.

МИРЗА.

Взгляди на пучину,—въ ней небо лежитъ:
То море; и ярко пучина блеститъ.
Убитая громомъ, не птица-ль-гора
Крылѣ распустила въ той безднѣ сребра?
Самъ радужный очеркъ темнѣй въ небесахъ,
Чѣмъ мачтовыхъ перьевъ на синихъ волнахъ.

И островомъ снѣжнымъ подъ дикой скалой
Одѣлися степи лазури морской;
Но островъ сей—туча, и черная мгла
Полміра объемлетъ съ крутого чела.
Огнистую ленту ты видишь на немъ?
То молнія.—Ѣдемъ, и первый съ конемъ
Я кинусь—а путникъ, смотри на меня,
И бичъ свой, и шпоры готовь для коня.
На край тотъ отважно и въ конскую прыть
Чрезъ бездну намъ должно съ размаха вскочить.
Чалма-ли заблещетъ на той сторонѣ,
То я: не робѣя, ты бросься ко мнѣ;
Но если не узришь ее предъ собой,
Знай: людямъ не ѣхать дорогою той.

РАЗВАЛИНЫ ЗАМКА ВЪ БАЛАКЛАВѢ.

Краса Тавриды, ужасъ хановъ,
Здѣсь замокъ былъ; теперь лежатъ
Обломковъ груды и торчатъ,
Какъ черепъ нѣкихъ великановъ,—
Пріюты гадовъ и ужей
Иль ихъ презрѣннѣе людей.
Взойдемъ на башню,—тамъ замѣтны

Гербовъ остатки на стѣнахъ;
Ищу я надписи завѣтной
Иль имя храбраго въ бояхъ;
Оно въ пыли развалинъ хладныхъ,
Какъ червь межъ листьевъ виноградныхъ.
Здѣсь Грекъ на камнѣ высѣкалъ,
Въ Монголовъ часто Генуэзецъ
Желѣзо гибели бросалъ,
И Мекки набожный пришелецъ
Намаза пѣснь въ тиши пѣвалъ.
Теперь же воронъ чернокрылый
Лишь облетаетъ здѣсь могилы:
Одинъ на башнѣ вѣстовой
Такъ черный флагъ уныло вѣетъ,
Когда отъ язвы моровой
Страна прекрасная пустѣетъ.

АЮДАГЪ.

Люблю я, опершись на скалу Аюдага,
Смотрѣть, какъ черныхъ волнъ несется зыбкій строй,—
Какъ пѣнится, кипитъ бунтующая влага,
То въ радуги дробясь, то пылью снѣговой;

И сушу рать китовъ, воюя, облегаетъ,
Опять стремится въ бѣгъ отъ влажныхъ береговъ,
И дань богатую въ побѣгѣ оставляетъ—
Сребристыхъ раковинъ, кораллов, жемчуговъ.
Такъ страсти пылкія, подъемляся грозою,
На сердцѣ у тебя кипятъ, младой пѣвецъ;
Но лютню ты берешь,—и вдругъ всему конецъ.
Мятежныя бѣгутъ, смѣняясь тишиною,
И пѣсни дивныя роняютъ за собою:
Изъ нихъ вѣка плетутъ безсмертный твой вѣнецъ.



СЕЛЬСКІЙ СУББОТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ШОТЛАНДІИ.

(ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНІЕ Р. БЁРНСУ).

Lit not ambition mock their useful toil
Their homely joys and destiny obscure,
Not grandour heur with a disdainful smile
The short and simple annals of the poor.

Gray.

(Посвященіе Ал. Ан. В..к...вой).

Была пора—лучъ ясный въ ней сіялъ,
Я сердцемъ жилъ, я радостью дышалъ,
И жизнь моя играючи летѣла.
Тѣ дни прошли; одѣта черной мглой,
Въ моихъ очахъ природа потемнѣла;
Кругомъ гроза. Но ты была со мной,
Моя судьба душой твоей свѣтлѣла;
Мнѣ замѣнилъ твой дружескій привѣтъ
Обманъ надеждъ и блескъ веселыхъ лѣтъ;
Забылось все.—Какъ плѣнники къ неволѣ,
Привыкнулъ я къ моей угрюмой долѣ;
Она—скажу-ль—мнѣ сдѣлалась мила:
Меня съ тобой она, мой другъ, свела,
И, можетъ-быть, недаромъ мы узнали,
Какъ много есть прекраснаго въ печали!
Теперь съ тобой надолго разлученъ,
Но дружбою, но памятью твоею,
Какъ воздухомъ душистымъ, окруженъ;
Я чувствовать и думать не умѣю,
Чтобъ чувствъ и думъ съ тобой не раздѣлять.
Стѣсненъ-ли духъ отъ мрачныхъ впечатлѣній,
Горитъ-ли онъ въ порывахъ вдохновеній,—
Могу-ль тебя, могу-ль не вспоминать?
Въ умѣ моемъ ты мыслію высокой,
Ты въ нѣжности и тайной, и глубокой
Душевныхъ чувствъ, и ты-жъ въ моихъ очахъ,
Какъ яркая звѣзда на темныхъ небесахъ.
Я ждалъ ее, я мчался къ ней душою,

Я для нея сквозь слезы пѣсни пѣлъ;
Я пѣлъ,—она... была ужъ неземною.
Звукъ томныхъ струнъ—онъ къ ней не долетѣлъ;
Тиха ся далекая могила;
Душа свѣтла въ надзвѣздной сторонѣ.
Но сердце тѣхъ, кого она любила...
Святая тѣнь! молися обо мнѣ...

I.

Ноябрь шумитъ; въ поляхъ мятель и вьюга;
Ненастный день сталъ меркнуть за горой;
Ужъ отпряженъ усталый быкъ отъ плуга
И весь въ пыли онъ тащится домой.
Поселянинъ спѣшитъ съ работы;
Съ недѣлею окончены заботы;
Его соха, и ломъ, и борона,
И сбруя вся въ порядкѣ убрана;
Онъ веселитъ свое воображенье,
Что радостно начнется воскресенье;
И чрезъ лѣсокъ въ уютный домикъ свой
Идетъ къ семьѣ на отдыхъ и покой.

II.

И на холмѣ, дубами осѣненный,
Ужъ видитъ онъ пріютъ уединенный;
Уже дѣтьми онъ шумно окруженъ—
Обнять отца бѣгутъ со всѣхъ сторонъ.
Привѣтенъ видъ его родимой сѣни;
Манитъ къ себѣ трескучій огонекъ;
Какъ чисто все, плита и очажокъ!
Залепетавъ, сынъ младшій на колѣни
Къ нему вскочилъ, и съ важностью, скромна,
Подсѣла къ нимъ радушная жена;
Кругомъ себя бросая взоръ веселый,
Покоенъ, радъ, забылъ онъ трудъ тяжелый.

III.

Межъ тѣмъ пошла забота у дѣтей:
Кто прячетъ плугъ, кто стадо загоняетъ.
Обдумавъ все, одинъ изъ нихъ скорѣй
Въ сосѣднее мѣстечко посылаетъ
Тихонько вѣсть—и Дженни къ нимъ бѣжитъ,
Надежда ихъ, ужъ дѣвушка большая,

Мила, свѣжа, какъ роза полевая,
У ней въ очахъ любовь такъ и горитъ.
Смѣется мать, отецъ не наглядится;
Какъ рада ихъ къ груди она прижать,
И рада имъ нарядъ свой показать,
И деньгами готова подѣлиться!
У той швеи, къ которой отдана,
Своимъ трудомъ достала ихъ она.

IV.

Родные всѣ другъ о другѣ привѣтно
Хотятъ узнать; семейный сладкій часъ
Веселье мчитъ въ бесѣдахъ незамѣтно:
То споръ, то смѣхъ, и каждый свой разсказъ
О томъ, гдѣ былъ, что видѣлъ, начинаетъ,
Одинъ начнетъ, другой перебиваетъ.
А мужъ съ женой—съ дѣтей не сводятъ глазъ,
И рѣчь начать, и дать совѣтъ готовы.
Хозяйка-мать, взявъ ножницы съ иглой,
Изъ лоскутковъ малюткамъ шьетъ обновы;
Отецъ молчитъ,—но, помня долгъ святой,
Ужъ занятъ онъ ихъ будущей судьбой.

V.

Что мать съ отцомъ велятъ повиноваться,
Радушно жить и помнить Божій страхъ,
Отъ нуждъ искать убѣжища въ трудахъ,
И день и ночь порочныхъ думъ чуждаться,
Правдиву быть на дѣлѣ и въ рѣчахъ—
Онъ вкоренялъ отъ дѣтства въ ихъ умахъ;
Онъ говорилъ: «къ прекрасному дорога
У всѣхъ одна—Творца о всемъ молить,
Не дѣлать зла, добро всегда творить:
Съ тѣмъ будетъ Богъ, кто сердцемъ ищетъ Бога»

VI.

Но кто стучитъ тихонько у воротъ?
Дивятся всѣ, а Дженни узнаетъ,
Дрожитъ, какъ листъ, едва промолвитъ слово:
«То, вѣрно, сынъ сосѣда городскаго,—
Его отецъ въ село къ намъ посылалъ,
И онъ меня чрезъ поле провожалъ».
Въ раздумьи мать: какъ дѣлу быть, не знаетъ,

Глядитъ на дочь, и молча замѣчаетъ,
Какъ вдругъ любовь зажглась въ ея глазахъ
И вспыхнула румянцемъ на щекахъ;
И мать спросить у дочери робѣетъ,
Кто новый гость, а та дохнуть не смѣетъ.
Но страхъ прошелъ; отвѣтъ былъ не худой:
Не изъ бродягъ сосѣдъ ихъ молодой.

VII.

И юноша красивый, статный входитъ,
И взоръ родныхъ на гостя устремленъ,
И Дженни къ нимъ, стыдясь, его подводитъ,
И любо ей, что дружно принятъ онъ.
Съ нимъ рѣчь завелъ хозяинъ говорливый,
Каковъ посѣвъ, о стадѣ, о коняхъ.
Надежды лучъ горитъ въ младыхъ сердцахъ;
Но милый гость застѣнчивъ: торопливый,
Не знаетъ онъ, что дѣлать, что сказать.
Смекнула все догадливая мать:
Нѣтъ, видно дочь себя не уронила,
Дѣвичью спѣсь, какъ должно, сохранила.

VIII.

Любовь, любовь! живой восторгъ сердецъ,
Твой чистый жаръ всѣмъ радостямъ вѣнецъ.
Уже давно я, путникъ неизвѣстной,
Чрезъ скучный міръ печально прохожу;
Но долгъ велитъ, и правду я скажу:
Въ долинѣ слезъ отрадою небесной
Одна любовь, нѣтъ радости другой!
Вотъ нашихъ дней минуты золотыя:
Когда одни, вечернею порой,
Стыдливые, любовники младые,
Въ тѣни деревъ сидятъ рука съ рукой:
Ихъ взоръ горитъ весельемъ и тоской,
На ихъ устахъ привѣтъ и ропотъ нѣжный,
А вкругъ цвѣтетъ шиповникъ бѣлоснѣжный,
И тихо къ нимъ склоняется кустокъ,
И вѣетъ имъ душистый вѣтерокъ.

IX.

И гдѣ же, гдѣ найдется тотъ несчастной,
Злодѣй безъ чувствъ, кто-бъ Дженни измѣнилъ,
Въ холодный ядъ обманомъ превратилъ

Мечту души невинной и прекрасной!
Какъ нарушать святое на земли—
Любовь и миръ довѣрчивой семьи!
Взгляните тамъ—вотъ жертва обольщенья:
Она не ждетъ, не хочетъ утѣшенья,
Таясь отъ всѣхъ, уныла и блѣдна,
Во цвѣтѣ лѣтъ разсудка лишена;
Какъ межъ могилъ огни осенней ночи,
Такъ мрачныя ея сверкаютъ очи;
Рыдаетъ мать, зачѣмъ она въ живыхъ,
Отецъ клянетъ позоръ власовъ сѣдыхъ...

X.

Но ужинъ ждетъ—похлебка, дичь готовы.
Принесены творогъ и молоко,
Обычный даръ любимой ихъ коровы,
Да и сама она не далеко,
Пришла съ двора—и голову съ рогами
Просунула тихонько межъ досками—
И сѣна клокъ заботливо жуетъ.
Хозяйка-мать то сядетъ, то уйдетъ,
О юношѣ хлопочетъ прихотливо,
И сочный сыръ предъ нимъ уже стоитъ,
И пѣнится некупленное пиво.
Онъ хвалитъ все, за все благодаритъ,
Узнавъ о томъ съ подробностью большою,
Какъ дѣланъ сыръ хозяйкою самою,
И что ему тогда лишь минетъ годъ,
Какъ желтый ленъ въ поляхъ цвѣсти начнетъ.

XI.

Довольны всѣ. Отъ добрыхъ словъ вкуснѣе,
Уже дошелъ ихъ ужинъ до конца,
И старецъ всталъ; кругомъ огня тѣснѣе
Садятся всѣ, но тише и важнѣе.
И Библія покойнаго отца,
Безцѣнное наслѣдство родовое,
Положена предъ старцемъ на столѣ;
Онъ обнажилъ чело полвѣковое,—
И волосы, рядами на челѣ,
Приглажены къ вискамъ его, бѣлѣли;
И тѣ стихи замѣтилъ онъ въ псалмахъ,
Которые хотѣлъ чтобъ дѣти пѣли;

Потомъ сказалъ съ слезами на очахъ:
«Помолимся Подателю всѣхъ благъ!»

XII.

Они поютъ. Сердечные, простые
Въ одинъ напѣвъ слилися голоса;
И звуки тѣ Шотландскихъ горъ родные,
И вѣра ихъ несетъ на небеса.
Въ святую брань такъ мученики пѣли,
И, можетъ-быть, стремясь къ высокой цѣли,
Нашъ Джонъ Граамъ и смѣлый лордъ Эльджинъ
Слыхали ихъ въ рядахъ своихъ дружинъ,
Когда сердца огнемъ небесъ горѣли,
Когда, въ рукахъ молитвенникъ и мечъ,
Ихъ рать неслась грозой народныхъ сѣчъ,
И пряталась подъ бронею верига.
Но снова вдругъ возникла тишина:
У всѣхъ душа святынею полна—
Разогнута божественная книга.

XIII.

Отецъ семьи, душой священникъ самъ,
Читаетъ въ ней паденье человѣка,
Какъ Богу былъ угоденъ Авраамъ,
Какъ Моисей гналъ племя Амалека,
Иль страхъ и плачъ державнаго пѣвца
Подъ грозною десницею Творца,
Иль Іова и жалобы, и муки,
Иль дивныхъ арфъ пророческіе звуки,
Когда Исай, восторгами крушимъ,
Пылалъ и пѣлъ, какъ тайный серафимъ.

XIV.

Иль чтенье то Евангелья святое,
Какъ Божій Сынъ снизшелъ и жилъ межъ насъ,
За грѣшныхъ кровь Безгрѣшнаго лилась,
На небесахъ Онъ имя несъ второе,
А на землѣ Ему и мѣста нѣтъ
Главы склонить. Иль какъ *Его* завѣтъ
Межъ градовъ, селъ, народовъ отдаленныхъ
Вездѣ проникъ въ посланьяхъ вдохновенныхъ;
Какъ, заточенъ, возлюбленный *Христомъ*
Въ Патмосѣ жилъ, и Ангела съ мечемъ

Онъ въ солнцѣ зрѣлъ, внимая отъ Сіона
И гнѣвъ, и судъ на гибель Вавилона.

XV.

Супругъ, отецъ, угодникъ передъ Тобой,
Небесный Царь, колѣно преклоняетъ,
И къ небесамъ торжественно стрѣлой
Съ надеждою молитва возлетаетъ:
«Да вмѣстѣ ихъ Творецъ благословитъ,
Да въ жизни Той опять соединитъ;
И тамъ, въ лучахъ безсмертнаго сіянья,
Не будетъ гдѣ ни слезъ, ни воздыханья,
Другъ другу мы часъ-отъ-часу милѣй,
Мы станемъ пѣть хвалу Любви Твоей,
А время течь своей стезою вѣчной
Кругомъ міровъ подъ властью безконечной!»

XVI.

Стремленье думъ покорныхъ и святыхъ,
Сей набожной восторгъ людей простыхъ—
Его не тмятъ обрядъ и блескъ служенья,
Ни тонкій вкусъ плѣнительнаго пѣнья:
Кто зритъ сердца, Тотъ въ благости Своей
Равно царю и нищему внимаетъ,
Подъ бѣдный кровъ отъ пышныхъ алтарей,
Онъ въ хижину къ молящимъ низлетаетъ;
И благодать по вѣрѣ имъ дана,
И вписаны на Небѣ имена.

XVII.

Часъ тихій сна межъ тѣмъ ужъ приближался,
И всѣ идутъ на сладостный покой;
Простясь, вздохнулъ счастливецъ молодой;
Отецъ одинъ съ хозяйкою остался,
И долго онъ еще наединѣ
Молилъ Творца въ умильной тишинѣ:
«Чтобъ Тотъ, Кто птицъ и грѣетъ и питаетъ,
Кто въ нѣжный блескъ лилею одѣваетъ,
Чтобъ Онъ, Господь, во всемъ съ семьей его
Всегда творилъ Свою святую волю,
Какъ хочетъ Самъ, благословилъ ихъ долю;
Лишь онъ просить дерзаетъ одного,
Чтобъ всѣ они законъ Его хранили,
Всевышняго боялись и любили».

XVIII.

Такъ сельскій бардъ своихъ родныхъ полей
Оставилъ намъ семейное преданье.
Цари творятъ богатыхъ и князей:
Мужъ праведный есть лучшее созданье
Творца міровъ. И память старины,
Любовь семействъ, отцовскіе уставы,—
Блаженство, честь той дикой стороны,
Еще хранятъ въ ней доблестные нравы.
О, какъ пѣвцу Шотландія мила!
Какъ молитъ онъ, чтобъ родина цвѣла,
Да благодать Небесъ надъ нею льется,
Сыновъ ея порокъ да не коснется,
Да въ ихъ груди течетъ Валлиса кровь,
И духъ его, и къ родинѣ любовь
Пылаютъ въ нихъ, и Ангеломъ незримымъ
Да вѣетъ онъ надъ островомъ любимымъ...

XIX.

А я къ тебѣ, къ тебѣ взываю я,
Святая Русь, о наша мать-земля!
Цвѣти, цвѣти, страна моя родная!
Межъ царствъ земныхъ, какъ пальма молодая,
Цвѣти во всемъ, и въ долѣ золотой
Счастлива будь, и счастье лей рѣкой!
Страна сердецъ, и думъ, и дѣлъ высокихъ!
О, какъ гремятъ вездѣ въ краяхъ далекихъ
Твоихъ дружинъ и флотовъ чудеса,
И русскихъ дѣвъ стыдливая краса!
Вѣрна Царямъ и вѣрою хранима,
Врагу страшна, сама неустрашима,
Да будутъ честь и нравовъ простота
И совѣсти народной чистота
Всегда твоей и славой, и отрадой,
И огненной кругомъ тебя оградой;
И предъ тобой исчезнетъ тѣнь вѣковъ
При звукѣ струнъ восторженныхъ пѣвцовъ!



ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

КЪ МОРЮ.

(Изъ «Чайльдъ-Гарольда», Байрона).

(А. С. Пушкину).

Отрада есть во тьмѣ лѣсовъ дремучихъ;
Восторгъ живетъ на дикихъ берегахъ;
Гармонія слышна въ волнахъ кипучихъ,
И съ моремъ есть бесѣда на скалахъ.
Мнѣ ближній милъ; но тамъ, въ моихъ мечтахъ,
Что̀ я теперь, что былъ — позабываю;
Природу я душою обнимаю,
Она милѣй; постичь стремлюся я
Все то, чему нѣтъ словъ, но что таить нельзя.

Теки, шуми, о море голубое!
Несмѣтный флотъ ничто твоимъ волнамъ;
И человѣкъ, губящій все земное,
Гдѣ твой предѣлъ, уже страшится самъ.
Возстанешь ты — и горе кораблямъ,
И бичъ земли, путь дерзкій означая
Бѣдой своей, какъ капля дождевая,
Идётъ на дно, гдѣ скрытъ его и слѣдъ —
И онъ не въ саванѣ, не въ гробѣ, не отпѣтъ.

Твои поля злодѣй не завоюетъ,
Твои стези не для его ша̀говъ;
Свободно ты: лишь бездна забушуетъ,
И тотъ пропалъ, кто-бъ сушу былъ готовъ
Поработить. Его до облаковъ,
Дрожащаго, съ презрѣньемъ ты бросаешь,—
И вдругъ, рѣзвясь, въ пучину погружаешь;
И вопитъ онъ: гдѣ пристань! о гранитъ
Его ударишь ты — и вѣкъ онъ тамъ лежитъ.

Бросающій погибель, и оковы,
Огонь, и смерть изъ челюсти своей,
Рушитель силъ, левіаѳанъ дубовый,
Гроза твердынь, народовъ и царей —
Игрушкою бунтующихъ зыбей
И съ тѣмъ, кто въ немъ надменно въ бой летаетъ,
Кто, бренный самъ, владѣть тобой мечтаетъ;
Подернуло ты пѣной бурныхъ водъ
Армаду гордую и Трафальгарскій флотъ.

Предѣлъ державъ, твой берегъ измѣнился:
Гдѣ Греція, и Римъ, и Карѳагенъ?
Свободный, онъ лишь волнъ твоихъ страшился;
Но, сильныхъ рабъ и жертва перемѣнъ,
Пришельцевъ здѣсь, тамъ дикихъ носитъ плѣнъ;
Его вездѣ неволя утомила,
И сколько царствъ въ пустыни изсушила!
Твоя лазурь, вѣковъ отбросивъ тѣнь,
Все та-жъ — млада, чиста, какъ въ первобытный день.

Ты зеркаломъ Всесильному сіяешь,
Онъ зритъ въ тебѣ при буряхъ образъ Свой.
Струишься-ль ты, бунтуешь, иль играешь,
Гдѣ твердый ледъ, и тамъ, гдѣ пылкій зной,
Ты, океанъ, чудесенъ красотой,
Таинственный, бездонный, безконечный!
Незримаго престолъ, какъ небо вѣчный,
Временъ, пространствъ завѣтный властелинъ,
Течешь ты, страшный всѣмъ, глубокій и одинъ.

РАЗОРЕНІЕ РИМА И РАСПРОСТРАНЕНІЕ ХРИСТІАНСТВА.

(Изъ Шатобріана).

(А. И. Тургеневу).

Изъ мрачныхъ сѣверныхъ лѣсовъ,
Съ восточныхъ дальнихъ береговъ,
Сыны отваги и свободы,
Стремятся дикіе народы,
Съ двойной сѣкирою, пѣшкомъ,
Въ звѣриной кожѣ, съ булавами,
И на коняхъ съ копьемъ, съ стрѣлами,
И черепъ вражій за сѣдломъ

Дошли; разсыпались удары,
Клубится дымъ, горятъ пожары,
Стонъ тяжкій битвы заглушалъ,—
И Римъ, колоссъ державный, палъ.
Порочный палъ онъ, жертва мщенья,
И шумно вѣтры разнесли
Ужасный громъ его паденья
Въ концы испуганной земли.
Но туча грозная народовъ
Съ небеснымъ гнѣвомъ пронеслась,
И пыль отъ буйныхъ переходовъ
Въ поляхъ кровавыхъ улеглась.
Навѣки мертвое молчанье
Смѣнило вопли и стенанье;
Уже паденья страшный гулъ
Въ пустынѣ горестной уснулъ;
Въ туманѣ зарево не рдѣетъ,
И черный дымъ уже рѣдѣетъ;
Яснѣетъ мгла; съ печальныхъ мѣстъ
Вдали сталъ виденъ свѣтлый Крестъ.
Другіе люди, вѣра, нравы,
Иной языкъ, права, уставы,—
Чистѣйшій міръ, рожденный Имъ,
Явился вдругъ чудесно съ Нимъ.
И проповѣдники святые
На пепелища роковыя
Пришли съ Евангельемъ въ рукахъ,
И межъ развалинъ на могилы
Возсѣли, полны тайной силы;
Горѣла истина въ очахъ.
Гласъ тихій, скорбныхъ утѣшитель,
Небесной воли возвѣститель,
Вселенной жизнь другую далъ;
Такъ ихъ Божественный Учитель
По вѣрѣ мертвыхъ воскрешалъ.

КЪ СВѢТЛАНѢ.

Какъ вводишь радость ты съ собой,
То сердце будто разсмѣется;
Въ немъ на привѣтный голосъ твой
Родное что-то отзовется.
Подвластна грудь моя тебѣ,

Ее ты услаждать умѣешь;
Но ты, Свѣтлана, обо мнѣ
Ты слишкомъ много сожалѣешь.
То правда: жизнь отравлена,
Мое напрасно сердце билось,
Мнѣ рано отцвѣла весна,
И солнце въ полдень закатилось.
Хотя неумолимый рокъ
Обременилъ меня тоскою,
И мой безпарусный челнокъ
Разбитъ свирѣпою волною;
Хотя мнѣ мрачность суждена,
И мнѣ поля не зеленѣютъ,
Не серебритъ потокъ луна
И розы болѣ не алѣютъ:
Но что же дѣлать? Въ жизни сей
Я не совсѣмъ всего лишился,
И въ пламенной груди моей
Еще жаръ чувства сохранился.
Пускай печаль крушитъ меня,
И слезы часто проливаю,—
Но, ахъ, не вовсе отжилъ я:
Еще люблю, еще мечтаю.
Моей жены, моихъ дѣтей
Душа умѣетъ дознаваться,
И мнѣ не надобно очей,
Чтобъ ими сердцемъ любоваться.
Когда-жъ мысль черная найдетъ
И въ будущемъ меня стращаетъ—
Увы, что сердцу милыхъ ждетъ,
И что имъ рокъ приготовляетъ?
Какъ вспомню, что моихъ дѣтей
Судьба жестокая пустила
По грозной прихоти морей
Безъ кормчаго и безъ вѣтрила,—
Какъ за корабль безцѣнный мой
Невольно чувства замираютъ!
Туда я возношусь душой,
Откуда звѣзды намъ сіяютъ:
Да милосердый нашъ Отецъ
Вонметъ несчастнаго моленье,
И за терновый мой вѣнецъ
Невиннымъ дастъ благословенье.

И скоро исчезаетъ страхъ,
Молитва сердце согрѣваетъ,
И вдругъ на радужныхъ лучахъ
Надежда съ вѣрою слетаетъ.
И ты, и ты, ночная тѣнь,
Разсѣешься, пройдутъ туманы, —
И расцвѣтетъ мой ясный день,
День свѣтлый, какъ душа Свѣтланы.
И въ оный часъ, какъ у Него,
Прощенья книга разогнется,
Быть-можетъ, благостью Его,
Въ ней имя и мое найдется;
И я соедшню въ одно
Все то, что столько сердцу мило,
Всѣ чувства вмѣстѣ, чѣмъ оно
Страдало, радовалось, жило.
Съ какою сладостью тогда
Мы насладимся счастьемъ вѣчнымъ,
И ты, Свѣтлана, навсегда
Тамъ будешь другомъ мнѣ сердечнымъ!

П. О. БАЛК—ПОЛЕВУ.

Lorsque je sens le rézéda, je crois d'abord entendre un son, puis il me semble voir une forme.

Другъ, ты правъ: хотя порой,
Достигая бѣдъ забвенья,
Мы, въ груди стѣснивъ волненья,
Дремлемъ томною душой,—
Невзначай въ мечтѣ воздушной
Отзывъ прежняго слетитъ,
И предметъ намъ равнодушной
Память сердца воскреситъ.
Неожиданно, случайно,
Потрясетъ душевной тайной
Лѣтній вечеръ, звукъ, цвѣтокъ,
Пѣсня, мѣсяцъ, ручеёкъ,
Вѣтеръ, море,—и тоскою
Все опять отравлено;
Какъ бы молніей струею
Снова сердце прожжено.
И той тучи мы не знаемъ,
Вдругъ откуда грянулъ громъ,

Лишь томимся и страдаемъ.
Мракъ и ужасы кругомъ:
Призракъ страшный, неотступной
Образуетъ въ думѣ смутной
Холодъ дружбы, сонъ любви,
То, съ кѣмъ радость погребли,
Все, о чемъ мы тосковали,
Что любили, потеряли,
Чѣмъ былъ красенъ Божій свѣтъ,
Все, чего для насъ ужъ нѣтъ.

НОЧЬ ВЪ ЗАМКѢ ЛАРЫ.

(Изъ Байрона).

Настала ночь. Небесный сводъ въ звѣздахъ
Изображенъ въ серебряныхъ волнахъ;
Едва струясь, прозрачныя бѣгутъ,
И навсегда, какъ радость, утекутъ.
Безсмертные огни съ родныхъ высотъ
Красуются въ стеклѣ волшебныхъ водъ.
Приманчивъ видъ тѣнистыхъ береговъ,
И нѣтъ для пчелъ прелестнѣе цвѣтовъ:
Могла-бъ въ вѣнкѣ Діана ихъ носить,
Могла-бъ любви невинность подарить.
Межъ нихъ рѣки игривая струя
Бѣжитъ, блеститъ, и вьется, какъ змѣя.
Все такъ свѣтло, такая тишина:
Хоть духъ явись — съ нимъ встрѣча не страшна.
Какъ быть вреду? Бродить не станетъ Злой
Въ такихъ садахъ, въ такой красѣ ночной;
Подобный часъ для добрыхъ сотворенъ.
Такъ Лара мнилъ, и въ замокъ молча онъ
Идетъ скорѣй: ему прекрасный видъ
О прежнихъ дняхъ невольно говоритъ,
О той странѣ, гдѣ сводъ небесъ яснѣй,
Свѣтлѣй луна, ночь тихая милѣй,
О тѣхъ сердцахъ... Нѣтъ, нѣтъ: шуми надъ нимъ,
Бушуй, гроза! Онъ, дерзкій, нещадимъ,
Душою твердъ; но, свѣтлая красой,
Такая ночь смѣется надъ душой.

Вступилъ онъ въ залъ весь полный тишины;
Тѣнь длинная мелькнула вдоль стѣны;

Портреты тамъ людей минувшихъ лѣтъ;
Добротъ, злодѣйствъ другихъ остатковъ нѣтъ;
Преданій дымъ и темный сводъ, гдѣ прахъ
Съ пороками, грѣхами спитъ въ гробахъ,
Полустолбцы, ведущіе до насъ
Изъ вѣка въ вѣкъ сомнительный разсказъ,
Урокъ, хвалу — вотъ все: и чѣмъ древнѣй
Тѣхъ хартій ложь, тѣмъ съ правдою сходнѣй.
Тамъ ходитъ онъ и смотритъ, а луна
Въ готическомъ отверстіи окна
Видна ему, и блескъ бѣжитъ струей
На полъ изъ плитъ, на потолокъ съ рѣзьбой;
И образа на стеклахъ расписныхъ
Молящихся угодниковъ святыхъ
Въ таинственныхъ видѣніяхъ луной
Оживлены, но жизнью не земной.
Кудрей густыхъ цвѣтъ черный, мракъ чела
И зыбкій склонъ широкаго пера
Даютъ ему весь ужасъ мертвецовъ,
Все страшное, все тайное гробовъ.

Ужъ полночь бьетъ; лампада чуть горитъ—
Ей будто жаль, что тьма при ней бѣжитъ.
Всѣ спятъ — но чу!.. у Лары слышенъ кликъ,
И звукъ, и стонъ, и вопль, и страшный крикъ,
Ужасный громкій крикъ — и смолкнулъ онъ...
Чей ярый вопль такъ дико рушитъ сонъ?
Вскочили всѣ, бодрятся и дрожатъ,
И помощь дать на зовъ къ нему летятъ,
Кой-какъ мечи схватили второпяхъ,
И факелы не всѣ горятъ въ рукахъ.

Хладнѣе плитъ лежитъ онъ недвижимъ,
Блѣднѣй луны, играющей надъ нимъ,
И брошенъ мечъ, почти ужъ не въ ножнахъ:
Сверхъ силъ людскихъ, знать, былъ сей дивный страхъ.
Но онъ былъ твердъ. Строптивый мрачный ликъ
Грызетъ вражда, хоть ужасъ въ грудь проникъ;
Лежитъ безъ чувствъ,—но могутъ ли таить
Его уста желаніе убить:
Угроза въ нихъ съ роптаньемъ замерла
Иль гордости отчаянной хула;
Полусмежась, глаза его хранятъ
Въ ихъ мутной тьмѣ бойца суровый взглядъ,—

И этотъ взглядъ, замѣтный часто въ немъ,
Оцѣпенѣлъ въ покоѣ роковомъ.
Очнулся; вотъ... онъ дышитъ, говоритъ,
Багровый цвѣтъ въ щекахъ темно горитъ,
Краснѣй уста; онъ взоръ кругомъ водилъ
И тусклъ, и дикъ, и съ дрожью приходилъ
Опять въ себя. Но онъ не на своемъ
Заговорилъ нарѣчіи родномъ;
Звукъ словъ мудренъ: одно понять могли,
Что звуки тѣ — языкъ чужой земли.
И было такъ; но та, съ кѣмъ говоритъ...
Ахъ, нѣтъ ея,—къ ней рѣчь не долетитъ!

Подходитъ пажъ; онъ страшный смыслъ рѣчей
Какъ будто зналъ, но изъ его очей,
Изъ блѣдныхъ щекъ не трудно угадать,
Что тайну словъ одинъ не могъ сказать,
Другой открыть. Казалось, будто онъ
Тѣмъ, что сбылось, почти не удивленъ;
Склонясь къ нему, на языкѣ чужомъ
Онъ отвѣчалъ—быть-можетъ, на своемъ,
А тотъ внималъ, какъ нѣжно пажъ младой
Гналъ мракъ съ души, встревоженной мечтой.
Но былъ ли онъ грозой поверженъ въ страхъ?
Ему-ль бѣда страшна въ однѣхъ мечтахъ!

Въ бреду-ль онъ былъ, иль вправду, что узрѣлъ,
Забылъ иль нѣтъ,—но тайну онъ умѣлъ
На сердце взять; и съ новою зарей
Опять онъ бодръ и тѣломъ, и душой;
Духовника не позвалъ, ни врачей,
Не измѣнилъ осанки и рѣчей;
Въ урочный часъ, какъ прежде, все пошло;
Не веселѣй, не пасмурнѣй чело,—
Все тотъ же онъ; и если разлюбилъ
Ночную тѣнь, равно онъ утаилъ
То отъ рабовъ, которыхъ трепетъ, взглядъ
О дивѣ ихъ, объ ужасѣ твердятъ;
Они съ тѣхъ поръ блѣднѣе, и вдвоемъ,
Минуя залъ, проходятъ черезъ домъ:
Зыбучій флагъ, ползвучный скрипъ дверей,
Обоевъ шумъ и вѣтра въ тьмѣ ночей
Унывный вой, и мышь ли пролетитъ,
Густая-ль тѣнь липъ темныхъ задрожитъ —

Все страшно имъ, когда печальной мглой
Вдоль дикихъ стѣнъ обляжетъ мракъ ночной.

КІЕВЪ.

О Кіевъ-градъ, гдѣ съ вѣрою святою
Зажглася жизнь въ краю у насъ родномъ,
Гдѣ свѣтлый крестъ съ Печерскою главою
Горитъ звѣздой на небѣ голубомъ,
Гдѣ стелются зеленой пеленою
Поля твои въ раздольи золотомъ,
И Днѣпръ-рѣка, подъ древними стѣнами,
Кипитъ, шумитъ пѣнистыми волнами!
Какъ часто я душой къ тебѣ летаю,
О свѣтлый градъ, по сердцу мнѣ родной!
Какъ часто я въ мечтахъ мой взоръ плѣняю
Священною твоею красотой!
У лаврскихъ стѣнъ земное забываю,
И надъ Днѣпромъ брожу во тьмѣ ночной:
Въ очахъ моихъ все Русское прямое—
Прекрасное, великое, святое.
Ужъ мѣсяцъ всталъ; Печерская сіяетъ,
Главы ея въ волнахъ рѣки горятъ;
Она душѣ вѣка̀ напоминаетъ:
Небесные тамъ въ подземельи спятъ;
Надъ нею тѣнь Владиміра летаетъ;
Зубцы ея о славѣ говорятъ.
Смотрю-ли вдаль—вездѣ мечта со мною,
И милою все дышитъ стариною.
Тамъ витязи сражались удалые,
Могучіе, за родину, въ поляхъ;
Красою здѣсь цвѣли княжны младыя,
Стыдливыя, въ высокихъ теремахъ,
И пѣлъ Баянъ имъ битвы роковыя,
И тайный жаръ таился въ ихъ сердцахъ.
Но полночь бьетъ, звукъ мѣди умираетъ;
Къ минувшимъ днямъ еще день улетаетъ.
Гдѣ-жъ смѣлые, которые сражались,
Чей острый мечъ, какъ молнія, сверкалъ?
Гдѣ та краса, которой всѣ плѣнялись,
Чей милый взглядъ свободу отнималъ?
Гдѣ тотъ пѣвецъ, чьимъ пѣньемъ восхищались?
Ахъ, вѣщій бой на все мнѣ отвѣчалъ!

И ты одинъ подъ башнями святыми
Шумишь, о Днѣпръ, волнами вѣковыми!

НА ПОГРЕБЕНІЕ

АНГЛІЙСКАГО ГЕНЕРАЛА СИРА ДЖОНА МУРА.

Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ,
Когда мы вождя хоронили,
И трупъ не съ ружейнымъ прощальнымъ огнемъ
Мы въ нѣдра земли опустили.

И бѣдная почесть къ ночи отдана;
Штыками могилу копали;
Намъ тускло свѣтила въ туманѣ луна,
И факелы дымно сверкали.

На немъ не усопшихъ покровъ гробовой,
Лежитъ не въ дощатой неволѣ:
Обернутъ въ широкій свой плащъ боевой,
Уснулъ онъ, какъ ратники въ полѣ.

Не долго, но жарко молилась Творцу
Дружина его удалая,
И молча смотрѣла въ лицо мертвецу,
О завтрашнемъ днѣ помышляя.

Быть-можетъ, на утро внезапно явясь,
Врагъ дерзкій, надменности полный,
Тебя не уважитъ, товарищъ, а насъ
Умчатъ невозвратныя волны.

О нѣтъ, не коснется въ таинственномъ снѣ
До храбраго дума печали!
Твой одръ одинокій въ чужой сторонѣ
Родимыя руки постлали.

Еще не свершенъ былъ обрядъ роковой,
И часъ наступилъ разлученья;
И съ валу ударилъ перунъ вѣстовой,
И намъ онъ не вѣстникъ сраженья.

Прости же, товарищъ! Здѣсь нѣтъ ничего
На память могилы кровавой;
И мы оставляемъ тебя одного
Съ твоею безсмертною славой.

ВЕНЕЦІАНСКАЯ НОЧЬ.

ФАНТАЗІЯ.

(П. А. Плетневу).

Ночь весенняя дышала
Свѣтло-южною красой;
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной;
Отраженъ волной огнистой
Блескъ прозрачныхъ облаковъ,
И восходитъ паръ душистой
Отъ зеленыхъ береговъ.
Сводъ лазурный, томный ропотъ
Чуть дробимыя волны,
Померанцевъ, миртовъ шопотъ
И любовный свѣтъ луны,
Упоенья аромата
И цвѣтовъ, и свѣжихъ травъ,
И вдали напѣвъ Торквата
Гармоническихъ октавъ—
Все вливаетъ тайно радость,
Чувствамъ снится дивный міръ,
Сердце бьется; мчится младость
На любви весенній пиръ,
По водамъ скользятъ гондолы,
Искры брызжутъ подъ весломъ,
Звуки нѣжной баркаролы
Вѣютъ легкимъ вѣтеркомъ.
Что же, что не видно болѣ
Надъ игривою рѣкой
Въ свѣтлоубранной гондолѣ
Той красавицы младой,
Чья улыбка, образъ милый
Волновали всѣ сердца
И плѣняли духъ унылый
Изступленнаго пѣвца?
Нѣтъ ея: она тоскою
Въ зàмокъ свой удалена;
Тамъ живетъ одна съ мечтою,
Тороплива и мрачна.
Не мила ей прелесть ночи,
Не манитъ сребристый токъ,

И задумчивыя очи
Смотрятъ томно на востокъ.
  Но густѣе тѣнь ночная;
И красотъ цвѣтущій рой,
Въ нѣгѣ страстной утопая,
Покидаетъ пиръ ночной.
Стихли пышныя забавы,
Все спокойно на рѣкѣ,
Лишь Торкватовы октавы
Раздаются вдалекѣ.
  Вотъ прекрасная выходитъ
На чугунное крыльцо;
Мѣсяцъ блѣдно лучъ наводитъ
На печальное лицо;
Въ русыхъ локонахъ небрежныхъ
Рисовался легкій станъ,
И на персяхъ бѣлоснѣжныхъ
Изумрудный талисманъ!
  Ужъ въ гондолѣ одинокой
Къ той скалѣ она плыветъ,
Гдѣ подъ башнею высокой
Море бурное реветъ.
Тамъ пѣвца воспоминанье
Въ сердцѣ пламенномъ живѣй,
Тамъ любви очарованье
Съ отголоскомъ прежнихъ дней.
  И въ мечтахъ она внимала,
Какъ полночный вѣщій бой
Мѣдь гудящая сливала
Съ вѣчношумною волной.
Не мила ей прелесть ночи,
Душенъ свѣжій вѣтерокъ,
И задумчивыя очи
Смотрятъ томно на востокъ.
  Тучи тянутся грядою,
Затмевается луна;
Ясный сводъ одѣлся мглою;
Тьма внезапная страшна.
Вдругъ гондола освѣтилась,
И звѣзда на высотѣ
По востоку покатилась
И пропала въ темнотѣ.
  И во тьмѣ съ востока вѣетъ

Тихогласный вѣтерокъ;
Факелъ дальній пламенѣетъ, —
Мчится по морю челнокъ.
Въ немъ уныло молодая
Тѣнь знакомая сидитъ,
Подлѣ арфа золотая,
Мечъ подъ факеломъ блеститъ.
  Не играйте, не звучите,
Струны дерзкія мои:
Славной тѣни не гнѣвите!..
О!—свободы и любви
Гдѣ же, гдѣ пѣвецъ чудесный?
Иль его не сыщетъ взоръ?
Иль угасъ огонь небесный,
Какъ блестящій метеоръ?

ПЛАЧЪ ЯРОСЛАВНЫ.

(Княгинѣ З. А. Волконской).

То не кукушка въ рощѣ темной
Кукуетъ рано на зарѣ—
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Одна на городской стѣнѣ:
  «Я покину боръ сосновый,
Вдоль Дуная полечу,
И въ Каяль-рѣкѣ бобровый
Я рукавъ мой обмочу;
Я домчусь къ родному стану,
Гдѣ кипѣлъ кровавый бой,
Князю я обмою рану
На груди его младой».
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна,
Зарей, на городской стѣнѣ:
  «Вѣтеръ, вѣтеръ, о могучій,
Буйный вѣтеръ! что шумишь?
Что ты въ небѣ черны тучи
И вздымаешь, и клубишь?
Что ты легкими крылами
Возмутилъ потокъ рѣки,
Вѣя ханскими стрѣлами
На родимые полки?»

Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна,
Зарей, на городской стѣнѣ:
«Въ облакахъ-ли тѣсно вѣять
Съ горъ крутыхъ чужой земли,
Если хочешь ты лелѣять
Въ синемъ морѣ корабли?
Что же страхомъ ты усѣялъ
Нашу долю? для чего
По ковыль-травѣ развѣялъ
Радость сердца моего?»
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна,
Зарей, на городской стѣнѣ:
«Днѣпръ мой славный! ты волнами
Скалы Половцевъ пробилъ;
Святославъ съ богатырями
По тебѣ свой бѣгъ стремилъ:
Не волнуй же, Днѣпръ широкій,
Быстрый токъ студеныхъ водъ,—
Ими князь мой черноокій
Въ Русь святую поплыветъ».
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна,
Зарей, на городской стѣнѣ:
«О рѣка! отдай мнѣ друга,—
На волнахъ его лелѣй,
Чтобы грустная подруга
Обняла его скорѣй;
Чтобъ я болѣ не видала
Вѣщихъ ужасовъ во снѣ,
Чтобъ я слезъ къ нему не слала
Синимъ моремъ на зарѣ».
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна,
Зарей, на городской стѣнѣ:
«Солнце, солнце, ты сіяешь
Всѣмъ прекрасно и свѣтло!
Въ знойномъ полѣ что сжигаешь
Войско друга моего?
Жажда луки съ тетивами
Изсушила въ нихъ рукахъ,
И печаль колчанъ съ стрѣлами
Заложила на плечахъ».
И тихо въ теремъ Ярославна
Уходитъ съ городской стѣны.

ПРИ ГРОБНИЦѢ ЦЕЦИЛІИ М.

Гробница, я съ жилицею твоей
Какъ бы знакомъ, и вѣетъ здѣсь надъ нами
Мелодія давно минувшихъ дней;
Но звукъ ея, какъ вой подъ облаками
Далекихъ бурь съ утихшими грозами,
Унылъ и святъ. На камень мшистый твой
Сажуся я. Мой духъ опять мечтами
Смущенъ, горитъ,—и снова предо мной
Весь ужасъ гибели, слѣдъ бури роковой.
Но что-жъ? когда-бъ изъ выброшенныхъ прежде
И тлѣющихъ обломковъ корабля
Я маленькій челнокъ моей надеждѣ
И могъ собрать, и въ грозныя моря
Пуститься въ немъ, и слушать, какъ шумя
Волна тамъ бьетъ, судьба гдѣ погубила,
Что мило мнѣ—куда причалю я?
Исчезло все, чѣмъ родина манила:
Пріютъ, надежда, жизнь—и тамъ, какъ здѣсь, могила.

КЪ ИТАЛІИ.

(В. А. Жуковскому).

Лети со мной къ Италіи прелестной,
Эѳирный другъ, фантазія моя!
Земля любви, гармоніи чудесной,
Гдѣ радостей веселая семья
Взлелѣяна улыбкою небесной,
Италія, Торкватова земля,
Ты не была, не будешь мною зрима,—
Но какъ ты мной, прекрасная, любима!
Мнѣ видятся полуденныя розы,
Душистые, лимонные лѣса,
Зеленый миртъ и виноградны лозы,
И синія, какъ яхонтъ, небеса.
Я вижу ихъ—и тихо льются слезы...
Италія! мила твоя краса,
Какъ первое любви младой мечтанье,
Какъ чистое младенчества дыханье.
Съ высотъ летятъ сіяющія воды,
Жемчужныя—надъ безднами горятъ;
Таинственныхъ видѣній хороводы,

Прозрачные—вкругъ горъ твоихъ кипятъ;
Твои моря, не зная непогоды,
Зеленыя—струятся и шумятъ;
Воздушный пиръ—твой вечеръ благодатный
Съ прохладою и нѣгой ароматной.
  Луна взошла, а небосклонъ пылаетъ
Послѣднею багряною зарей;
Высокій сводъ безоблачно сіяетъ,
Весь радужной подернутъ пеленой;
И яркій лучъ, сверкая, разсыпаетъ
Блескъ розовый надъ сонною волной;
Но гаснетъ онъ подъ ризою ночною,
Заливъ горитъ, осеребренъ луною.
  И я несусь волшебными крылами
Къ развѣнчанной царицѣ волнъ морскихъ:
Тамъ звукъ октавъ съ любовью и мечтами
При сладостномъ мерцаньи звѣздъ ночныхъ;
Тамъ Байронъ пѣлъ; тамъ бродитъ межъ гробами
Тѣнь грозная свободы дней былыхъ;
Тамъ въ тишинѣ какъ будто слышны стоны
Плѣнительной, невинной Дездемоны.
  Но вдругъ печаль, Италія, стѣснила
Души восторгъ и свѣтлыя мечты:
Слезами ты и кровью искупила
Даръ пагубный чудесной красоты;
Она къ тебѣ рать буйную манила
Угрюмыхъ горъ съ туманной высоты;
И врагъ—твой бичъ, и гордый избавитель—
Не мирный другъ, но хищный притѣснитель *).
  А ты прими отъ сердца завѣщанье,
Пѣвецъ, Орфей полуночной страны!
Ты будешь зрѣть тѣхъ волнъ очарованье
И нѣжный блескъ надъ Брентою луны,
И вспомнишь ты думъ пламенныхъ мечтанье,
И юныхъ лѣтъ обманутые сны.
О, въ сладкій часъ, душою посвященный
Друзьямъ живымъ и праху незабвенной,
  Когда въ пылу сердечныхъ упоеній
Ты звонкихъ струнъ таинственной игрой
Сольешь, о другъ, рядъ сѣверныхъ видѣній
Съ небесною Италіи красой,
И, можетъ-быть, въ толпѣ родныхъ явленій

*) Наполеонъ.

Промчусь и я, какъ призракъ, надъ тобой,—
Скажи землѣ пѣвца Ерусалима,
Какъ мной была прекрасная любима!

ПОРТУГАЛЬСКАЯ ПѢСНЯ.

(Изъ Байрона).

Въ кипѣньи нѣжности сердечной
Ты *жизнью* друга назвала:
Привѣтъ безцѣнный, если бъ вѣчно
Живая молодость цвѣла.
Къ могилѣ все летитъ стрѣлою;
И ты, меня лаская вновь,
Зови не *жизнью*, но *душою*,
Безсмертной, какъ моя любовь.

КЪ Н. И. ГНѢДИЧУ.

СТАНСЫ НА КАВКАЗЪ И КРЫМЪ.

Мечтатель пламенный, любимецъ вдохновенья!
Звучитъ-ли на горахъ волшебный лиры гласъ?
Хіоскаго слѣпца внималъ-ли пѣснопѣнья
Восторженный Кавказъ?
Ты зрѣлъ, съ какой красой власть чудная природы
Громады дикихъ скалъ вѣнчаетъ яркимъ льдомъ,
Какъ благодатныя въ долинахъ хлещутъ воды
Кипучимъ серебромъ!
Тамъ въ синихъ небесахъ снѣга вершинъ сіяютъ,
Надъ безднами виситъ пурпурный виноградъ,
И тучи подъ тобой, клубяся, застилаютъ
Ревущій водопадъ.
Ты видишь, между скалъ какъ рыщетъ горный житель,
Черкесъ, отважный другъ свободы и коня,
Тамъ, гдѣ прикованъ былъ къ утесу похититель
Небеснаго огня.
Но долѣ роковой Титанъ не покорился,
Лишь громовержца онъ надменно укорялъ;
Страдальцу гордому разгнѣванный дивился,
И громъ въ рукѣ дрожалъ.
Иль, другъ, уже теперь въ объятьяхъ тихой лѣни
Вечернею зарей ты смотришь на Салгиръ,
На сладострастныя таврическія сѣни,
На радужный эѳиръ.

Тамъ сѣверный пѣвецъ въ садахъ Бахчисарая
Задумчиво бродилъ, мечтами окруженъ;
Тамъ въ сумракѣ предъ нимъ мелькнула тѣнь младая,—
И струнъ раздался звонъ.
Ты слышалъ, какъ фонтанъ шумитъ во тьмѣ полночной,
Какъ пламенно поетъ надъ розой соловей:
Но сладостный фонтанъ и соловей восточной
Не слаще, не звучнѣй!..
Быть-можетъ, давнихъ дней воспоминанья полный,
И видя, какъ суда несутся по зыбямъ,
Ты думой тайною стремишься черезъ волны
Къ далекимъ берегамъ,—
Чьи башни гордыя съ двурогими лунами
Къ лазурнымъ небесамъ такъ дерзко вознеслись,
Гдѣ плещетъ Геллеспонтъ, гдѣ дремлютъ надъ струями
И миртъ, и кипарисъ;
Въ ихъ темной зелени на лонѣ водъ бѣлѣетъ
Гаремъ съ рѣшетками и кровлей золотой,
И нѣжный ароматъ отъ розъ огнистыхъ вѣетъ
Съ прохладою ночной.
Ахъ, ясный неба сводъ, и шумъ валовъ сребристыхъ,
И розы пышныя, и мирные лѣса,
И нѣга томная ночей твоихъ душистыхъ,
И дѣвъ твоихъ краса—
Ничто, прелестный край, ничто народъ суровый
Не въ силахъ укротить! онъ съ каждымъ днемъ грознѣй,
И мчатъ твоимъ сынамъ и гибель, и оковы
Армады кораблей.
Но мечъ, свободы мечъ, блеснулъ ужаснымъ блескомъ;
Съ нимъ Богъ: ужъ онъ разитъ враговъ родной земли,
И, огненнымъ столбомъ взлетая къ небу съ трескомъ,
Пылаютъ корабли.
Ихъ пламень освѣтилъ пучину роковую,
И рдѣетъ зарево во мракѣ черныхъ тучъ,
И вѣщаго пѣвца на урну гробовую
Упалъ багровый лучъ...

КЪ РАДОСТИ.

О радость, радость, что же ты
Намъ скоро измѣняешь
И сердца милыя мечты
Такъ рано отнимаешь!

Зачѣмъ, небесная, летишь
Пернатою стрѣлою,
И въ мракѣ бѣдствія горишь
Далекою звѣздою!
Зачѣмъ же прелестью своей
Ты льешь очарованье,
И оставляешь.... свѣтлыхъ дней
Одно воспоминанье!
Минувшее съ твоей мечтой
Какъ въ душу ни тѣснится,
Его бывалой красотой
Душа не оживится.
Духъ пылкій ею увлеченъ,
Дни счастья вспоминая;
Тревожитъ сердца тяжкій сонъ,
Тоски не услаждая.
Такъ свѣтитъ мѣсяцъ надъ рѣкой,
Въ струяхъ ея играетъ
И блескъ сребристо-золотой
Надъ ними разсыпаетъ;
Рѣка въ сіяньи пламя льетъ,
Горитъ его лучами—
И въ море темное течетъ
Холодными волнами.

* * *

Не на землѣ ты обитаешь,
Любовь, незримый серафимъ,
Но вѣрой мы къ тебѣ горимъ;
И чье ты сердце сокрушаешь
Огнемъ томительнымъ страстей,
Тотъ вѣры мученикъ твоей.
Но кто ты, что ты? Наше зрѣнье
Къ тебѣ никакъ не долетитъ, —
Тебя, любовь, воображенье
По тайной прихоти творитъ.
Такъ небеса мечтой любимой
Оно умѣетъ населять,
И думамъ образы давать,
И пылъ души неутолимой,
Усталой, сжатой и крушимой,
Въ ея порывахъ услаждать.

КНЯГИНѢ З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

Мнѣ говорятъ: «она поетъ —
И радость тихо въ душу льется,
Раздумье томное найдетъ,
Въ мечтаньи сладкомъ сердце бьется.
И то, что мило на земли,
Когда поетъ она—милѣе,
И пламеннѣй огонь любви,
И все прекрасное святѣе!»
А я, я слезъ не проливалъ,
Волшебнымъ голосомъ плѣненный;
Я только помню, что видалъ
Пѣвицы образъ несравненный.
О, помню я, какимъ огнемъ
Сіяли очи голубыя,
Какъ на челѣ ея младомъ
Вилися кудри золотыя!
И помню звукъ ея рѣчей,
Какъ помнятъ чувство дорогое:
Онъ слышится въ душѣ моей,—
Въ немъ было что-то неземное.
Она, она передо мной,
Когда таинственная лира
Звучитъ о Пери молодой
Долины свѣтлой Кашемира.
Звѣзда любви надъ ней горитъ,
И—станъ обхваченъ пеленою—
Она, эѳирная, летитъ,
Чуть озаренная луною,
Изъ лилій съ розами вѣнокъ
Небрежно волосы вѣнчаетъ,
И локоны ея взвѣваетъ
Душистой ночи вѣтерокъ.

СОНЪ НЕВѢСТЫ.

БАЛЛАДА.

Вѣтеръ вылъ, гроза ревѣла,
Мѣсяцъ крылся въ облакахъ,
И рѣка, клубясь, шумѣла
Въ омраченныхъ берегахъ.
И, встревоженна тоскою,

Эвелина слезы льетъ:
«Ахъ, теперь грозой ночною
Милый по морю плыветъ!»
Долго бѣдная молилась
Предъ иконою святой,
Робкой думою носилась
Надъ пучиною морской.
Бьетъ на башнѣ часъ полночи,
И внезапно тайный сонъ
Ей смежилъ печальны очи,
И замолкъ тяжелый стонъ.
Спитъ она—но духъ унылый
И во снѣ тревожитъ страхъ:
Все корабль ей снится милый
На бунтующихъ волнахъ;
И казалось, что летаетъ
Тѣнь знакомая надъ ней,
И какъ будто бы вѣщаетъ:
«О, невѣста, слезъ не лей!»
Голосъ друга незабвенный...
Сердце вѣрное дрожитъ;
Смотритъ тихо: обрученный
Передъ ней женихъ стоитъ;
Въ ликѣ блѣдность гробовая,
Мутенъ блескъ его очей,
И бѣжитъ струя морская
Изъ развившихся кудрей.
«О, невѣста, въ край родимой
Я летѣлъ къ тебѣ съ мечтой
И безцѣнной, и любимой,
И съ пылающей душой;
Но взревѣла надо мною
Смертоносная волна:
Съ нашей радостью земною
Ты навѣкъ разлучена!
«Другъ, страданье пронесется,
Грозный мракъ не навсегда,
И надъ бездною зажжется
Лучезарная звѣзда!
О, не сѣтуй, что прекрасной
Жизни цвѣтъ увялъ въ слезахъ!
Мы любили не напрасно:
Будемъ вмѣстѣ въ небесахъ!

«Но—прости... уже алѣетъ
Вамъ румяная заря,
Вѣтерокъ ужъ ранній вѣетъ,
Вѣетъ онъ—не для меня!»
И со вздохомъ улетаетъ
Тѣнь младая отъ очей,
И съ высотъ ей повторяетъ:
«О невѣста, слезъ не лей!»

РАЗБОЙНИКЪ.

БАЛЛАДА.

(А. А. Воейковой.)

Мила Брайнгельскихъ тѣнь лѣсовъ;
Милъ свѣтлый токъ рѣки;
И въ полѣ много здѣсь цвѣтовъ
Прекраснымъ на вѣнки.
Туманный долъ сребритъ луна;
Меня конь борзый мчитъ:
Въ Дальтонской башнѣ у окна
Прекрасная сидитъ.
Она поетъ: «Брайнгельскихъ водъ
Мнѣ милъ привѣтный шумъ;
Тамъ пышно лугъ весной цвѣтетъ,
Тамъ рощи полны думъ.
Хочу любить я въ тишинѣ,
Не царскій санъ носить;
Тамъ на рѣкѣ милѣе мнѣ
Въ лѣсу съ Эдвиномъ жить.»
Когда ты, дѣвица-краса,
Покинувъ зàмокъ свой,
Готова въ темные лѣса
Бѣжать одна со мной:
Ты прежде, радость, угадай,
Какъ мы въ лѣсахъ живемъ;
Каковъ, узнай, тотъ дикій край,
Гдѣ мы любовь найдемъ!
Она поетъ: «Брайнгельскихъ водъ
Мнѣ милъ привѣтный шумъ;
Тамъ пышно лугъ весной цвѣтетъ,
Тамъ рощи полны думъ.
Хочу любить я въ тишинѣ
Не царскій санъ носить;

Тамъ на рѣкѣ милѣе мнѣ
Въ лѣсу съ Эдвиномъ жить.
Я вижу борзаго коня
Подъ смѣлымъ ѣздокомъ:
Ты царскій ловчій,—у тебя
Рогъ звонкій за сѣдломъ.»
Нѣтъ, прелесть! Ловчій въ рогъ трубитъ
Румяною зарей,
А мой рожокъ бѣду звучитъ,
И то во тьмѣ ночной.
Она поетъ: «Брайнгельскихъ водъ
Мнѣ милъ привѣтный шумъ;
Тамъ пышно лугъ весной цвѣтетъ,
Тамъ рощи полны думъ;
Хочу въ привольной тишинѣ
Тебя, мой другъ, любить;
Тамъ на рѣкѣ отрадно мнѣ
Въ лѣсу съ Эдвиномъ жить.
Я вижу: путникъ молодой,
Ты съ саблей и ружьемъ:
Быть-можетъ, ты драгунъ лихой
И скачешь за полкомъ.»
Нѣтъ, громъ литавръ и трубный гласъ
Къ чему среди степей?
Украдкой мы въ полночный часъ
Садимся на коней.
Привѣтенъ шумъ Брайнгельскихъ водъ
Въ зеленыхъ берегахъ,
И милъ въ нихъ мѣсяца восходъ,
Душистый лугъ въ цвѣтахъ;
Но врядъ прекрасной не тужить,
Когда придется ей
Въ глуши лѣсной безвѣстно жить
Подругою моей!
Тамъ чудно, чудно я живу,—
Такъ видно рокъ велѣлъ;
И смертью чудной я умру,
И мраченъ мой удѣлъ.
Не страшенъ такъ лукавый самъ
Когда предъ чернымъ днемъ
Онъ бродитъ въ полѣ по ночамъ
Съ блестящимъ фонаремъ;
И мы въ разъѣздахъ удалыхъ,

Друзья невѣрной тьмы,
Уже не помнимъ дней былыхъ
Невинной тишины.
Мила Брайнгельскихъ тѣнь лѣсовъ;
Милъ свѣтлый токъ рѣки;
И много здѣсь въ лугахъ цвѣтовъ
Прекраснымъ на вѣнки.

НОЧНОЙ ѢЗДОКЪ.

БАЛЛАДА.

«О конь мой борзый, ночь темна,
Холодный вѣтеръ въ полѣ вѣетъ,
Горитъ кровавая луна,
Сосновый боръ кругомъ чернѣетъ!
«Не знаю самъ, но тайный страхъ,
Ужъ третью ночь меня смущаетъ,
Невольно слезы на очахъ,
Невольно сердце замираетъ.
«Могу-ль забыть: въ послѣднiй разъ
Едва со мной она простилась,
Какъ въ бѣломъ тѣнь прошла межъ насъ,
Звѣзда полночная скатилась.
«Скачи, мой конь, лети скорѣй!
О, если къ милой я домчуся,—
Тогда, клянусь, тогда я съ ней
На мигъ одинъ не разлучуся!»
И конь, какъ изъ лука стрѣла,
Летитъ, летитъ: вдали кладбище,
И тайна свято облегла
Мятежной жизни пепелище;
Въ кустахъ мерцаетъ блескъ огня,
Несется тихо звукъ унылый;
И путникъ бросился съ коня...
Надъ свѣжею ея могилой.

СОНЕТЪ СВЯТОЙ ТЕРЕЗЫ.

Любовью духъ кипитъ къ Тебѣ, Спаситель мой,
Не радостныхъ Небесъ желаньемъ увлеченный,
Не ада мрачнаго огнями устрашенный,
И не за бездны благъ, мнѣ данныя Тобой.
Въ Тебѣ люблю Тебя; съ любовiю святой

Гляжу, какъ на крестѣ Сынъ Божій. утомленный,
Виситъ измученный, виситъ окровавленный;
Какъ тяжко умиралъ предъ буйною толпой!
И жаръ таинственный мнѣ въ сердце проникаетъ:
Безъ рая свѣтлаго плѣнилъ бы Ты меня,
Ты-бъ страхомъ былъ моимъ безъ вѣчнаго гня!
Подобную любовь какая цѣль рождаетъ?
Душа въ любви къ Тебѣ надеждъ святыхъ полна, -
Но также и безъ нихъ любила бы она!

ДОБРАЯ НОЧЬ.

(Изъ „Чайльдъ-Гарольда" Байрона).

«Прости, прости, мой край родной!
Ужъ скрылся ты въ волнахъ;
Касатка вьется, вѣтръ ночной
Играетъ въ парусахъ.
Ужъ тонутъ огненны лучи
Въ бездонной синевѣ...
Мой край родной, прости, прости!
Ночь добрая тебѣ!

«Проснется день; его краса
Утѣшитъ Божій свѣтъ;
Увижу море, небеса,—
А родины ужъ нѣтъ!
Отцовскій домъ покинулъ я;
Травой онъ зарастетъ;
Собака вѣрная моя
Выть станетъ у воротъ

«Ко мнѣ, ко мнѣ, мой пажъ младой!
Но ты дрожишь какъ листъ?
Иль страшенъ ревъ волны морской?
Иль вѣтра буйный свистъ?
Не плачь: корабль мой новъ; плыву
Ужъ я не въ первый разъ;
И быстрый соколъ на лету
Не перегонитъ насъ».

— Не буйный вѣтръ страшитъ меня,
Не шумъ угрюмыхъ волнъ:
Но не дивись, сиръ Чальдъ, что я
Тоски сердечной полнъ!

Прощаться грустно было мнѣ
  Съ родимою, съ отцомъ;
Теперь надежда вся въ тебѣ
  И въ другѣ... неземномъ.

Не скрылъ отецъ тоски своей,
  Какъ сталъ благословлять;
Но доля матери моей—
  День плакать, ночь не спать.—
«Ты правъ, ты правъ, мой пажъ младой!
  Какъ смѣть винить тебя?
Съ твоей невинной простотой,
  Ахъ, плакалъ бы и я!

«Но вотъ и кормщикъ мой сидитъ,
  Весь полонъ черныхъ думъ.
Иль буйный вѣтръ тебя страшитъ?
  Иль моря грозный шумъ?»
— Сиръ Чальдъ, не робокъ я душой,
  Не умереть боюсь;
Но я съ дѣтьми, но я съ женой
  Впервые разстаюсь!

Проснутся завтра, на зарѣ
  И дѣти и жена;
Малютки спросятъ обо мнѣ,
  И всплачется она!—
«Ты правъ, ты правъ! И какъ пенять,
  Мой добрый удалецъ!
Тебѣ нельзя не горевать:
  И мужъ ты, и отецъ!

«Но я... Ахъ, трудно вѣрить мнѣ
  Слезамъ прелестныхъ глазъ!
Любовью новою онѣ
  Осушатся безъ насъ.
Лишь тѣмъ однимъ терзаюсь я,
  Не въ силахъ то забыть,
Что нѣтъ на свѣтѣ у меня,
  О комъ бы потужить!

«И вотъ на темныхъ я волнахъ
  Одинъ, одинъ съ тоской!..
И кто же, кто по мнѣ въ слезахъ
  Теперь въ странѣ родной?
Что-жъ рваться мнѣ, жалѣть кого?

Я сердцемъ опустѣлъ,
И безъ надеждъ, и безъ всего,
Что помнить я хотѣлъ.

«О, мой корабль! съ тобой я радъ
Носиться по волнамъ;
Лишь не плыви со мной назадъ
Къ родимымъ берегамъ!
Далеко на скалахъ, въ степи
Пріютъ сыщу себѣ;
А ты, о родина, прости!
Ночь добрая тебѣ!»

СОНЪ РАТНИКА.

Подкопы взорваны—и башни вѣковыя
Съ ихъ дерзкою луной погибель облегла;
Пресѣкла въ ужасѣ удары боевые
Осенней ночи мгла.
И въ полѣ тишина межъ русскими полками;
У ружей сомкнутыхъ дымилися костры,
Во тьмѣ бросая блескъ багровыми струями
На бѣлые шатры.
Въ раздумьи я смотрѣлъ на пламень красноватый;
Мнѣ раненыхъ вдали былъ слышенъ тяжкій стонъ;
Но, битвой утомясь, подъ буркою косматой
Уснулъ—и вижу сонъ.
Мнѣ снилось, что, простясь съ военною тревогой,
Отъ тѣхъ кровавыхъ мѣстъ, гдѣ буйство протекло,
Поспѣшно я иду знакомою дорогой
Въ родимое село.
Мнѣ церковь сельская видна съ горы высокой,
И Клязьмы свѣтлый токъ въ тѣни ракитъ густыхъ;
И слышу пѣснь жнецовъ, и въ стадѣ лай далекой
Собакъ сторожевыхъ.
Я къ хижинѣ сходилъ холмовъ съ крутаго ската,
Разлуки тайный страхъ надеждой веселя,—
И дряхлый мой отецъ, тотчасъ узнавъ солдата,
Вскочилъ безъ костыля.
Въ слезахъ моя жена мнѣ кинулась на шею,
Мила, какъ въ день вѣнца, и сердцу, и очамъ;
Малютки рѣзвыя бѣгутъ ко мнѣ за нею;
Сосѣдъ пришелъ къ друзьямъ.

«Клянусь,—я говорилъ, склоненъ на то родными,—
Теперь я къ вамъ пришелъ на долгое житье!»
И дѣти обвили цвѣтками полевыми
И штыкъ мой, и ружье.
Я милыхъ обнималъ... но пушка вѣстовая
Сонъ тихій прервала, и—въ сѣчу мнѣ летѣть!
И къ Варнѣ понеслась дружина удалая...
Иль тамъ мнѣ умереть?

КЪ КНЯГИНѢ М. А. ГОЛИЦЫНОЙ.

Ты видала, какъ играетъ
Солнце раннею порой,
И лилея расцвѣтаетъ,
Окропленная росой.
Ты слыхала, какъ весною
Соловей въ ночи поетъ,
Какъ съ безцѣнною тоскою
Онъ раздумье въ душу льетъ.
Подъ черемухой душистой
Часто взоръ плѣнялся твой
Блескомъ радуги огнистой
Надъ прозрачною рѣкой.
Такъ твое воспоминанье,
Твой плѣнительный привѣтъ,
Для сердецъ очарованье
И прекраснаго завѣтъ.
Но, съ увядшею душою,
Между радостныхъ друзей
Какъ предстану предъ тобою
Съ лирой томною моей?
Хоть порой съ мечтами младость
И блеститъ въ моихъ очахъ,
И поется мною радость
На задумчивыхъ струнахъ:
Въ полѣ такъ цвѣтокъ мелькаетъ
Вмѣстѣ съ скошенной травой;
Такъ свѣтъ лунный озаряетъ
Хладный камень гробовой.
Лишь желать, молить я смѣю:
Да надеждъ прелестныхъ рой
Бьется вѣчно надъ твоею
Свѣтло-русой головой.

Въ свѣтѣ гостья молодая,
Жизнью весело играй;
Бурямъ издали внимая,
Обо мнѣ воспоминай!

КНЯЖНѢ С. Д. РАДЗИВИЛЪ.

Твоя безоблачная младость
Цвѣтетъ плѣнительной красой;
Ты улыбаешься, какъ радость,
Ясна и взоромъ и душой.
Рукой-ли бѣлой и послушной
По звонкимъ струнамъ пробѣжишь,
Иль стройно въ рѣзвости воздушной
Кружишься, вьешься и летишь,—
Ты радугой горишь предъ нами:
Она такъ блещетъ лѣтнимъ днемъ,
И разноцвѣтными огнями
Играетъ въ небѣ голубомъ.
Но въ тѣ часы, какъ ты снимаешь
Вѣнокъ изъ розовыхъ цвѣтовъ,
И съ милой томностью внимаешь
Мечтамъ задумчивыхъ пѣвцовъ,—
Какъ ты младенческой душою,
Участница въ чужихъ бѣдахъ,
Грустишь невинною тоскою,
И слезы ангела въ очахъ...
О, такъ въ саду росою чистой
Лилея нѣжная блеститъ,
Когда луна цвѣтокъ душистый
Сіяньемъ томнымъ серебритъ.

ПѢСНЬ ПОПУГАЯ.

Взгляни, взгляни, какъ роза расцвѣтаетъ
Въ тиши родной, стыдлива и нѣжна;
Чуть развилась, себя полускрываетъ,
Прелестнѣй тѣмъ, чѣмъ менѣе видна.
Вотъ, обнажась, во всей красѣ блистаетъ;
Вдругъ, томная, не та уже она:
Не тотъ цвѣтокъ, который, пышно рдѣя,
Былъ юношамъ и дѣвамъ всѣхъ милѣе.
Навѣкъ, увы, навѣкъ отъ насъ умчится

Пролетнымъ днемъ цвѣтъ юности живой!
Зеленый май къ долинамъ возвратится,
Но ужъ для насъ не быть веснѣ другой.
Срывай цвѣтокъ скорѣй, пока не тмится
Межъ близкихъ тучъ часъ утра золотой;
Спѣши любить въ тѣ дни невозвратимы,
Когда, любя, мы можемъ быть любимы!

ВЪ АЛЬБОМЪ ***.

(Изъ Байрона).

Когда надъ сонною рѣкой
　　Въ туманѣ мѣсяцъ красный всходитъ,
И путникъ робкою стопой
По сельскому кладбищу бродитъ,—
И если тамъ случайно онъ
Знакомца камень повстрѣчаетъ,
То, въ думу тихо погруженъ,
Бывалое воспоминаетъ.
　Ахъ! такъ и ты, другъ милый мой,
Въ тотъ часъ, какъ грусть тебя коснется,
И взору полному тоской
Мое здѣсь имя попадется,—
Ты мертвымъ ужъ считай меня.
Чѣмъ жизнь цвѣтетъ, мнѣ миновалось;
Лишь вѣрь тому, что у тебя
Мое здѣсь сердце *все* осталось.

НА ОТЪѢЗДЪ.

(Изъ Байрона).

Когда и мракъ, и сонъ въ поляхъ,
　　И ночь разлучитъ насъ,
Меня, мой другъ, невольный страхъ
　　Волнуетъ каждый разъ.
　Я знаю, ночь пройдетъ одна,—
　　На утро мы съ тобой;
Но дума втайнѣ смущена
　　Тревожною тоской.
　О, какъ же сердцу не грустить!
　　　Какъ высказать печаль,—

Когда отъ тѣхъ, съ кѣмъ мило жить,
Стремимся въ темну даль;
Когда, быть-можетъ, увлечетъ
Невѣрная судьба
На цѣлый мѣсяцъ, цѣлый годъ,
Быть-можетъ,—навсегда!

ОБВОРОЖЕНІЕ.

(Изъ „Манфреда“, Байрона).

(Князю П. А. Вяземскому).

Ночь. Манфредъ одинъ. Тѣнь, въ видѣ молодой прекрасной женщины, поетъ:

Когда луна сребритъ потокъ,
И червь, свѣтясь, въ травѣ трепещетъ,
И на кладбищѣ огонекъ,
А влажный паръ въ болотахъ блещетъ;
Когда вой совъ тревожитъ лѣсъ,
И звѣзды падаютъ съ небесъ,
И вѣтерокъ въ унылой тьмѣ
Межъ листьевъ дремлетъ на холмѣ,—
Въ тотъ часъ и съ властью, и съ клеймомъ
На сердцѣ лягу я твоемъ.
Сонъ крѣпкій очи и сомкнетъ,
Но духъ твой смутный не уснетъ.
Есть тѣни—имъ не исчезать;
Есть думы—ихъ не отогнать.
Въ твоей написано судьбѣ,
Чтобъ одному не быть тебѣ.
Какъ бы одѣтъ въ туманъ густой,
Какъ обвитъ въ саванъ гробовой,
Такъ будешь жить обвороженъ,
Безвѣстной власти покоренъ.
Хоть невидимкой буду я,
Твой взоръ почувствуетъ меня,
Какъ то, что прежнею порой
И было, и опять съ тобой;
И, въ тайномъ ужасѣ твоемъ
Когда посмотришь ты кругомъ,—
Ты удивишься, что ужъ я
Пропала, какъ и тѣнь твоя;

И будешь ты отъ всѣхъ таить,
Подъ чьею властью долженъ жить.
  Волшебнымъ словомъ ты клейменъ,
Въ купель проклятья погруженъ;
Эѳирный духъ тебя схватилъ,
Тебя онъ сѣтью окружилъ.
И голосъ есть у вѣтерка,
И вѣетъ съ нимъ къ тебѣ тоска;
Спокойной ночи тишина
Тебѣ въ отраду не дана,
А днемъ есть солнце надъ тобой,
Еще страшнѣе тьмы ночной.
  Изъ слезъ твоихъ мной извлеченъ
Сокъ страшный—смерть вливаетъ онъ;
Въ немъ та кровь черная твоя,
Что въ черномъ сердцѣ у тебя;
Съ улыбки сорвана твоей
Змѣя, клубящаяся въ ней;
И чары взяты съ устъ твоихъ,—
Отрава вся таилась въ нихъ.
Теперь на дѣлѣ видно мнѣ,
Что ядъ сильнѣйшій былъ въ тебѣ.
  За мрачный духъ твоихъ коварствъ,
За бездны тайныя лукавствъ,
За кротость ложную очей,
Змѣю-улыбку, ядъ рѣчей,
За даръ твой дивный убѣдить,
Что съ сердцемъ ты, что могъ любить,
За твой къ чужимъ страданьямъ хладъ,
За то, что Каину ты братъ,—
Ты властью обреченъ моей
Носить твой адъ въ душѣ твоей.
  Фіалъ въ рукахъ,—уже я лью
Проклятье на главу твою;
И ты покоя не найдешь,
И не уснешь, и не умрешь,
И смерти будешь ты желать,
Страшась всечасно умирать;
Но вотъ ужъ ты обвороженъ,
Незвучной цѣпью окруженъ;
И сердцемъ и умомъ страдай.
Свершились чары. Увядай!

КЪ А. А. ОЛЕНИНОЙ.

(При посылкѣ элегіи къ Тирзѣ).

Любви и жизни на расцвѣтѣ
Вся прелесть радости земной
Тебя плѣняетъ въ шумномъ свѣтѣ
Своею радужной мечтой.
И если звукъ волненій страстныхъ
И сердца горестный напѣвъ
Встревожитъ миръ долинъ прекрасныхъ
И нѣжный хоръ блестящихъ дѣвъ,—
Не сѣтуй; но, услыша пѣнье
Разбитыхъ бурею пловцовъ,
Благослови уединенье
Твоихъ Пріютинскихъ лѣсовъ!

КЪ ТИРЗѢ.

(А. А. Олениной).

Къ чему вамъ, струны, радость пѣть?
Звучите мнѣ тоской мятежной!
Какъ мнѣ веселое терпѣть?
Боюсь, не вѣрю пѣсни нѣжной.
Она любви пролетнымъ сномъ
Звучитъ обманутой надеждѣ:
Какъ вспомнить, думать мнѣ о томъ,
Что я теперь и что былъ прежде?
Чей голосъ въ струны радость лилъ,
Той нѣтъ,—и нѣтъ очарованья!
Одинъ напѣвъ теперь мнѣ милъ:
Надгробный стонъ и вопль страданья—
Въ немъ отзывъ нашихъ вмѣстѣ дней.
Съ тѣхъ поръ, какъ ты ужъ прахомъ стала,
Нестройство для души моей
То, въ чемъ гармонія бывала.
Все тихо; но и въ тишинѣ
Слухъ ловитъ пѣсни незабвенной:
Невольно слышенъ голосъ мнѣ
Давно молчанью обреченной.
Смятенный духъ тревожитъ онъ:
Засну-ли—соннаго плѣняетъ;
Тоска-ль отгонитъ дивный сонъ—

Напѣвъ съ мечтой не улетаетъ.
  Мечтою Тирзу навсегда
Любви оставила могила.
Въ волнахъ дрожавшая звѣзда
Блескъ нѣжный отъ земли склонила;
Но кто во мракѣ грозныхъ тучъ
Проходитъ жизни путь ужасной,
Тотъ ищетъ все звѣзды прекрасной,
Ему бросавшей свѣтлый лучъ.

КЪ ТИРЗѢ.

(Изъ Байрона).

Рѣшусь—пора освободиться
  Отъ мрачной горести моей,
Вздохнуть въ послѣдній разъ, проститься
Съ любовью, съ памятью твоей!
Заботъ и свѣта я чуждался,
И не для нихъ былъ созданъ я;
Теперь же съ радостью разстался:
Какимъ бѣдамъ страшить меня?
  Хочу пировъ, хочу похмѣлья,
Бездушнымъ въ свѣтѣ стану жить,
Со всѣми радъ дѣлить веселья,
Ни съ кѣмъ же горя не дѣлить.
То-ль было прежнею порою!
Но счастье жизни отнято:
Здѣсь въ мірѣ брошенъ я тобою,
Ничто ужъ ты—и все ничто.
  Улыбка—горю лишь угроза,—
Изъ-подъ нея печаль виднѣй:
Она, какъ на гробницѣ роза.
Мученье сжатое сильнѣй.
Хоть межъ друзей въ бесѣдѣ шумной
Невольно чаша оживитъ,
Весельемъ вспыхнетъ духъ безумный,—
Но сердце томное груститъ.
  Взойдетъ, бывало, мѣсяцъ полный
Надъ кораблемъ въ тиши ночной;
Онъ серебритъ Эгейски волны,—
А я, къ тебѣ стремясь душой,
Любилъ мечтать, что взоръ твой милый

Теперь плѣняетъ та-жъ луна:
О Тирза! надъ твоей могилой
Тогда свѣтила ужъ она.
  Въ часы безсонные недуга,
Какъ ядъ кипѣлъ, волнуя кровь,
«Нѣтъ,—думалъ я,—страданьемъ друга
Ужъ не встревожится любовь!»
Ненужный даръ тому свобода,
Кто въ узахъ жертва дряхлыхъ лѣтъ;
Хоть воскреситъ меня природа,—
Къ чему?—тебя въ живыхъ ужъ нѣтъ!
  Когда любовь и жизнь такъ новы,
Въ тѣ дни залогъ мнѣ данъ тобой,—
Печали краской рокъ суровый
Мрачитъ его передо мной.
Навѣкъ той сердце охладѣло,
Кѣмъ было все оживлено;
Мое безъ смерти онѣмѣло;
Но чувства мукъ не лишено.
  Залогъ любви, печали вѣчной,
Прижмись, прижмись къ груди моей;
Будь стражемъ вѣрности сердечной,
Иль сердце грустное убей!
Въ тоскѣ не гаснетъ жаръ мятежный,
Горитъ за сѣнью гробовой,
И къ мертвой пламень безнадежный
Святѣе, чѣмъ любовь къ живой.

ФЕЯ МОРГАНА КЪ ОЛИВЬЕРУ.

(Изъ поэмы Мильвуа: „Карлъ Великій“).

Ужъ вечеръ былъ—я, въ теремъ поспѣшая,
  Неслась одна эѳирною страной;
Тамъ плѣнница грустила молодая,
А другъ ея страдалъ въ землѣ чужой.
Тебя тогда близъ рощи я узрѣла,
И на лицѣ румянецъ запылалъ,
Забыла я, куда, зачѣмъ летѣла,
И ты одинъ сердечной думой сталъ.
  Весны и розъ царевною воздушной
Предстала вдругъ предъ взоромъ я твоимъ;

Въ волненьи чувствъ, съ надеждой простодушной
Сказала я: «о витязь, будь моимъ!»
Дала кольцо изъ радуги огнистой.
Спустилась ночь; таинственной луной
Осеребренъ кругомъ былъ лѣсъ тѣнистой,—
И цѣлый міръ исчезъ для насъ съ тобой.
Ахъ, въ радостной обители Морганы
Въ какихъ бы ты восторгахъ утопалъ!
О, сколько-бъ разъ мой домъ прозрачнордяный
Эѳирныхъ игръ веселостью блисталъ!
Волшебныхъ арфъ при звонѣ сладкострунномъ,
Въ златыхъ лучахъ румяныя зари,
Являлись бы въ пространствѣ мы подлунномъ,
И таяли-бъ и въ нѣгѣ, и въ любви.
И въ часъ, когда, въ полуночномъ молчаньи,
Свой нѣжный свѣтъ льетъ мѣсяцъ молодой,
Слетали-бъ мы, о другъ, въ его сіяньи
Къ томящимся любовною тоской;
Иль въ темну ночь надъ бурными волнами
Мелькали-бъ мы въ блуждающихъ огняхъ,
Горѣли бы привѣтными звѣздами,
Рождая жизнь въ встревоженныхъ пловцахъ.
Но праздностью твой пылкій духъ скучаетъ,
Прелестный другъ! скучаешь ты при мнѣ.
Вотъ шлемъ и мечъ: со вздохомъ уступаетъ
Тебя любовь и славѣ, и войнѣ.
Твоя вездѣ, въ тревоги боевыя
Помчусь и я подругою твоей;
Я брошуся на стрѣлы роковыя—
И притуплю ихъ грудію моей.

СЕЛЬСКАЯ СИРОТКА.

ЭЛЕГІЯ.

(Изъ Сумé).

Разсталась я съ тяжелымъ сномъ,
Не встрѣтясь съ радостной мечтою;
Я вмѣстѣ съ утренней зарею
Была на холмѣ луговомъ.
Запѣла птичка тамъ надъ свѣжими кустами,
Въ душистой рощицѣ привольно ей летать;

Вдругъ съ кормомъ нѣжно къ ней стремится...
вѣрно мать!
И залилася я слезами.
Ахъ! мнѣ не суждено, какъ птичкѣ молодой,
Въ тиши безвѣстной жить у матери родной.
Дубъ мирное гнѣздо отъ бури укрываетъ,
Привѣтный вѣтерокъ его тамъ колыхаетъ;
А я, бѣдняжка, что имѣю на земли?
И колыбели я не знала:
У храма сельскаго когда меня нашли,
На камнѣ голомъ я лежала.
Покинутая здѣсь, далеко отъ своихъ,
Не улыбалась я родимой ласкѣ ихъ.
Скитаюся одна! вездѣ чужія лицы;
Слыву въ деревнѣ сиротой.
Подружки лѣтъ моихъ, окружныхъ селъ дѣвицы,
Стыдятся звать меня сестрой,
И люди добрые сиротку не пускаютъ.
На вечеринкахъ ихъ нѣтъ мѣста мнѣ одной;
Со мною, бѣдной, не играютъ
Вкругъ яркаго огня семейною игрой.
Украдкой пѣснямъ я приманчивымъ внимаю;
И передъ сладкимъ сномъ, въ ту пору, какъ дѣтей
Отецъ, благословя, прижметъ къ груди своей,
Вечерній поцѣлуй я издали видаю.

И тихо, тихо въ храмъ святой
Иду я съ горькими слезами;
Лишь онъ сироткѣ не чужой,
Лишь онъ одинъ передо мной
Всегда съ отверстыми дверями.
И часто я ищу на камнѣ роковомъ
Слѣда сердечныхъ слезъ, которыя на немъ,
Быть-можетъ, мать моя роняла,
Когда она меня въ чужбинѣ оставляла.

Одна между кустовъ, въ тѣни березъ густыхъ,
Гдѣ спятъ покойники подъ свѣжею травою,
Брожу я съ тягостной тоскою;
Мнѣ плакать не о комъ изъ нихъ:
И между мертвыхъ, и живыхъ
Вездѣ, вездѣ я сиротою.
Уже пятнадцать разъ весна
Въ слезахъ сиротку здѣсь встрѣчаетъ;

Цвѣтокъ безрадостный, она
От непогоды увядаетъ.
Родная, гдѣ же ты? Увидимся-ль съ тобою?
Приди: я жду тебя все также сиротою,—
И все на камнѣ томъ, и все у церкви той,
Гдѣ я покинута тобою!

РОМАНСЪ.

(Изъ „Лалла-Рукъ", Мура).

Есть тихая роща у быстрыхъ ключей;
И днемъ тамъ, и ночью поетъ соловей;
Тамъ свѣтлыя воды привѣтно текутъ,
Тамъ алыя розы, красуясь, цвѣтутъ.
Въ ту пору, какъ младость манила мечтать,
Въ той рощѣ любила я часто гулять;
Любуясь цвѣтами подъ тѣнью густой,
Я слышала пѣсни—и млѣла душой.
Той рощи зеленой мнѣ вѣкъ не забыть!
Мѣста наслажденья, какъ васъ не любить!
Но съ лѣтомъ ужъ скоро и радость пройдетъ,
И душу невольно раздумье беретъ:
«Ахъ! въ рощѣ зеленой, у быстрыхъ ключей,
Все такъ-ли, какъ прежде, поетъ соловей?
И алыя розы осенней порой
Цвѣтутъ-ли все такъ же надъ свѣтлой струей?»
Нѣтъ: розы увяли, мутнѣе струя,
И въ рощѣ не слышно теперь соловья!
Когда же, красуясь, тамъ розы цвѣли,
Ихъ часто срывали, вѣнками плели.
Блескъ нѣжныхъ листочковъ хотя помраченъ,
Въ росѣ ароматной ихъ духъ сохраненъ,
И воздухъ свѣжится душистой росой;
Весна миновала—а вѣетъ весной.
Такъ памятью можно въ минувшемъ намъ жить
И чувствъ упоенья въ душѣ сохранить;
Такъ вѣетъ отрадно и поздней порой
Бывалая прелесть любви молодой!
Не вовсе же радости время возьметъ:
Пусть младость увянетъ, но сердце цвѣтетъ.
И сладко мнѣ помнить, какъ пѣлъ соловей,
И розы, и рощу у быстрыхъ ключей.

УТРО и ВЕЧЕРЪ.

Въ вѣнцѣ багровомъ солнце блещетъ,
Чуть свѣтитъ робкая луна,
Фіалка подъ росой трепещетъ,
И роза юная томна.
Стоитъ Людмила у окна,
Златые локоны небрежно
Вкругъ шеи вьются бѣлоснѣжной.
Я на колѣна въ тишинѣ
Упалъ. Она сказала мнѣ:
«Зачѣмъ такъ рано все уныло—
Фіалка, и луна, и милой?»
Но день промчался; небосклонъ
Горитъ вечернею зарею,
И тихой, полною луною
Душистый лугъ осеребренъ,
Росой фіалка освѣжилась.
Людмила у окна явилась;
Еще пышнѣй ея нарядъ,
Еще свѣтлѣй веселый взглядъ,—
И на колѣнахъ я предъ милой
Стою опять... стою унылой:
Грустилъ я раннею порой,
Грущу теперь во тьмѣ ночной.

КЪ АЛЬПАМЪ.

Оплотъ неприступный гранитныхъ хребтовъ
Въ державномъ величьи съ рожденья вѣковъ,
Неровныя груды разбросанныхъ горъ,
Такъ дерзко подъ небомъ дивящія взоръ,—
Пріюты морозовъ и снѣжныхъ громадъ,
Гдѣ буря грохочетъ, реветъ водопадъ;
Крутыя стремнины, гдѣ римскій орелъ
Дивился, какъ смѣлый по безднамъ прошелъ,
Вершины ужасной священной красы,—
Примите меня вы за лоно грозы,
Высоко, далеко, въ томъ мракѣ густомъ,
Гдѣ въ тайной бесѣдѣ душа съ Божествомъ!

ГРАФИНѢ З. И. ЛЕБЦЕЛЬТЕРНЪ.

(Изъ А. Шенье).

Надъ темнымъ заливомъ, вдоль звучныхъ зыбей
Венеціи, мòря царицы,
Пловецъ полуночный въ гондолѣ своей,
Съ вечерней зари до денницы,
Рулемъ беззаботнымъ небрежно сѣчетъ
Лѣнивую влагу ночную;
Поетъ онъ Ринальда, Танкреда поетъ,
Поетъ Эрминію младую,—
Поетъ онъ по сердцу, суетъ удаленъ,
Чужаго суда не страшится,
И, пѣсней любимой невольно плѣненъ,
Надъ бездною весело мчится.
И я люблю пѣть про себя въ тишинѣ,
Безвѣстныя пѣсни мечтаю.
Пою—и какъ будто отраднѣе мнѣ,
Я горе мое забываю,
Какъ вѣтеръ ни гонитъ мой бѣдный челнокъ
Пучиною жизни мятежной,
Гдѣ я такъ уныло и такъ одинокъ
Скитаюсь во тьмѣ безнадежной...

МОЛОДАЯ УЗНИЦА.

(Изъ А. Шенье: „La jeune captive“).

Въ волнахъ блестящій серпъ зеленыхъ нивъ не жнетъ;
Янтарный виноградъ, въ ту пору какъ цвѣтетъ,
Не долженъ хищныхъ рукъ бояться!
А я лишь начала, красуясь, расцвѣтать...
И пусть мнѣ суждено слезъ много проливать —
Я съ жизнью не хочу разстаться.

Смотри, мудрецъ, на смерть холодною душой!
Я плачу и молюсь, и жду, чтобъ надо мной
Сквозь тучи звѣзды проглянули.
Есть дни ненастные—но красенъ Божій свѣтъ;
Не каждый сотъ душистъ; такого моря нѣтъ,
Гдѣ-бъ вѣтры бурные не дули.—

Надежда свѣтлая и въ долѣ роковой
Тревожитъ грудь мою плѣнительной мечтой,
Какъ ни мрачна моя темница.

Такъ вдругъ, освободясь отъ пагубныхъ сѣтей,
Въ поля небесныя счастливѣе, быстрѣй
Летитъ дубравная пѣвица.

Мнѣ рано умирать: покой даритъ мнѣ ночь,
Покой приноситъ день, его не гонятъ прочь
Ни страхъ, ни совѣсти укоры;
И здѣсь у всѣхъ привѣтъ встрѣчаю я въ очахъ,
Улыбку милую на пасмурныхъ челахъ
Всегда мои встрѣчаютъ взоры;

Прекрасный, дальній путь мнѣ предстоитъ,—
И даль, въ которую невольно все манитъ,
Передо мной лишь развернулась;
На радостномъ пиру у жизни молодой
Устами жадными до чаши круговой
Я только-только-что коснулась.

Я видѣла весну,—хочу я испытать
Палящій лѣта зной, и съ солнцемъ довершать
Теченье жизни я желаю;
Лилея чистая, краса родныхъ полей,
Я только видѣла блескъ утреннихъ огней,—
Зари вечерней ожидаю.

О, смерть, не тронь меня! Пусть въ мракѣ гробовомъ
Злодѣи блѣдные съ отчаяньемъ, стыдомъ
Отъ бѣдствій думаютъ скрываться;
Меня-жъ, невинную, ждетъ радость на земли,
И пѣсни нѣжныя, и поцѣлуи любви:
Я съ жизнью не хочу разстаться.

Такъ въ узахъ я слыхалъ, самъ смерти обреченъ,
Прелестной узницы и жалобы, и стонъ,—
И думы сердце волновали.
Я съ лирой соглашалъ печальный голосъ мой,
И стонъ, и жалобы страдалицы младой
Невольно струны повторяли.

И лира сладкая, подруга тяжкихъ дней,
Быть-можетъ, спрашивать объ узницѣ моей
Заставитъ пѣснью своею.
О! знайте жъ: радости плѣнительнѣй она;
И такъ же, какъ и ей, конечно, смерть страшна
Тому, кто жизнь проводитъ съ нею.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

(Изъ Байрона).

Безсоннаго солнце, въ туманѣ луна!
 Горишь ты далеко, грустна и блѣдна.
При тускломъ мерцаньѣ мракъ ночи страшнѣй,
Какъ въ памяти радость утраченныхъ дней,
Минувшее, блещетъ межъ горестныхъ тучъ.
Но сердца не грѣетъ томительный лучъ;
И радость былая, какъ ночью луна,
Видна—но далеко, ярка—но хладна.

БЕЗУМНАЯ.

РОМАНСЪ.

Меня жестокіе бранятъ,
 Меня безумной называютъ,
Спокойной, смирной быть велятъ,
Молиться Богу заставляютъ.
О, здѣсь, далеко отъ своихъ...
Покой бѣжитъ очей моихъ;
Въ чужой угрюмой сторонѣ
Нѣтъ силъ молиться Богу мнѣ!
 Но будь я тамъ, гдѣ Донъ родной
Шумитъ знакомыми волнами,
Гдѣ теремъ отческій простой
Въ тѣни таится подъ дубами,—
Тамъ стану я покоя ждать,
Тамъ стану Бога умолять,
Чтобъ, сжалясь надъ тоской моей,
Онъ мнѣ конецъ послалъ скорѣй.
 О, какъ мнѣ, бѣдной, не тужить!
Ты, радость, и меня манила;
И я сбиралась въ свѣтѣ жить,
Была мила ему, любила,
И въ церковь Божью вся въ цвѣтахъ
Пошла съ румянцемъ на щекахъ;
И помню то, что съ женихомъ
И я стояла подъ вѣнцомъ.
 Но гибнетъ радость навсегда;
Къ бѣдѣ, къ слезамъ я пробудилась,—
И ясная любви звѣзда

Въ кровавомъ облакѣ затмилась!
Сокрылся мой привѣтный свѣтъ,
Его ищу — его ужъ нѣтъ!
Ахъ, улетая, ангелъ мой,
Что не взялъ ты меня съ собой!

ПЛѢННЫЙ ГРЕКЪ ВЪ ТЕМНИЦѢ.

Родина святая,
Край прелестный мой!
Все тобой мечтая,
Рвусь къ тебѣ душой.
Но, увы, въ неволѣ
Держатъ здѣсь меня,
И на ратномъ полѣ
Не сражаюсь я!
День и ночь терзался
Я судьбой твоей,
Въ сердцѣ отдавался
Звукъ твоихъ цѣпей.
Можно-ль однороднымъ
Братьевъ позабыть?
Ахъ, иль быть свободнымъ,
Иль совсѣмъ не быть!
И съ друзьями смѣло
Гибельной грозой
За святое дѣло
Мы помчались въ бой.
Но, увы, въ неволѣ
Держатъ здѣсь меня,
И на ратномъ полѣ
Не сражаюсь я!
И въ плѣну не знаю,
Какъ война горитъ;
Вѣсти ожидаю —
Мимо вѣсть летитъ.
Слухъ убійствъ несется,
Страшной мести слѣдъ:
Кровь родная льется,—
А меня тамъ нѣтъ!
Ахъ, средь бури зрѣетъ
Плодъ, свобода, твой!
День твой ясный рдѣетъ,

Пламенной зарей!
Узникъ неизвѣстный,
Пусть страдаю я,—
Лишь бы, край прелестный,
Вольнымъ знать тебя!

БЕЗСОННИЦА.

(Изъ Мура).

Въ часы отрадной тишины
Не знаютъ сна печальны очи,
И призракъ милой старины
Тѣснится въ грудь со мракомъ ночи.
И живы въ памяти моей
Веселье, слезы юныхъ дней,
Вся прелесть, ложь любовныхъ сновъ,
И тайныхъ встрѣчъ, и нѣжныхъ словъ,
И тѣ красы, которыхъ цвѣтъ
Убитъ грозой — и здѣсь ужъ нѣтъ!
И сколько радостныхъ сердецъ
Блаженству видѣли конецъ!
Такъ прежнее ночной порою
Мою волнуетъ грудь,
И думы, сжатыя тоскою,
Мѣшаютъ мнѣ уснуть.
Смотрю ли въ даль,—однѣ печали;
Смотрю-ль кругомъ,—моихъ друзей,
Какъ желтый листъ осеннихъ дней,
Мятели бурныя умчали.
Мнѣ мнится: съ пасмурнымъ челомъ
Хожу въ покоѣ я пустомъ,
Въ которомъ прежде я бывалъ,
Гдѣ я веселый пировалъ;
Но ужъ огни погашены,
Гирлянды сняты со стѣны,
Давно разъѣхались друзья,
И въ немъ одинъ остался я.
И прежнее ночной порою
Мою волнуетъ грудь,
И думы, сжатыя тоскою,
Мѣшаютъ мнѣ уснуть!

ИРЛАНДСКАЯ МЕЛОДІЯ.

(Изъ Мура).

Когда пробьетъ печальный часъ
Полночной тишины,
И звѣзды трепетно горятъ,
Туманъ кругомъ луны:
Тогда, задумчивъ и одинъ,
Спѣшу я къ рощѣ той,
Гдѣ, милый другъ, бывало, мы
Бродили въ тьмѣ ночной.
О, если въ тайной долѣ ихъ
Возможность есть душамъ
Слетать изъ-за далекихъ звѣздъ
Къ тоскующимъ друзьямъ, —
Къ знакомой рощѣ ты слетишь
Въ полночной тишинѣ,
И дашь мнѣ вѣсть, что въ небесахъ
Ты помнишь обо мнѣ!
И, думой сердца увлеченъ,
Ту пѣсню я пою,
Которой, другъ, плѣняла ты
Мечтательность мою.
Унылый голосъ вѣтерокъ
Разноситъ въ чуткой тьмѣ,
Въ полянѣ вѣетъ, и назадъ
Несетъ его ко мнѣ.
А я... я вѣрю... томный звукъ
Отъ родины святой
На пѣснь любимую отвѣтъ
Души твоей младой.

ИРЛАНДСКАЯ МЕЛОДІЯ.

(Изъ Мура).

Лучъ ясный играетъ на свѣтлыхъ водахъ,
Но тьма подъ сіяньемъ и холодъ въ волнахъ;
Младыя ланиты румянцемъ горятъ,
Но черныя думы духъ юный мрачатъ.
Есть думы о прежнемъ: ихъ ядъ роковой
Всю жизнь отравляетъ мертвящей тоской;

Ничто не утѣшитъ, ничто не страшитъ,
Не радуетъ радость, печаль не крушитъ.
На срубленной вѣткѣ такъ вянетъ листокъ:
Напрасно въ дубравѣ шумитъ вѣтерокъ
И красное солнце льетъ радостный свѣтъ,—
Листокъ зеленѣетъ, а жизни въ немъ нѣтъ!

МОЛОДОЙ ПѢВЕЦЪ.

ИРЛАНДСКАЯ МЕЛОДІЯ.

(Изъ Мура).

На брань летитъ младой пѣвецъ,
Дней мирныхъ бросивъ сладость;
Съ нимъ мечъ отцовскій — кладенецъ,
Съ нимъ арфа — жизни радость.
«О, пѣсней звонкихъ краій родной,
Отцовъ земля святая,
Вотъ въ дань тебѣ мечъ острый мой,
Вотъ арфа золотая!»
Пѣвецъ палъ жертвой грозныхъ сѣчъ;
Но, вѣкъ кончая юный,
Бросаетъ въ воду острый мечъ
И звонкія рветъ струны.
«Любовь, свободу, краій родной,
О струны, пѣлъ я съ вами;
Теперь какъ пѣть въ странѣ вамъ той,
Гдѣ рабъ звучитъ цѣпями?»

ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ.

(Изъ Мура: «Those evening bells...»)

(Т. С. Вдмрв—ой).

Вечерній звонъ, вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ
О юныхъ дняхъ въ краю родномъ,
Гдѣ я любилъ, гдѣ отчій домъ,
И какъ я, съ нимъ навѣкъ простясь,
Тамъ слушалъ звонъ въ послѣдній разъ!
Уже не зрѣть мнѣ свѣтлыхъ дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ

Тогда веселыхъ, молодыхъ!
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ,—
Не слышенъ имъ вечерній звонъ.
Лежать и мнѣ въ землѣ сырой!
Напѣвъ унылый надо мной
Въ долинѣ вѣтеръ разнесетъ;
Другой пѣвецъ по ней пройдетъ,
И ужъ не я, а будетъ онъ
Въ раздумьѣ пѣть вечерній звонъ!

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ЭЛЕГІЯ.

Вольное подражаніе Св. Григорію Назіанзину.

(Князю А. Н. Голицыну).

Вчера въ лѣсу я, грустью увлеченъ,
Сидѣлъ одинъ и сердцемъ сокрушенъ.
Когда мой духъ волнуется тоской,
Отрадно мнѣ бесѣдовать съ душой.
Вездѣ кругомъ дремала тишина,
Мнѣ вѣяла душистая весна;
Едва журчалъ лѣнивый ручеекъ,
И на цвѣтахъ улегся мотылекъ;
Хоръ нѣжный птицъ, вечерній пламень дня,
И запахъ травъ лелѣяли меня.
Но я на все безъ радости смотрѣлъ,—
Развеселить я горя не хотѣлъ;
Въ смятеньи думъ не тягостна печаль,
Разстаться съ ней душѣ какъ будто жаль.
Мой духъ кипѣлъ, я спрашивалъ себя:
Что я теперь? что̀ былъ? чѣмъ буду я?—
Не знаю самъ, и знать надежды нѣтъ.
И гдѣ мудрецъ, кто-бъ могъ мнѣ дать отвѣтъ?
Въ какой-то тьмѣ, безъ цѣли я лечу,
И тѣни нѣтъ того, чего хочу.
Мятежныхъ чувствъ губительный обманъ
Вкругъ падшихъ насъ бросаетъ свой туманъ,—
И я кружусь, обманутъ ложнымъ сномъ,
Въ дыму суетъ, какъ въ облакѣ густомъ.
Какъ отъ меня далекъ вчерашній день!
Промчался онъ—я съ нимъ пропалъ, какъ тѣнь...

И если мнѣ еще до утра жить,—
Кто скажетъ, гдѣ и чѣмъ и какъ мнѣ быть?
Уже тѣхъ волнъ мы въ морѣ не найдемъ,
Которыя въ немъ разъ переплывемъ...
И человѣкъ, лишь мы разстались съ нимъ,—
Не тѣмъ, чѣмъ былъ, но встрѣтитъ насъ инымъ...
И разумъ мой сомнѣнье облегло:
Лѣта сребрятъ усталое чело,
А знаю-ль я, зачѣмъ рожденъ на свѣтъ?
Что жизнь моя?—тѣ дни, которыхъ нѣтъ...
Какъ бурный токъ, пролетная вода,
Теку, стремлюсь—исчезну навсегда.
Удѣлъ мой—гробъ; сегодня человѣкъ,
А завтра—прахъ. Ужели прахъ навѣкъ?
Иль въ смерти жизнь намъ новая дана?—
Надежда льститъ, но тайна мнѣ страшна.
О! кто же ты, безсмертіемъ дыша,
Откуда ты, нетлѣнная душа?
Ты Божество являешь мнѣ въ себѣ;
Откинь порокъ—и вѣрю я тебѣ.
Кто чистый духъ могъ въ тѣло заключить?
Кто мертвеца велѣлъ тебѣ носить?—
Я сынъ грѣха—и Божій образъ я!
Сними же цѣпь, влекущую меня,
Услышать дай таинственный привѣтъ;
Но тьма теперь, а завтра будетъ свѣтъ,
И будешь ты сгораема огнемъ,
Иль въ небесахъ предъ Богомъ и Отцемъ,
И тамъ сама, какъ ангелъ чистоты,
Увидишь все и все узнаешь ты...
Я такъ мечталъ,—и вдругъ мой страхъ исчезъ.
Настала ночь, и я оставилъ лѣсъ;
И на пути въ пріютъ укромный мой,
То самъ въ себѣ надъ здѣшней суетой
Смѣялся я, то вновь смущалъ мой умъ
Минувшій мракъ его тревожныхъ думъ.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОМУ ФИЛАРЕТУ.

Когда долгъ страшный, долгъ священный
Нашъ Царь такъ свято совершалъ,
А ты, нашъ Пастырь вдохновенный,
Съ крестомъ въ рукахъ Его встрѣчалъ,—

Ему небесъ благоволенье
Изрекъ ты именемъ Творца,
Предъ Нимъ да жизнь и воскресенье
Текутъ и радуютъ сердца!
Да вновь дни свѣтлые проглянутъ,
По вѣрѣ пламенной даны,
И полумертвые возстанутъ,
Любовью царской спасены.

КЪ ВАЛЬТЕРЪ СКОТТУ.

. . . Could i wreak
My thoughts upon expression and
Thus trow soul, heart mind . . .
L. Byron.

Шотландскій бардъ, пѣвецъ любимый
Прекрасной дикой стороны,
Чей намъ звучитъ напѣвъ родимый
Святое милой старины!
Прости, что дерзостной рукою
Я, очарованный тобою,
Несу въ вѣнокъ блестящій твой
Фіалки, ландышъ полевой!
Тогда, какъ горя звукъ унывный
Мою всю душу бунтовалъ,
Твой геній свѣтлозарный, дивный
Броженья сердца услаждалъ.
Такъ—прежде всѣхъ пѣвецъ природы,
И волнъ шумящихъ, и свободы,
Въ сіяньи чудной красоты,
Какъ бездна пламя и мечты,
Съ своими буйными страстями,
Съ печалью, съ гордыми слезами,
Любви въ губительномъ огнѣ
Вдругъ Чильдъ-Гарольдъ явился мнѣ.
Крушимъ душевною грозою,
Мятежной омраченъ тоскою,
Онъ мнѣ сердецъ страданья пѣлъ—
Свой тайный горестный удѣлъ;
А я дрожалъ, я пламенѣлъ,
Внималъ душою муки голосъ,
И слезы градомъ, дыбомъ волосъ;

Я то кипѣлъ, то замиралъ,—
Увы! я самъ любилъ, страдалъ.
Онъ пробудилъ мои мечтанья,
Мнѣ въ грудь втѣснилъ воспоминанья,
И пылъ его—моихъ страстей
Тревожилъ духъ во тьмѣ ночей.
Но такъ, какъ послѣ бури рьяной
Зари вечерней лучъ румяной
Лелѣетъ взоръ и гонитъ страхъ,
Надежду кажетъ въ небесахъ,—
Такъ усладили мракъ печали
Твои отрадныя скрижали
Ихъ романтической красой;
А звуки арфы золотой
Мнѣ тихо душу волновали.
Елена, Дугласъ, Марміонъ,
И съ привидѣньемъ бой чудесный,
И пажъ несчастный и прелестный,
Матильда... Но кто не плѣненъ
Твоими звонкими струнами?
Волшебникъ, кто не удивленъ,
Когда, явясь межъ мертвецами,
Ты намъ ихъ кажешь въ видѣ томъ,
Съ тѣмъ чувствомъ, какъ въ быту земномъ
Они въ старинныхъ замкахъ жили,
Мечтали, ссорились, любили;
И какъ, платя пристрастью дань,
За Джемсовъ возникала брань,
И вѣра вѣру угнетала,
И месть злодѣйства покупала?
Ты разсказалъ намъ, дивный бардъ,
Какъ Сердце-Львиное-Ричардъ
Сражался, пѣлъ, и какъ томилась
Лилея горъ, звѣзда любви,
Которой блескъ потухъ въ крови.
Тобой отъ насъ не утаилась
Дней прежнихъ правда. Но, пѣвецъ,
Какъ ни дивитъ, какъ ни плѣняетъ
Меня безсмертный твой вѣнецъ,—
Другое сердце восхищаетъ:
Ты міру доказать умѣлъ,
Какъ радостенъ того удѣлъ,
Кто любитъ пламенной душою

Все то, что долженъ онъ любить,
Кто хочетъ истиной святою,
Наукой умъ свой просвѣтить.
Взгляни, какъ ты семьею нѣжной
Почтенъ, утѣшенъ и любимъ,
Какой подпорою надежной,
Какъ много ты на счастье имъ!
Ты въ родинѣ своей свободной
Сталъ драгоцѣнностью народной;
Кто тамъ ни встрѣтится съ тобой,—
Онъ другъ тебѣ, онъ твой родной.
Какъ часто я, въ мечтахъ веселыхъ,
Отъ мыслей мрачныхъ и тяжелыхъ
Въ тѣнистый Аббодсфордъ лечу,
Съ тобой, мой бардъ, пожить хочу,—
Хочу смиренно быть свидѣтель,
Какъ Небо любитъ добродѣтель!
И что-жъ? въ мечтаніи моемъ
Ужъ я давно въ саду твоемъ
Съ тобой хожу и отдыхаю,
Твоимъ разсказамъ я внимаю.
Со всѣхъ сторонъ передо мной
Мѣста, воспѣтыя тобой:
Вотъ тамъ Мельрозская обитель,
Гдѣ часто бродитъ по ночамъ
Убитый рыцарь Кольдингамъ;
Вотъ мостъ Боцвеля,—онъ хранитель
Преданій страшныхъ; все кругомъ—
И крестъ холма, и дубъ косматой,
И прудъ подъ башнею зубчатой—
Оживлено твоимъ перомъ.
Иль вдругъ вечернею порою
Въ привѣтномъ замкѣ мы съ тобою;
Тамъ дѣти, внуки, вся семья—
Отрада милая твоя—
Бѣгутъ, шумятъ, тебя встрѣчая,
И мѣста нѣтъ почти друзьямъ;
А дочь—хозяйка молодая—
Янтарный чай готовитъ намъ;
Все нѣгой, радостью свѣтлѣетъ.
Кто здѣсь съ весельемъ не знакомъ?
И ты, пѣвецъ, предъ камелькомъ,
Гдѣ уголь дымный жарко тлѣетъ,

Въ красѣ серебряныхъ кудрей
Сидишь съ дѣтьми твоихъ дѣтей;
То учишь ихъ, то забавляешь,
Имъ сказки, были поминаешь,
То рѣчь ведешь о мертвецахъ,
О вѣдьмахъ, о ворожеяхъ;
Иль, въ знакъ безцѣнной имъ награды,
Поешь родимыя баллады;
Иль вдругъ уже, не тратя словъ,
Рѣзвиться съ ними ты готовъ.
На ихъ веселыхъ, ясныхъ лицахъ
Ты видишь счастье вкругъ себя,—
И блещутъ слезы на рѣсницахъ,
Почтенный старецъ, у тебя.
Но ужъ предъ сномъ, въ часъ тихой лѣни,
Къ тебѣ взобравшись на колѣни,
Младенцы начали дремать;
Будь съ ними Божья благодать!
Тогда бесѣдуешь съ друзьями
Съ пріѣзжими; твой умъ живой
Дивитъ небрежной остротой,
Плѣняетъ сладкими рѣчами.
О, какъ благословенъ твой вѣкъ,
Великій... добрый человѣкъ!
Ты озарилъ передъ собою
Твой путь душевной чистотою;
Не до тебя коснется страхъ,
Что думы слышны въ небесахъ.
Тебѣ подобно, бардъ, межъ нами
Еще недавнею порой,
Владѣя нашими сердцами,
Жилъ мужъ, украшенъ добротой,—
Любовь и честь земли родной,
Боготворимъ дѣтьми, женою,
Другъ вѣрный, нѣжный семьянинъ,
Мудрецъ съ младенческой душою.
То былъ нашъ свѣтлый Карамзинъ—
Съ глубокимъ чувствомъ умъ правдивой;
Онъ жизнью тихой и счастливой
Былъ нашъ высокій образецъ,
Что счастье въ чистотѣ сердецъ.
Привѣтъ, быть-можетъ дерзновенный,
Прости мнѣ, старецъ вдохновенный!

Въ живомъ восторгѣ я хотѣлъ,
Чтобы къ тебѣ онъ долетѣлъ.
Увы! въ томленьи вѣчной ночи
Забыли свѣтъ печальны очи;
Но сердце помнитъ—я люблю
Мечтать и думать,—я пою.
Съ моей женой, съ дѣтьми, съ друзьями
Мой духъ не устрашенъ бѣдами,
Утѣшенъ вѣрою святой.
Мой міръ почти ужъ не земной,
Но чувство истины со мною;
Стремлюсь умомъ и сердцемъ жить—
И неостылою душою
Вездѣ прекрасное любить.

ГРАФУ М. ВІЕЛЬГОРСКОМУ.

Когда-жъ въ пріютъ уединенный
Тебя къ намъ дружба заведетъ,
И мнѣ смычокъ твой вдохновенный
На сердце радость наведетъ?
Когда-жъ віолончель твой дивный,
То полный нѣги, то унывный,
Пробудитъ силою своей
Тѣ звуки тайные страстей,
Которые въ душѣ, крушимой
Упорной, долгою тоской,—
Какъ томный стонъ волны, дробимой,
Какъ вѣтра шумъ въ глуши степной?
Въ нихъ странныя очарованья,
Но имъ, повѣрь,—имъ нѣтъ названья:
Ихъ ропотъ, сердцу дорогой,
Таитъ отъ насъ языкъ земной.
И какъ прелестною игрою
Ты, овладѣвъ моей душою,
Мой темный міръ животворишь!
По звонкимъ струнамъ ты бѣжишь,—
А я печали забываю,
Я въ невозвратное летаю,
И наслаждаюсь, и терплю,
Я вновь мечтаю, я люблю.
Мелькаетъ память дней безцѣнныхъ,

Весельемъ, горемъ незабвенныхъ,
И подъ напѣвъ волшебный твой,
Откинувъ саванъ гробовой,
Въ могилу раннюю влекомый,
Полумертвецъ, душѣ знакомый,
Вдругъ предстаетъ передъ меня—
Былая молодость моя.
О, неизмѣнная, родная,
Минувшихъ дней мечта святая!
Опять, какъ прежнею порой,
Явилась ты,—побудь со мной!
Ты есть, была, ты будешь вѣчно
Моей отрадою сердечной.
Въ безсонной, грозной тьмѣ ночей
Звѣздой приманчивой моей.
Стѣсненъ мятежною судьбою,
Не разставался я съ тобою,
Небесный жаръ умѣлъ хранить,
Умѣлъ я пламенной душою
Одно желать, одно любить,
Страданій вѣкъ не ужасаться,
Идти впередъ, не возвращаться,
Стрѣлой за призракомъ летѣть,
По сердцу жить—иль умереть.
Тогда, какъ буря бушевала,
Когда надежда исчезала,—
На бездну смѣло я глядѣлъ;
Спастись кой-какъ я не хотѣлъ:
Я не молилъ, волной носимый,
Чтобъ далъ пощаду бурный токъ,—
Но чтобы дерзкій мой челнокъ
Разбился объ утесъ любимый.
И мракъ пловца не погубилъ:
Луною море озарилось,
И сердце радостью забилось,
И я любовь благословилъ.
Приди-жъ скорѣй, очарователь,
Чудесныхъ струнъ дай слышать звонъ;
Приди,—и горестный мечтатель
Откинетъ думъ тревожный сонъ!
Душа внимать тебѣ готова;
Моя печаль исчезнетъ снова.
Приди,—и свѣтлою струей

Воспоминаній рой летучій,
Какъ радуга надъ черной тучей,
Опять заблещетъ надо мной.

КЪ А. И. ТУРГЕНЕВУ.

Когда же, скоро-ль, другъ далекой,
  Въ родимой край примчишься ты?
Какъ часто, въ скукѣ одинокой,
Къ тебѣ летятъ мои мечты!
Какъ часто горе убѣждаетъ
Меня въ той истинѣ святой,
Что дружбой Богъ благословляетъ
На то, чтобъ въ долѣ роковой
Сердца не вовсе унывали,
Чтобъ мы сквозь слезы уповали!
О! гдѣ же ты?—Когда печаль
Наводитъ томно мракъ угрюмой,—
Забывъ безжалостную даль,
Тебя ищу обычной думой;
Но, другъ, обманута рука,—
И лишь душа къ тебѣ близка.
Что-жъ дѣлать въ грусти?—часъ веселой
Впередъ себѣ воображать,
Пѣть пѣсни съ ношею тяжелой,
Желаньемъ время обгонять.
Такъ! рано-ль, поздно-ль, но съ тобою
Мы будемъ жизнью жить одною;
Наступитъ намъ желанный срокъ.
Изъ края въ край судьбой носимый,
Безцѣнный другъ и гость любимый,
Пріѣдешь ты въ мой уголокъ;
Родными окруженъ сердцами,
Найдешь ты съ тѣми же друзьями
Душистый чай и огонекъ;
И нашъ Жуковскій будетъ съ нами.
Другъ, безъ него, ты знаешь самъ,
Полна-ли жизнь обоимъ намъ!
И въ часъ свиданья тѣнь святая
Отъ звѣздъ далекихъ къ намъ слетитъ
И, тихо думы услаждая,
Бесѣду нашу освятитъ.
Все такъ же жить, все видѣть то же

Теперь въ удѣлѣ, другъ, моемъ;
А ты—разлукою дороже.
Ты намъ разскажешь обо всемъ:
И какъ ты жилъ среди народа,
Гдѣ все и славно и чудно̀,
Гдѣ власть, законы и свобода
Слились въ великое одно;
И какъ въ ущельяхъ ты скитался
Той романтической земли,
Гдѣ пламенный Дугласъ сражался,
Марія розою любви
Цвѣла, рѣзвилася, любила,—
И кровью плаху оросила.
Но вѣрный умъ и блескъ рѣчей
Какъ много-бъ насъ ни увлекали,—
Священный жаръ твоей печали
Проникнетъ въ душу къ намъ скорѣй.
Мой другъ, не мѣшкай! Дань терпѣнью,
Повѣрь, давно заплачена;
Цѣной—утрата наслажденью.
Но радость часто невѣрна!
Летучимъ прахомъ дни несутся;
Ужасно сердцемъ обмануться!
Кто знаетъ, новою зарей
Что будетъ съ нами и съ тобой?
Такъ, возвратяся въ степь родную,
Нашелъ аравитянинъ въ ней
И ключъ, и пальму вѣковую,—
Но прежнихъ не нашелъ друзей.

КЪ ПОЛЕВОЙ МАРГАРИТКѢ,

которую Робертъ Борнсъ, обработывая свое поле, нечаянно срѣзалъ желѣзомъ сохи въ апрѣлѣ 1786 г.

(Изъ Бёрнса).

Цвѣтокъ пунцовый, полевой!
Ты, бѣдный, встрѣтился со мной
Не въ добрый часъ: тебя въ красѣ
Подрѣзалъ я.
Жемчугъ долинъ, не можно мнѣ
Спасти тебя!

Не пестрый, рѣзвый мотылекъ
Теперь твой нѣжный стебелекъ

На дернъ, увлаженный росой,
Порхая, гнетъ;
Къ тебѣ румяною зарей
Онъ не прильнетъ.

Въ холодномъ полѣ вѣтръ шумѣлъ,
И дождикъ лилъ, и громъ гремѣлъ;
Но туча мрачная прошла,—
Межъ тѣмъ въ глуши
Ты нѣжно, тихо расцвѣла,
Цвѣтокъ любви.

Сады даютъ цвѣтамъ своимъ
Пріютъ и тѣнь—и любо имъ;
Но сироту, красу полянъ,
Кто сбережетъ?
Отъ зноя туча иль курганъ
Отъ непогодъ?

Изъ-подъ травы едва видна,
Цвѣла ты прелести полна,
И солнца лучъ съ тобой игралъ;
Но тайный рокъ
Желѣзо острое наслалъ—
Погибъ цвѣтокъ...

Таковъ удѣлъ, Мальвина, твой,
Когда невинною душой
Ты ловишь нѣжныя мечты;
Любовь страшна:
Какъ мой цвѣтокъ, увянешь ты
Въ тоскѣ, одна.

Пѣвцу удѣлъ такой же данъ:
Бушуетъ жизни океанъ,
Не видно звѣздъ, а онъ плыветъ,—
Надежда мчитъ;
Онъ простъ душой, онъ счастья ждетъ...
Челнокъ разбитъ.

И добрый, злыми утѣснёнъ,
Тому-жъ удѣлу обреченъ:
Никто ничѣмъ не упрекнетъ,—
А жилъ въ слезахъ;
Пріюта нѣтъ; онъ отдохнетъ...
На небесахъ!

И я горюю о цвѣткѣ;

А можетъ-быть невдалекѣ
Мой черный день; и какъ узнать,
Что Богъ велѣлъ?
Не о себѣ-ли горевать
И мой удѣлъ?..

КЪ ТѢНИ ДЕЗДЕМОНЫ.

Hast thou prayed.

Дездемона, Дездемона!
Далека тревогъ земныхъ,
Къ намъ изъ тучи съ небосклона
Ты дрожишь звѣздой любви.
Ты красу свою и младость
Обрекла мечтѣ святой;
Но тебѣ мелькнула радость
Подъ могильной пеленой.
Кто небеснымъ лишь дышала,
Та цвѣсти здѣсь не могла;
Въ буряхъ нѣги ты искала,—
Розу молнія сожгла.
И мольбѣ твоей, и стону
Африканецъ не внималъ;
Въ страсти буйной Дездемону
Онъ для сердца сберегалъ.
И любовникъ безнадежной,
Звѣздный міръ страша собой,
Все кометою мятежной
Онъ стремится за тобой.

СОНЪ.

A change came o ér the spirit of my dream
L. Byron.

(Графинѣ Фикельмонъ).

Въ мое окно стучалъ морозъ полночный,
И вѣтеръ вылъ; а я предъ камелькомъ,
Забывъ давно покоя часъ урочный,
Сидѣлъ, согрѣтъ привѣтнымъ огонькомъ.
Я полонъ былъ глубокихъ впечатлѣній,
Ихъ мрачностью волнующихъ сердца;
Стѣснялся духъ мечтаньями пѣвца

Подземныхъ тайнъ и горестныхъ видѣній:
Я обмиралъ, но съ нимъ стремилъ мой взглядъ
Сквозь тьму вѣковъ на безнадежный адъ.
Въ томленьи чувствъ на лонѣ поздней ночи
Внезапно сонъ сомкнулъ усталы очи;
Но тѣ мечты проникли душу мнѣ,—
Ужасное мерещилось во снѣ.
И съ Дантомъ я бродилъ въ странѣ мученья,
Смѣнялися одно другимъ явленья:
Тамъ плачъ и вопль летятъ въ унылый слухъ,
Мнѣ жжетъ глаза, мелькая, злобный духъ
И въ заревѣ грѣховной, душной сѣни
Предстали мнѣ страдальческія тѣни.
То вижу я, испуганъ чуднымъ сномъ,
Какъ Фаринатъ, горя въ гробу своемъ.
Приподнялся, бросая взоръ кичливый
На ужасъ мукъ. Мятежникъ горделивый!
Его крушитъ не гробъ его въ огнѣ,—
Крушитъ позоръ въ родимой сторонѣ.
То новый страхъ—невольно дыбомъ волосъ—
Я вижу кровь, я слышу муки голосъ,
Преступникъ самъ стѣсненъ холодной мглой:
Терзаемый и гнѣвомъ и тоской,
Вотъ Уголинъ злодѣя черепъ гложетъ;
Но смерть дѣтей отецъ забыть не можетъ,—
Клянетъ и мститъ, а сердцемъ слышитъ онъ,
Не вопль врага—своихъ младенцевъ стонъ.
И вихрь шумитъ, какъ бездна въ бурномъ морѣ,
И тѣни мчитъ,—и вихорь роковой
Сливаетъ въ гулъ ихъ ропотъ: «горе, горе!»
И все крушитъ, стремясь во мглѣ сырой.
Въ слезахъ чета прекрасная, младая
Несется съ нимъ, другъ друга обнимая:
Погибло все—и юность, и краса,
Утрачены Франческой небеса!
И смерть дана—я знаю чьей рукою,—
И вижу я, твой милый другъ съ тобою!
Но гдѣ и какъ, скажи, узнала ты
Любви младой тревожныя мечты?
И былъ отвѣтъ: «О, нѣтъ мученья болѣ,
Какъ вспоминать дни счастья въ тяжкой долѣ!
Безъ тайныхъ думъ, въ привольной тишинѣ,
Случилось намъ читать наединѣ,

Какъ Ланцелотъ томился страстью нѣжной.
Блѣднѣли мы, встрѣчался взглядъ мятежной,
Сердца увлекъ плѣнительный разсказъ;
Но, ахъ, одно, одно сгубило насъ!
Какъ мы прочли, когда любовникъ страстный
Прелестныя уста поцѣловалъ,
Тогда и онъ, товарищъ мой несчастный,
Но мой навѣкъ, къ груди меня прижалъ.—
И на моихъ его уста дрожали.
И мы тотъ день ужъ болѣ не читали».
И снится мнѣ другой чудесный сонъ:
Свѣтлѣетъ мракъ, замолкли вопль и стонъ,
И въ замкѣ я въ какомъ-то очутился.
Вокругъ меня все блещетъ, все горитъ,—
И музыка веселая гремитъ,
И нѣжный хоръ красотъ младыхъ рѣзвился.
Я былъ прельщенъ; но все мечталось мнѣ
То страшное, что видѣлъ въ первомъ снѣ.
Франческа! я—грустилъ твоей тоскою.
Но что-жъ, и здѣсь ужели ты со мною,
И въ видѣ томъ, какъ давнею порой
Являлась ты предъ жадною толпой,
Не зная слезъ, цвѣтя въ землѣ родимой?
Вотъ образъ твой и твой нарядъ любимой!
Но ты ужъ тѣнь. Кого-жъ встрѣчаю я?
Кто вдругъ тобой предстала предъ меня?
Свѣжѣе розъ, прекрасна, какъ надежда,
Съ огнемъ любви въ плѣнительныхъ очахъ,
Съ улыбкою стыдливой на устахъ;
И черная изъ бархата одежда
Съ богатою узорной бахромой
Воздушный станъ, рисуя, обнимаетъ;
Цвѣтъ радуги на поясѣ играетъ,
И локоны, какъ бы гордясь собой,
Бѣгутъ на грудь лилейную струями;
Ихъ мягкій шелкъ унизанъ жемчугами,
Но грудь ея во блескѣ молодомъ
Плѣняетъ взоръ не свѣтлымъ жемчугомъ:
Небрежное изъ дымки покрывало
За плеча къ ней, какъ бѣлоснѣгъ, упало.
О, какъ она невинности полна!
Оживлено лицо ея душою
Сердечныхъ думъ, небесныхъ чистотою...

Прелестна ты, прелестнѣе она.
И милому видѣнью я дивился,
Узналъ тебя, узналъ — и пробудился...
Мой страхъ исчезъ въ забавахъ золотыхъ
Страны небесъ огнисто голубыхъ.
Гдѣ все цвѣтетъ, и, сердцу насажденье.
Гдѣ все звучитъ безсмертныхъ пѣснопѣнье.
О, какъ молилъ я пламенно Творца,
Прекрасный другъ безвѣстнаго пѣвца,
Чтобъ ты всѣ дни утѣхами считала.
Чтобъ и во снѣ тучъ грозныхъ не видала!
Счастливой быть прелестная должна.
Будь жизнь твоя такъ радостна, нѣжна.
Какъ чувство то, съ какимъ, тебя лаская,
Младенецъ-дочь смѣется предъ тобой,
Какъ поцѣлуй, который, съ ней играя,
Даетъ любовь невинности святой!

ИЗЪ БАЙРОНОВА ДОНЪ-ЖУАНА.

(вольное подражаніе).

О, любо намъ, какъ мѣсяцъ полный
Адріатическія волны
Подернетъ зыбкимъ серебромъ,
И какъ пловецъ, звуча весломъ,
Стремитъ гондолы бѣгъ урочный,
И мчитъ волна напѣвъ полночный!
И любо намъ, какъ вѣтерокъ
Съ листка порхаетъ на листокъ,
И сумракъ тѣнь свою наводитъ,
Звѣзда вечерняя восходитъ,
Иль радуга въ красѣ цвѣтной,
На лоно опершись морское,
Огнистой, нѣжной полосой
Обхватитъ небо голубое!
И любо мнѣ, спѣша домой,
Какъ ненаемный сторожъ мой—
Собака добрая залаетъ;
И знать о томъ, какъ любо мнѣ,
Что кто-то есть, кто въ тишинѣ
Меня любовно ожидаетъ,
И видѣть, какъ войду я къ ней,

Что взоръ ея при мнѣ свѣтлѣй!
И какъ подъ шумъ струи лѣнивой
Мнѣ любо тихо вдаться сну,
И любо ласточкой игривой
Быть на зарѣ пробуждену:
И любо слышать пчелъ жужжанье,
И пѣсни дѣвъ, и струнъ пѣвцовъ
Любимый звонъ, и лепетанье
Дѣтей, и прелесть первыхъ словъ!

ЯВЛЕНІЕ ФРАНЧЕСКИ.

(Изъ „Осады Коринѳа", лорда Байрона).

(П. И. Полетикъ).

Онъ у столба на камень сѣлъ—
И въ даль задумчиво глядѣлъ;
На сердце налегла тоска,
Къ лицу прижалася рука,
Склонилъ онъ голову на грудь.
Дрожалъ, кипѣлъ, не могъ дохнуть,
И пальцы бѣглые его
Невольно бились о чело.
Такъ по клавиру мы порой
Бѣжимъ проворною рукой,
Чтобъ тѣмъ его одушевить
И въ струнахъ звучность пробудить.
И въ мрачной онъ сидѣлъ тоскѣ,—
Вдругъ—стонъ въ полночномъ вѣтеркѣ...
Но вѣтеркомъ-ли занесенъ
Межъ камней тихій, нѣжный стонъ?
Онъ голову поднялъ, на море глядитъ;
Но сонныя волны ничто не струитъ,
Ничто не колышетъ прибрежной травой,—
А звукъ тихо вѣялъ на вѣтеръ ночной.
Кусты Цитерона вдали передъ нимъ,
Знамена и флаги—ихъ видъ недвижимъ;
И вѣтеръ не тронулъ ланиты его,—
А звукъ тихо вѣялъ.—Какой? отчего?
И онъ обернулся, онъ взоръ свой стремитъ:
Краса молодая на камнѣ сидитъ.
Вздрогнулъ, вскочилъ онъ, страхъ сильнѣй,
Чѣмъ если-бъ вдругъ предсталъ злодѣй:

«О, Боже! какъ? во тьмѣ ночей...
Что это? кто? какой судьбой
Ты здѣсь въ тревогѣ боевой?»
Перекреститься ищетъ силъ,
Но онъ Святынѣ измѣнилъ,—
Рука дрожитъ... хотѣлъ бы онъ...
Но въ тайнѣ совѣстью смущенъ.
Узналъ онъ, кто предъ нимъ была,
Кто такъ прекрасна, такъ мила.
«Франческа! ты-ли?» Ахъ, она
Его невѣстой быть должна.
Тѣ-жъ розы на щекахъ у ней,
Но блескъ румяный сталъ темнѣй,
И на устахъ улыбки нѣтъ,
Которой рдѣлъ ихъ алый цвѣтъ;
Не такъ синя лазурь въ волнахъ,
Какъ въ темныхъ у нея очахъ.—
Но и лазурь ихъ, какъ волна,
Свѣтла безъ жизни и хладна.
Блеститъ подъ легкой пеленой
Вся прелесть груди молодой,
И бѣлыхъ плечъ, и рукъ нагихъ,
И вьется кольцами по нихъ
Струя волосъ ея густыхъ.
Она не вдругъ отвѣтъ дала,
Но тихо руку подняла,—
И мнилось, такъ рука нѣжна,
Что свѣтитъ сквозь нее луна.
«Глубокой мой сонъ не на то прекращенъ,
Чтобы я была счастлива,—ты былъ спасенъ!
Чрезъ вражій станъ и грозну рать
Я шла во тьмѣ тебя искать.
Намъ слово тайное гласитъ:
«Отъ чистой дѣвы левъ бѣжитъ».
Кто отъ звѣрей въ глуши лѣсной
Щитомъ правдивому душой,
Тотъ межъ сѣтей невѣрныхъ силъ
Мой робкій путь благословилъ.
Но если путь напрасенъ мой,
То не видаться намъ съ тобой:
Ты дѣло страшное свершилъ—
Ты вѣрѣ предковъ измѣнилъ!
Сорви чалму, крестомъ святымъ

Перекрестись—и будь моимъ!
Смой ядъ съ души,—и завтра вновь
Удѣлъ нашъ—вѣчная любовь!»

— Гдѣ-жъ пиръ намъ свадебный готовъ?
Гдѣ будетъ плачъ сихъ мертвецовъ,—
Постеля брачныхъ? Съ новымъ днемъ—
Я поклялся—огнемъ, мечемъ
Погибнуть всѣ,—лишь ты одна—
Ты будешь мною спасена;
И мы съ тобой умчимся въ даль,
Въ любви забудемъ мы печаль.
Но я порокъ хочу сразить,
Хочу Венеціи отмстить:
Заставлю гордую узнать,
Кто я, кѣмъ смѣла презирать!
Изъ скорпіоновъ бичъ сплетенъ
На тѣхъ, чьей злобой я стѣсненъ!—

Тогда печальна и блѣдна
Его чуть тронула она
Безмолвно, легкою рукой;
Но до костей проникъ струей
Смертельный холодъ, сжалась грудь,
И силы нѣтъ ему вздохнуть;
Она чуть держитъ, а нельзя
Освободить ему себя.
Какъ той рука, кто такъ мила,
Такой вдругъ ужасъ навела!
И пальцы длинные у ней
Такъ тонки, мрамора бѣлѣй,—
А вмерзли въ кровь... и для чего
Въ ту ночь такъ страшны для него?
Остылъ внезапно жаръ чела,
И томность мутная нашла,
И камнемъ на сердцѣ лежитъ,
Его и давитъ, и крушитъ.
Смотря въ лицо ей: какъ мрачна,
Какъ измѣнилася она!

Души той не видно въ унылой красѣ,
Бывало, играющей въ каждой чертѣ,
Какъ солнце весны на прозрачной волнѣ;
Уста недвижимы, ихъ краска мертва,

Изъ нихъ безъ дыханья несутся слова;
И персей дрожащихъ ничто не живитъ,
И трепетъ по жиламъ у ней не бѣжитъ;
Хоть очи сверкаютъ, но взоръ устремленъ
И тусклъ неизмѣнно, и дикъ, и смущенъ;
Ужасно такъ смотритъ лишь тотъ въ тишинѣ,
Кто бродитъ испуганъ въ томительномъ снѣ.
Подобна тѣмъ ликамъ она передъ нимъ,
Которые часто на ткани мы зримъ,
Когда при лампадѣ, въ дыму, чуть видна,
Безъ жизни, но будто жива и страшна,
Та ткань шевелится отъ бури ночной,
И чудные лики, одѣтые мглой,
Со стѣнъ будто сходятъ, а вѣтеръ гудетъ,
Качая обои и взадъ, и впередъ.

«Сорви чалму, сорви скорѣй
Съ преступной головы твоей!
Клянись, что ты спасать готовъ
Страны родимыя сыновъ!
Не то—навѣкъ ты погубленъ,
Навѣкъ ты будешь разлученъ
Не съ этой жизнію земной,
Уже утраченной тобой,
Но съ небесами и со мной!
Смирись теперь! И хоть жестокъ
Твой завтра неизбѣжный рокъ,
На Промыслъ Божій уповай!—
Вступить ты можешь въ свѣтлый рай.
Но, ахъ, не медли! Знай, что Тотъ,
Кого гнѣвишь,—Онъ проклянетъ;
Тогда на Небо погляди,—
И ужъ спасенья тамъ не жди!
Луну вотъ облако затмитъ
И скоро, скоро пролетитъ:
Спѣши очиститься душой,
Покуда лучъ подъ дымной тьмой;
Когда-жъ проглянетъ свѣтъ луны,—
То Богъ и люди отмщены.
Твой жребій страшенъ, но страшнѣй
Безсмертье гибели твоей!»

И Альпо на небо глядитъ,
И видитъ: облако летитъ.
Но сердце, полное враждой,

Дышало гордостью одной,
И страсть кичливая его,
Какъ бурный токъ, крушила все.
Чтобъ онъ смиряться былъ готовъ,
Страшился робкой дѣвы словъ!
Чтобъ онъ тѣхъ дерзостныхъ спасалъ,
Которымъ смерть онъ изрекалъ!
«Нѣтъ!—въ облакѣ несися томъ
Хоть гибель мнѣ,—пусть грянетъ громъ!»
Онъ долго пристально смотрѣлъ,
Какъ блескъ луны въ дыму темнѣлъ;
Но облако прошло,—луна,
Блеститъ надъ нимъ свѣтла, ясна.
Тутъ молвилъ онъ: «все тотъ же я,
Какъ хочетъ рокъ гони меня!
Тростникъ гроза, волнуя, гнетъ,—
Но сломитъ дубъ, а не шатнетъ.
Ужъ поздно—участь рѣшена:
Всему Венеція вина,—
И я во всемъ ея злодѣй,
И ты одна мила мнѣ въ ней.
Бѣги со мной! О, будь моей!»
Глядитъ: ея ужъ нѣтъ,
Сребритъ лишь камни лунный свѣтъ.
Что-жъ? Въ землю скрылася она,
Иль въ тонкій паръ обращена?
И какъ что творится, зачѣмъ, для чего?
Не видитъ, не знаетъ,—но нѣтъ никого!

ГРАФИНѢ ЗАВОДОВСКОЙ,

урожденной Влодекъ.

Твоя красою блещетъ младость,
Ты на любовь сердцамъ дана,
Свѣтла, плѣнительна, какъ радость,
И, какъ задумчивость, нѣжна;
Твой голосъ гибкій и прелестной
Намъ вѣетъ музыкой небесной,
И сладкой томностью своей
Любимой пѣсни онъ милѣй.
Но что такъ сильно увлекаетъ?
Что выше дивной красоты?

Ахъ! тайна въ томъ: она плѣняетъ
Какимъ-то чувствомъ доброты.
Въ лицѣ прекрасномъ, бѣлоснѣжномъ
И въ алыхъ розахъ на щекахъ,
Вездѣ все дышитъ сердцемъ нѣжнымъ
Оно и въ голубыхъ очахъ,
Оно въ улыбкѣ на устахъ.
И какъ румяною зарею
Блескъ солнца пламенной струею
Бросаетъ жизнь на небеса,
Такъ чистой, ангельской душою
Оживлена твоя краса.

И часто, о тебѣ мечтая,
Тебя я вижу на пирахъ,
Гдѣ ты, о фея молодая,
У всѣхъ и въ думахъ, и сердцахъ!
Я вижу взоръ очей огнистыхъ,
И волны локоновъ душистыхъ
На бѣломраморныхъ плечахъ.
Иль вдругъ стремлюсь я за тобою
Къ зеленымъ Невскимъ островамъ,
Брожу въ раздумьи по садамъ,
Смотрю, какъ ты, порой ночною,
По зыбкой, дремлющей рѣкѣ,
Осеребренной ужъ луною,
Летишь въ уютномъ челнокѣ,—
И твой челнокъ волна лелѣетъ,
И вѣтерокъ привѣтно вѣетъ,
И свѣтитъ радостнѣй луна—
Тобой любуется она.
Но знай: любимое мечтанье,
Моей души очарованье—
Тебя въ тотъ часъ воображать,
Какъ, все забывъ, младая мать,
Съ твоимъ младенцемъ ты играешь,
Его ты къ сердцу прижимаешь,
А онъ, невинностью цвѣтя,
Смѣется, милое дитя,—
И у тебя взоръ нѣжный блещетъ
Сквозь слезы радостью живой,
И грудь лилейная трепещетъ
Любовью тихой и святой.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ НИКОЛИНИ:

GIOVANI DI PROCIDA.

ХОРЪ ПѢВЦОВЪ.

Ужъ не холодный вѣтеръ вѣетъ,
Проникло солнце въ тѣнь лѣсовъ;
Зачѣмъ такъ пышно зеленѣетъ
Земля измученныхъ рабовъ?

Поля, гдѣ кровь текла рѣкою,
Гдѣ тлѣютъ кости сыновей,
Одѣты жатвой золотою —
Твоей добычею, злодѣй!

Затмись, Италіи прекрасной
Лазурный сводъ,—покройся мглой!
О, не свѣти такъ солнце ясно
Надъ притѣсненною страной!

Весна природу оживляетъ,
Но не пробудитъ мертвецовъ:
Ихъ страшенъ сонъ, ихъ попираетъ
Стопа надменныхъ пришлецовъ.

ПѢВЕЦЪ.

Какъ Этна, погибель во мракѣ свершая,
Готовитъ не пламень, который блеститъ
И къ небу стремится, ужасно сверкая,
И въ бездну родную обратно летитъ;
Но лаву, текущую съ грозной вершины
Путемъ неизвѣстнымъ безмолвно въ долины,
Гдѣ все сокрушаетъ въ порывѣ нѣмомъ
И губитъ безпечныхъ внезапнымъ огнемъ:
Такъ гнѣвъ справедливый, готовясь на мщенье,
За край нашъ родимый мы станемъ таить,
Чтобъ видомъ спокойнымъ въ сердцахъ подозрѣнье
У буйныхъ злодѣевъ скорѣй усыпить.

ХОРЪ.

И дѣвы Сицильянскія,
Скрываясь отъ враговъ,
Вѣнками не украшены
Изъ горестныхъ цвѣтовъ,
Взлелѣянныхъ тѣмъ воздухомъ,

Которымъ Франкъ дышалъ,
И въ той землѣ рожденными,
Гдѣ онъ, наглецъ, ступалъ;
Но кудри свои черныя
Фіалками увьютъ,
Когда онѣ въ кровавый день
Къ свободѣ расцвѣтутъ.

ТОСКА ПО РОДИНѢ.

(ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНІЕ ШАТОБРІАНУ).

Съ любовью вѣчною, святой
Я помню о странѣ родной,
Гдѣ жизнь цвѣла;
Она мнѣ видится во снѣ.
Земля родная, будь ты мнѣ
Всегда мила!

Бывало мы предъ огонькомъ
Сидимъ съ родимой вечеркомъ—
Сестра и я,
Поемъ, смѣемся, — полночь бьетъ, —
И къ сердцу насъ она прижметъ,
Благословя.

Я вижу тихій, синій прудъ,
Какъ ивы съ тростникомъ растутъ
На берегахъ;
И лебедь вдоль него летитъ,
И солнце вечера горитъ
Въ его волнахъ.

И вижу я: не вдалекѣ
Зубчатый замокъ на рѣкѣ
Въ тиши стоитъ
Съ высокой башней, и на ней
Я слышу, мнится, въ тьмѣ ночей,
Какъ мѣдь гудитъ.

И какъ я помню, какъ люблю
Подругу милую мою!
О! гдѣ-жъ она?
Бывало въ лѣсъ со мной пойдетъ,
Цвѣтовъ, клубники наберетъ...
Мила, нѣжна!

Когда-жъ опять увижу я
Мою Сіяну, лѣсъ, поля
И надъ рѣкой
Тотъ сельскій домикъ, гдѣ я жилъ?..
О, будь, всегда будь сердцу милъ,
Мой край родной!

ПРОСТИ.

ЭЛЕГІЯ ЛОРДА БАЙРОНА, НА РАЗЛУЧЕНІЕ СУПРУГОВЪ.

(Переводъ съ англійскаго).

Была пора—они любили,
Но ихъ злодѣи разлучили;
А вѣрность съ правдой не въ сердцахъ
Живутъ теперь, но въ небесахъ.
Навѣкъ для нихъ погибла радость:
Терниста жизнь, безъ цвѣта младость,
И мысль, что розно жизнь пройдетъ,
Безумства ядъ имъ въ душу льетъ.
Но въ жизни, имъ осиротѣлой,
Уже обоимъ не сыскать,
Чѣмъ можно-бъ было опустѣлой
Души страданья услаждать;
Другъ съ другомъ розно, а тоскою
Сердечны язвы все хранятъ.
Такъ два, расторгнутыхъ грозою,
Утеса мрачные стоятъ;
Ихъ бездна съ ревомъ разлучаетъ,
И громъ разитъ и потрясаетъ,—
Но въ нихъ ни громъ, ни вихрь, ни градъ,
Ни лѣтній зной, ни зимній хладъ
Слѣдовъ того не истребили,
Чѣмъ нѣкогда другъ другу были.

Коллриджъ.
(Изъ поэмы: Кристабель).

Прости! и если такъ судьбою
Намъ суждено, — навѣкъ прости!
Пусть ты безжалостна — съ тобою
Вражды мнѣ сердца не снести.
Не можетъ быть, чтобъ повстрѣчала
Ты непреклонность чувства въ томъ,
На чьей груди ты засыпала
Невозвратимо-сладкимъ сномъ!
Когда-бъ ты въ ней насквозь узрѣла
Всѣ чувства сердца моего,

Тогда бы, вѣрно, пожалѣла,
Что столько презрѣла его.
  Пусть свѣтъ улыбкой ободряетъ
Теперь ударъ жестокой твой:
Тебя хвалой онъ обижаетъ,
Чужою купленной бѣдой.
  Пускай я, очерненъ виною,
Себя далъ право обвинять;
Но для чего-жъ убитъ рукою,
Меня привыкшей обнимать?
  И вѣрь, о, вѣрь! пылъ страсти нѣжной
Лишь годы могутъ охлаждать;
Но вдругъ — не въ силахъ гнѣвъ мятежной
Отъ сердца сердце оторвать.
  Твое—-то жъ чувство сохраняетъ;
Удѣлъ же мой — страдать, любить! —
И мысль безсмертная терзаетъ,
Что мы не будемъ вмѣстѣ жить.
  Печальный вопль надъ мертвецами
Съ той думой страшной какъ сравнять?—
Мы оба живы, но вдовцами
Уже намъ день съ тобой встрѣчать.
  И въ часъ, какъ нашу дочь ласкаешь,
Любуясь лепетомъ рѣчей,
Какъ объ отцѣ ей намекаешь,—
Ея отецъ въ разлукѣ съ ней.
  Когда-жъ твой взоръ малютка ловитъ,—
Ее цѣлуя, вспомяни
О томъ, тебѣ кто счастья молитъ,
Кто рай нашелъ въ твоей любви.
  И если сходство въ ней найдется
Съ отцомъ, покинутымъ тобой,
Твое вдругъ сердце встрепенется,
И трепетъ сердца — будетъ мой.
  Мои вины, быть-можетъ, знаешь, —
Мое безумство можно-ль знать?
Надежды — ты же увлекаешь,
Съ тобой увядшія летятъ.
  Ты потрясла моей душою;
Презрѣвшій свѣтъ, духъ гордый мой
Тебѣ покорнымъ былъ; съ тобою
Разставшись, разстаюсь съ душой!
  Свершилось все! слова напрасны,

И нѣтъ напраснѣй словъ моихъ,—
Но въ чувствахъ сердца мы не властны,
И нѣтъ преградъ стремленью ихъ.
  Прости-жъ, прости! Тебя лишенный,—
Всего, въ чемъ думалъ счастье зрѣть,
Истлѣвшій сердцемъ, сокрушенный,
Могу-ль я больше умереть?

КЪ ПѢВИЦѢ ЗОНТАГЪ.

Il tuo canto n'e! anima si sente.

Вчера ты пѣла. Голосъ нѣжной,
  Разсѣя мракъ мой безнадежной,
Небесной дышетъ чистотой;
Онъ вѣетъ радость надо мной,
Онъ вѣетъ сладкое томленье.
И сердцу онъ напомнилъ вновь
Безцѣнное души волненье —
Младую, первую любовь.
Я изумленъ... мой духъ трепещетъ...
Твой голосъ—нѣжности привѣтъ,
Въ немъ что-то радужное блещетъ,
Въ немъ то, чему здѣсь имя нѣтъ.
Какъ звуки дивные играютъ,
Дробятся, льются, замираютъ
На свѣжихъ, розовыхъ устахъ!
Съ какою силой выражаютъ
Все, что горитъ въ твоихъ очахъ!
Въ тѣхъ звукахъ міръ непостижимой,
И нѣга чувствъ, и пылъ страстей...
Имъ быть навѣкъ мечтой любимой
Плѣненной памяти моей!

УМИРАЮЩАЯ ЭРМЕНГАРДА.

(Хоръ инокинь изъ трагедіи «Адельгизъ», Манцони).

(Графинѣ З. И. Лебцельтернъ).

Разбросанные локоны
    Упали къ груди бѣлой,
И руки крестно сложены,
    И ликъ ужъ поблѣднѣлой, —

Лежитъ она, страдалица,
Взоръ къ небу возведенъ.

Замолкнулъ плачъ, всѣ молятся,
Возникла пѣснь святая,
И пеленой холодное
Чело навѣкъ скрывая,
Очей лазурныхъ набожной
Рукою взглядъ смеженъ.

О, не тоскуй, прекрасная!
Забудь любовь земную!
Дай въ жертву страсть Всевышнему,
И смерть прими святую!
Не здѣсь — за жизнью долгому
Терпѣнью жди конца!

И горю обреченная
Вседневно умоляла—
Забыть о томъ, что бѣдная,
Томясь, не забывала;
Теперь — свята мученьями
У Бога и Отца!

Увы! въ часы безсонные,
Въ келейномъ заточеньи,
Во время пѣнья инокинь,
Предъ алтаремъ въ моленьи,
Все память ей мечталася
Тѣхъ невозвратныхъ дней, —

Когда судьбы обманчивой,
Измѣнъ она не знала,
И въ свѣтлой Франковъ области
Такъ радостно дышала,
Явясь всѣхъ женъ Салическихъ
Прекраснѣе, милѣй;

Когда златые локоны
Усѣявъ жемчугами,
Смотрѣла травлю шумную
И какъ, надъ поводами
Склоненъ, чрезъ поле чистое
Власистый царь скакалъ,

И пылко кони борзые
Неслись, и гончихъ стая
Металась, разсыпалася,

Въ кустахъ едва мелькая,
И боръ кабанъ щетинистый
Тревожно покидалъ,

И кровью звѣря дикаго
Долину обагряла
Стрѣла царя, и нѣжная
Къ подругамъ обращала.
Блѣднѣя, взоръ: за милаго
Дрожитъ младая грудь...

О ты, ключъ теплый Ахенскій,
О, Мозы токъ гремучій,
Гдѣ, скинувъ броню тяжкую,
Державный вождь могучій
Любилъ, явясь изъ лагеря,
Привольно отдохнуть!

Какъ зноемъ опаленную
Траву роса лелѣетъ
И стволъ зеленыхъ стебелей
Студитъ—и зеленѣетъ
Опять трава и весело
Душистая цвѣтетъ:

Такъ сердце, сокрушенное
Огнемъ любви мятежной,
Въ томленьяхъ освѣжается
Привѣтомъ дружбы нѣжной
И къ наслажденью тихому
Какъ будто оживетъ.

Но только солнце красное
Взойдетъ, огнисто рдѣя,
И въ неподвижномъ воздухѣ
Зной дышетъ, пламенѣя,—
Опять трава расцвѣтшая
Имъ къ долу прижжена:

И скоро изъ минутнаго
Забвенья возникаетъ
Опять любовь безсмертная,—
И сердце ужасаетъ;
Душа мечтами прежними
Опять отравлена.

О! не тоскуй, прекрасная!
Забудь любовь земную!

Дай въ жертву страсть Всевышнему—
И смерть прими святую
Въ землѣ, въ которой скроется
Навѣкъ твой нѣжный прахъ!

Въ ней спятъ, тоской убитыя,
Страдалицы другія:
Межъ женъ, мечемъ развѣнчанныхъ,
Невѣсты молодыя
И матери проколотыхъ
Младенцевъ въ ихъ очахъ.

И ты, изъ притѣснителей
Враждебнаго семейства
(Число которымъ — доблестью,
Предлогомъ—ихъ злодѣйства,
И правомъ—кровь, и славою—
Безжалостно губить)—

Ты промысломъ несчастія
Сама изъ притѣсненныхъ,—
Оплаканной, спокойною,
Засни межъ погубленныхъ!
Дерзнетъ-ли кто, невинная,
Твой пепелъ укорить?

И будь твой ликъ безчувственный
Такъ ясенъ, какъ былъ прежде,
Когда ты счастью вѣрила,
И въ радостной надеждѣ
Дѣвичьи думы свѣтлыя
Являлися на нёмъ.

Такъ солнце заходящее
Изъ бурныхъ тучъ выходитъ:
Оно на западъ пурпурный,
Дрожащій блескъ наводитъ—
И будетъ путникъ набожный
Утѣшенъ свѣтлымъ днёмъ.

ЗАРЯ ПОГАСЛА.

Заря погасла; вѣтерки
Въ полянѣ дуютъ межъ кустами,
Срываютъ ландышъ, васильки—
И вмѣстѣ съ алыми цвѣтами,
Подобно пестрымъ мотылькамъ,

Кружа, разносятъ по лугамъ.
Такъ изумруды, аметисты,
Жемчугъ и яхонты огнисты
Небрежно рѣзвою рукой
Съ лилейныхъ пальцевъ, въ часъ ночной
Ложася спать, полунагія,
Роняютъ дѣвы молодыя.

ДВА ОТРЫВКА
ИЗЪ
„ОСВОБОЖДЕННАГО ІЕРУСАЛИМА.“

(И. М. Муравьеву-Апостолу).

I.

СМЕРТЬ КЛОРИНДЫ.

«Ты побѣдилъ! противникъ твой прощаетъ,
И ты душѣ, не тѣлу, другъ, прости!
Ужъ тѣла здѣсь ничто не устрашаетъ,
Но ты меня въ спасенье окрести—
И за меня молись!»—И утихаетъ
Отъ нѣжныхъ словъ вражда въ его груди!
Въ нихъ томности плѣнительной таился
Какой-то звукъ,—и витязь прослезился.
Тамъ ручеекъ подъ ближнею горой
Бѣжалъ, журча, въ тѣни уединенной;
Наполня шлемъ студёною водой,
Ужъ онъ готовъ творить свой долгъ священный,
Безвѣстный ликъ дрожащею рукой
Онъ открывалъ, печалью самъ стѣсненный,—
Взглянулъ... и вдругъ безъ чувствъ недвижимъ сталъ.
Увы! что зритъ? Увы! кого узналъ?
И смертью съ ней онъ умеръ бы одною;
Но сердце, мысль лишь тѣмъ пылаютъ въ немъ,
Чтобъ возвратить таинственной водою
Жизнь той, кому онъ смерть даетъ мечемъ.
Межъ тѣмъ какъ онъ, съ молитвою святою,
Свершалъ обрядъ,—въ веселіи живомъ
Ея лицо надеждой просвѣтилось:
Казалось ей, что небо растворилось.
И блѣдностью фіалокъ и лилей
Затмилася краса младая,

И къ небесамъ стремится взоръ очей,
Въ нихъ благодать по вѣрѣ обрѣтая,
И къ витязю въ привѣтъ, вмѣсто рѣчей,
Холодную ужъ руку простирая...
Такъ въ видѣ томъ прелестная лежитъ—
Уже мертва, а мнится, будто спитъ.

II.

ВИДѢНІЕ ТАНКРЕДА.

Объ ней зарей и вечеромъ объ ней
Крушится онъ, и плачетъ, и стенаетъ:
Такъ, въ темну ночь, тоскуя, соловей,
Когда ловецъ жестокій похищаетъ
Его еще невскормленныхъ дѣтей,
Поетъ и боръ унывно оглашаетъ.
Но, утомясь, невольно легкимъ сномъ
Забылся онъ передъ румянымъ днемъ.
И та, о комъ душа въ тоскѣ мечтала,—
Чело въ звѣздахъ, подъ свѣтлой пеленой,
Въ чудесномъ снѣ очамъ его предстала,
Блистательна божественной красой,
Но и въ красѣ небесной сохраняла
Знакомый видъ любви его земной.
«О милый другъ, взгляни, какъ я прекрасна,
Какъ весела: твоя печаль напрасна!
«Ты далъ мнѣ все: нетлѣннымъ ты вѣнцомъ
Меня вѣнчалъ—а мечъ обманутъ мглою.
Что бренный міръ! Ужъ я передъ Творцомъ:
Я въ хорѣ дѣвъ, безсмертною, святою,
Живу, люблю, молюся объ одномъ,
И жду тебя... и вѣчный предъ тобою
Возблещетъ свѣтъ—и взоръ плѣнится твой
Красой небесъ, и въ нихъ моей красой.
«Стремися къ намъ душою неизмѣнной;
Волненьямъ чувствъ упорствуй, и живи.
Люблю тебя, другъ сердца незабвенной,
И не таюсь теперь въ моей любви!»
Рекла; въ очахъ блеснулъ огонь священной,
Невиданный у смертныхъ на земли,
И вдругъ, въ своемъ сіяньи утопая,
Въ лазурной тьмѣ исчезла дѣва рая.

ОБѢТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ.

(вольное подражаніе).

(Графинѣ А. Г. Лаваль).

Тогда, какъ Моисей, въ дни старости глубокой,
Своей кончины ожидалъ,
То Саваоѳъ ему вѣщалъ:
«Взойди на верхъ горы высокой,—
И Ханаанская земля
Вдали порадуетъ тебя!»
День тихій пламенѣлъ вечернею зарёю,
И западный, далекій океанъ
Казался блѣдною, зелёной полосою;
Но ближе волнъ морскихъ, сквозь розовый туманъ
Являлися холмы и нивы золотые,
Лѣса, и грады, и поля,
И горъ сторожевыхъ вершины голубыя.
И то была она—та свѣтлая земля
И меда, и млека—земля благословенья,
Которую Творецъ Пророку обѣщалъ;
Куда онъ цѣлый вѣкъ всѣ думы устремлялъ,
Чтобъ оныя достичь: ни Фараоновъ мщенья
Не устрашился онъ, ни гибельныхъ тревогъ,
И жаркіе пески, и волны превозмогъ,
И буйность мятежа, и вялость нерадѣнья
Въ то время, какъ теперь, невѣждъ безъ размышленья,
Которыхъ должно убѣдить
И противъ воли ихъ добро для нихъ творить.
Увы! къ ея холмамъ чрезъ бездну роковую
Напрасно руки онъ стремился простирать;
Онъ долженъ вдалекѣ узрѣть страну святую—
И никогда въ ея предѣлы не вступать.
И приговоръ неотразимый,
Пророкъ, оплаканъ былъ тобой.
Твоей священною тоской,
О, сколько смертныхъ здѣсь крушимы!
Удѣлъ твой искони вѣковъ—
Удѣлъ героевъ, мудрецовъ,
Всѣхъ тѣхъ, чей пылкій духъ и разумъ возвышенной
Ихъ выше ставили толпы обыкновенной,
Кто, правдой мракъ ночной ревнуя озарить,

Ярмо невѣжества умѣли сокрушить
И, жертвуя собой, людей вести хотѣли
И къ міру лучшему, и къ благородной цѣли.
Когда внизу, какъ мутный токъ,
Толпы народныя безпечно протекали,—
Они на высотѣ стояли,
Они смотрѣли на Востокъ,
Земли другой они искали—
Блаженства прочнаго страну:
Ту землю угадалъ ихъ геній.
Они въ ней видѣли, въ пылу ихъ вдохновеній,
Порядокъ, истину, согласье, тишину.
Но мирныя ея долины
Для нихъ не будутъ зеленѣть,—
Имъ должно было лишь узрѣть
Ея далекія вершины.
О вы, кто давнею порой
Надеждой, мужествомъ, высокою душой
Свои вѣка предупреждали
И міръ тогдашній покоряли!
Предтечи мудрые! откиньте мракъ печали:
У вѣка каждаго—своя
Обѣтованная земля,
И онъ тревожно къ ней несется;
Но такъ, какъ Моисей, желанною страной
Онъ только взоръ лелѣетъ свой—
Она потомкамъ достается.
Прелестной стороны мы также ищемъ нынѣ;
При свѣтѣ дня и въ сумракѣ ночномъ
Мы за надеждою стремимся, какъ въ пустынѣ
Израильская рать за огненнымъ столпомъ,
Который путь ей пролагалъ
И вдругъ то меркнулъ, то сіялъ.
Для насъ кипучій зной и буйный вѣтръ съ грозами,
И голодъ съ жаждою, и горе, и труды,
Пески безъ зелени, утесы безъ воды;
Для нихъ—поля въ цвѣтахъ съ проточными ручьями,
И сѣнь подъ пальмою, и нѣга подъ шатрами,
Млеко, пшено и медъ.
Но ихъ мечта тѣ блага превзойдетъ;
И, недовольны тѣмъ, въ чемъ зрѣли мы блаженство,—
Намъ неизвѣстнаго, другаго совершенства
Начнутъ они желать,

Земли прекраснѣе въ удѣлъ себѣ искать;
И дальній Ханаанъ, какъ мы, найти желая,
Въ томленьи алчности имъ жить, подобно намъ,
И также умереть, лишь руки простирая
Къ его всегда отъ насъ бѣгущимъ берегамъ.
Но вѣчно-ль намъ безъ радости томиться.
На дивный край все издали смотрѣть,
Въ его предѣлъ и день, и ночь стремиться,
И никогда къ нему не долетѣть?
О, нѣтъ!—и сердце тайну знаетъ,
Намъ быть обманутымъ нельзя:
Въ небесной родинѣ страдальцевъ ожидаетъ
Обѣтованная земля!

ФІОРИНА.

БАЛЛАДА.

(Изъ „Идлегонды", поэмы Гросси).

На персяхъ крестъ, задумчива, томна,
Покинула домъ царскій Фіорина—
И съ юношей возлюбленнымъ она
Тамъ, гдѣ горитъ войною Палестина.
Ударами ея устрашена,
Бѣжитъ предъ ней невѣрная дружина;
Безстрашно съ нимъ она летала въ бой—
И вмѣстѣ съ нимъ лежитъ въ землѣ святой.
Осенній день ужъ на небѣ блеститъ;
Послѣдній разъ ей къ битвамъ пробуждаться.
«О Фіорина!—Свено говоритъ:—
Ты не должна со мною въ бой метаться:
Кровавый пиръ ужасно закипитъ,—
Тебѣ нельзя, прекрасная, сражаться!»
Напрасно все! за нимъ помчалась въ бой—
И вмѣстѣ съ нимъ лежитъ въ землѣ святой.
На полѣ томъ, гдѣ кровь рѣкой текла,
Отыскана была чета святая;
Младую жизнь любовь пережила,—
Она легла, другъ друга обнимая;
Теперь чета у Господа нашла
Покой душамъ въ нетлѣнной сѣни рая.
И какъ она съ нимъ вмѣстѣ мчалась въ бой,
Такъ вмѣстѣ съ нимъ лежитъ въ землѣ святой.

РАЗБИТЫЙ КОРАБЛЬ.

(вольное подражание).

(Графинѣ С. И. Лаваль).

День гаснулъ въ заревѣ румяномъ,—
И я, въ смятеньи думъ моихъ,
Бродилъ на берегѣ песчаномъ,
Внимая ропотъ волнъ морскихъ.
И я увидѣлъ: межъ песками
Корабль разбитый погруженъ;
Онъ въ бурю шумными волнами
На дикій берегъ занесенъ,—
И влага мхомъ давно одѣла
Глубокихъ скважинъ пустоты,
Уже трава въ нихъ зеленѣла,
Уже являлися цвѣты.
Стремимъ грозой въ утесъ прибрежной,
Откуда и куда онъ плылъ?
Кто съ нимъ въ часъ бури безнадежной
Его крушенье раздѣлилъ?
Утесъ и волны—все молчало,
Все мракъ въ удѣлѣ роковомъ,
Лишь солнце вечера играло
Надъ нимъ, забытымъ мертвецомъ.
И на кормѣ его сидѣла
Жена младая рыбака,
Смотрѣла въ даль, и пѣсни пѣла
Подъ томный ропотъ вѣтерка.
Съ кудрявой, русой головою
Младенецъ близъ нея игралъ,
Надъ звучной прыгалъ онъ волною,
А вѣтеръ кудри развѣвалъ.
Онъ нѣжные цвѣты срываетъ...
Лелѣя дѣтскія мечты,
Младенецъ радостный не знаетъ,
Что онъ—на гробѣ рветъ цвѣты.

ГРАФИНѢ ПОТОЦКОЙ.

Я не видалъ твоихъ очей,
Я не слыхалъ твоихъ рѣчей;
Но звѣзды ночи помню я,

И помню пѣсни соловья.
Я знаю, ты мила, ясна,
Какъ бѣлоснѣжная лилея,
Въ рѣчахъ ты прелести полна,
Умомъ и чувствомъ пламенѣя.
И я знакомъ моей мечтой
Съ твоей плѣнительной красой,
И голосъ нѣжный знаю я—
Онъ слышенъ въ сердцѣ у меня.
Такъ узникъ въ мрачной тишинѣ
Мечтаетъ о красахъ природы,
О солнцѣ яркомъ, о лунѣ,
О томъ, что видѣлъ въ дни свободы;
Уснетъ-ли онъ—въ его очахъ
Лѣса, рѣка, поля въ цвѣтахъ,
И, пробудясь, вздыхаетъ онъ,
Благословляя свѣтлый сонъ.

ИЗЪ АРІОСТОВА „ORLANDO FURIOSO“.

Цвѣты, поляна, боръ зеленый,
Пещера, токъ волны студеной,
Пріюты счастья моего,
Гдѣ Галафрона дочь младая,
Другихъ плѣненныхъ презирая,
Меня любила одного;
Гдѣ съ Ангеликою прелестной
Я долго жилъ въ тиши безвѣстной,
Гдѣ обнаженная она
Въ моихъ объятіяхъ лежала
И, нѣги сладостной полна,
Медора къ персямъ прижимала,—
Какую вамъ награду дать?
Я, бѣдный, лишь могу желать,
Чтобы любовники младые,
Дѣвицы, витязи лихіе,
Отъ дальнихъ странъ, изъ ближнихъ селъ,
Случайно, вольно, кто-бъ ни шелъ,—
Чтобъ онъ, поляну, боръ зеленой,
Пещеру, токъ волны студеной,
Цвѣты, блестящіе красой,
Благословя,—молилъ душой:

Да солнце ихъ привѣтно грѣетъ,
Да въ темну ночь луна лелѣетъ,
И хоръ бы нимфъ не допускалъ,
Чтобъ стадо къ нимъ пастухъ гонялъ.

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Уже бьетъ полночь—Новый годъ;
И я тревожною душою
Молю Подателя щедротъ,
Чтобъ Онъ хранилъ меня съ женою,
Съ дѣтьми моими—и съ тобою,
Чтобъ мнѣ въ тиши мой вѣкъ прожить,
Все тѣхъ же, такъ же все любить.
Молю Творца, чтобъ далъ мнѣ вновь
Въ печали твердость съ умиленьемъ,
Чтобы молитва, чтобъ любовь
Всегда мнѣ были утѣшеньемъ,
Чтобъ я встрѣчался съ вдохновеньемъ,
Чтобъ сердцемъ я не остывалъ,
Чтобъ думалъ, чувствовалъ, мечталъ;
Молю, чтобъ свѣтлый геній твой,
Пѣвецъ, всегда тебя лелѣялъ,
И чтобъ ты садъ прекрасный свой
Цвѣтами новыми усѣялъ,
Чтобъ ароматъ отъ нихъ мнѣ вѣялъ,
Какъ лѣтомъ свѣжій вѣтерокъ
Отраду въ темный уголокъ.
О другъ! прелестенъ Божій свѣтъ,
Съ любовью, дружбою, мечтами;
При теплой вѣрѣ—горя нѣтъ:
Она дружитъ насъ съ небесами.
Въ страданьяхъ, въ радости Онъ съ нами,
Во всемъ печать Его щедротъ:
Благословимъ же Новый годъ!

1 января 1832.

ВОСПОМИНАНІЕ

14-го февраля.

Сегодня годъ, далеко тамъ, гдѣ вѣетъ
Душистый паръ отъ Средиземныхъ волнъ,
Гдѣ свѣжій мракъ по ихъ зыбямъ лелѣетъ

Любви младой дрожащій, легкій челнъ,
И сводъ небесъ безоблачно синѣетъ,
И гдѣ эѳиръ волшебной нѣги полнъ,
Гдѣ Уголинъ во мглѣ вкругъ башни бродитъ,
Когда надъ ней полночный мѣсяцъ всходитъ,—
Далеко тамъ она съ себя сложила
Судьбы земной печаль, ярмо и страхъ.
Тяжелый крестъ прекрасная носила,—
Цвѣты любя, съ улыбкой на устахъ;
Прижавъ къ груди, дѣтей благословила,
И, можетъ-быть, вздохнула о друзьяхъ,
Невольно взоръ на Сѣверъ устремляя,
Гдѣ блещетъ ей звѣзда ея родная.
И нѣтъ ея,—и надъ ея могилой
Трава и дернъ лишь смочены росой;
Туда не йдетъ въ раздумьи другъ унылой
Мечтать, грустить, сливаться съ ней душой;
Безцѣнный прахъ и сердцу вѣчно милой
Какъ бы одинъ лежитъ въ землѣ чужой,
И плачу я, и духъ мой сокрушенной
Тоска влечетъ къ могилѣ незабвенной.
Мечта, иль сонъ, но мнѣ она предстала,
Сама собой во тьмѣ озарена,
И радостью небесною дышала,
И на челѣ святая тишина;
Она меня безмолвно утѣшала,
И облакомъ была унесена.
О, сколько словъ въ нѣмомъ ея привѣтѣ!
И нѣтъ такой улыбки въ здѣшнемъ свѣтѣ!

НОВЫЕ СТАНСЫ.

Прости! ужъ полночь; надъ луною,
Ты видишь, облако летитъ;
Оно туманной пеленою
Сіянье нѣжное мрачитъ.
Я мчуся въ даль, мой парусъ вѣетъ
Шумитъ разлучница волна,—
Едва-ли прежде прояснѣетъ
На сводѣ пасмурномъ луна.
И я, какъ облако густое,
Тебя, луна моя, затмилъ;

Я горемъ сердце молодое
И взоръ веселый омрачилъ.
Твой цвѣтъ, и радостный, и нѣжный,
Моей любовью опаленъ;
Свободна ты,—мой жаръ мятежный
Забудь скорѣй, какъ страшный сонъ!
Не увлекись молвою шумной!
Убило свѣтлыя мечты
Не то, что я любилъ безумно,
Но что не такъ любила ты.
Прости—не плачь! уже рѣдѣетъ
Туманъ предъ ясною луной,
Взыграло море, парусъ вѣетъ —
И я въ челнокъ бросаюсь мой.

КЪ И. А. БЕКУ.

Wage du zu irren, zu träumen.
Schiller.

Скажи, зачѣмъ, мечтатель юный,—
Зачѣмъ умолкли такъ давно
Твои приманчивыя струны?
Ужель въ порывахъ стѣснено,
Мой другъ, твое воображенье?
Огнемъ безсмертнымъ зажжено
Въ душахъ святое вдохновенье,—
Храни его: сей дивный жаръ
Творца добротъ любимый даръ.
Когда, градъ пышный покидая,
Въ пріютѣ сельскомъ и родномъ,
Ты, взоръ на волны устремляя,
Сидишь на берегу морскомъ;
Когда безмолвно предъ тобою
Волна несется за волною,
Или, встревожена, порой
То зашумитъ, то засверкаетъ,
И невозвратно утекаетъ,
Какъ радость жизни молодой;
Когда, явясь изъ тайной сѣни,
Луна мерцаетъ въ небесахъ,
И, можетъ-быть, усопшихъ тѣни,
Мелькая, вьются въ облакахъ,

И къ намъ отъ нихъ эоирный шопотъ,
Какъ будто вѣетъ томный ропотъ,—
Ужели сердце не дрожитъ?
Ужель младой пѣвецъ молчитъ?
Ты цвѣлъ душой, ты наслаждался;
Съ утратой, съ горемъ ты встрѣчался;
Ты въ юныхъ лѣтахъ обмечталъ
Невѣрной жизни идеалъ;
Ты разлученъ съ сестрою милой,
Такъ рано схваченной могилой,—
Ея, мой другъ, младая тѣнь
Еще мрачитъ твой свѣтлый день.
Такъ, солнышко хотя сіяетъ
И тучи бурныя прошли,—
Но молнія видна вдали
И о грозѣ напоминаетъ.
Увы! на радость кто глядѣлъ
Сквозь слезы,—знай, того удѣлъ—
Поэзія: въ тиши безвѣстной
Она объемлетъ міръ чудесной
Прекрасныхъ дѣлъ, злодѣйствъ, страстей;
Она—сердечной жизни повѣсть
Минувшихъ и грядущихъ дней,
Урокъ, таинственная совѣсть.
Будь озаренъ ея красой,
Воспоминай, люби и пой!

ЖАЛОБА.

Plaisir, pourquoi m'a tu trompé?

О, дайте сердцу тосковать!
Оно мечтать, любить устало,—
Хочу я слезы проливать,
Въ душѣ лишь горе не увяло.
Уже давно одѣлись тьмой
Мои всѣ радости былыя;
Сдружился я съ моей тоской,—
Но слышны жалобы чужія.
И что-жъ, вездѣ кругомъ меня
Надежда тмится, льются слезы;
И кипарисъ встрѣчаю я
Тамъ, гдѣ цвѣли младыя розы;

Обманъ плѣнительной мечтѣ,
Обманъ святому вдохновенью,
Обманъ любви и красотѣ,
Обманъ земному наслажденью!
  Давно-ли—жизнь семьи родной—
Являлся юноша *) межъ нами
Съ высокой, пылкою душой,
Съ одушевленными струнами.
И вдругъ отъ насъ сокрылся онъ!
Умолкъ напѣвъ, мечтанью милой,
Лишь вѣетъ въ полночь дивный стонъ
Надъ тихою его могилой...
  Съ молитвой тайной на устахъ,
Другъ въ другѣ счастье обнимая,
Съ мечтой небесною въ сердцахъ,
Идетъ къ вѣнцу чета **) младая;
Но въ храмъ счастливцы не вошли,
Ихъ въ немъ не встрѣтилъ хоръ вѣнчальный:
Не факелъ радостной любви—
Зажегся факелъ погребальный...
  А твой сбылся волшебный сонъ,
Младая прелесть ***),—ты имѣла
Все то, чѣмъ смертный восхищенъ:
Богатствомъ, знатностью свѣтлѣла,
Плѣняла милою красой,
И друга по сердцу сыскала,
И тихо, съ нѣжностью святой,
Младенца къ персямъ прижимала.
  И вянешь ты во блескѣ дней,
Лилея, сердцу дорогая!
Увы!.. какъ рано передъ ней
Открылась тайна гробовая!
Любовью, радостью дышать —
И въ сѣнь подземную скрываться!
Ей страшно было умирать,
Еще страшнѣе разставаться.
  Когда-бъ убитыя сердца
Взоръ томный къ небу не бросали,
И намъ, по благости Творца,
Безсмертьемъ звѣзды не сіяли,—

*) Э. С. Дорогомыжскій.
**) В. А. Корсакова.
***) Графиня Витгенштейнъ, урожденная княжна Радзивилъ

Кто-бъ смѣлъ желать? кто-бъ смѣлъ любить?
Кто-бъ не былъ сокрушенъ тоскою?
Но сердце съ сердцемъ будетъ жить,
Сольется вновь душа съ душою!
С.-Петербургъ. 19 іюля 1832.

КНЯЖНѢ АБАМЕЛЕКЪ.

Въ душистой тьмѣ ночныхъ часовъ
От звѣздъ далекихъ къ намъ слетая,
Межъ волнъ серебристыхъ облаковъ
Мелькаетъ Пери молодая;
И пѣснь любви она поетъ.
И намъ мила той пѣсни сладость,
И въ грудь она невольно льетъ
Тревогу чувствъ, тоску и радость.
Подобно ей, явилась ты
Съ ея небесными мечтами,
И въ блескѣ той же красоты,
Съ ея улыбкой и слезами;
Востокъ горитъ въ твоихъ очахъ,
Во взорахъ нѣга упоенья,
Напѣвы сердца на устахъ,
А въ сердцѣ—пламень вдохновенья.

КЪ М. ШИМАНОВСКОЙ.

Когда твой ропотъ вдохновенный
Звучитъ сердечною тоской,
И я, невольно изумленный,
Плѣняюсь дивною игрой:
Мой духъ тогда съ тобой летаетъ
Въ безвинный мракъ тревожныхъ дней
И свитокъ тайный развиваетъ
Судьбы взволнованной твоей.
Не твой былъ жребій веселиться
На свѣтлой, радостной зарѣ;
Но пламень въ облакѣ родится:
И въ сладостной твоей игрѣ
Не та-бъ мелодія дышала,
Не такъ бы чувствомъ ты цвѣла,
Когда-бъ ты слезъ не проливала,
Печаль душой не обняла.

РОМАНСЪ ДЕЗДЕМОНЫ.

(Изъ Шекспира).

Въ раздумьѣ бѣдняжка подъ тѣнью густою
Сидѣла, вздыхая, крушима тоскою:
Вы пойте мнѣ иву, зеленую иву!
Она свою руку на грудь положила
И голову тихо къ колѣнамъ склонила:
О ива-ты ива, зеленая ива!
Студеныя волны шумя тамъ бѣжали,—
И стонъ ея жалкой тѣ волны роптали:
О ива-ты ива, зеленая ива!
Горючія слезы катились ручьями,
И дикіе камни смягчались слезами.
О ива-ты ива, зеленая ива!
Зеленая ива мнѣ будетъ вѣнкомъ!

БЕВЕРЛЕЙ.

ШОТЛАНДСКАЯ БАЛЛАДА.

ИЗЪ ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТА.

(Вольное подражаніе).

Съ младымъ Беверлеемъ кто равенъ красой?
Стрѣлою несется съ нимъ конь вороной,
Онъ скачетъ безстрашно, онъ скачетъ одинъ,
Съ нимъ только мечъ острый—надежда дружинъ;
Въ любви всѣхъ вѣрнѣе, а въ битвахъ смѣлѣй,
Межъ витязей славенъ младой Беверлей.
Въ лѣсу нѣтъ преграды, утесъ не высокъ,
Бушуетъ-ли буря—онъ вплавь чрезъ потокъ;
Но въ Нетерби витязь на горе скакалъ:
Невѣста склонилась—женихъ опоздалъ!
Соперникъ бездушный съ Матильдой твоей
Идетъ ужъ вѣнчаться, младой Беверлей!
Онъ въ замкѣ, онъ видитъ: пируетъ семья,
Шумятъ, веселятся родные, друзья;
Женихъ торопливый, блѣднѣя, молчитъ.
За мечъ ухватяся, отецъ говоритъ:
«У насъ ты на свадьбѣ какъ другъ иль злодѣй?
На брань иль на танцы, младой Беверлей?»
— Отъ васъ мнѣ награда въ любви не дана;

Любовь рѣкой льется, кипитъ, какъ волна:
Мила мнѣ Матильда,—но съ вами равно
Готовъ я на танцы, готовъ на вино;
Есть много пригожихъ: невѣсту нѣжнѣй,
Быть-можетъ, достанетъ младой Беверлей.—
Бокалъ съ поцѣлуемъ у дѣвы онъ взялъ,
Вино выпилъ разомъ—и бросилъ бокалъ.
Невѣста вздохнула, огонь на щекахъ,
Улыбки искала, а слезы въ очахъ;
И мать хоть сердилась,—взявъ руку у ней,
Ведетъ ее въ танцы младой Беверлей.
И всѣ любовались прелестной четой,
Его ловкимъ станомъ, ея красотой;
Родные же смотрятъ съ досадой на нихъ,
Съ перомъ своей шляпы играетъ женихъ;
И шепчутъ подруги: о, если бы ей
Прекрасный былъ мужемъ младой Беверлей!
Онъ жметъ ея руку, онъ что-то сказалъ,—
И вдругъ оба вышли, а конь поджидалъ.
Проворно онъ съ нею вскочилъ на коня:
«Теперь не догонятъ злодѣи меня!
Матильда, другъ милый, навѣкъ ты моей!»—
И вихремъ помчался младой Беверлей.
Въ погоню гналися по рвамъ, по холмамъ,
И Мюсгревъ, и Форстеръ, и Фенвикъ, и Граммъ;
Скакали, искали вблизи и вдали—
Пропадшей невѣсты нигдѣ не нашли.
Въ любви всѣхъ вѣрнѣе, а въ битвахъ смѣлѣй—
Таковъ былъ отважный, младой Беверлей!

МЕЧТАНІЕ.

Бросая на державы громъ,
Онъ, не страшась судьбы удара,
Исчезъ въ бореньи роковомъ,
Какъ дымъ Московскаго пожара;
Но прежнихъ битвъ побѣдный шумъ —
Быть-можетъ дерзость тайныхъ думъ.
Имъ удивленныя скрижали
Неслись чрезъ дальній океанъ
Къ нему на гробовой курганъ —
И тѣнь колосса утѣшали.

Теперь онъ безотраденъ сталъ,
Теперь въ могилѣ онъ узналъ,
Какъ бѣдный сынъ его увялъ.
Какъ молвилъ онъ, стѣсненъ тоскою,
Потомство видя предъ собою:
«Увы! лишь скажутъ про меня,
Что родился—что умеръ я!» *)

ОЗЕРО МЕРТВОЙ НЕВѢСТЫ.

БАЛЛАДА.

Il était assis, pâle et défait, les cheveux en desordre, le regard terne, mais égaré; on voyait qu'un coeur brisé avait aliéné sa raison.

«Она такъ пламенно любила!
Теперь межъ волнъ погребена,—
За то, что вѣрность мнѣ хранила,
Могилѣ влажной предана.
«И между волнъ—могилы хладной
Узнавъ весь ужасъ въ мертвомъ снѣ,
Она унылой, безотрадной
Вдругъ ожила въ ихъ глубинѣ.
«Во тьмѣ вдоль озера мелькаетъ
Изъ тростника ея челнокъ,
И, какъ фонарь, въ рукѣ сверкаетъ
Летучій синій огонекъ.
«И вижу я: лишь ночь настанетъ,
Какъ въ бѣломъ вся она плыветъ,
И слышу—сердце не обманетъ—
Я слышу, какъ она поетъ.
«Но я челнокъ построю прочный,
Возьму весло, фонарь зажгу,
И къ ней на встрѣчу въ часъ полночный
На тайный бракъ я поплыву.
«Тамъ воетъ бездна, буря свищетъ,
Туманъ окружный ядовитъ,
Голодный волкъ во мракѣ рыщетъ,
Змѣя клубится и шипитъ;
«Но вмѣстѣ на песокъ зыбучій

*) «Je ne laisserai à l'histoire que ma naissance et ma mort»,—послѣднія слова герцога Рейхштадтскаго.

Мы съ ней украдкою пройдемъ,
И проберемся въ лѣсъ дремучій—
Въ глуши пріютъ себѣ найдемъ».
  И онъ вдоль озера пустился,
Зажегъ фонарь, весломъ звучалъ,
Но ужъ назадъ не возвратился—
Безумный безъ вѣсти пропалъ.
  И ночью все межъ волнъ мелькаетъ
Изъ тростника ея челнокъ,
Бѣлѣетъ призракъ, и сверкаетъ
Летучій, синій огонекъ.

НАСЪ СЕМЕРО.

(Изъ Вордсворта).

(А. В. В.).

Радушное дитя,
      Легко привыкшее дышать,
Здоровьемъ, жизнію цвѣтя,
      Какъ можетъ смерть понять?

  На встрѣчу дѣвочка мнѣ шла.
      Лѣтъ восемь было ей,
Ея головку облегла
      Струя густыхъ кудрей;

  И дикъ былъ видъ ея степной,
      И дикъ простой нарядъ,
И радовалъ меня красой
      Малютки милой взглядъ.

  «Всѣхъ сколько васъ?—ей молвилъ я,—
      «И братьевъ и сестеръ?»
—Всего? насъ семь,—и на меня,
      Дивясь, бросаетъ взоръ.

  «А гдѣ-жъ они?»—Насъ семь всего,—
      Въ отвѣтъ малютка мнѣ:
— Насъ двое жить пошли въ село,
      И два на кораблѣ,

  И на кладбищѣ братъ съ сестрой
      Лежатъ изъ семерыхъ,
А за кладбищемъ я съ родной, —
      Живемъ мы подлѣ нихъ.—

«Какъ? двое жить въ село пошли,
Пустились двое плыть,—
А все васъ семь! Дружокъ, скажи,
Какъ это можетъ быть?»

— Насъ семь, насъ семь,—она тотчасъ
Опять сказала мнѣ:
— Здѣсь на кладбищѣ двое насъ,
Подъ ивою въ землѣ.—

«Ты бѣгаешь вокругъ нее,
Ты, видно, что жива;
Но васъ лишь пять, дитя мое,
Когда подъ ивой два».

—На ихъ гробахъ земля въ цвѣтахъ,
И десяти шаговъ
Нѣтъ отъ дверей родной моей
До милыхъ намъ гробовъ;

Я часто здѣсь чулки вяжу,
Платокъ мой здѣсь рублю,
И подлѣ ихъ могилъ сижу,
И пѣсни имъ пою;

И если позднею порой
Свѣтло горитъ заря,
То взявъ мой сыръ и хлѣбъ съ собой,
Здѣсь ужинаю я.

Малютка Дженни день и ночь
Томилася больна,
Но Богъ ей не забылъ помочь,—
И спряталась она;

Когда-жъ ее мы погребли,
И расцвѣла земля,
Къ ней на могилу мы пришли
Рѣзвиться—Джонъ и я;

Но только дождалась зимой
Коньковъ я и саней,
Ушелъ и Джонъ, братишка мой,
И легъ онъ рядомъ съ ней.—

«Такъ сколько-жъ васъ?» былъ мой отвѣтъ;
«На небѣ двое, вѣрь!—
«Васъ только пять».—О, баринъ, нѣтъ,
Сочти,—насъ семь теперь.

«Да нѣтъ ужъ двухъ,—они въ землѣ,
А души въ небесахъ!»
Но былъ-ли прокъ въ моихъ словахъ?
Все дѣвочка твердила мнѣ:
—О нѣтъ, насъ семь, насъ семь!—

ПОДРАЖАНІЕ СОНЕТУ МИЦКЕВИЧА.

Увы! несчастливъ тотъ, кто любитъ безнадежно,
Несчастнѣе его, кто созданъ не любить;
Но жизнь тому страшнѣй, въ чьемъ сердцѣ пламень нѣжной
Погасъ—и кто любви не можетъ позабыть!

На взоры наглые торгующихъ собой
Съ презрѣньемъ смотритъ онъ, живетъ еще съ мечтою;
Но въ чистомъ ангелѣ невинность съ красотой
Какъ смѣть ему любить увядшею душою!

Святое дней младыхъ волнуетъ духъ понынѣ,
Но память и о нихъ страстьми отравлена,
Съ надеждою навѣкъ душа разлучена:
Отъ смертной прочь спѣшитъ—и самъ нейдетъ къ богинѣ.

Въ немъ сердце, какъ въ степи давно забытый храмъ,
На жертву преданный и тлѣнью, и грозамъ,
Въ которомъ мрачно все, лишь вѣтръ пустынный вѣетъ,
Жить боги не хотятъ, а человѣкъ не смѣетъ.

ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНІЕ АНДРЕЮ ШЕНЬЕ.

Ко мнѣ, стрѣлокъ младой, спѣши! любимъ ты мною,
Любимъ, а я равна Діанѣ красотою:
И такъ же я бѣла, и такъ же я стройна,
И въ рѣзвости живой стыдлива какъ она.
И въ часъ вечерній дня, съ поникшими очами,
Долиной темною, теряясь межъ кустами,
Какъ мимо пастуховъ я тихо прохожу,
И, дѣва робкая, на дерзкихъ не гляжу,—
Тогда кажусь я имъ не смертною простою:
«О, какъ прелестна ты», несется вслѣдъ за мною,
«Неера! берегись ввѣрять себя волнамъ:
Ты новымъ божествомъ покажешься пловцамъ,—
И будутъ умолять отъ бури неизбѣжной
Богиню свѣтлыхъ водъ съ Неерой бѣлоснѣжной».

ИЗЪ ДАНТЕ.

Ударилъ часъ, когда готово измѣниться
Желаніе пловца, крушимаго тоской:
Въ тотъ день, какъ съ милыми друзьями онъ простится,—
И любитъ онъ нѣжнѣй, и, пальмникъ молодой,
Услыша дальній звонъ, который будто плачетъ
О днѣ минующемъ, стремится къ нимъ душой.

НЕ НА ЯВУ И НЕ ВО СНѢ.

ФАНТАЗІЯ.

A song that said a thousand things.

(Князю П. Г. Гагарину).

Откинувъ думой жизнь земную,
Смотрю я робко въ темну даль;
Не знаю самъ, о чемъ тоскую,
Не знаю самъ, чего мнѣ жаль.
Волной, межъ камнями дробимой,
Лучемъ серебряной луны,
Зарею, пѣснію любимой
Внезапно чувства смущены.
Надежда, страхъ, воспоминанья
Тѣснятся тихо вкругъ меня;
Души невольнаго мечтанья
Въ словахъ мнѣ выразить нельзя.
Какой-то мрачностью унылой
Темнѣетъ ясность прежнихъ дней;
Манитъ, мелькаетъ призракъ милой,
Плѣняя взоръ во тьмѣ ночей.
И мнится мнѣ: я слышу пѣнье
Изъ-подъ туманныхъ облаковъ...
И тайное мое волненье
Лелѣять сердцемъ я готовъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

МОЯ МОЛИТВА.

О Ты, Кого хвалить не смѣю,
Творецъ всего, Спаситель мой;
Но Ты, къ Кому я пламенѣю
Моимъ всѣмъ сердцемъ, всей душой!—
Кто, по Своей небесной волѣ,
Грѣхи любовью превозмогъ,

Приникъ страдальцевъ къ бѣдной долѣ,
Какъ другъ и братъ, Отецъ и Богъ;
  Кто солнца яркими лучами
Сіяетъ мнѣ въ красѣ денной
И огнезвѣздными зарями
Всегда горитъ въ тиши ночной;
Крушитель зла, Судья верховный,
Кто насъ спасаетъ отъ сѣтей,
И ставитъ противъ тьмы грѣховной
Всю бездну благости Своей!—
  Услышь, Христосъ, мое моленье,
Мой духъ Собою озари,
И сердца бурнаго волненье,
Какъ зыбь морскую, усмири;
Прими меня въ Свою обитель,—
Я блудный сынъ, Отецъ Ты мой,—
И, какъ надъ Лазаремъ Спаситель,
О, прослезися надо мной!
  Меня не крестъ мой ужасаетъ,—
Страданье вѣрою цвѣтетъ,
Самъ Богъ кресты намъ посылаетъ,
А крестъ нашъ Бога намъ даетъ:
Тебѣ во слѣдъ идти готовый,
Молю, чтобъ духъ мой подкрѣпилъ,
Хочу носить вѣнецъ терновый,—
Ты Самъ, Христосъ, его носилъ.
  Но въ мрачномъ, горестномъ удѣлѣ
Хоть я безъ ногъ и безъ очей,—
Еще горитъ въ убитомъ тѣлѣ
Пожаръ бунтующихъ страстей;
Въ тебѣ одномъ моя надежда,
Ты радость, свѣтъ и тишина:
Да будетъ брачная одежда
Рабу строптивому дана.
  Тревожной совѣсти угрозы,
О, Милосердый, успокой,
Ты видишь покаянья слезы,—
Молю, не вниди въ судъ со мной.
Ты Всемогущъ, а я безсильный,
Ты Царь міровъ, а я убогъ,
Безсмертенъ Ты,—я прахъ могильный,
Я здѣсь на мигъ,—Ты вѣчный Богъ!
  О, дай, чтобъ вѣрою святою

Разсѣялъ я туманъ страстей,
И чтобъ безоблачной душою
Прощалъ врагамъ, любилъ друзей;
Чтобъ лучъ отрадный упованья
Всегда мнѣ въ сердце проникалъ,
Чтобъ помнилъ я благодѣянья,
Чтобы обиды забывалъ!
И на Тебя я уповаю;
Какъ сладко мнѣ любить Тебя!
Твоей я благости ввѣряю
Жену, дѣтей, всего себя!
О, искупя невинной кровью
Виновный, грѣшный міръ земной,—
Пребудь Божественной любовью
Вездѣ, всегда, во мнѣ, со мной!

Его Императорскому Высочеству ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ и Великому Князю АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ въ день Его тезоименитства.

Надежда русскаго народа,
Звѣзда полночныя страны,
Потомокъ доблестнаго рода,
Предъ чьей державой свершены
Дѣянья славы! — Въ день священный,
Въ сей день ихъ памяти святой,
Нашъ Невскій, Нашъ Благословенный
Блестятъ, Наслѣдникъ, предъ Тобой.
И съ торжествомъ возникло пѣнье,
Стремится вѣра въ свѣтлый храмъ,
Царя и Русскихъ умиленье
Возноситъ Ангелъ къ небесамъ.
Предсталъ владѣтель полу-міра,
Кипитъ блистающая рать,
Гранитъ готовъ въ сѣни эѳира
Вѣка, народы удивлять.
И громъ на сушѣ раздается,
И громъ бросаютъ корабли,
Пылаетъ кровь, и сердце бьется
На славу, въ честь родной земли.
И въ ихъ надзвѣздной горней сѣни

Земную родину любя,—
Взгляни! — двухъ Александровъ тѣни
Съ небесъ взираютъ на Тебя.
Владѣя подданныхъ сердцами,
Какъ благодать ихъ жизнь цвѣла:
Да будутъ вѣчно образцами
Двухъ предковъ славныя дѣла
Тебѣ! Имъ вслѣдъ стремиться должно, —
И вслѣдъ Державнаго Отца
Умножь еще, когда возможно,
Сіянье Русскаго вѣнца.
Одинъ—вождемъ на бранномъ полѣ,
Въ ордѣ народныхъ правъ щитомъ,
Великъ въ бояхъ и въ мирной долѣ,
Смирялся духомъ предъ крестомъ;
Онъ былъ противниковъ грозою,
На свѣтлыхъ Невскихъ берегахъ
Вѣнчался славою земною —
Нетлѣнной славой въ небесахъ.
Другой—какъ ангелъ утѣшенья,
На радость взору и сердцамъ,
Былъ посланъ небомъ на спасенье
Землѣ родной, чужимъ странамъ;
Не устрашенъ пришельцевъ тьмою,
Спасая край родимой свой,
Онъ спасъ высокою душою
Законы истины святой.
Предъ нимъ палъ вождь непобѣдимый,
Парижъ надменный сверженъ въ прахъ, —
И нашъ орелъ неотразимый
Ужъ вѣетъ на его стѣнахъ;
Вступилъ — враждебному народу
Блаженство съ миромъ возвратилъ,
И угнетенныхъ царствъ свободу
Пожаръ московскій озарилъ.
Но, преселясь, по царствѣ славномъ,
Отъ насъ въ удѣлъ безсмертный свой,
Онъ ожилъ въ братѣ намъ Державномъ
И въ той красѣ, и съ той душой.
И духъ вождя и гражданина
Сіяетъ намъ въ Царѣ младомъ,
И жаръ священный семьянина,
Подъ свѣтлымъ благостью вѣнцомъ.

Война вдругъ праведно пылаетъ,
И новый край Россіи данъ,
И дерзкій блескъ луна теряетъ,
И перейденъ уже Балканъ,
И предъ Стамбуломъ Онъ явился,
Какъ Божій гнѣвъ, съ огнемъ, мечемъ;
Но, милосердъ, остановился
И удержалъ въ десницѣ громъ.
О! славенъ тотъ, кто въ ратномъ полѣ
Мечемъ побѣдъ войну пресѣкъ,—
Но тотъ славнѣй, кто на престолѣ
И мудрый Царь, и человѣкъ,
Кто льетъ щедротой дни златые,
И въ сердцѣ кто хранить возмогъ
Тѣ добродѣтели святыя,
Которыхъ образомъ самъ Богъ!
И я, колѣна преклоняя,
Я чувства родины дѣлю,
За вѣнценосца Николая
Всѣхъ благъ Подателя молю;
И за Царицу, нашу радость,
Любовь Его безцѣнныхъ дней,
И за Твою святую младость—
Весны и радуги яснѣй.
И сердце Русское трепещетъ,
Народной славою кипитъ,—
Она, какъ солнце, всюду блещетъ,
Вездѣ и всѣмъ благотворитъ.
Творецъ всего, услышь моленье!
Храни и Царство, и Царя,
Надеждамъ дай благословенье!
О! съ нами Богъ!.. ура, ура!

30-е августа.

ЭРМИНІЯ НА БЕРЕГАХЪ ІОРДАНА.

(Изъ «Освобожденнаго Іерусалима»).

Межъ тѣмъ Эрминія подъ тѣнь густую
Въ дремучій боръ стремилась на конѣ;
Онъ мчалъ ее едва полуживую,
Ужъ править имъ нѣтъ силъ въ ея рукѣ:
То въ сторону, то вдругъ опять въ другую
Метался съ ней онъ въ мрачной тишинѣ.

И наконецъ изъ глазъ она сокрылась,
И тщетная погоня прекратилась.
Какъ травлею измучась, стая псовъ
Идетъ назадъ, смутна и задыхаясь,
Тогда какъ звѣрь съ поляны и луговъ
Сокрылся вдругъ, дубравой охраняясь:
Такъ ѣхали обратно межъ шатровъ
И витязи, стыдомъ своимъ смущаясь.
Но гонится-ль погоня ей во слѣдъ,—
У трепетной взглянуть отваги нѣтъ.
Она всю ночь, она весь день скакала,
Теряяся одна въ глуши лѣсной,
И только то, какъ плакала, стенала,
Тамъ слышала и зрѣла въ тьмѣ ночной;
Но въ часъ, когда заря уже мерцала
И солнца лучъ тонулъ въ глуби морской
Сошла съ коня на отдыхъ межъ кустами,
Гдѣ Іорданъ въ красѣ блеститъ волнами.
Въ смущеньи думъ ей пища не нужна,—
Лишь слезы лить несчастная желаетъ;
Но сладкій сонъ, которому дана
Надъ горемъ власть, который услаждаетъ
Забвеньемъ бѣдъ, какъ грудь ни стѣснена,
Уже крыла надъ нею простираетъ;
Но и во снѣ любовь своей мечтой
Тревожитъ сонъ страдалицы младой.
Пробуждена была она зарею,
Какъ пташки пѣть ужъ стали на древахъ,
Кусты шумѣть надъ свѣтлою рѣкою,
А вѣтерокъ рѣзвиться на цвѣтахъ;
Проснулася—и томный взоръ съ тоскою
Бродилъ кругомъ на сельскихъ шалашахъ,
И голоса сквозь зелень къ ней несутся
Съ журчаньемъ волнъ,—и снова слезы льются.
Но слезный токъ внезапный звукъ рожка
Остановилъ: пастушескому пѣнью
Подобное летитъ издалека.
И, слѣдуя невольному влеченью,
Она идетъ задумчива, робка,
И старца зритъ близъ стада, гдѣ подъ тѣнью
Заботится вязаніемъ сѣтей
И слушаетъ онъ пѣнье трехъ дѣтей.
Увидя вдругъ доспѣхи боевые,

Они бѣгутъ къ ихъ мирнымъ шалашамъ;
Но нѣжный взоръ и кудри золотыя
Прекрасная открыла ихъ очамъ
И молвила: «о вы, сердца простыя!
Вашъ трудъ и вы пріятны Небесамъ:
Да не прерветъ въ поляхъ мое явленье
Ихъ тишины, ни сладостнаго пѣнья.»

БАЛЛАДА.

НОЧЬ РОДИТЕЛЬСКОЙ СУББОТЫ.

Не чудное и ложное мечтанье,
И не молва пустая разнеслась,
Но вѣрное, ужасное преданье
Въ Украйнѣ есть у насъ:
Что, если кто, откинувъ всѣ заботы,
Съ молитвою держа трехъ-дневный постъ,
Приходитъ въ ночь Родительской Субботы
Къ усопшимъ на погостъ,—
То узритъ онъ тѣхъ жалобныя тѣни,
Обречено кому уже судьбой
Быть жертвами въ тотъ годъ подземной сѣни
И кельи гробовой.
Младой Избранъ съ прекрасною Людмилой
И перстнемъ былъ и сердцемъ обрученъ;
Но думалъ онъ, встревоженъ тайной силой,
Что наша радость — сонъ.
И вѣщій страхъ съ тоской неотразимой,
Волнуя духъ, къ нему тѣснится въ грудь,
И въ книгу онъ судьбы непостижимой
Мечтаетъ заглянуть;
И, отложивъ мірскія всѣ заботы,
Съ молитвою держа трехъ-дневный постъ,
Идетъ онъ въ ночь Родительской Субботы
Къ усопшимъ на погостъ.
Повсюду мракъ, и вѣтеръ выдъ, и тмилась
Межъ дымныхъ тучъ осенняя луна;
Казалось, ночь сама себя страшилась,
Ужасныхъ тайнъ полна.
И ужъ давно Избранъ подъ темной ивой
Сидѣлъ одинъ на камнѣ гробовомъ;
Хладѣла кровь, но взоръ нетерпѣливой

Во мглѣ бродилъ кругомъ.
И въ полночь вдругъ онъ слышитъ въ церкви стоны,
И настежь дверь, затворами звуча,
И вотъ летитъ изъ церкви отъ иконы
По воздуху свѣча;
И свой полетъ мелькающей струею
Къ гробамъ она таинственно стремитъ,
И мертвецовъ вожатой роковою
Въ воздушной тьмѣ горитъ.
И мертвые въ гробахъ зашевелились,
Проснулись вновь подземные жильцы,
И свѣжія могилы разступились,—
И встали мертвецы.
И видитъ онъ тѣхъ жалобныя тѣни,
Обречено кому уже судьбой
Быть жертвами въ тотъ годъ подземной сѣни
И кельи гробовой;
Ихъ мраченъ ликъ, и видно, что съ слезами
Смеженъ ихъ взоръ навѣки смертнымъ сномъ...
Ужель они увядшими сердцами
Тоскуютъ о земномъ?
Но въ Божій храмъ предтечей роковою
Воздушная свѣча ужъ ихъ ведетъ,
И въ мертвыхъ онъ подъ бѣлой пеленою
Невѣсту узнаетъ;
И тѣнь ея, эѳирная, младая,
Еще красой и въ саванѣ цвѣла,
И къ жениху печальный взоръ склоняя,
Вздохнула и прошла.
И все сбылось. Безумецъ сокрушенный
Съ того часа лишенъ душевныхъ силъ,
Безъ чувствъ, безъ слезъ онъ бродитъ изумленный,
Какъ призракъ межъ могилъ,
И тихій гробъ невѣсты обнимаетъ,
И шепчетъ ей: «пойдемъ, пойдемъ къ вѣнцу»...
И вѣтръ ночной лишь воемъ отвѣчаетъ
Живому мертвецу.

П. А. БАРТЕНЕВОЙ.

Когда ты нѣжностью своей
Лелѣяла мое томленье,

И слушалъ я душой моей
Твое плѣнительное пѣнье,—
О! какъ все то, чѣмъ жизнь цвѣла,
Чѣмъ юность бурная мила,
Въ груди кипѣло и стѣснилось!
Но вдругъ мечтанье измѣнилось,—
И ты въ міръ тайный увлекла
Думъ пылкихъ рой непостижимый—
Въ чудесный міръ, душою зримый
И въ нѣгѣ счастья, и въ слезахъ,
Когда упорно сердце бьется
И, сжатое земнымъ, несется
Дышать любовью въ небесахъ.
  Съ какою ты волшебной силой
Играешь пламенной душой,
Когда любви напѣвъ унылой
Плѣняетъ нѣжною тоской!
Какъ можетъ-быть прекраснѣй море
Въ тревогѣ мрачныхъ синихъ волнъ,—
Такъ наша жизнь звучнѣе въ горѣ;
Хотя кружится бѣдный челнъ,—
Пловецъ смѣется надъ грозою,
Плѣненъ мелькающей звѣздою:
Печаль роситъ душевный цвѣтъ,
Не будь ея — надежды нѣтъ!
  Но томное любви роптанье
Уже неслышно; голосъ твой
Пылаетъ, льетъ очарованье
Напѣвомъ радости живой.
Онъ вѣетъ свѣтлыми мечтами,
Подругами веселыхъ дней,
И обольстительными снами
Невольно милыхъ намъ страстей;
И вѣетъ тайной думъ высокихъ,
И упоеньемъ чувствъ младыхъ,
И прелестью пѣвицъ далекихъ,
И пѣснями долинъ родныхъ;
Онъ дивной, зыбкою стрѣлою
Летитъ сквозь радужный эѳиръ,
Небесною блеститъ красою.
Въ немъ жизнь сердецъ—въ немъ цѣлый міръ

КЪ И. П. МЯТЛЕВУ.

На мшистомъ берегу морскомъ
Одинъ, вечернею зарею,
Сидишь ты въ сумракѣ ночномъ,
Сидишь — и пылкою душою
Стремишься въ даль; на сводъ небесъ,
Мерцающій въ тѣни сребристой,
На взморье, на прибрежный лѣсъ
Съ его поляною душистой,
На своенравныхъ облаковъ
Летящій хороводъ эѳирный,
На дымные ряды холмовъ,
И на луну во тьмѣ сапфирной —
Задумчиво бросаешь взглядъ.
О, сколько сердцу говорятъ
Безмолвныя красы творенья!
Какъ ихъ плѣнительны видѣнья,
Одушевленныя мечтой!
Онѣ таинственнаго полны.
О дивномъ шепчетъ боръ густой,
Шумятъ о неизвѣстномъ волны;
Надежду, радость, горе, страхъ,
Тоску о невозвратныхъ дняхъ,
Невольный ужасъ мрачной бездны,
Влеченья сердца въ міръ надзвѣздный
Отъ нихъ, сливаяся съ душой,
Несетъ намъ голосъ неземной.
И, тихо въ думу погруженный,
Ты взоръ обводишь вкругъ себя,
Ты полонъ жизни вдохновенной,
Мечтая, чувствуя, любя.
Съ тобою въ дни твои младые
Сбылись, сбылись мечты святыя;
Благословляя твой удѣлъ,
Ты оцѣнить его умѣлъ.
Но такъ, какъ буря съ синимъ моремъ —
Такъ сердце неразлучно съ горемъ;
И, можетъ-быть, Творцомъ оно
Душѣ свѣтильникомъ дано.
Ты счастливъ, другъ, а долетали
И до тебя уже печали;

И тѣхъ давно теперь ужъ нѣтъ,
Съ кѣмъ зеленѣлъ твой юный цвѣтъ.
Но кто здѣсь встрѣтился съ тоскою,
И кто порою слезы льетъ,
Тотъ искушенною душою
Тѣснѣе радость обойметъ.
Но ужъ пора, и межъ древами
Ты видишь—блещетъ огонекъ;
Ты всталъ и скорыми шагами
Идешь въ родимый уголокъ;
Твое отрадно сердце бьется,
Оно въ груди твоей смѣется:
Тамъ ждетъ тебя и другъ, и мать,
И дѣти съ милою женою.
Любви семейной благодать,
О, что равняется съ тобою!
Такъ часто я къ тебѣ лечу,
Себя обманывая снами,
И тихо, тихо между вами
Пожить я въ Знаменскомъ хочу.
Влекомый легкостью природной,
Знакомкой рѣзвой юныхъ дней,
Почти забылъ я, сумасбродной,
Что я безъ ногъ и безъ очей;
Но ихъ, подругою завѣтной,
Моей мечтою я сберегъ...
Ужъ я иду въ твой садъ привѣтной,
Брожу и вдоль и поперекъ,
На Божій храмъ золотоглавый
Стремлю я съ умиленьемъ взглядъ;
Пріятенъ видъ мнѣ величавый
Боярскихъ каменныхъ палатъ;
Чрезъ поле, рощи и долины
Смотрѣть съ тобой домчался я
На взморья зыбкія равнины,
На бѣгъ невѣрный корабля
И, какъ надеждою маня,
Играетъ имъ волна морская.
Но, томно берегъ озаряя,
Ужъ мѣсяцъ всталъ—унылыхъ мѣстъ
Давнишній другъ. Въ твое жилище
Идемъ чрезъ сельское кладбище;
Тамъ вижу вновь зеленый крестъ,

И вспомнилъ я твою балладу...
Ты далъ усопшему отраду:
Подземный горестный жилецъ
Ужъ болѣ страха не наводитъ,
И въ бѣломъ саванѣ мертвецъ
Въ полночной тьмѣ теперь не бродитъ.
Но я, мой другъ, жалѣть готовъ,
Что твой покойникъ межъ гробовъ
Надолго пересталъ скитаться:
Я съ нимъ хотѣлъ бы повстрѣчаться;
И ты одинъ тому виной,
Что онъ уснулъ въ землѣ сырой.
Быть-можетъ, что, летя мечтами
Туда, гдѣ быть не суждено,
Я усыпилъ тебя струнами.
И такъ, прости... Скажу одно:
О! счастливъ тотъ, кто жизни цѣну
Въ младые дни уразумѣлъ,
И послѣ бурь нашелъ въ замѣну
Блаженный по сердцу удѣлъ;
Кто безъ святаго упоенья
Очей не взводитъ къ небесамъ,
Лелѣя міръ воображенья,
Знакомый пламеннымъ сердцамъ;
Кто знаетъ, что въ житейской долѣ
Любовь—прекрасному вѣнецъ,
И каждый день кто любитъ болѣ,
Какъ сынъ, какъ мужъ и какъ отецъ.

СТАНСЫ.

Настала тѣнь осенней длинной ночи.
Крушился я, страданьемъ утомленъ,
Искали сна мои печальны очи,
Но ихъ давно покинулъ сладкій сонъ.
И я леталъ въ дали, душою зримой:
Младые дни мелькали предо мной
Во всей красѣ своей невозвратимой
И съ мрачной ихъ внезапною грозой.
Но сердце вдругъ мечтою возвышенной
Въ груди моей кипитъ оживлено,
Съ тревогой думъ, надеждой примиренной,
Подумалъ я: несчастье... что оно?

Оно—гигантъ, кругомъ себя бросая
Повсюду страхъ, и ноги изъ свинца.
Но ярче звѣздъ горитъ глава златая
И дивный блескъ отъ свѣтлаго лица.
Подавленъ тотъ свинцовыми ногами,
Предъ грознымъ кто отъ ужаса падетъ,
Но озаренъ блеститъ его огнями,
Кто смѣло взоръ на призракъ возведетъ.
За тяжкій крестъ получитъ онъ замѣну:
Забытый гость счастливцами земли
Душой пойметъ священной дружбы цѣну
И жаръ святой, таинственной любви.
Его удѣлъ—живыя впечатлѣнья,
Житейскимъ сномъ ужъ грудь не стѣснена,
Въ слезахъ своихъ найдетъ онъ наслажденья,—
Страдальца жизнь высокаго полна.
Такъ пылъ мечты въ грозѣ красу намъ кажетъ,
Быстрѣе путь въ часъ бури по волнамъ,—
И сколько тайнъ прекрасныхъ горе скажетъ
Тому, чей духъ стремится къ небесамъ!
Въ его душѣ звукъ совѣсти яснѣе,
Лучъ правды чистъ, и блѣденъ страхъ людской;
Онъ думаетъ, онъ чувствуетъ сильнѣе,—
Не узникомъ онъ прихоти мірской.
Летучій вихрь равно въ поляхъ разноситъ
Ковыль-траву и розовый листокъ,
И якоря, увы! никто не броситъ
Въ сіяющій, но бурный жизни токъ.
О, жизнь! теки: не страшенъ мракъ могилы
Тому, кто здѣсь молился и страдалъ,
Кто, противъ бѣдъ стремя душевны силы,
Не смѣлъ роптать, любилъ и уповалъ.

РАЗЛУКА.

СТАНСЫ.

На каменной горѣ святая
Обитель инокинь стоитъ;
Подъ той горой волна морская,
Клубяся, бурная шумитъ.
Нѣжна, какъ тѣнь подруги милой,
Мелькая робко въ облакахъ,

Луна взошла, и блескъ унылой
Дрожитъ на башняхъ и крестахъ.
И надъ полночными волнами,
Разсѣя страхъ въ ихъ грозномъ снѣ,
Она жемчужными снопами
Струится въ зыбкой глубинѣ.
Корабль межъ волнъ, одѣтыхъ мракомъ,
Былъ виденъ, бурямъ обреченъ.
И ужъ фонарь отплытья знакомъ
Былъ на кормѣ его зажженъ.
Тамъ бездны тайной роковою
Судьба пловцовъ отравлена,
А здѣсь небесной тишиною
Обитель инокинь полна.
Пловецъ крушится, обнимая
Весь ужасъ бѣдъ,—надежды тѣнь;
А здѣсь отшельница святая
Всю жизнь узнала въ первый день.
Но есть за мирными стѣнами
Еще любви земной обманъ;
Сердца, волнуемы страстями,
Страшнѣй, чѣмъ бурный океанъ!
Стремя свой взоръ къ стѣнѣ угрюмой,
Одинъ въ безмолвіи ночномъ,
Встревоженъ кто-то мрачной думой
Сидитъ, тая́ся подъ плащомъ.
Онъ молодъ, но слѣды печали,
Тоска и память черныхъ дней
На блѣдномъ ликѣ начертали
Клеймо губительныхъ страстей.
И вдругъ лампада пламенѣетъ
Въ убогой кельѣ на окнѣ,
И за рѣшеткою бѣлѣетъ
Подобье тѣни при огнѣ.—
И долго... Но ужъ миновала
Ночная тьма, на небесахъ
Румяная заря сіяла,—
Исчезли призраки и страхъ.
И виденъ былъ далеко въ морѣ
Корабль, и вдаль онъ путь стремилъ,
И ужъ пловца младаго горе
Разлучный вѣтеръ уносилъ.

ДРУГУ ВЕСНЫ МОЕЙ,

послѣ долгой, долгой разлуки.

О, удались!.. полуживаго
  Въ томленьи горестномъ забудь;
Ты острымъ пламенемъ былаго
Зажгла встревоженную грудь.
Оставь меня!.. О, нѣтъ!.. побудь,
Побудь со мною, другъ безцѣнной,
Пожми, какъ прежде, руку мнѣ,
И сердца жизнью незабвенной
Лелѣй меня въ печальномъ снѣ.
Ужъ рѣчь твоя мой духъ крушимый
Живитъ мечтами юныхъ дней,—
Родимыхъ пѣсенъ звукъ любимый
Въ чужбинѣ дикой не милѣй;
И рой знакомыхъ впечатлѣній,
Тоску любовью осѣняя,
Какъ міръ таинственныхъ видѣній,
Мелькаетъ, вьется вкругъ меня.
Привѣтъ надеждъ, судьбы угрозы,
Волненье чувствъ, веселье, слезы,
Сердечной бездны глубина,
Все то, чѣмъ жизнь мрачна, ясна,
И не сказать чего словами,
Что блещетъ радуги огнями,
Тревоги, нѣга, пылъ страстей—
Воскресло все въ душѣ моей.
  И мнится, снова видятъ взоры
Прелестный край, гдѣ началъ жить,
Дербентъ и Воробьевы горы,
Гдѣ часто я любилъ бродить,
Обворожало гдѣ раздумье
Мое сердечное безумье,
Гдѣ жизнь лишь тѣмъ хотѣлъ цѣнить,
Чтобъ быть любиму и любить.
Москва-рѣка, моя родная!
Ты помнишь, въ часъ вечерній дня
Бывало міръ въ одно сливая,
Сижу, къ тебѣ мой взоръ склоня;
Мой духъ кипитъ въ тревожной долѣ,
Люблю, любить хочу я болѣ.

Но звонъ несется къ небесамъ,
И я стремлюся въ Божій храмъ;
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой
Молитва пламенной душой
Въ небесномъ упованьи льется;
И ужъ отраднѣй сердце бьется,—
Звѣзда надежды зажжена.
Сбылись, сбылись мечты младыя,—
И мнѣ мелькнули дни златые,
И радость мнѣ была дана.
О ты, мнѣ вѣрная въ печали,
Участница моей весны!
Всегда-ли дни твои сіяли
Вліяньемъ свѣтлой тишины?
Ты кудри темныя вѣнчала
Всегда-ль вѣнкомъ изъ алыхъ розъ?
Скажи, ужель ты проливала
Во тьмѣ ночей потоки слезъ?
Сама не зная думъ мятежныхъ,
Ты знала въ цвѣтѣ раннихъ дней
Очарованье взглядовъ нѣжныхъ
И обольстительныхъ рѣчей.
Въ груди, мечтами упоенной,
Не долго счастью обитать;
Но думъ высокихъ жаръ священной,—
Повѣрь,—святая благодать!
Мой другъ! быть-можетъ, мракъ унылой,
Который жизнь мою затмилъ,
Тебя страшитъ,—но тайной силой
Мою онъ душу озарилъ.
Не вовсе я убитъ судьбою,—
Несокрушимое со мною:
Мнѣ милъ печальный мой удѣлъ,
Поладить съ горемъ я умѣлъ;
Страданье чувство освятило,—
Его бѣдамъ не отравить.
Все сердце любитъ, что любило,
Все такъ же, тѣмъ же хочетъ жить,
И необманчивой надеждѣ
Оно ввѣряется, какъ прежде.
Любовь, вдали земныхъ тревогъ,—
Блаженства верхъ!—въ любви самъ Богъ.

ДУБЪ. *)

Онъ видѣлъ вкругъ себя во всемъ красу природы;
Онъ думалъ, что она ему не измѣнитъ,
И дерзостно мечталъ, что вѣтеръ непогоды
Къ нему не долетитъ.
Но вдругъ небесный сводъ одѣлся черной тучей,
И ливнемъ хлынулъ дождь, и буйный ураганъ
Клубяся налетѣлъ, взвивая прахъ летучій,
И долъ покрылъ туманъ.
Зеленые кусты съ душистыми цвѣтами
Онъ съ корнемъ вырывалъ, и свѣтлый ручеекъ
Закиданъ былъ землей, каменьями и пнями,—
Исчезъ отрадный токъ.
Громъ грянулъ, молнія дубъ крѣпкій опалила;
Дубъ треснулъ, но грозой онъ не былъ сокрушенъ:
Еще осталась въ немъ стѣсненной жизни сила,
Хоть вянуть обреченъ.
Отрадной влаги нѣтъ, и нѣтъ земли родимой,
На коей выросъ онъ, красуясь межъ долинъ;
На голой ужъ горѣ теперь, судьбой гонимый,
Остался онъ одинъ.
Увы, надежды нѣтъ, и стрѣлы роковыя
Бѣдой отравлены, все рушатъ и мертвятъ;

---

*) Въ „Библ. для Чт." 1836 г., гдѣ стихотвореніе это было напечатано до появленія въ изданіи 1840 г., оно начиналось слѣдующими четырьмя строфами, вычеркнутыми, по всей вѣроятности, Жуковскимъ:

„Краса родной горы, съ тѣнистыми вѣтвями,
И крѣпокъ, и высокъ являлся юный дубъ;
Зеленые кусты съ душистыми цвѣтами
Кругомъ его растутъ.
Игривый ручеекъ отрадной свѣжей влагой,
Струяся близь него, привѣтливо шумѣлъ,
И мощный сынъ дубровъ съ какою-то отвагой
Чрезъ поле вдаль смотрѣлъ.
И, младостью цвѣтя, грозы онъ не боялся—
Отъ грозъ живѣй весна, межъ тучъ яснѣй лазурь—
Сверканьемъ молніи и громомъ любовался,
Дышалъ подъ свистомъ бурь.
Любили юноши и сельскія дѣвицы
Подъ тѣнь его ходить; и сладко тамъ пѣвалъ
Полночный соловей; и алый блескъ денницы
Ихъ въ нѣгѣ заставалъ.
И видя вкругъ себя"... и т. д.

Одни лишь небеса, какъ прежде голубыя,
Надъ гибнущимъ блестятъ.
И началъ сохнуть дубъ; но, къ долу не склоненный,
Онъ, вѣтви вознося, казалъ ихъ облакамъ,
Какъ будто бы своей вершиной опаленной
Стремился къ небесамъ.

СТАНСЫ.

ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНІЕ СОНЕТУ ПЕТРАРКИ:

Quel rossignol.

Тоскуя о подругѣ милой
Иль, можетъ-быть, лишенъ дѣтей,
Осиротѣлый и унылой,
Поетъ и стонетъ соловей.
И пѣснію своей кручины
Въ воздушной тьмѣ онъ сладость льетъ,
Плѣняетъ тихія долины,
И будто для меня поетъ.
И всю онъ ночь какъ бы со мною
Горюетъ вмѣстѣ, и своей
Напоминаетъ мнѣ тоскою
О бѣдной участи моей.
Но мнѣ за мой удѣлъ несчастный
Себя лишь должно обвинять;
Я думалъ: смерти не подвластны...
Нельзя прекраснымъ умирать.
И я узналъ, тоской сердечной
Когда вся жизнь отравлена,—
Какъ все, что мило, скоротечно,
Что радость—молнія одна.

КАСАТКА.

(Изъ Марко-Висконти).

Касатка изъ земли чужой!
Что ты, румяною зарею,
Взлетаешь здѣсь на теремъ мой?
Что въ пѣснѣ, дышащей тоскою,
Томясь въ далекой сторонѣ,—
Что ты поешь, касатка, мнѣ?

Въ разлукѣ съ тѣмъ, кто милъ тебѣ,
Одна, залетною, забвенной,
Ты плачешь о моей судьбѣ,
Сама сироткой сокрушенной;
Тоскуй со мной наединѣ,
О плачь, касатка, обо мнѣ!
Но ты въ удѣлѣ роковомъ
Меня счастливѣй,—ты летаешь
Вдоль озера и надъ холмомъ,
И воздухъ воплемъ наполняешь;
Ты пѣснями зовешь его,
Касатка,—друга своего!
О, если-бъ мнѣ!.. но для меня
Преградой сводъ, угрюмый, тѣсный,
Гдѣ не блеснетъ сіянье дня,
Не оживитъ зѳиръ небесный!
Едва твой голосъ въ тишинѣ,
Моя касатка, слышенъ мнѣ!
Ужъ дни мятелямъ преданы,
И ты меня покинешь вскорѣ,
Увидишь дальнія страны,—
И горы новыя, и море
Поздравишь пѣснію живой,
Касатка, другъ залетный мой!
А я... я съ каждою зарей
На токи слезъ открою очи,
Мечтая слышать голосъ твой
И въ снѣжный день, и въ сумракъ ночи,—
Что въ пѣсняхъ ты на вышинѣ,
Касатка, плачешь обо мнѣ!
Весной найдешь ты дернъ съ крестомъ
Въ предѣлахъ мнѣ родного края;
Касатка! подъ вечеръ на немъ,
Воздушный путь остановляя,
Скажи мнѣ пѣснію святой —
Скажи, касатка: «миръ съ тобой!»

КЪ СІЯНѢ.

СТАНСЫ.

Сіяна! есть одна лишь радость,—
И радость та въ любви одной;

Она печальной жизни сладость,
Хотя крушитъ меня порой;
Она лелѣетъ нашу младость
Надежды свѣтлою мечтой.
  Какъ солнце яркими лучами,
Такъ ты блестишь красой своей,
Но чувства жаръ былъ небесами
Въ отраду данъ судьбѣ моей;
Ты рождена играть сердцами,
А я любить,—мой даръ святѣй.
  Гордяся тишиной безпечной,
Младая жизнь твоя блѣдна,
Моя—тревогою сердечной
Бываетъ часто смущена;
Но вслѣдъ за бурей скоротечной
Душа надеждою ясна.
  Безъ чувства ты бросаешь взоры
На милый край страны родной,
А я въ немъ вижу рощи, горы,
Гдѣ жду, встрѣчаюся съ тобой;
Стѣснивъ въ груди моей укоры,—
Мнѣ сладко жить, гдѣ ты со мной.
  Въ тѣни, вечернею порою,
Ты любишь трели соловья;
Плѣняетъ пѣснь его тоскою,
То пѣснь любви—она моя.
Но какъ холодною душою
Найти въ ней то, что слышу я?
  На пляску-ль хороводъ сберется—
Смѣешься ты, и взоръ твой живъ,
И духъ забавамъ предается;
Но въ чувство игры обративъ,
Я подлѣ той, кѣмъ сердце бьется
Ты весела—а я счастливъ.
  И ночь моя полна Сіяной;
Мой сонъ мечтами осѣня,
Заря чуть блещетъ надъ поляной, —
Любовь къ тебѣ манитъ меня.
Но ты скажи: въ зарѣ румяной
Что видишь ты?—начало дня.

СТАНСЫ.

ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНІЕ СОНЕТУ ПЕТРАРКИ:

Rotta è l'alta colonna.

Прекрасная колонна пала,
И лавръ зеленый мой увялъ;
А лишь объ нихъ душа мечтала,
И я, томясь, отрады ждалъ.
Ихъ не найду, въ моемъ я горѣ,
Въ холодныхъ, пламенныхъ странахъ,
Ни въ бурномъ африканскомъ морѣ,
Ни въ свѣтлыхъ Индіи волнахъ.
Моихъ надеждъ ужъ я лишился,
И смерть безъ жалости взяла
И то, чѣмъ въ жизни я гордился,
И то, чѣмъ жизнь моя цвѣла.
Обширной областью земною,
Блестящимъ княжескимъ вѣнцомъ,
Несмѣтной золота цѣною,
Восточнымъ яркимъ жемчугомъ—
Нигдѣ, ничѣмъ тоскѣ не можно
Утраты сердца замѣнить;
Въ удѣлѣ горестномъ лишь должно
Всю жизнь страдать и слезы лить.
О, наша жизнь, которой сладость
Манитъ обманчивой красой!
Въ чемъ столько лѣтъ мы зрѣли радость,—
Минутой рушится одной.

КЪ НЕЙ.

Когда прощался я съ тобою,
И твой корабль стремился въ путь,—
Какой ужасною тоскою
Моя тогда стѣснялась грудь!
Унылой мрачностью одѣлось
Души цвѣтущей бытіе,
И мнѣ, безумному, хотѣлось
Все сердце выплакать мое.
Кто-бъ мнѣ сказалъ, что роковая
Пора минуетъ, и что мнѣ

Тужить, объ ней воспоминая
Какъ о прекрасномъ миломъ снѣ?
И то сбылось—и ты явилась,
Опять плѣнительна красой;
Но ужъ любовь не возвратилась,
Ни радость жизни молодой.
  Когда опять взыграли волны
Съ назадъ плывущимъ кораблемъ,
И прибѣжалъ я, нѣги полный,
Въ восторгѣ сладостномъ моемъ
Когда душа моя кипѣла,
Блѣднѣлъ, дрожалъ, смущался я:
Ты не краснѣла, не блѣднѣла,
Взглянула просто на меня.
  Съ тѣхъ поръ простился я съ мечтами,
Смотрю въ слезахъ на Божій свѣтъ;
За ночью ночь и день за днями
Текутъ, текутъ,—а жизни нѣтъ.
Одно лишь въ памяти унылой,—
Какъ наша молодость цвѣла,
Когда прелестною, счастливой
Ты для меня и мной жила.
  Бывало пылкою душою
Я все, что свято, обнималъ,
И бывъ твоимъ, любимъ тобою,
Я самъ себѣ цѣны не зналъ;
Но розлилъ взглядъ твой безнадежной
Могильный холодъ вкругъ меня,—
Онъ отравилъ въ груди мятежной
Весь жаръ небеснаго огня.
  И мрачной томностью крушимый,
Не знаю я, какъ съ сердцемъ быть,
И образъ, столь давно любимый,
Боюсь и помнить, и забыть.
Въ тревогѣ думъ теряя силы,
Почти безъ чувствъ скитаюсь я,
Какъ будто вышелъ изъ могилы,
Какъ будто міръ не для меня.
  Хочу, лишенъ всего, что мило,
Страшась сердечной пустоты,—
Чтобъ мнѣ хоть горе замѣнило
Все то, чѣмъ мнѣ бывала ты,
Чтобъ объ утраченной надеждѣ

Душой смятенною тужилъ;
Хоть нѣтъ того, что было прежде,
Но я-бъ попрежнему любилъ.

ДРУЖБА.

Святѣе дружбы чувства нѣтъ.
  И Тотъ, Кто жертвою чудесной
Спасаетъ міръ и льетъ намъ свѣтъ,
Даетъ тому примѣръ небесный.
  Онъ исцѣлялъ, благотворилъ,
И, Богъ, извѣдалъ сердца нужды;
Но величайшее—для дружбы
Свое Онъ чудо сотворилъ.

ОБМАНУТОЕ СЕРДЦЕ.

О ты, ночь моя, ноченька,
  Ночь ты лунная, ночь морозная,
Какъ тревожишь ты сердце томное,
Сердце томное—безнадежное!
  Страшно мнѣ: мой уголокъ
Какъ могила вкругъ чернѣетъ;
Разведу я огонекъ—
Дубъ трещитъ и пламенѣетъ,
Свѣтъ багровый на стѣнахъ
Чудно зыблется въ очахъ;
И дохнуть не смѣю я,—
Тѣни бродятъ вкругъ меня.
  О, зачѣмъ я рождена
Вянуть бѣдной сиротою!
Жизнь моя отравлена
Неотступною тоскою;
Свѣтлый призракъ въ тяжкомъ снѣ
На бѣду являлся мнѣ;
Даль мою затмилъ туманъ—
Сердцу былъ во всемъ обманъ.
  На зарѣ весны моей
Голубка я пріучила;
Онъ былъ другъ невинныхъ дней.
О, какъ я его любила!
Снѣгомъ бѣлымъ онъ сіялъ,

Томно, нѣжно ворковалъ;
Но, какъ легкій вѣтерокъ,
Улетѣлъ мой голубокъ.
Въ бѣдномъ садикѣ моемъ
Рдѣла роза полевая.
Любовалась я цвѣткомъ;
Часто, горе забывая,
Къ розѣ съ свѣжею волной
Я бѣжала въ лѣтній зной.
Туча бурная нашла—
Розу молнія сожгла.
Былъ другъ милый у меня!..
Ночь, ты знаешь, ты видала,
Какъ въ пылу безумномъ я
Друга къ сердцу прижимала;
Вспомни: онъ твоей луной
Мнѣ клялся, что будетъ мой.—
Но тѣнь бродитъ... страшно мнѣ!
Не душнѣй въ могильномъ снѣ.
О ты, ночь моя, ноченька,
Ночь ты лунная, ночь морозная,
Какъ тревожишь ты сердце томное,
Сердце томное—безнадежное!

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ.

СТАНСЫ.

Блаженъ, кто мирно обитаетъ
Въ завѣтномъ прадѣдовъ селѣ
И отъ проѣзжихъ только знаетъ
О Бѣлокаменной Москвѣ.
Не вдаль стремится онъ мечтою,
Не къ морю мысль его летитъ,—
Доволенъ рѣчкой небольшою:
Она свѣтла, она шумитъ.
Не измѣняясь въ тихой долѣ,
Благословляя небеса,
Онъ все на то же смотритъ поле,
На тѣ же нивы и лѣса.
Онъ сердцемъ чистъ, онъ правъ душою;
Безъ думъ высокихъ онъ умѣлъ
Одной вседневной добротою
Украсить бѣдный свой удѣлъ.

Ему страстей волненья чужды,
Не прерванъ ими сладкій сонъ,
Живетъ безъ прихотей, безъ нужды,—
И черныхъ дней не знаетъ онъ.
Вотъ домъ уютный межъ холмами,
Въ тѣни березъ вотъ Божій храмъ,
И вотъ погостъ съ его крестами,
Гдѣ межъ родныхъ онъ ляжетъ самъ.
И живъ священникъ тотъ безвѣстный,
Который здѣсь его крестилъ,
Вѣнцомъ съ подругою прелестной
На радость жить благословилъ.
И радость съ ними,—и всечасно
Она ему милѣй, милѣй,
И жизнь онъ тратитъ не напрасно
Въ земномъ раю семьи своей.
Привычка наслажденій мирныхъ,
Веселыя заботы дня,
Забавный страхъ разсказовъ дивныхъ
Кругомъ вечерняго огня,—
О вы, обычаи святые!
Любовь домашняго быту!—
Отрады ваши золотыя
Лелѣятъ жизни суету.
Преданья прежняго, роднаго
Душѣ плѣнительно хранить,
Блаженства сердцу нѣтъ другаго,
Какъ жить однимъ, одно любить.

~~~~~~~~~

ЖНЕЦЫ.

Однажды вечерѣлъ прекрасный лѣтній день,
Дышала нѣгою зеленыхъ рощей тѣнь.
Я тамъ бродилъ одинъ, гдѣ синими волнами
Отъ Кунцовскихъ холмовъ, струяся подъ Филями,
Шумитъ Москва-рѣка; и духъ плѣнялся мой
Занятья сельскаго священной простотой,
Богатой жатвою въ душистомъ тихомъ полѣ,
И пѣснями жнецовъ, счастливыхъ въ бѣдной долѣ.
Ихъ острые серпы межъ нивъ вездѣ блестятъ,
Колосья желтые подъ ними вкругъ лежатъ,
~~~~~~~~~

И, собраны жнецовъ женами молодыми,
Они ужъ связаны снопами золотыми;
И трудъ полезный всѣмъ, далекій отъ тревогъ,
Улыбкою отца благословляетъ Богъ.
Ужъ солнце гаснуло, багровый блескъ бросая;
На жнивѣ кончилась работа полевая,
Радушные жнецы идутъ уже домой.
Одинъ, во цвѣтѣ лѣтъ, стоялъ передо мной.
Его жена мой взоръ красою удивляла;
Съ младенцемъ радостнымъ счастливая играла,
И въ кудри темные вплетала васильки,
Колосья желтые и алые цвѣтки.
И жнецъ на нихъ смотрѣлъ, и видъ его веселый
Являлъ, что жаръ любви живитъ удѣлъ тяжелый;
Въ отрадный свой пріютъ уже сбирался онъ...
Съ кладбища сельскаго летитъ вечерній звонъ,—
И къ тихимъ небесамъ взоръ пылкій устремился:
Отецъ и мужъ, душой за милыхъ онъ молился.
Колѣна преклонивъ. Думъ набожныхъ полна,
Младенца яснаго взяла его жена,
Ученки на груди крестомъ ему сложила,
И, мнилось, благодать ихъ свыше осѣнила.
Но дремлетъ все кругомъ; серебряный туманъ
Таинственной луной разсыпанъ по снопамъ,
Горитъ небесный сводъ нетлѣнными звѣздами,—
Часъ тайный на поляхъ, часъ тайный надъ волнами.
И я подъ ивою сидѣлъ обвороженъ,
И думалъ: въ жатвѣ той я видѣлъ райскій сонъ.
И много съ той поры, лѣтъ много миновало,
Затмилась жизнь моя,—но чувство не увяло.
Томленьемъ сокрушенъ, въ суровой тьмѣ ночей,
То поле, то жнецы—всегда въ душѣ моей;
И я, лишенный ногъ, не наслаждаясь зрѣньемъ,—
Я сердцемъ къ нимъ стремлюсь, лечу воображеньемъ,
Моленье слышу ихъ,—и сельская чета
Раздумья моего любимая мечта.

КЪ ПЕЧАЛЬНОЙ КРАСАВИЦѢ.

Съ крутыхъ муравчатыхъ холмовъ
Въ долину ручеекъ стремится,
Играетъ, вьется межъ кустовъ,

И свѣтлымъ зеркаломъ струится;
Но вскорѣ бурною зимой
Морозовъ звонкихъ ужаснется.
И, ужъ окованный волной,
Блестящій токъ не шевельнется.
И роза юная въ поляхъ
Царевной пышною свѣтлѣетъ,
То вплетена она въ вѣнкахъ,
То на груди красотъ алѣетъ:
Но, мнится, грусть знакома ей:
Въ разлукѣ съ вѣткою родимой
Она часъ отъ часу томнѣй,—
Почти увялъ цвѣтокъ любимой.
На тихій долъ, на темный лѣсъ
Луна свой блескъ бросаетъ нѣжной,
Краса полуночныхъ небесъ
Плыветъ стезею безмятежной,
И на нее любовь глядитъ.
Луна! ты другъ воспоминанья!—
Но туча вслѣдъ за ней летитъ,
И меркнетъ милое сіянье.
Иль гонитъ все враждебный рокъ?—
Волна замретъ и не струится;
И вянетъ радостный цвѣтокъ;
И ясный лучъ внезапно тмится;
И, тихо голову склоня,
Сидишь ты—слезы въ томномъ взорѣ...
О ты, о комъ мечтаю я,
Скажи: ужель ты знаешь горе?

ГРАФИНѢ ЛАВАЛЬ

ВЪ ДЕНЬ ЕЯ РОЖДЕНІЯ.

Полночная рѣдѣетъ тѣнь
И, озаривъ твое рожденье,
Уже летитъ прекрасный день
Семьѣ, друзьямъ на утѣшенье.
Твое рожденье—праздникъ тѣхъ,
Кто любитъ и живетъ душою,
Веселья, горя,—праздникъ всѣхъ,
Кто въ жизни встрѣтился съ тобою.

Какъ дружбы пламенной твоей
Вѣрна безоблачная святость!
Съ тобой всегда въ сердцахъ друзей
Яснѣй печаль, нѣжнѣе радость!
И жарко я, повѣрь, молю
Того, чье царство надъ звѣздами,
Чтобы во всемъ Онъ жизнь твою
Осыпалъ райскими цвѣтами;
Чтобы священныя мечты
Отрадно сердце сохраняло,
И чтобы все, что любишь ты,
Твою любовь благословляло.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ 4 ПѢСНИ

«Чайльдъ-Гарольда».

(Лунная ночь. Лордъ Байронъ бродитъ одинъ по развалинамъ Колизея; бьетъ полночь).

О время, мертвыхъ украшатель,
Цѣлитель страждущихъ сердецъ,
Развалинамъ красотъ податель,—
Прямой, единственный мудрецъ!
Рѣшаетъ судъ твой неизбѣжной
Неправый толкъ судей мірскихъ.
Лишь ты порукою надежной
Всѣхъ тайныхъ чувствъ сердецъ людскихъ,
Любви и вѣрности; тобою
Я свѣту истину явлю,
Тебя и взоромъ, и душою,
О время-мститель! я молю.
Въ развалинахъ, гдѣ ты священный
Для жертвъ себѣ воздвигло храмъ,
Младой, но горемъ сокрушенный,
Твоею жертвою—я самъ.
О, Немезида! чьи скрижали
Хранятъ злодѣйства, въ чьихъ вѣсахъ
Вѣка измѣны не видали,
Чье царство здѣсь внушало страхъ;
О ты, которая съ змѣями
Изъ ада фурій созвала,
И строго судъ творя надъ нами,
Ореста мукамъ предала!

Возстань опять изъ бездны вѣчной!
Явись правдива и грозна!
Явись! услышь мой вопль сердечной!
Возстать ты можешь—и должна.
  Быть-можетъ, что моей виною
Ударъ мнѣ данный заслуженъ;
И если-бъ онъ другой рукою,
Мечемъ былъ праведнымъ свершенъ.—
То пусть бы кровь моя хлестала!..
Теперь пролиться ей не дамъ.
Молю, чтобъ на злодѣевъ пала
Та месть, которую я самъ
Оставилъ изъ любви... Ни слова
О томъ теперь,—но ты отмстишь!
Я сплю, но ты уже готова,
Ужъ ты возстала—ты не спишь.
  Нѣтъ въ этомъ вѣкѣ принужденья,
И я не ужасаюсь бѣдъ:
Гдѣ тотъ, кто зрѣлъ мое смятенье
Иль на челѣ тревоги слѣдъ?
Но я хочу, и стихъ мой смѣетъ—
Нести потомству правды гласъ;
Умру, но вѣтеръ не развѣетъ
Мои слова. Настанетъ часъ!..
Стиховъ пророческихъ онъ скажетъ
Весь тайный смыслъ,—и отъ него
На головѣ виновныхъ ляжетъ
Гора проклятья моего.
  Тому проклятью—быть прощеньемъ!
Внимай мнѣ, родина моя!
О, небо! вѣдай, какъ мученьемъ
Душа истерзана моя!
Неправды омраченъ туманомъ,
Лишенъ надеждъ, убитъ тоской;
И жизни жизнь была обманомъ
Разлучена, увы, со мной!
И только тѣмъ отъ злой судьбины
Не вовсе сокрушился я,
Что не изъ той презрѣнной глины,
Какъ тѣ, о коихъ мысль моя.
  Обиду, низкія измѣны,
Злословья громкій, дерзкій вой,
И ядъ его шумящей пѣны,

И злобу подлости нѣмой
Извѣдалъ я; я слышалъ ропотъ
Невѣждъ, и ложный толкъ людей,
Змѣиный лицемѣрья шопотъ,
Лукавство ябедныхъ рѣчей;
Я видѣлъ, какъ уловка злая
Готова вздохомъ очернить,
И какъ, плечами пожимая,
Молчаньемъ хочетъ уязвить.
Но что-жъ? я жилъ, и жилъ не даромъ!
Отъ горя можетъ духъ страдать,
И кровь кипѣть не прежнимъ жаромъ,
И разумъ силу потерять, —
Но овладѣю я страданьемъ;
Настанетъ время,—надо мной,
Съ послѣднимъ сердца трепетаньемъ,
Возникнетъ голосъ неземной,
И томный звукъ осиротѣлой
Разбитой лиры тихо вновь
Въ груди теперь окаменѣлой
Пробудитъ совѣсть и любовь.

УМИРАЮЩІЙ ГЕЙДУКЪ.

ИЛЛИРІЙСКАЯ БАЛЛАДА.

«Орелъ ты мой бѣлый! спустися на долъ,
Слети съ поднебесья, мой бѣлый орелъ!
Взгляни: я, Заремба, въ крови предъ тобой.
Бывало, ты помнишь, въ бояхъ удалой,
Тѣлами Пандуровъ тебя я кормилъ;
Прошу, чтобы службу ты мнѣ сослужилъ.
Потомъ пусть добычей орлятамъ твоимъ
Съ кровавымъ, съ отважнымъ я сердцемъ моимъ.
«Лядунку пустую мою ты схвати
И къ брату Рамейкѣ скорѣе лети.
Двѣнадцать зарядовъ съ собой я носилъ,
Двѣнадцать Пандуровъ я ими убилъ.
Но съ ними таился Бенаки злодѣй;
Бездушный, боялся онъ сабли моей, —
Булатъ неизмѣнный лишь выхватилъ я,
Онъ сзади кинжаломъ ударилъ меня.

«Лети,—и родимый за брата отмстить.
И вотъ еще перстень,—въ немъ яхонтъ горитъ.—
И шитый узорно платокъ мой цвѣтной:
Отдай ихъ вѣрнѣе Ціянѣ младой;
И станетъ мой перстень она цѣловать.
А слезы узорнымъ платкомъ отирать».
И мчитъ орелъ бѣлый въ безмолвьи ночномъ
Лядунку и перстень съ узорнымъ платкомъ.
И къ брату Рамейкѣ орелъ прилетѣлъ;
Рамейко съ друзьями въ похмѣльи сидѣлъ.
О братѣ убитомъ едва потужилъ,
Пустую лядунку откинулъ, и пилъ.
Къ прелестной Ціянѣ помчался орелъ,
И дѣву младую онъ въ церкви нашелъ;
И къ ней онъ явился съ завѣтнымъ кольцомъ,—
Ціяна съ Бенаки стоитъ подъ вѣнцомъ.

РЕВНОСТЬ.

Полночный часъ ударилъ на кладбищѣ;
Мелькая изъ-за тучъ,
На мертвецовъ безмолвномъ пепелищѣ
Бродилъ дрожащій лучъ.
Подъ пеленой скрывая образъ милой,
Откинувъ тайный страхъ,
Стоитъ одна надъ свѣжею могилой
Прекрасная въ слезахъ.
И мрачныхъ думъ тревогой неизбѣжной
Невольно смущена,
Склонясь на дернъ, съ тоскою безнадежной
Промолвила она:
«Несчастный другъ!.. прости мнѣ, тѣнь младая,
Что, жизнь твою губя,
Мой тяжкій долгъ я свято выполняя,
Чуждалася тебя.
Увы! съ тобой жить въ радости сердечной
Творецъ мнѣ не сулилъ!
Свершилось все!.. но знай, ты будешь вѣчно,
Какъ прежде, сердцу милъ!»
Ракитникъ вдругъ тогда зашевелился...
Не призракъ межъ гробовъ,—
Вадимъ женѣ какъ Божій гнѣвъ явился,
Блѣднѣе мертвецовъ,

И внѣ себя, вдаваясь грозной силѣ
Мятежнаго огня:
«Любимъ тобой злодѣй? онъ и въ могилѣ
Счастливѣе меня»?...
И месть любовь безумную затмила,
Въ рукахъ блеснулъ кинжалъ,—
И кровь ея могилу оросила,
А онъ во тьмѣ пропалъ.

КЪ П. Ф. БАЛКЪ-ПОЛЕВУ.

Надолго увлеченъ невѣрною судьбой.
Быть-можетъ навсегда разстался ты со мной;
Но гдѣ бы ни былъ ты, доколѣ живъ я буду.
Повѣрь, безцѣнный другъ, тебя я не забуду.
Мнѣ часто вспоминать о нашихъ вечерахъ,
Когда глубокій умъ ты въ пламенныхъ рѣчахъ
Обильно изливалъ душою непритворной.
И какъ мои мечты и бредъ мой стихотворной
Съ улыбкой слушалъ ты, и дружно руку жалъ,
Когда, встревоженный, о томъ я тосковалъ,
Чего давно ужъ нѣтъ, навѣкъ что миновало
И только у меня лишь въ сердцѣ не увяло.
И такъ, увидишь ты тѣ дальніе края,
Гдѣ свѣтлою стезей летѣла жизнь твоя,—
Блестящій тотъ Парижъ, гдѣ вскорѣ надъ тобой
Завьется, зашумитъ воспоминаній рой,
Со всею полнотой безсмертныхъ впечатлѣній,
Со всею легкостью минутныхъ наслажденій.
Въ раздумьи, можетъ-быть, опять ты бросишь взглядъ
На тотъ дворецъ тревогъ, на тотъ веселый садъ,
Гдѣ часто сравнивалъ въ прогулкахъ одинокихъ
Столицу чувствъ живыхъ съ столицей думъ глубокихъ.
Но зданій и садовъ, мой другъ, знакомый видъ
Внезапной мрачностью невольно духъ стѣснитъ;
Ты будешь окруженъ завѣтными мѣстами,—
Но встрѣтишься-ли въ нихъ ты съ прежними друзьями?
Увы! о сколькихъ ты сердечно воздохнешь,
И станешь ихъ искать, хотя ужъ не найдешь!
Гдѣ та волшебница, чьей пламенной душою
Былъ обнятъ тайный міръ, чьей милой остротою
Плѣнялись, чье перо, чей вдохновенный даръ

Прекраснаго въ сердца вливалъ священный жаръ?
О! гдѣ Монморанси? Умѣлъ онъ, благородный,
Престолъ, законы чтить—и духъ хранить свободный;
Онъ витязь прежнихъ дней былъ нашею порой,
И жизнь свою вѣнчалъ кончиною святой.
Но ту, съ кѣмъ ихъ сердца всѣ думы раздѣляли
Кто дружбы ангеломъ являлась въ дни печали,
Ее увидишь ты,—въ убѣжищѣ своемъ
Прелестная цвѣтетъ и сердцемъ, и умомъ.
Но полно горевать; и я отъ думъ тяжелыхъ
Отраду нахожу въ разсказахъ тѣхъ веселыхъ,
Какъ прежде ты живалъ. И взглядъ стремлю я вдругъ
На твой блистательный, разнообразный кругъ:
Тамъ рѣчь ведетъ Saint Pierre, а здѣсь поетъ Грассини,
Мечтаетъ Benjamin, танцуетъ Биготини;
Я вижу, какъ идутъ на лакомый обѣдъ
Мерсье, abbé Boulogne. Но бѣшеный Гамлетъ,
Мятежникъ Манлій гдѣ?—Простяся съ здѣшнимъ міромъ,
Быть-можетъ, онъ теперь бесѣдуетъ съ Шекспиромъ,
Иль споритъ съ Гаррикомъ. Но знай, ни Альбіонъ,
Который мудрою свободой просвѣщенъ,
Ни даже та страна, гдѣ огненныя горы
Подъ небомъ голубымъ твои встрѣчали взоры,—
Священныхъ древностей чудесная земля,
Край пѣсенъ и любви,—не такъ манятъ меня,
Какъ Дарданельскія плѣнительныя волны.
О другъ, какая ночь! блестятъ, мелькаютъ челны,
И вѣетъ музыка съ Стамбульскихъ береговъ,
Роскошной Азіи ты слышишь соловьевъ;
Съ кинжалами въ чалмахъ вотъ турки удалые,
Вотъ пляшутъ сладостно гречанки молодыя,
Нѣжнѣе розъ своихъ,—и яркая луна
Ночною прелестью сама удивлена.
Еще люблю мечтать, какъ путь оконча трудный,
Плѣнялся ты красой Бразильи изумрудной,
Гдѣ вѣчной радугой играетъ сводъ небесъ,
И блескомъ дивныхъ птицъ пестрѣетъ темный лѣсъ,
Огнистый ананасъ въ открытомъ полѣ рдѣетъ,
И пальма надъ волной, какъ радость, зеленѣетъ;
Изъ дерева ея корабль сооруженъ,
Изъ листьевъ паруса, и въ путь онъ нагруженъ
Ея же сладкими, душистыми плодами.
Такъ дружба твердостью, совѣтами, дѣлами,

От бѣдъ спасаетъ насъ, въ опасности хранитъ,
И нѣжной ласкою намъ душу веселитъ.
  Изъ дѣтства обреченъ я вьюгамъ и туману;
По безконечному, какъ вѣчность, океану,
Мой другъ, я не плывалъ.—Но что-жъ? Въ Руси святой
Мнѣ сладостенъ и милъ дымъ хижины родной:
Я взросъ, я цвѣлъ душой, любилъ, страдалъ въ отчизнѣ,
И въ ней хочу я ждать конца мятежной жизни.
Но если ужъ съ тобой здѣсь не видаться мнѣ.—
Тогда, какъ будешь ты въ родимой сторонѣ,
Тѣнь друга навѣсти вечернею зарею:
У храма сельскаго, подъ ивою густою,
Въ кустахъ шиповника, дубовый крестъ простой
Надеждой озаритъ подземный ужасъ мой,—
И тамъ я буду спать до вѣчнаго свиданья
Въ безоблачномъ краю любви и упованья.

СВѢЖАНА И РУСЛАНЪ.

БАЛЛАДА.

«О, какой судьбой ужасной,
    Грозный мой отецъ,
Наказалъ ты пламень страстной
    Нашихъ двухъ сердецъ!
Годъ, какъ здѣсь во тьмѣ унылой
    Я не вижу дня,
И не знаетъ другъ мой милой,
    Гдѣ найти меня».

  Такъ, изъ башни одинокой
    Надъ Днѣпромъ-рѣкой,
Слышенъ былъ въ ночи глубокой
    Плачъ красы младой.
Кто же узница младая,
    Смутныхъ думъ полна?
Дочь надменнаго Рогдая,
    Ленская княжна.

  Ахъ! Свѣжана всѣхъ милѣе
    Межъ княженъ цвѣла,
И не такъ бѣла лилея,
    Какъ она бѣла;
Очи томныя горѣли
    Голубымъ огнемъ,

Кудри мягкіе темнѣли
На челѣ младомъ.

И князья къ отцу съѣзжались
Изъ далекихъ странъ,—
Всѣ прекрасною плѣнялись.
Но ни царскій санъ,
Ни князь Пронской, ни князь Бѣльскій,
И весь сонмъ князей—
Все ничто! Русланъ Гомельскій
Былъ по сердцу ей.

Онъ отваженъ, онъ прелестенъ,
Онъ былъ честь дружинъ,—
Но убогъ и неизвѣстенъ,
Не боярской сынъ.
И родитель раздраженный
Жалость гонитъ прочь:
Тайно въ башнѣ отдаленной
Заключилъ онъ дочь.

И сквозь ставни роковые
Не проходитъ день,
Все тамъ призраки ночные,
Все нѣмая тѣнь;
Лишь порой она внимаетъ,
Какъ волна кипитъ,
Пташка робкая порхаетъ
И тростникъ шумитъ.

И вотъ, къ башнѣ той высокой
Въ челнокѣ рыбакъ
Путь стремитъ свой одинокой,
Лишь настанетъ мракъ;
Въ волны неводъ онъ бросаетъ,
Къ башнѣ взоръ стремя,
И прохожихъ увѣряетъ,
Что тутъ рыбы тьма.

Но не въ пользу трудъ упорной:
Мало рыбъ бѣжитъ;
И онъ часто, съ думой черной,
Вкругъ себя глядитъ,
На лицѣ слѣды печали
И въ очахъ туманъ...
Вы давно всѣ отгадали,
Что рыбакъ—Русланъ.

И онъ сторожа ласкаетъ,
Въ свой пріютъ зоветъ,
Сладкимъ медомъ угощаетъ,—
Только самъ не пьетъ.
И случись: послѣ раздолья
Бѣдный сторожъ спалъ,—
Онъ ключи изъ-подъ-головья
У хмѣльнаго взялъ.

Бьется сердце у Руслана,
Къ башнѣ онъ стрѣлой:
«Другъ мой милый, о Свѣжана!
Я опять съ тобой;
Ахъ, не медли! надъ холмами
Лишь заря блеснетъ,
Въ церковь сельскую съ вѣнцами
Духовникъ придетъ».

И она то замираетъ,
То въ ней кровь кипитъ,
И вѣнецъ святой сіяетъ,
И любовь манитъ.
Какъ же быть! перекрестилась
И, не тратя словъ,
Тихо къ пристани спустилась,
Гдѣ челнокъ готовъ.

Въ страхѣ, въ радости Свѣжана,
Слезы льются изъ очей,
Видитъ небо и Руслана,—
Все, что мило ей.
Дерзко волны разсѣкая,
Сталъ нырять челнокъ,—
Но ужасны мгла ночная
И шумящій токъ.

И вотъ молнія блеснула,
Съ трескомъ грянулъ громъ,
Роща сонная вздрогнула
Надъ рѣкой Днѣпромъ;
Вихри буйные несутся
И реветъ волна,—
Ахъ! иль звѣзды не зажгутся,
Не взойдетъ луна?

И страшнѣй грозы тревога
Двухъ младыхъ сердецъ,

Другъ за друга молятъ Бога;
Но судилъ Творецъ
Имъ, обманутымъ мечтою,
Свѣтлыхъ дней не знать,
И съ молитвой начатою
Въ небеса предстать.

Гдѣ каменья угрожали
И разбился чолнъ,
Тамъ страдальцевъ отыскали
У прибрежныхъ волнъ.
И священникъ посѣдѣлый
Къ нимъ пришелъ съ зарей,
Но удѣлъ ихъ—саванъ бѣлый,
Не вѣнецъ златой;

Сокрушенный самъ бѣдами,
Память ихъ любилъ,
Панихиду со слезами
Каждый день служилъ.
И быть въ башнѣ одинокой
Удалося мнѣ,
И читать разсказъ жестокой
На ея стѣнѣ;

И надъ тихою могилой
Я не разъ мечталъ,
И въ туманѣ призракъ милой
Надо мной леталъ;
Непонятное волненье
Мнѣ тѣснило грудь,—
Видя чудное явленье,
Я не смѣлъ дохнуть.

ДВА ЧЕЛНОКА.

Течетъ прозрачная рѣка,
Шумитъ, блеститъ межъ берегами.
По той рѣкѣ два челнока
Несутся быстрыми волнами;
Различенъ видъ двухъ челноковъ,
Различна пѣсня двухъ пловцовъ.
Одинъ челнокъ былъ весь въ цвѣтахъ,
И бѣлый парусъ тихо вѣялъ,

Мелькалъ на свѣтлыхъ онъ волнахъ,
И вѣтерокъ его лелѣялъ;
Собой любуясь, онъ летитъ,—
Младая прелесть въ немъ сидитъ.
  Другой челнокъ едва нырялъ,
Свершая тяжко бѣгъ упорный;
Съ трудомъ онъ волны разсѣкалъ,
На немъ вздымался парусъ черный;
И гибель вкругъ него шумитъ,—
Страдалецъ блѣдный въ немъ сидитъ.
  Смѣясь прекрасная поетъ:
«Какъ мнѣ отрадно плыть рѣкою!..
На берегахъ весна цвѣтетъ,
Душистый воздухъ надо мною,
И солнце страхъ мой гонитъ прочь,
А мѣсяцъ свѣтитъ въ темну ночь.
  «И мнѣ легко на свѣтѣ жить!..
Сбылись мечты мои младыя,
И сладко съ милымъ мнѣ дѣлить
Всѣ чувства, сердцу дорогія!
И съ каждымъ днемъ счастливѣй я,
И пламеннѣй любовь моя!
  «Цвѣту душой!.. но вдалекѣ
Одно меня тревожитъ горе:
Есть бездна мрачная въ рѣкѣ,
Тамъ, гдѣ она впадаетъ въ море!..
И какъ мнѣ жизнью ни играть,—
Но бездны той не миновать!»...
  И слышенъ былъ страдальца стонъ:
«Какъ мнѣ ужасно плыть рѣкою!...
На берегахъ со всѣхъ сторонъ
Угрюмый боръ передо мною,
И солнце въ тучахъ тмится днемъ,
А ночью мгла и страхъ кругомъ.
  «И тяжко мнѣ на свѣтѣ жить,
Гдѣ облилося сердце кровью,
Гдѣ бѣдный я, стремясь любить,
Обманутъ дружбой и любовью,
Гдѣ навсегда убитъ грозой
Моихъ надеждъ любимый рой.
  «И преданъ я навѣкъ тоскѣ!...
Лишь мнѣ одно отрадно въ горѣ:
Есть бездна мрачная въ рѣкѣ,

Тамъ, гдѣ она впадаетъ въ море!...
Не страшно мнѣ о томъ мечтать,
Что бездны намъ не миновать!»
  И челноки въ далекій край
Рѣки стремленье направляетъ,—
И вдругъ, какъ будто невзначай,
Ихъ бездна мрачная встрѣчаетъ;
Шумитъ, реветъ, кипитъ рѣка...
Пропали оба челнока.
  И свѣтъ давно забылъ пловцовъ;
Но вѣсть надеждой озарила,
Что бездна робкихъ челноковъ
Во тьмѣ своей не погубила,
И что таинственнымъ путемъ
Они въ томъ морѣ голубомъ,
  Гдѣ насъ ужъ буря не страшитъ,
Гдѣ нѣгу льетъ эѳиръ душистой,
И сводъ безоблачный горитъ
Сіяньемъ радуги огнистой;
Гдѣ все блеститъ въ красѣ младой,
Все дышитъ радостью святой.
  И та, чью жизнь лелѣялъ свѣтъ,
Счастливѣй думою сердечной,
Что тамъ уже разлуки нѣтъ,
Что жаръ любви пылаетъ вѣчно,
Что бережетъ надежный токъ
Ея плѣнительный челнокъ.
  И, сбросивъ мракъ тоски своей,
Узналъ страдалецъ жизни радость;
Онъ памятью печальныхъ дней
Тѣснѣе обнимаетъ радость;
Цвѣтетъ, отрадою дыша,
Его безсмертная душа.

~~~~~~~~~

ПѢСНЯ.

Солнце красное, о прекрасное,
  Что ты тратишь блескъ въ глубинѣ лѣсовъ?
Мѣсяцъ, думъ святыхъ полунощный другъ,
Что играешь ты надъ пучиною?
Ахъ! ужъ нѣтъ того, чѣмъ душа цвѣла,
Миновало все—все тоска взяла!
~~~~~~~~~

Вѣтры буйные—морю синему,
Росы свѣжія—полевымъ цвѣтамъ,
Горе тайное—сердцу бѣдному!
Пѣсни слышу я удалыхъ жнецовъ,
Невеселыя, заунывныя;
Пляски вижу я молодыхъ красотъ,—
Со слезой въ очахъ улыбаются.
И у всѣхъ у насъ что-то духъ крушитъ,
И тоска свинцомъ на сердцахъ лежитъ.
Вѣтры буйные—морю синему,
Росы свѣжія—полевымъ цвѣтамъ,
Горе тайное—сердцу бѣдному!
Загорѣлась вдругъ въ небѣ звѣздочка,—
Тихо вѣетъ намъ вѣсть родимая
Вотъ въ той звѣздочкѣ—радость свѣтлая:
Неизвѣстное тамъ узнается;
Но святой красы въ небесахъ полна,—
Между волнъ во тьмѣ здѣсь дрожитъ она.
Вѣтры буйные—морю синему,
Росы свѣжія—полевымъ цвѣтамъ,
Горе тайное—сердцу бѣдному!

ГРАФИНѢ ФИКЕЛЬМОНЪ.

Что я во цвѣтѣ юныхъ дней
Былъ навсегда убитъ страданьемъ,—
Въ томъ дива нѣтъ: огонь страстей
Своимъ губительнымъ дыханьемъ
Меня крушилъ, меня онъ жегъ
Въ мечтахъ, въ тоскѣ, въ пылу тревогъ.
Что я въ борьбѣ съ моей душою
Внезапно схваченъ былъ грозою;
Что опаленъ надежды цвѣтъ,
Истлѣла жизнь,—въ томъ дива нѣтъ:
Но ты, прекрасная, чья младость
Цвѣла невинности полна,
Кто взору и сердцамъ на радость
Улыбкою небесъ дана,—
О милый другъ! какой судьбою
Страданье встрѣтилось съ тобою
И муки бренныя земли
Съ эѳирнымъ ангеломъ любви?

Иль ждетъ насъ всѣхъ печаль и горе,
Какъ ждетъ пловца вѣтръ буйный въ морѣ?
Ужели та должна страдать,
Въ чьемъ сердцѣ дышитъ благодать?
Но не страшись: опять день ясной
Проглянетъ послѣ тьмы ненастной!
Ахъ, объ тебѣ и день, и ночь
Въ молитвѣ мужъ, и мать, и дочь!
Твое пролетное мученье
Не есть бѣда, но искушенье!
И мракъ, летящій надъ тобой,
Намъ вѣетъ тайною святой.
Тебя лелѣетъ Искупитель!—
Томленье мукъ пройдетъ какъ сонъ,
Твоя душа—Его обитель,
Вездѣ, всегда съ тобою Онъ!

СТИХИ
ДЛЯ КОНЦЕРТА.

СИРОТКА.

Я слышу, сиротамъ
Внезапно вѣетъ благость,
Что легче будетъ намъ
Печальной жизни тягость.
Ужъ данъ пріютъ,—но я
Бѣжать туда не смѣю:
Мой путь страшитъ меня,
Идти одна робѣю.

АНГЕЛЪ.

Не бойся, я съ тобой,
Невинныхъ я хранитель,
И благости святой
Извѣстна мнѣ обитель;
Отрада въ томъ моя,
Что всѣхъ отъ бѣдъ спасаю
И вотъ слѣпого я
Путь мрачный услаждаю.

СЛѢПЕЦЪ.

О вѣрь, малютка! мнѣ
Вожатый онъ чудесной,
Въ земномъ тревожномъ снѣ
Блестя мечтой небесной.
Святую тайну знай:
Не даромъ сердце стонетъ;
Молись и уповай,—
Челнокъ твой не потонетъ.

ВСѢ ТРОЕ ВМѢСТѢ.

Какъ сладостно любить
Тебя, о Провидѣнье!
Въ Тебѣ себя забыть,
Душой обнять терпѣнье!
О дай же намъ, Творецъ,
Въ счастливой, тяжкой долѣ
Направить пылъ сердецъ
Къ Твоей священной волѣ!

ВОЗДУШНАЯ ПѢСНЯ.

Богъ неба—Богъ земли:
Среди высотъ надзвѣздныхъ
Хранитъ въ Своей любви
Печальныхъ, безнадежныхъ!
Онъ къ нимъ стремитъ Свой взоръ;
Ихъ не глушатъ моленья
Ни сферъ небесныхъ хоръ,
Ни Серафимовъ пѣнье.

ПЕРВОЕ СВИДАНІЕ.

(Графинѣ М. А. Потоцкой).

Ты вдругъ блеснула мнѣ звѣздой,
Ко мнѣ влетѣла вдохновеньемъ,
Плѣнила пламенной душой,
Зажгла мнѣ сердце сладкимъ пѣньемъ;
Сказала мнѣ, что будешь ты
Мнѣ другомъ вѣрнымъ, другомъ милымъ,—
И тихо свѣтлыя мечты
Ужъ вѣютъ надъ пѣвцомъ унылымъ.
Привѣтъ надеждъ въ твоихъ рѣчахъ;
Исчезнетъ въ радужныхъ струяхъ

Томленье мрачнаго тумана,—
Въ душевныхъ звукахъ нѣтъ обмана!
О! мнѣ извѣстно: небеса
Любовью дышатъ надъ тобою,
Взлелѣяна твоя краса
Весельемъ, нѣгой золотою;
Что прелесть розъ и блескъ лилей—
Подруги младости твоей;
Что ты, блаженства зная сладость,
Всегда, вездѣ встрѣчаешь радость.
Но къ чувствамъ бѣдъ душой близка,
Сердечною святою думой
Ты заглянула въ боръ угрюмой,
Гдѣ бродятъ горе и тоска.
Недавній другъ, но сердцу милой!
Отрада есть въ печальной мглѣ,
И есть двѣ тайны, коихъ силой
Цвѣтетъ страданье на землѣ,
Обнявъ душою упованье.
Одна изъ нихъ—въ любви святой:
Любить, чѣмъ милъ намъ міръ земной,
Для сердца райское мечтанье.
Другая тайна гонитъ страхъ:
Терпѣнье—благодать въ бѣдахъ;
Она смѣняетъ въ жизни новой
Вѣнкомъ изъ розъ вѣнецъ терновой;
Свѣтла нетлѣнною красой,
Небесный вѣстникъ, ангелъ нѣжный,—
Утѣшенъ ею духъ мятежный;
И ангелъ мнѣ—предсталъ тобой.

КЪ ЛЕОПОЛЬДУ МЕЙЕРУ.

Когда задумалъ, другъ мой милый,
Съ заботой нѣжною, живой
Развеселить мой духъ унылый
Твоей волшебною игрой;
И ты внезапнымъ вдохновеньемъ
Въ фантазьяхъ дивныхъ запылалъ,
И романтизма упоеньемъ
Тревожилъ сердце и плѣнялъ,—
Казалось мнѣ, что слышу пѣнье

Небесныхъ дѣвъ—эдемскихъ розъ,
Иль моря бурнаго волненье
И трескъ и свистъ шумящихъ грозъ.
То сердца облитаго кровью
Ко мнѣ носился томный звукъ,
То—услажденнаго любовью,
Безъ памяти минувшихъ мукъ.
О! ты чудесною игрою
Умѣлъ меня очаровать,
Ты овладѣлъ моей душою:
Нельзя ей радость забывать.
И, вдаль стремленьемъ чувствъ летая,
Твоей игрой утѣшусь я.
Такъ въ зимній мракъ, весну мечтая,
Намъ мнится: слышимъ соловья.

ДОЧЕРИ ГРАФИНИ ФИКЕЛЬМОНЪ.

Цвѣти, лилея молодая,
И прелесть будь родной земли,
Сіяй, невинностью плѣняя,
Звѣздой надежды и любви.
О! будь твоя святая младость
Семьи благословенной радость;
Обворожай у всѣхъ сердца,
Блистая чистотой небесной.
Но не забудь того пѣвца,
Чей пылкій духъ въ тиши безвѣстной,
Чья пѣснь и днемъ, и въ тьмѣ ночной
Летаетъ пламенной мольбою:
Чтобъ ты была красой-душою
Подобна матери твоей!
О! знаю я: для душъ высокихъ
Отрада есть добро творить
И въ чувствахъ нѣжныхъ и глубокихъ
Блаженство жизни находить.
Но быть печальныхъ упованье,
Не измѣняясь никогда;
Сіять на мрачное страданье,
Какъ беззакатная звѣзда;
Сживаться съ ними въ тяжкой долѣ,
Ихъ услаждать день каждый болѣ,

Лелѣять скорбь, и не устать
Какъ божество лить благодать;
Всегда быть набожно готовой
Имъ облегчить вѣнецъ терновой, —
Вотъ сердце той... Но, какъ она,
Ты чувствъ святыхъ уже полна!
Когда ты въ нашъ пріютъ унылый
Слетишь ко мнѣ, какъ ангелъ милый,
То дѣтскою рукой сильнѣй
Отъ сердца руку мнѣ сжимаешь,
И робкій голосъ твой нѣжнѣй,
Когда страдальца ты ласкаешь.
О! будь, любимое дитя,
Твоя благословенна младость:
И будь, невинностью цвѣтя,
Роднымъ, друзьямъ, чужимъ на радость!
Да сбудется любви моей
Молитва вѣчная съ тобою,
И будешь ты красой-душою
Подобна матери твоей!

ЭЛЕГІЯ.

Зачѣмъ весенній вѣтерокъ
Такъ надо мной любовно вѣетъ,
Шумитъ игривый ручеекъ,
И роза нѣжная алѣетъ?
Душа тревогамъ предана,—
Не уловить мнѣ наслажденья:
Въ чаду томительнаго сна
Мнѣ радость—будетъ искушенье!
Смотрѣть, въ удѣлѣ роковомъ,
На міръ, красой одушевленный,
И знать, что я ужъ въ мірѣ томъ
Жилецъ напрасный и забвенный—
О нѣтъ! безъ вѣры, въ тьмѣ страстей,
Душа невольно бы молила,
Чтобъ разступилася скорѣй
Моя холодная могила!
Едва лишь оживленъ мечтой—
Существенность мертвитъ бѣдами;
Хочу-ли пѣть—но голосъ мой
Внезапно подавленъ слезами.

И жизнь, стирающая тѣнь,
Вездѣ, во всемъ страшнѣй, страшнѣе;
Какъ черенъ былъ вчерашній день!..
Проснулся—день еще чернѣе!
Но вдругъ изъ тучъ мнѣ блещетъ свѣтъ,
Душѣ какой-то слышенъ голосъ;
Онъ въ тѣ минуты мнѣ привѣтъ,
Когда отъ страха дыбомъ волосъ!
И мнится: то небесный звукъ,
И на устахъ замретъ роптанье,
И мило мнѣ томленье мукъ,—
Въ нихъ есть свое очарованье!
О, сердца пылкаго любовь!
Отрада ты моя святая!..
И еслибъ жизнь я началъ вновь,
То снова, крестъ мой обнимая,
Благословясь пошелъ бы я,
Не устрашенъ былой тревогой,
Долиной той, и той дорогой,
Гдѣ горе встрѣтило меня!

СЕЛЬСКАЯ ЭЛЕГІЯ.

(Изъ Мильвуа).

Въ тиши села уединенной
Младой страдалецъ грустно жилъ,
И, долгой мукой утомленный,
Онъ добрымъ людямъ говорилъ:
Ужъ въ церковь нашего селенья
Васъ призываютъ на моленья,
Въ вечерній колоколъ звоня;
Молитесь Богу за меня.
Когда-жъ дубрава обнажится,
Туманы лягутъ надъ водой,
Тогда скажите: не томится
Теперь страдалецъ молодой.—
Но вы меня не забывайте,
Въ унылыхъ пѣсняхъ поминайте,
И, слыша звонъ съ кончиной дня,
Молитесь Богу за меня.
Предъ хитрой, злобной клеветою
Я дамъ всю жизнь мою въ отвѣтъ,
И съ непорочною душою

Безъ страха я покину свѣтъ.
Не дологъ былъ мой путь унылой,—
Въ моей веснѣ ужъ надъ могилой
Стою въ слезахъ; къ ней путь склоня,
Молитесь Богу за меня.
Мой милый другъ, мой другъ прекрасной!
Я думалъ долго жить съ тобой;
Но, жертвою мечты напрасной,
Мой вѣкъ минутой былъ одной.
О! сердца нѣжнаго тревогу
Простите ей: молитесь Богу,
Услыша звонъ подъ вечеръ дня,
И за нее, и за меня.

ФАННИ.

ИДИЛЛІЯ.

(Изъ Андрея Шенье).

Стремятся не ко мнѣ съ любовью и хвалами,
И много отъ сестры отстала я годами.
Душистый-ли цвѣтокъ мнѣ юноша даритъ,
Онъ мнѣ его даетъ, а на сестру глядитъ;
Любуется-ль моей младенческой красою,
Всегда примолвитъ онъ: какъ сходна я съ сестрою.
Увы! двѣнадцать разъ лишь мнѣ весна цвѣла;
Мнѣ въ пѣсняхъ не поютъ, что я сердцамъ мила,
Что я плѣненныхъ мной измѣной убиваю.
Но что же, подождемъ,—мою красу я знаю;
Я знаю, у меня есть, въ блескѣ молодомъ,
И алыя уста съ ихъ ровнымъ жемчугомъ,
И розы на щекахъ, и кудри золотыя,
Рѣсницы черныя, и очи голубыя...

ВИТЯЗЬ.

Скажи мнѣ, витязь, что твой ликъ
Весною дней темнѣе ночи?
Ты внѣ себя, главой поникъ,
Твои тревожно блещутъ очи,
Твой пылкій духъ мрачитъ тоска.
Откуда ты?—«Издалека».
О, вижу я, младая кровь
Кипитъ, волнуема отравой;

Крушитъ-ли тайная любовь?
Вражда-ль измѣною лукавой?
Черна бѣдами жизнь твоя?
Кто твой злодѣй?—«Злодѣй мой я».
  И дико витязь кинулъ взоръ
На тьмой покрытую долину;
Мятежной совѣсти укоръ
Стѣснялъ души его кручину;
Онъ изумлялся; мнилось, онъ
Какой-то видитъ грозный сонъ.
  И вдругъ онъ молвилъ: «Въ небесахъ
Страшнѣе волнъ клубятся тучи,
И съ мертвецами въ облакахъ
Ужасно воетъ вихрь летучій;
Какъ сердце съ язвою любви—
Взгляни—межъ нихъ луна въ крови!
  «И буря носитъ дальній звонъ.
И вѣетъ мнѣ напѣвъ унылой
Изъ-подъ земли: подземный стонъ,
Увы, не заглушенъ могилой!
И тѣнь ея во тьмѣ ночной
Летитъ подъ бѣлой пеленой.
  «О Вамба! ты была моей,
Цвѣла въ любви, краса младая;
Но буйный пылъ, но ядъ страстей,
Но жизни тайна роковая,
Ревнивый мой, безумный жаръ—
Свершили пагубный ударъ.
  «И съ ней не разлучаюсь я.
Недавно мчался я горою,
Гдѣ замокъ, колыбель моя,
Въ бору, съ зубчатою стѣною...
Онъ освѣщенъ, она въ окнѣ,
Она рукой манила мнѣ.
  «Вчера я, грѣшный, въ Божій храмъ
Вошелъ, ищу въ тоскѣ отрады,
И близъ иконы вижу тамъ
При тускломъ заревѣ лампады:
Она, колѣна преклоня,
Стоитъ и молитъ за меня.
  «Горитъ война въ святыхъ мѣстахъ:
Хочу не славы—покаянья!
Я съ ней въ нетлѣнныхъ небесахъ

Хочу послѣдняго свиданья.
Она проститъ»... И свой кинжалъ
Къ устамъ онъ въ бѣшенствѣ прижалъ.
  Онъ шлемъ надѣлъ, схватилъ онъ щитъ,
На борзаго коня садится,
И конь подъ всадникомъ кипитъ,
И вдаль на бой кровавый мчится;
Но съ боя изъ земли святой
Не возвратился въ край родной.

СТИХИ АНДРЕЯ ШЕНЬЕ.

НА ПРЕБЫВАНІЕ ЕГО ВЪ АНГЛІИ.

(Вольное подражаніе).

Простясь съ родными и друзьями,
  Лишенъ всего, что мило мнѣ,
Живу я, брошенный волнами,
Въ туманной дикой сторонѣ.
Одинъ, тоскою здѣсь томимый,
Сижу у мрачнаго огня,—
И память родины любимой
Въ умѣ и сердцѣ у меня;
Ее я въ думахъ обнимаю,
Стремлюсь туда перелетѣть,
Минуты горестно считаю,
Давно хотѣлъ бы умереть.
И что-жъ? въ удѣлѣ мнѣ враждебномъ
Здѣсь нѣтъ со мною никого,
Кто-бъ, на лицѣ замѣтя блѣдномъ
Тревогу сердца моего
И слезы, — самъ моей тоскою
Душевно тронутый, сказалъ:
«Что, другъ мой милой, что съ тобою?»
И руку мнѣ привѣтно сжалъ.

ПЛОВЕЦЪ.

Въ груди моей стѣсняя горе,
  Разбитый бурею пловецъ,
На синее смотрю я море,
Какъ бы на жизнь смотрѣлъ мертвецъ;

Но поневолѣ, думы полный,
Скорбѣлъ предъ страшною грозой,
Когда мой челнъ губили волны,—
Манимый яркою звѣздой.
Увы! не мой одинъ волнами
Челнокъ надежды погубленъ,
И въ даль невѣрную звѣздами
Не я одинъ былъ увлеченъ.
И кто тревогой не смущался,
Желанной цѣли достигалъ,
Съ мечтой любимой не прощался,
Кто слезъ долину миновалъ?
Когда бы ты изъ волнъ сердитыхъ,
О море! выкинуть могло
Все то, что въ корабляхъ разбитыхъ
Высокихъ думъ и чувствъ легло;
Когда-бъ изъ бездны кто явился,
Погибшихъ повѣсть разсказалъ,—
То міръ бы можетъ изумился,
О чемъ, кого и что не зналъ.
Какъ много къ участи мятежной,
Бывъ жертвой неизбѣжныхъ бѣдъ,
Тоской увяли безнадежной
И ужъ давно пропалъ ихъ слѣдъ!
О много, много перлъ огнистыхъ
На днѣ морскомъ погребено,
И много вѣяній душистыхъ
Въ эѳирной тьмѣ утаено!
И сколько свѣтлыхъ упованій
Развѣянныхъ налетомъ грозъ,
И сердца радостныхъ мечтаній
Изсохшихъ отъ горючихъ слезъ!
И тайны чуднаго условья
Межъ думъ небесныхъ и страстей—
Одно лишь знаетъ изголовье
И мракъ томительныхъ ночей.

НЕВѢСТА.

ЭЛЕГІЯ.

(Вольное подражаніе Андрею Шенье).

О, что сбылось съ тобой, невѣста молодая?
Увы! погибла ты, о радости мечтая!

Она уже въ тотъ край несется кораблемъ,
Гдѣ ждетъ ее любовь съ цвѣтущимъ женихомъ;
Гдѣ, пѣсенъ свадебныхъ вдали услыша хоры,
Онъ встрѣтилъ бы ея плѣнительные взоры.
Заботливой рукой подъ ключъ положено
Въ узорныхъ кружевахъ ночное полотно,
И дивный ароматъ для локоновъ небрежныхъ,
И радужный жемчугъ для персей бѣлоснѣжныхъ.
Въ раздумьи сладостномъ и нѣгой смущена,
Прелестная стоитъ на палубѣ одна,
Плѣняясь яркихъ волнъ блестящей синевою
И полуночныхъ звѣздъ таинственной красою:
Но вихрь вдругъ налетѣлъ, завился въ пеленахъ,
Схватилъ ее, помчалъ,—она уже въ волнахъ!
Она уже въ волнахъ, невѣста молодая!
И надъ прекрасною шумитъ волна морская!
Одинъ лишь тихій стонъ былъ вѣстью роковой
О жалкой участи любви ея земной;
И волны подняли, клубяся, вой унылой
Надъ раннею ея холодною могилой.
Увы! желанныхъ дней прекрасной не видать!
Невѣста!.. жениху тебя ужъ не встрѣчать!
Утратилъ онъ съ тобой любви своей надежду.
Не наряжалася ты въ брачную одежду,
Не билась грудь твоя подъ свѣтлымъ жемчугомъ,
И—не украсила ты локоны вѣнцомъ.

ТРЕВОЖНОЕ РАЗДУМЬЕ.

Море синее, море бурное,
Вѣтеръ воющій, необузданный,
Ты, звѣзда моя, полуночная,—
Ахъ, отдайте мнѣ друга милаго!
Гдѣ онъ? гдѣ? скажи мнѣ, море;
Чѣмъ въ далекой сторонѣ
Онъ свое лелѣетъ горе?
Все ли помнитъ обо мнѣ?
Днемъ меня ли ищутъ очи,
Я-ль одна въ его мечтахъ,
И меня-ль во мракѣ ночи
Видитъ онъ въ тревожныхъ снахъ?
Ты всегда вездѣ летая,
Вѣтеръ, вѣтеръ, знаешь все:

Заставалъ ли, что, вздыхая,
Шепчетъ имя онъ мое?
Какъ, въ раздумьи и печальный,
Жадный взоръ стремитъ къ волнамъ,
И мой локонъ, даръ прощальный,
Жметъ къ пылающимъ устамъ?
Свѣтлый другъ тоски мятежной,
Полуночная звѣзда!
Будь вожатою надежной,
Нашей радостью всегда;
Ты предъ нимъ святой красою
Знакомъ будь любви моей...
Если-жъ онъ плѣненъ другою,
О, звѣзда! затмись скорѣй!
Скоро годъ уже промчится,
Какъ со мной разстался онъ,
А въ разлукѣ часто снится
Поневолѣ страшный сонъ.
Духъ сомнѣнье сокрушило:
Мнѣ-ль измѣну пережить?—
Лучше то, что сердцу мило,
Потерять, а не дѣлить.
Но я вѣрю, я мечтаю,
Что я съ нимъ соединюсь,
Думъ волненья я стѣсняю,—
Я измѣны не боюсь;
Чуть коснется страхъ случайной —
Я маню надежду вновь...
Есть у сердца вѣстникъ тайной:
Не обманетъ онъ любовь.
Море синее, море бурное,
Вѣтеръ воющій, необузданный,
Ты, звѣзда моя, полуночная,
Ахъ, отдайте мнѣ друга милаго!

ВСТРѢЧА.

БАЛЛАДА.

«Ты знаешь надъ Днѣпромъ-рѣкой
Утесъ, гдѣ вся въ цвѣтахъ
Икона Дѣвы Пресвятой
Отъ сердца гонитъ страхъ?»

— Видалъ я надъ рѣкой Днѣпромъ
Тотъ сумрачный утесъ,
И Мать Спасителя на немъ
Въ вѣнкѣ изъ бѣлыхъ розъ. —
«Скажи скорѣй, видалъ ли ты,
Какъ раннею зарей
Людмила, ангелъ красоты,
Туда идетъ съ тоской?
«Видалъ ли ты,—когда луна
Сребритъ лазурный сводъ,
Какъ предъ иконою она
О другѣ слезы льетъ?
«И какъ огонь любви младой
Въ очахъ ея горитъ?—
О, скоро-ль насъ вѣнецъ святой
Навѣкъ соединитъ!»
— Въ полночный часъ вчера Днѣпромъ
Къ утесу путь стремя,
Могилу свѣжую съ крестомъ
Одну лишь видѣлъ я.—

НОЧЬ.

ЭЛЕГІЯ.

Корабль нашъ разсѣкалъ стекло морскихъ равнинъ,
И сѣялъ искрами бездонный мракъ пучинъ.
Ужъ мѣсяцъ пламенѣлъ, вздымался паръ душистой,
И снопъ серебряный дрожалъ въ лазури чистой
Дремотныхъ волнъ, и звѣздъ лелѣяла краса
И волны, и эѳиръ, и мракъ, и небеса.
На палубѣ сидѣлъ, накинувъ плащъ широкій,
Влюбленный юноша, красивый, черноокій;
Онъ думой тайною въ родимый край леталъ,
Гдѣ бракъ съ прекрасною счастливца ожидалъ.
Гитары трепетной со звонкими струнами
Сливалъ онъ пѣснь любви надъ тихими волнами;
Онъ пѣлъ, воспламененъ дѣвичьей красотой,
И встрѣчу первую съ невѣстой молодой,
И взгляды робкіе, и лепетъ торопливый,
И буйный пламень свой, и жаръ ея стыдливый,
И грудь лилейную, и шелкъ ея кудрей,
И алыя уста, и томный блескъ очей.

Онъ пѣлъ, — и сердце въ немъ отъ нѣги замирало,
Одной невѣстою, одною лишь дышало.
И мнилось,—для нея, для ихъ святой любви
Часы полночные такъ сладостно текли,
Для нихъ вкругъ корабля вздымался паръ душистой,
И снопъ серебряной дрожалъ въ лазури чистой
Дремотныхъ волнъ, и звѣздъ лелѣяла краса
И волны, и эѳиръ, и мракъ, и небеса.

ТАЙНА.

Въ лѣсу прибитъ на дубѣ вѣковомъ
Булатный щитъ, свидѣтель грозныхъ сѣчъ;
На томъ щитѣ видна звѣзда съ крестомъ,
А близъ щита сверкаетъ острый мечъ.
И свѣжую могилу осѣняетъ
Тѣнистый дубъ, и тайны роковой
Ужасенъ мракъ: никто, никто не знаетъ,
Кто погребенъ въ лѣсу во тьмѣ ночной.
Промчался день, опять порой урочной
Ночь темная дубраву облегла;
Безмолвно все, и мѣдь ужъ часъ полночной
На башнѣ бьетъ сосѣдняго села.
И никогда страшнѣе не темнѣла
Осення ночь: она сырою мглой
Дремучій лѣсъ, рѣку и холмъ одѣла—
Вездѣ покровъ чернѣетъ гробовой.
Но межъ деревъ багровый блескъ мелькаетъ,
И хрупкій листъ шумитъ не вдалекѣ,
И факелъ дубъ вблизи ужъ озаряетъ:
Его чернецъ въ дрожащей несъ рукѣ.
Къ могилѣ шелъ отшельникъ престарѣлый.
И вмѣстѣ съ нимъ безвѣстно кто, въ слезахъ,
Идетъ, блѣднѣй своей одежды бѣлой;
Печаль любви горитъ въ ея очахъ.
И пѣлъ чернецъ по мертвомъ панихиду.
Но кто онъ былъ,—чернецъ не поминалъ;
Отпѣлъ, вдали сокрылся онъ изъ виду,
Но факелъ все въ тѣни густой мерцалъ.
На свѣжій дернъ прекрасная упала
И, бѣлую откинувъ пелену,
Потоки слезъ по мертвомъ проливала.
Могильную тревожа тишину;

Отчаянная, очи голубыя
На щитъ она внезапно подняла,
И, локоны отрѣзавъ золотые,
Кровавый мечъ ихъ шелкомъ обвила;
Безумья ядъ зажегся въ мутномъ взорѣ,
Сердечный вопль нѣмѣетъ на устахъ.
Она ушла, и лишь въ дремучемъ борѣ
Таинственный одинъ остался страхъ;
И межъ деревъ ужъ факелъ не мерцаетъ,
Не шепчетъ листъ, и таіны роковой
Ужасенъ мракъ: никто, никто не знаетъ,
Кто погребенъ въ лѣсу при тьмѣ ночной.

ВОЗВРАЩЕНІЕ КРЕСТОНОСЦА.

БЫЛЬ. *)

Посвящается Шатобріану.

Младой Готфридъ Шатобріанъ
Жилъ въ замкѣ надъ рѣкою
Межъ горъ и добрыхъ поселянъ
Съ прелестною женою.
Ихъ ночь тиха, ихъ ясенъ день,
Въ ихъ сердцѣ дышетъ радость,
Бѣжитъ отъ нихъ печали тѣнь,
Въ любви цвѣтетъ ихъ младость.
Вдругъ раздался священный зовъ,—
И звукъ тревоги бранной
Влечетъ туда, гдѣ гробъ Христовъ
Въ землѣ обѣтованной.
Богатый, бѣдный, старъ, и младъ—
Всѣ строятся въ дружины,
Не страшенъ имъ ни зной, ни хладъ,
Ни степи, ни пучины.

---

*) «Un siècle après sa fondation, le Monastère de Melleray se faisait encor remarquer par sa pauvreté. En 1262, Geoffroy de Chataubriant, ce seigneur dont l'épouse expira de joie de le revoir, après une absence de plusieurs années, assigna par son testament 24 livres de rentes à ce couvent. Chataubriant avait sans doute suivi Saint-Louis à la Croisade, en 1248.

И витязь смотритъ на коня.
«О, милый край отчизны,
Пріютъ домашняго огня
И нѣги мирной жизни!
«Проститься съ вами долженъ я.
А ты, мой другъ прелестной,
Не унывай, и за меня
Молись въ тиши безвѣстной!»
И взялъ онъ мечъ и крестъ святой,
И собралъ онъ дружину,
Простился съ милою женой,
Готовый въ Палестину.
Помчался онъ,—но все глядитъ
На замокъ свой родимый,
И слезы на желѣзный щитъ
Ронялъ, тоской крушимый.
Въ далекій край онъ долетѣлъ,
Гдѣ бой кипитъ кровавой,
И въ блескѣ тамъ отважныхъ дѣлъ
Покрылся новой славой.
Межъ тѣмъ, печальна и мрачна,
Жена его младая
Живетъ, слезамъ обречена,
О витязѣ мечтая.
И память съ нимъ веселыхъ дней
Слилась съ душевной мукой,
И, мнится, витязь сталъ милѣй
Несносною разлукой.
Тепла въ ней вѣра, но крушитъ
Жестокихъ битвъ тревога:
«Нѣтъ, онъ не раненъ, не убитъ,
Мой милый, ратникъ Бога.»
О, какъ любовь младую грудь
Томитъ мечтой своею!
И какъ вздохнуть, куда взглянуть,
Чтобъ не былъ онъ предъ нею!
Несется-ль свѣжій вѣтерокъ,
И солнце догораетъ,—
На пасмурный она востокъ
Взоръ томный устремляетъ;
Взойдутъ ли звѣзды и луна
Надъ сонными волнами,—
О немъ бесѣдуетъ она

Съ луною и звѣздами.
Страшитъ ее въ тиши ночей
Между гробницъ завѣтныхъ
Видъ фантастическихъ тѣней
При стеклахъ разноцвѣтныхъ.
Объ немъ тамъ молится она,
И мнитъ, какой-то силой
Невольно въ тайнѣ смущена,
Что видитъ образъ милый,
Что онъ мелькнулъ, и вдругъ исчезъ
Межъ дымными столбами,
Какъ на лазурной тьмѣ небесъ
Звѣзда межъ облаками.
Но время вѣчною стрѣлой
Летитъ, летитъ; дружины
Идутъ, одна вслѣдъ за другой,
Назадъ изъ Палестины.
И у прекрасной день и ночь
Надеждой сердце бьется;
Но какъ сомнѣнье превозмочь!—
Все ждетъ и не дождется.
Однажды вечеръ пламенѣлъ,
И горемъ духъ стѣснялся:
Ей никогда ея удѣлъ
Мрачнѣе не казался.
Волнуясь вѣщею тоской
И страшными мечтами,
Къ иконѣ Дѣвы Пресвятой
Идетъ она съ слезами.
И вдругъ знакомый рогъ трубитъ,
И мостъ упалъ подъемной,
И внѣ себя она бѣжитъ,
Стремясь къ аллеѣ темной,
Гдѣ витязь шлемъ булатный свой,
Соскочивъ съ коня, бросаетъ,
А пажъ — наѣздникъ молодой
Съ сѣдла копье снимаетъ.
Не вѣритъ взору своему,
Летитъ, — и мужъ предъ нею,
И кинулась она къ нему
Безъ памяти на шею.
И витязь страстно обнималъ
Жену свою младую;

Счастливецъ! онъ благословлялъ
Любовь ея святую.
Уста дрожали на устахъ,
Объ сердце сердце билось;
Вдругъ — чудный блескъ въ ея очахъ,
Дыханье прекратилось.
Въ груди стѣсненной жизни нѣтъ:
Творецъ! убила радость
Все то, чѣмъ милъ намъ Божій свѣтъ —
Любовь, красу и младость!
И страшенъ, какъ жилецъ могилъ,
Былъ витязь овдовѣлый, —
И мѣсяцъ трепетно свѣтилъ
На ликъ оцѣпенѣлый.
Сраженъ таинственной судьбой,
Отъ всѣхъ несчастный скрылся,
Съ житейскимъ моремъ и съ земной
Надеждой онъ простился.
Обитель иноковъ стоитъ
Близъ замка; тамъ въ молитвахъ,
Въ постѣ, въ слезахъ онъ жизнь таитъ,
Прославленную въ битвахъ.
Но часъ насталъ — и съ нею вновь
Забылъ онъ сердца муки
Въ томъ свѣтломъ мірѣ, гдѣ любовь
Не знаетъ ужъ разлуки.

БРЕНДА.

Въ странѣ, гдѣ мрачные туманы
Дымятся вкругъ высокихъ горъ;
Гдѣ скалы, озера, курганы
Дивятъ и увлекаютъ взоръ;
Гдѣ, стѣны замковъ обтекая,
Шумитъ, ревётъ волна морская
И хлещетъ пѣною своей
Подъ башнями монастырей, —
Тамъ между скалъ, укрытъ лѣсами,
Таится дерзостный народъ,
Кипитъ онъ буйными страстями,
Какъ грозный токъ нагорныхъ водъ.
Но милы тамъ, прелестны дѣвы,
Какъ сладкіе любви напѣвы;

Ихъ нѣжный блескъ въ красѣ младой
Свѣжѣе розы полевой.
Ужъ былъ зажженъ порой ночною
Въ горахъ сторожевой огонь:
Тропинкой узкой и крутою
Стремится, скачетъ борзый конь.
Въ ущельяхъ звонкихъ раздается,
Какъ скачетъ конь,—но кто несется
При блѣдной, трепетной лунѣ,
Какъ вихрь, на ворономъ конѣ?
Черезъ ручьи, черезъ овраги
Онъ быстро гонитъ, онъ летитъ,
Онъ полонъ бѣшеной отваги,
Онъ чудной дерзостью страшитъ.
Или отъ гибели онъ мчится?
Иль самъ губить кого стремится?
Съ нимъ скачетъ смерть, за нимъ во слѣдъ
Несется ужасъ мрачныхъ бѣдъ.
Но что въ полночной тьмѣ мерцаетъ?
Клубится дымъ подъ небеса.—
Внезапно пламень озаряетъ
Утесы, замки и лѣса;
Сверкнувъ багровыми струями,
Онъ льетъ огонь межъ облаками
И вьется яркою змѣей
Сквозь дымъ широкой и густой.
Пожара призракъ неизбѣжный—
Заря кровавая легла;
Несется вопль и шумъ мятежный,
Звонятъ, гудятъ колокола;
Объемлетъ пламень истребитель
Святую инокинь обитель:
Ихъ церковь, кельи, все горитъ.
И крестъ въ дыму ужъ не блеститъ.
Увы! невольно покидая
Тотъ міръ, гдѣ прелестью цвѣла,
Навѣкъ тамъ Бренда молодая
Себя томленью обрекла;
Ужъ очи темно-голубыя
Не встрѣтятъ радости земныя,
И, русыхъ кудрей лишена,
Теперь подъ схимою она.
Была молва, что вождь народной

Младую Бренду полюбилъ,
И что онъ страстью непритворной
Ее прекрасную плѣнилъ;
Но сынъ тревогъ, въ немъ духъ кичливой
Страшилъ отца невѣсты милой;
Его огнемъ кипѣла кровь,
Была грозой его любовь.
И вдругъ межъ горными вождями
Возникла брань, и въ шумной бой
Отважно съ вѣрными друзьями
Помчался витязь удалой;
Но съ нимъ ужъ Брендѣ не вѣнчаться,
Ея удѣлъ—въ тиши спасаться:
Угрюмый, горестный отецъ
Расторгнулъ узы двухъ сердецъ.
Вкругъ башни и стѣны зубчатой
Струями пламень пробѣгалъ,
Сквозь зелень блескъ онъ красноватой
На скалы дикія бросалъ;
Волнуясь зарево пылало,
Въ потокахъ, въ озерѣ дрожало;
Чрезъ дымъ мелькая по горамъ,
Взвивались тѣни къ облакамъ.
И вотъ, тропинкою крутою
Онъ, призракъ тьмы, ѣздокъ ночной,
Не скачетъ, но летитъ стрѣлою,
И къ сердцу жадною рукой
Младую дѣву прижимаетъ;
Любовью буйный взоръ сверкаетъ...
О Бренда! Бренда! иль злодѣй
Святой невинности милѣй?
Погоня скачетъ; онъ, губитель,
Въ безумномъ бѣшенствѣ своемъ
Святую инокинь обитель
И кровью облилъ, и огнемъ.
Страшись! какъ туча громовая,
Летитъ погоня роковая,—
Неумолимою грозой
Гнѣвъ Божій грянетъ надъ тобой.
Близка погоня, и отъ мщенья,
Преступникъ, не ускачетъ онъ;
Почти настигли, нѣтъ спасенья!
Ужъ конь въ крови и утомленъ,—

И Бренда нѣжная, робѣя,
Приникнула къ груди злодѣя:
У ней и въ сердцѣ, и въ очахъ
Любовь, раскаянье и страхъ.
Но подлѣ, съ шумной быстротою
Стремясь съ горы, кипитъ потокъ;
Съ конемъ и съ Брендой молодою
Въ его гремучій бурный токъ
Ужъ онъ слетѣлъ, отваги полный:
Онъ переплыть мечтаетъ волны
И совершить опасный путь,—
Но можно-ль Небо обмануть?
И съ Брендой хочетъ онъ, безумный
Въ порывахъ буйнаго огня,
Нестися вплавь волною шумной;
Соскочивъ съ усталаго коня,
Онъ Бренду обхватилъ,—но сила
Надеждѣ пылкой измѣнила:
Онъ встрѣтилъ тайный страшный рокъ,
Ему могила—бурный токъ.
И дважды, Бренда, ты всплывала
Въ рукахъ съ блестящимъ тѣмъ крестомъ,
Съ которымъ ты, увы! стояла
Еще вчера предъ алтаремъ;
Въ минуту смерти неизбѣжной
Ты, снявъ его съ груди мятежной,
Прижала къ сердцу,—а Творецъ
Все видитъ въ глубинѣ сердецъ!
Есть слухъ: въ обители сгорѣлой
Бываетъ въ полночь чудный звонъ,
А на волнахъ—въ одеждѣ бѣлой
Мелькаетъ тѣнь и слышенъ стонъ;
И вдругъ—откуда ни возьмется,
Ѣздокъ ночной чрезъ токъ несется
При блѣдной, трепетной лунѣ,
Какъ вихрь, на ворономъ конѣ.

ЛЕГЕНДА.

Межъ Африканскихъ дикихъ горъ,
Надъ Средиземными волнами,
Святая обитель влечетъ къ себѣ взоръ
Въ лѣсу, съ блестящими крестами.

Въ ней иноки молятъ весь день и всю ночь,
Земная забота бѣжитъ отъ нихъ прочь:
Одно у нихъ въ думахъ, одно въ ихъ сердцахъ,—
Чтобъ далъ имъ Спаситель Свой миръ въ небесахъ!
Обители тихой игуменъ святой
Давно въ ней спасался, съ страстями въ борьбѣ;
Отшельниковъ прежнихъ онъ образъ живой,
Ко всѣмъ былъ радушенъ, но строгъ самъ къ себѣ.
И нищъ онъ былъ духомъ и чистъ сердцемъ былъ,
Любилъ страстно Бога и ближнихъ любилъ,
Творя въ умиленьи, подъ сѣнью креста,
И заповѣдь Божью, и волю Христа.
Одинъ инокъ бѣдный межъ иноковъ всѣхъ,
Божественной вѣрой сгарая,
Былъ всѣхъ ихъ моложе, усерднѣе всѣхъ:
Онъ жилъ, для себя умирая.
Зари лучъ огнистый едва заблеститъ,
А онъ ужъ въ пустыню молитвой летитъ,
И, въ Ѳивы стремяся въ порывѣ святомъ,—
Онъ Павелъ Ѳивейскій въ цвѣту молодомъ.
И слухъ объ обители всюду гремѣлъ,
И бѣдные братья смутились,—
Такъ былъ имъ по сердцу ихъ тихій удѣлъ,
Они въ немъ измѣны страшились.
Одинъ португалецъ весенней порой
Пріѣхалъ въ обитель съ прелестной женой.
О, можетъ лишь сердце одно обуздать—
Одно, что не наше,—Его благодать!
И только что инокъ Инесу узрѣлъ,
Въ немъ духъ взбунтовался и сердце кипитъ;
Ужъ думать святое онъ, грѣшникъ, не смѣлъ,
И пагубной страстью безумецъ горитъ;
Ее похищаетъ, въ Дамасскій предѣлъ
Съ собою увозитъ, гдѣ скрыться хотѣлъ;
И вѣру забылъ онъ и, въ пагубной тьмѣ,
Межъ турокъ живетъ онъ и ходитъ въ чалмѣ.
Семь лѣтъ миновало,—ужъ совѣсть не спитъ
Спѣшитъ онъ къ Евангельской сѣни,
Въ раскаяньи сердца къ игумну бѣжитъ
И палъ передъ нимъ на колѣни.
И тотъ отвѣчаетъ: «толь страшнымъ грѣхамъ
Простить не могу я; но плачь, молись самъ:
Какъ грѣхъ ни ужасенъ, но огнь роковой

Раскаянье тушитъ одною слезой!
«А я сберу братьевъ, и въ храмъ мы пойдемъ
Три дня и три ночи молиться;
Быть-можетъ, прощенье у Бога найдемъ—
Спасителя воля явится».
И молятся братья; ихъ слезы текли
За грѣшнаго брата въ святой ихъ любви.
Но ахъ! ни днемъ свѣтлымъ, ни въ мракѣ ночей
Христосъ не являетъ имъ воли Своей!
И братьевъ усталыхъ отецъ распустилъ,
И въ прахѣ одинъ предъ престоломъ
Онъ плакалъ, молился и въ грудь себѣ билъ,
Терзаясь грѣхомъ столь тяжелымъ.
«Прости, Милосердый Отецъ мой, прости!
Кто можетъ безгрѣшно крестъ тяжкій нести!
Да праведный гнѣвъ Твой падетъ на меня,
Да буду я жертвой,—одинъ, одинъ я!»
Едва онъ молитву въ слезахъ сотворилъ,
Чудесно престолъ озарился,
И волю святую Спаситель явилъ,—
Въ лучахъ Милосердый явился.
«О, старецъ! молитва святая твоя
Мнѣ въ сердце проникла, въ ней заповѣдь вся;
И ею подобенъ ты Мнѣ Самому,—
Лыбовью твоею прощаю ему!»

МОЛИТВА.

Прости мнѣ, Боже, прегрѣшенья,
И духъ мой томный обнови,
Дай мнѣ терпѣть мои мученья
Въ надеждѣ, вѣрѣ и любви.
Не страшны мнѣ мои страданья:
Они залогъ любви святой;
Но дай, чтобъ пламенной душой
Я могъ лить слезы покаянья.
Взгляни на сердца нищету,
Дай Магдалины жаръ священный,
Дай Іоанна чистоту;
Дай мнѣ донесть вѣнецъ мой тлѣнный,
Подъ игомъ тяжкаго креста,
Къ ногамъ Спасителя Христа.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ *).

НОЧЬ НА РѢКѢ.

(Изъ Ламартина).

(Посвящается А. И. Тургеневу).

And other day come back on me
With recollected music...
Lord Byron.

Носимы бурею — въ туманѣ край прибрежный—
Мы въ мрачность вѣчную стремимся навсегда,
И въ океанъ вѣковъ нашъ якорь ненадежный
Не бросимъ никогда!
Рѣка! и годъ одинъ успѣлъ лишь миноваться,
А та, съ которой я здѣсь сиживалъ вдвоемъ,
Ужъ болѣ не придетъ тобою любоваться
На берегу крутомъ.
Ты такъ же и тогда шумѣла подъ скалами,
Волнами грозными плескала въ берегъ сей,
И вѣтеръ бушевалъ, и брызги жемчугами
Летѣли прямо къ ней.
Припомни: разъ мы съ ней вечернею порою
Здѣсь плыли; смолкло все, и вѣтерокъ не дулъ,
Отъ веселъ лишь гребцовъ надъ звучною волною
Носился ровный гулъ.
Вдругъ голосъ ангельскій и берегъ, изумляя,
И волны сонныя заставилъ слухъ имѣть,
И милая моя, мнѣ руку пожимая,
Въ раздумьѣ стала пѣть:
«О время, не спѣши! летишь ты, и съ собою
Мчишь радость жизни сей;
Дай насладиться намъ минутной красотою
Любви прелестныхъ дней.
Несчастныхъ много здѣсь, склонись на ихъ моленья—
Для нихъ и пролетай,
Съ ихъ днями уноси сердецъ ихъ огорченья;
Счастливцевъ—забывай!
Но жалобамъ моимъ ты мчишься не внимая:
Летитъ стрѣлою день;
Помедлить ночь прошу,—денница-жъ золотая
Ночную гонитъ тѣнь.

*) Весь этотъ четвертый отдѣлъ посвященъ стихотвореніямъ, появляющимся въ первый разъ въ отдѣльномъ изданіи.

Ахъ! будемъ же любить: дни счастья скоротечны,
Какъ дымъ ихъ легкій слѣдъ!
Безъ пристани мы здѣсь, а время безконечно
Течетъ—и насъ ужъ нѣтъ...»
Минуты радости, гдѣ съ милою мечтою,
Какъ полная струя, намъ счастіе лилось,
Что мчитесь вы отъ насъ съ такой же быстротою,
Какъ дни тоски и слезъ?
И вотъ уже для насъ и слѣдъ ихъ исчезаетъ,
И нѣтъ ужъ ихъ совсѣмъ, и нѣтъ ихъ навсегда!
Ихъ время дастъ, возьметъ, но ахъ!—не возвращаетъ
Намъ больше никогда.
О, вѣчность страшная, о, таинство творенья!
Куда-жъ дѣваются минувши наши дни,
И душъ святой восторгъ, и сердца упоенья? —
Воротятся-ль они?..
Рѣка, пещера, холмъ, и мракъ въ тѣни древесной,
Которыхъ рокъ щадитъ иль можетъ оживлять!—
Старайтесь ночь сію, старайся, міръ прелестный,
Во всемъ напоминать!
Ревешь-ли бурею, или течешь лѣниво, —
Пусть память все объ ней, рѣка, въ тебѣ живетъ,
И въ камняхъ, и въ дубахъ смотрящихся спѣсиво
Въ лазури свѣтлыхъ водъ!
Вѣй ею, вѣтерокъ, украдкой пролетая;
Волна, шуми о ней, плескаяся въ брегахъ;
О ней грусти, луна, свой ликъ изображая
Въ серебряныхъ струяхъ!
Тростникъ-ли сталъ роптать и вихорь завываетъ,
Иль легъ душистый паръ надъ влажностью твоей, —
Пусть сердцу все, во всемъ, вездѣ напоминаетъ
Любовь минувшихъ дней!

ПОДРАЖАНІЕ ТАССУ.

Deh mira egli canto Spontar la rosa.
(Изъ „Освобожденнаго Іерусалима“).

Смотрите, на поляхъ какъ роза расцвѣтаетъ
И дѣвой робкою таится и цвѣтетъ!
Полраспущенная, едва свой блескъ являетъ,—
Чѣмъ меньше на виду, тѣмъ больше въ ней красотъ;
Вотъ, обнаженная, красуяся, блистаетъ, —
Вотъ стала увядать, и ужъ цвѣтокъ не тотъ:

Не тотъ уже цвѣтокъ, очей и сердца радость,
Который такъ плѣнялъ и красоту, и младость!
Ахъ, съ быстротою дня навѣкъ, навѣкъ умчится
И нашей юности минутный блескъ и цвѣтъ!
На сонныя поля май свѣтлый возвратится,
Но радостной весны для насъ—другой ужъ нѣтъ.
Срывайте же цвѣты, доколѣ день не тмится
И солнце раннее намъ льетъ блестящій свѣтъ!
Спѣшите же любить порою той прекрасной,
Когда взаимный жаръ рождаетъ пламень страстной.

КЪ ЗВѢЗДѢ.

ВЪ БЕЗСОННУЮ НОЧЬ.

(Изъ Байрона).

Звѣзда, привѣтный свѣтъ тоски моей!
Уныло ты горишь во тьмѣ ночей,
И трепетно въ такой дали мерцаешь!
Ты мракъ одинъ лишь только умножаешь.—
Все призраковъ ночь страшная полна!
Съ бывалою ты радостью сходна;
Такъ прежнихъ дней и благъ воспоминанье,
Какъ томное твое, звѣзда, сіянье,
Обманчивой отрадою манитъ,
Волнуетъ духъ, а сердце не живитъ.
Такъ и звѣзда во тьмѣ чуть пламенѣетъ,
Горитъ вдали, блистаетъ,—но не грѣетъ.

БАЙРОНЪ.

(А. С. Пушкину).

But i have and have not lived in vain.

Среди Альбіона туманныхъ холмовъ,
Въ долинѣ, тиши обреченной,
Въ наслѣдственномъ замкѣ, подъ тѣнью дубовъ,
Пѣвецъ возрасталъ вдохновенной.
И царская кровь въ вдохновенномъ текла *),
И золота много судьбина дала;
Но юноша, гордый, прелестный,—
Высокаго сана свѣтлѣе душой,

*) Лордъ Байронъ происходитъ отъ царей: шотландскій король Іаковъ II былъ предокъ его по матери.

Казну его знаютъ вдова съ сиротой,
И звонъ его арфы—чудесный.
  И въ бурныхъ порывахъ всѣхъ чувствъ молодыхъ
Всегда вольнолюбье дышало.
И острое пламя страстей роковыхъ
Въ душѣ горделивой пылало.
Встревоженъ духъ юный; безъ горя печаль
За призракомъ тайнымъ влечетъ его въ даль—
И волны подъ нимъ зашумѣли!
Онъ арфу хватаетъ дрожащей рукой,
Онъ жметъ ее къ сердцу съ угрюмой тоской:
Таинственно струны звенѣли.
  Скитался онъ долго въ Восточныхъ краяхъ
И чудную славилъ Природу;
Подъ радостнымъ небомъ въ душистыхъ лѣсахъ
Онъ пѣлъ угнетенныхъ свободу;
Страданій любви изступленной пѣвецъ,
Онъ высказалъ сердцу всѣ тайны сердецъ,
Всѣ буйныхъ страстей упоенья;
То радугой блещетъ, то въ мракѣ ночномъ
Сзываетъ онъ тѣни волшебнымъ жезломъ —
И грозно-прелестны видѣнья.
  И время задумчиво въ пѣсняхъ текло;
И дивныя пѣсни вѣнчали
Лучами безсмертья младое чело,—
Но мрака съ лица не согнали.
Уныло онъ смотритъ на свѣтъ и людей;
Онъ бурно жизнь отжилъ весною своей,
Надеждамъ онъ вѣрить страшится;
Думъ тяжкихъ, глубокихъ въ немъ виды черты;
Кипучая бездна огня и мечты —
Душа его съ горемъ дружится.
  Но розы нѣжнѣе, свѣжѣе лилей
Мальвины красы молодыя,
Плѣнительны взоры сапфирныхъ очей
И кудри ея золотыя;
Пѣвецъ, изумленный, къ ней сердцемъ летитъ,
Любви непорочной звѣзда имъ горитъ,—
Увядшей расцвѣлъ онъ душою;
Но злоба шипѣла, дышала бѣдой,—
И мгла, какъ ужасный покровъ гробовой,
Простерлась надъ юной четою.
  Такъ свѣтлыя воды красуясь текутъ

И ясность небесъ отражаютъ;
Но, встрѣтя каменья, мутятся, ревутъ,
И шумно свой токъ раздѣляютъ.
Пѣвецъ раздражился, но мстить не хотѣлъ,
На рокъ непреклонный съ презрѣньемъ смотрѣлъ;
Но въ горести дикой, надменной
И въ бѣшенствѣ страсти, въ безумьѣ любви,
Мученьемъ, отрадой ему на земли—
Лишь образъ ея незабвенный!
И снова онъ мчится по грознымъ волнамъ;
Онъ бросилъ магнитъ путеводный,
Съ убитой душой по лѣсамъ, по горамъ
Скитаясь, какъ странникъ безродный.
Онъ смотритъ, онъ внемлетъ, какъ вихри свистятъ,
Какъ молніи вьются, какъ громы гремятъ
И съ гуломъ въ горахъ умираютъ.
О вихри! о громы! скажите вы мнѣ:
Въ какой же высокой, безвѣстной странѣ
Душевныя бури стихаютъ?
Съ полночной луною бесѣдуетъ онъ,
Минувшее горестно будитъ:
Желаньемъ взволнованъ, тоской угнетенъ,
Клянетъ, и прощаетъ, и любитъ.
«Безумцы искали меня погубить,—
Всѣ мысли, всѣ чувства мои очернить;
Надежду, любовь отравили,
И ту, кто была мнѣ небесной мечтой
И радостью сердца и жизни душой,—
Неправдой со мной разлучили.
«И дочь не играла на сердцѣ родномъ!
И очи ее лишь узрѣли...
О, спи за морями, спи ангельскимъ сномъ
Въ далекой твоей колыбели!
Сердитыя волны межъ нами ревутъ,—
Но стонъ и молитвы отца донесутъ...
Свершится... изъ ранней могилы
Мой пепелъ подниметъ свой гласъ неземной,
И съ вѣчной любовью надъ ней, надъ тобой
Промчится мой призракъ унылый!»
Страдалецъ, утѣшься!—быть-можетъ, въ ту ночь,
Какъ грозная буря шумѣла,
Надъ той колыбелью, гдѣ спитъ твоя дочь,
Мальвина въ раздумьѣ сидѣла;

Быть-можетъ, лампады при блѣдныхъ лучахъ,
Знакомаго образа въ милыхъ чертахъ
Искала съ тоскою мятежной,—
И, сходство замѣтя любимое въ ней,
Мальвина, вздыхая, младенца нѣжнѣй
Прижала къ груди бѣлоснѣжной!
Но брань за свободу, за вѣру, за честь
Въ Элладѣ его пламенѣетъ,
И слава воскресла, и вспыхнула месть,—
Кровавое зарево рдѣетъ.
Онъ первый на звуки свободныхъ мечей
Съ казною и ратью и арфой своей
Летитъ довершать избавленье;
Онъ тамъ, онъ поддержитъ въ борьбѣ роковой
Великое дѣло великой душой—
Святое Эллады спасенье.
И мечъ обнажился, и арфа звучитъ,
Пророчица дивной свободы;
И пламень священный ярчѣе горитъ,
Дружнѣе разятъ воеводы.
О край пѣснопѣнья и доблестныхъ дѣлъ,
Мужей несравненныхъ завѣтный предѣлъ—
Эллада! Онъ въ часъ твой кровавый
Сливаетъ свой жребій съ твоею судьбой!
Сіяющій геній горитъ надъ тобой—
Звѣздой возрожденья и славы.
Онъ тамъ!.. онъ спасаетъ!.. и смерть надъ пѣвцомъ!
И въ блескѣ увянетъ цвѣтъ юный!
И дѣлъ онъ прекрасныхъ не будетъ творцомъ,
И смолкли чудесныя струны!
И плачъ на Востокѣ... и вѣсть пронеслась,
Что даже въ послѣдній таинственный часъ
Страдальцу былое мечталось:
Что будто онъ видитъ родную страну,
И сердце искало и дочь, и жену,—
И въ небѣ съ земнымъ не разсталось!

НА РОЖДЕНІЕ АНДРЮШИ В.

(16 іюля 1822).

Господь тебя благослови,
Младенецъ нашъ новорожденный!
Цвѣти въ Его святой любви,

Семьѣ въ отраду обреченный.
Спи, спи, малютка нашъ родной,
Спи, Ангелъ Божій надъ тобой!
Да колыбель твою всегда
Хранитъ Онъ благостью своею,
Надежды яркая звѣзда,
Зажгися радостно надъ нею.
Спи, спи, малютка нашъ родной,
Спи, Ангелъ Божій надъ тобой!
Своимъ на счастье расцвѣтай,
Невинный, милый и прелестный!
Насъ всѣхъ родными ты считай,
Намъ всѣмъ подарокъ ты небесный.
Баю, малютка нашъ родной,
Спи, Ангелъ Божій надъ тобой!
И какъ цвѣтокъ, краса полей,
Родимый край собой плѣняетъ,
Такъ сердце матери твоей
Съ тобою вмѣстѣ расцвѣтаетъ.
Баю, малютка нашъ родной,
Спи, Ангелъ Божій надъ тобой!
И свѣтлые веселья дни,
Младенецъ, къ намъ съ тобой слетѣли,
Толпой привѣтною они
Къ твоей тѣснятся колыбели.
Баю, малютка нашъ родной,
Спи, Ангелъ Божій надъ тобой!
И нѣжно въ очередь тебя
И дружба, и любовь качаютъ,
Тебѣ сонъ сладостный, дитя,
Они съ улыбкой напѣваютъ.
Баю, младенецъ нашъ родной,
Спи, Ангелъ Божій надъ тобой!
Цвѣти, младенецъ нашъ, цвѣти!
Расти играть и веселиться,
И въ жизнь прекрасную лети,
Какъ къ солнцу мотылекъ стремится.
Баю, младенецъ нашъ родной,
Спи, Ангелъ Божій надъ тобой!

СТАНСЫ.

(Изъ Байрона).

Межъ дѣвъ волшебными красами
Плѣняя взоръ, ты духъ тревожишь мой,
И, нѣжнѣй музыки надъ синими волнами,
Мнѣ милъ, прелестенъ голосъ твой.
Лишь дивный звукъ возникнетъ, —
Вдругъ океанъ утихнетъ;
Прельщенъ безмолвный токъ,
Не вьется вѣтерокъ,
И мѣсяцъ полуночной
Дрожитъ въ волнѣ проточной,
И томная струя
Лѣниво зыбь колышетъ
И, чуть вздымаясь, дышетъ,
Какъ сонное дитя.
Такъ сладостный восторгъ съ сердечнымъ умиленьемъ
Тобой, прекрасная, душѣ плѣненной данъ,
И въ той же полнотѣ и съ тихимъ тѣмъ волненьемъ,
Съ какими въ лѣтній жаръ струится океанъ.

КЪ ЭММѢ.

(Изъ Шиллера).

Туманъ далекій затмеваетъ
Былую радость навсегда,
И только взоръ еще плѣняетъ
Одна прекрасная звѣзда;
Но звѣзды прелестью своей —
Лишь блескъ одинъ во тьмѣ ночей.
Когда-бъ ты въ гробѣ охладѣла,
Уснула непробуднымъ сномъ, —
Тобой тоска-бъ моя владѣла,
Жила бы въ сердцѣ ты моемъ;
Но ахъ! собою свѣтъ плѣня,
Ты въ немъ живешь не для меня!
Иль сладость нѣжности сердечной,
О Эмма! можно позабыть?
Тому, что̀ гибнетъ, что̀ не вѣчно,
О Эмма! какъ любовью быть?
Ужель огонь ея святой
Исчезнетъ, будто жаръ земной!

ДВА СОНЕТА.

(Изъ Петрарки).

I.

Я къ той былъ увлеченъ таинственной мечтою,
Которую ищу напрасно на землѣ,
И тамъ, гдѣ горній міръ, она предстала мнѣ
Не столь жестокою, еще свѣтлѣй красою.
И молвила она, держа меня рукою:
«Хочу, чтобъ былъ со мной въ надзвѣздной ты странѣ;
Я духъ крушила твой любви въ тревожномъ снѣ,
И прежде вечера мой день былъ конченъ мною.
«Блаженству дивному какъ быть изъяснену!
Тебя жду одного и чѣмъ тебя плѣняла—
Мою прекрасную земную пелену.»
Увы! зачѣмъ она рѣчей не продолжала
И руку отняла! — мнѣ, ими прельщену,
Ужъ мнилось, что душа на небѣ обитала.

II.

Въ какой странѣ небесъ, какими образцами
Природа, оживясь, умѣла намъ создать
Прелестный образъ тотъ, которымъ доказать
Свою хотѣла власть и въ небѣ, и межъ нами?
Богиня гдѣ въ лѣсахъ иль нимфа надъ волнами,
Чьи локоны могли-бъ такъ золотомъ блистать?
Чье сердце добротой такъ можетъ удивлять?—
Хотя мой вѣкъ оно усѣяло бѣдами.
Мечтатель, пламенный еще, не встрѣтясь съ ней,
Божественныхъ красотъ всей прелести не знаетъ,
Ни томнаго огня плѣнительныхъ очей;
Не знаетъ, какъ любовь крушитъ и исцѣляетъ,—
Кто звука не слыхалъ живыхъ ея рѣчей,
Не зная, какъ она смѣется и вздыхаетъ.

МАЛЬВИНА.

Цвѣла лилея полевая,
Какъ яркій снѣгъ бѣла, нѣжна,
Красой душистою плѣняя,
Цвѣткомъ любви наречена.
Долина ею любовалась,
Журчалъ привѣтно свѣтлый токъ,

Пчела къ цвѣтку не прикасалась,
Ее лелѣялъ вѣтерокъ;
  Но буря вдругъ, вдали чернѣя,
Одѣла мракомъ небеса,—
И съ корнемъ вырвана лилея,
Поляны милая краса.
  Веселье взоровъ миновалось,
Уже лилеи не видать!
Листочка даже не осталось
Ея удѣлъ намъ разсказать!
  Цвѣла Мальвина молодая
Яснѣй лилеи полевой,
Въ красѣ воздушной дѣвы рая—
Любви плѣнительной звѣздой.
  Въ прелестномъ образѣ свѣтлѣло
Душѣ понятное въ мечтахъ,
И сердце нѣжное горѣло
Въ ея задумчивыхъ очахъ.
  Но тщетно витязи искали
Соединиться съ ней вѣнцомъ:
Какой-то дивный мракъ печали
Таился въ сердцѣ молодомъ.
  Она, какъ будто жить не смѣя,
Простяся съ радостью земной,—
Сама прекрасная лилея,
Уже встревожена грозой.
  Иль грудь предчувствіемъ тѣснима?
Бѣдой-ли призракъ ей грозилъ?
Измѣной-ли какой крушима?—
Но свѣтлый умъ въ ней страхъ затмилъ.
  И ей ужасна тѣнь ночная,
Она забыла сладкій сонъ,
И все, тоскуя и мечтая,
Глядитъ на лунный небосклонъ.
  И бѣдную тоска убила!
И ужъ прелестной дѣвы нѣтъ!
Взяла холодная могила
Младаго сердца нѣжный цвѣтъ.
  И что безмолвный гробъ скрываетъ,
Чѣмъ жизнь была отравлена,—
Увы, быть-можетъ только знаетъ
Одна полночная луна!

СОНЕТЪ.

(Вольное подражаніе Вордсворту).

Прелестный вечеръ тихъ. часъ тайны наступилъ;
Молитву солнце льетъ, горя святой красою.
Такой окружена сидѣла тишиною,
Марія, какъ предъ ней явился Гавріилъ.
Блестящій сводъ небесъ ужъ волны озарилъ!
Всевышній возстаетъ,— внимайте! безконечной,
Подобный грому, звукъ гремитъ хвалою вѣчной
Тому. Кто свѣтлый міръ такъ дивно сотворилъ.
О, милое дитя! о, по сердцу родная!
Ты думой набожной хотя не смущена,
Со мной гуляя здѣсь,—но святости полна:
Невинностью своей живешь въ блаженствѣ рая.
Ты въ горній тайный храмъ всегда летишь душой,—
И Богъ, незримъ для насъ, бесѣдуетъ съ тобой.

ЭЛЕГІЯ.

О ты. звѣзда любви, еще на небесахъ,
Діана, не блестишь въ плѣнительныхъ лучахъ!
Въ долины подъ холмомъ, гдѣ токъ шумитъ игривый,
Сіяніе пролей на путь мой торопливый.
Не иду я похищать чужое въ тьмѣ ночной
Иль путника губить преступною рукой:
Но я люблю, любимъ. мое одно желанье—
Съ прелестной Нимфою въ тиши найти свиданье;
Она прекрасныхъ всѣхъ прекраснѣе, милѣй.
Какъ ты полночныхъ звѣздъ красою всѣхъ свѣтлѣй.

ВЪ АЛЬБОМЪ ГРАФИНИ N.

Давно. прелестная графиня,
Давно ужъ я въ долгу у васъ;
Но пѣснопѣнія богиня—
Повѣрьте мнѣ—не всякій разъ
Летаетъ съ нами на Парнасъ.
Мнѣ, право. съ музами бесѣды
Труднѣе, чѣмъ для васъ побѣды!
Вамъ стоитъ бросить взглядъ одинъ —

И тьма поклонниковъ явится,
Унынье въ радость превратится,
И самъ Киприды рѣзвый сынъ
Опуститъ крылья, усмирится,
И, коль угодно, согласится
По свѣту больше не порхать,
Чтобъ только съ вами обитать!
Соединя всѣ дарованья,
Вы вмѣстѣ всѣ очарованья
Въ себѣ умѣли съединить.
Хотите-ль насъ обворожить
Прелестнымъ даромъ Терпсихоры,
Летая легкимъ вѣтеркомъ,—
Отвсюду къ вамъ сердца и взоры
Летятъ и явно, и тайкомъ;
Или, побѣды въ довершенье,
Раздастся сладостное пѣнье,
Какъ нѣжны трели соловья,—
Вашъ голосъ въ душу проникаетъ,
Мечты минувшп обновляетъ,
И скорбь, и радость бытія.
Мнѣ, право, съ музами бесѣды
Труднѣе, чѣмъ для васъ побѣды!
Поэтъ съ унылою душой,
Бездомный странникъ въ здѣшнемъ мірѣ
Почтитъ-ли васъ своей хвалой
На дремлющей забвенной лирѣ!
Примите-жъ въ слабыхъ сихъ словахъ
Усердье, вмѣсто вдохновенья,
И дань душевнаго почтенья
Въ нелестныхъ, истинныхъ стихахъ.

УТѢШЕНІЕ *).

(Въ альбомъ).

Мигъ страданья пронесется:
Грозный часъ не навсегда!
И надъ бездною зажжется
Лучезарная звѣзда!..

*) Это четверостишіе, напечатанное въ одномъ изъ альманаховъ, въ измѣненной формѣ вошло въ 7-ю строфу стих.: „Сонъ невѣсты“.

ВЫБОРЪ.

ФАНТАЗІЯ.

(Кн. И. Г. Гагарину).

У дѣвы милой и прелестной,
Невинной радости ясиѣй,
Морей восточныхъ перлъ чудесной
Блеститъ одинъ среди кудрей;
Всѣхъ розъ свѣжѣе, роза нѣжно
Припала къ груди бѣлоснѣжной;
И, чистою плѣненъ красой,
Вблизи, съ улыбкой неземной,
Чело увѣнчано звѣздами,—
Хранитель ангелъ предстоялъ,
И тихо бѣлыми крылами
Младую дѣву осѣнялъ.
Когда съ непостижимой силой
Мнѣ молвила она: «О милой!
Ты могъ бы сдѣлаться другимъ
Восточнымъ перломъ, розой алой,
Иль свѣтлымъ ангеломъ моимъ;
Но, полонъ все любви бывалой,
Въ чьемъ видѣ, избранномъ тобой,
Явился-бъ ты передо мной?»
—«Я былъ бы ангелъ твой хранитель!
Но, можетъ-быть, небесный житель
За нѣгу чувствъ, за нравъ живой
Съ тобою ссорится порой,—
То пусть я розою душистой,
Пока цвѣтку не увядать;
Потомъ хочу какъ перлъ огнистый
На дѣвственномъ челѣ сіять.
О, будь лишь мнѣ дано судьбою
Все быть твоимъ, все быть съ тобою!»
Но вдругъ той нѣтъ, съ кѣмъ сердцемъ жилъ,—
Красу и счастье гробъ схватилъ.
Мой духъ крушимъ, убитъ мученьемъ,
Безумье мрачное зажглось,
Затмились думы искушеньемъ:
Увы, что съ ней теперь сбылось?..
И слезы съ пламенной мольбою
Я лилъ денной, ночной порою.

И разъ, едва алѣлъ востокъ,
Явился бѣлый голубокъ;
За нимъ отъ радужнаго міра
Летитъ ко мнѣ струя эѳира,—
И сердцу вѣсть была дана,
Что выше звѣздъ уже она.
О Ты, страдающихъ Спаситель,
Возьми меня, возьми скорѣй!
Подруги радостной моей,
Да буду ангелъ я хранитель!
Святи любовь младыхъ сердецъ
Въ любви Твоей, любви Творецъ!

ПОЭТЪ И БУРЯ.

(Изъ поэмы „Jocelyn“, Ламартина).

О дивный Оссіанъ! мечтая о туманахъ,
Объ Иннисторовыхъ таинственныхъ курганахъ,
И пѣснь твоя въ душѣ, и съ арфою въ рукахъ
Когда зимой бродилъ въ дремучихъ я лѣсахъ,
Гдѣ буря и мятель, бушуя, слухъ страшили,
И словно мертвецы въ полянѣ темной выли;
Гдѣ, волосы мои вздымая, вихрь шумѣлъ,
Надъ бездной водопадъ отъ ужаса ревѣлъ
И, сверженный съ небесъ надъ длинными скалами,
Билъ пѣной мнѣ чело и вопль бросалъ струями;
Гдѣ сосны, сыпля снѣгъ, дрожали какъ тростникъ,
И воронъ подымалъ надъ ихъ снѣгами крикъ,
И мерзлый гдѣ туманъ съ утеса вѣялъ мглою,
И, какъ Морвена сынъ, я былъ одѣтъ грозою,—
Тамъ, если молнія разрѣжетъ вдругъ туманъ,
Иль солнце мнѣ блеснетъ украдкой межъ полянъ,
И влажный лучъ его, въ усильяхъ исчезая,
Откроетъ ужасъ мнѣ, пространство озаряя,—
То, имъ оживлена, и дикостью степной,
И свѣжимъ воздухомъ, и святостью ночной,
И сокрушенныхъ соснъ глухимъ подъ бурю трескомъ,
И на главѣ моей мороза снѣжнымъ блескомъ,—
Органа звонкаго душа была звучнѣй.
И было все восторгъ и упоенье въ ней;
И сердце, сжатое въ груди для чувства тѣсной,
Дрожало вновь, и слезъ источникъ былъ небесной.

И робко слушалъ я, и руки простиралъ,
И, какъ безумный, я боръ темный пробѣгалъ,
Мечтая внѣ себя, во тьмѣ грозы летучей,
Что самъ Iегова несется въ бурной тучѣ.
Что слышу гласъ Его въ тревогѣ громовой,
Который мчитъ въ хаосъ грозы протяжный вой.
Я обнятъ радостью, любовью пламенѣю,
И, чтобъ природу знать, живой сливаюсь съ нею;
Я душу новую, я чувствъ хочу другихъ
Для новой прелести восторговъ неземныхъ!

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДIЯ

(Изъ Байрона).

Когда въ нетлѣнномъ мірѣ томъ,
Который блещетъ намъ звѣздами,
Сердца горятъ любви огнемъ
И взоръ не сокрушенъ слезами:
Тогда—сферъ тайныхъ край святой!—
Намъ въ радость—жизни скоротечность;
Утратить сладко мракъ земной
И страхъ: въ твоемъ сіяньи—вѣчность!

И будетъ такъ! Робѣемъ мы
Не за себя передъ могилой,
Стремясь надъ бездной грозной тьмы
Еще къ бытью съ истлѣвшей силой.
О, тамъ—пребудемъ въ вѣрѣ той—
Уже сердцамъ не разлучаться,
И, гдѣ безсмертья токъ живой,
Душѣ съ душою наслаждаться!

ПѢСНЬ О МАРКО ВИСКОНТИ.

(Посвящена другу Жуковскому).

Кровь! кровь! Чей съ башнею зубчатой
Я вижу замокъ? Мрачный входъ
Въ струяхъ крови еще дымится;
Вокругъ него толпа тѣснится,
Кипитъ на площади народъ.
Несчастные! Иль заблужденье?..
О нѣтъ!—На шлемѣ, на щитахъ

Вотъ змѣй,—онъ знакъ любви народной;
Мнѣ видъ знакомъ вашъ благородный,
Миланцы... Что за вопль и страхъ?
Толпа волнуясь раздается.
Мнѣ ратникъ молча указалъ,
Закрывъ лицо въ тревожномъ страхѣ,
Что воинъ полумертвый въ прахѣ
Весь облитъ кровью, трепеталъ.
То Марко, въ битвахъ громовержецъ,
Умъ свѣтлый,—онъ, кто Гвельфовъ кровь,
Отъ бѣдъ Италію спасая,
Такъ часто лилъ; звѣзда родная,
Ломбардовъ слава и любовь.
О, плачьте! тмится яркій пламень
Во взорѣ гаснущихъ очей,
Какъ солнце тмится въ мракѣ тучи;
Но все въ немъ дышетъ духъ могучій
Его погибшихъ славныхъ дней.
Стыдъ вѣчный!.. повѣсть роковая
Звучитъ злодѣйствомъ вкругъ меня:
Сынъ брата, ближніе возстали;
Измѣну тайну ухищряли
Съ его убійцами родня...
Ты, другъ его! открой мнѣ тайну:
То правда-ль, что въ немъ гордый духъ,
Невольно увлеченъ красою,
Плѣненъ былъ дѣвой молодою,
Какъ здѣсь носился чудный слухъ?
И ратникъ изъ толпы выходитъ;
На одного коня со мной
Въ слезахъ безмолвно онъ садится,
И конь дремучимъ боромъ мчится—
И видимъ зàмокъ предъ собой.
Ворота настежь, мостъ подъемный
Дрожитъ, нагнулся, и падетъ,
Скрыпятъ колеса съ ихъ цѣпями,—
Затворы рухнули предъ нами;
Но встрѣтить насъ никто нейдетъ.
Ни на дворѣ, ни въ переходахъ,
Ни въ цвѣтникахъ—нигдѣ кругомъ
Не видно тѣни, все томится;
Нѣтъ въ замкѣ жизни, даже мнится,

Что воздухъ безъ движенья въ немъ.
Сіяніе томное
Въ часъ вечера блещетъ
И въ стеклахъ раскрашенныхъ
Мелькая трепещетъ.
За дымными сводами
Теряясь вдали.
И блескъ тотъ отъ факела
Гробницы безвѣстной,
Гдѣ тихо покоится
Прахъ дѣвы прелестной,—
Сіянье незримое
Жильцами земли.
Склонясь къ изголовію
Въ мечтаньи чудесномъ,
Она, роза бѣлая,
Лежитъ въ гробѣ тѣсномъ
Почти оживленная
Любовью святой.
На перси лилейныя
Спадая волною,
Ея какъ шелкъ волосы
Все тѣло собою
Одѣли, и кажутся—
Покровъ золотой.
Улыбка небесная
Отъ устъ ея вѣетъ;
Фіялка стыдливая
Такъ въ полѣ свѣтлѣетъ
Росою жемчужною,
Дрожащей на ней.
И взоръ ея дѣвственной
Смежонъ тѣнью мирной,
Какъ взоръ сонныхъ ангеловъ
Въ ихъ нѣгѣ эѳирной,—
И какъ бы желающій
Опять прежнихъ дней.
О! если, духъ избранный,
Слетишь ты изъ рая
Въ свое тѣло нѣжное,
Любовью пылая,
. . . .
. . . .

Но что за томный звукъ летитъ
Печальнаго, святаго пѣнья
И, вѣя къ намъ изъ отдаленья,
Въ уныломъ воздухѣ дрожитъ?
Все ближе, ближе; ходятъ, ждутъ
Уже пришельцы подъ стѣнами,
Ужъ мостъ звучитъ подъ ихъ стопами,—
Все ближе, вотъ! идутъ, идутъ!
При тускломъ факеловъ огнѣ,
Въ ихъ клобукахъ, въ одеждѣ черной,
Рядами и походкой ровной
Идутъ монахи въ тишинѣ.
За ними въ эпанчахъ златыхъ
Вотъ шесть вельможъ несущихъ тѣло
Вождя, чье имя такъ гремѣло,—
И мертвый въ латахъ боевыхъ.
Въ безмолвіи они несли
Вождя подъ мрачный сводъ могильный;
Она прекрасная, онъ сильный—
Навѣки въ гробъ одинъ легли.
Забрало подняли, и онъ
Какъ будто ожилъ дивной силой,
И ликъ могучаго близъ милой
Былъ вдругъ улыбкой озаренъ.

ИЗЪ ДЖІЯУРА.

(Подражательный переводъ).

Блестя на пурпурныхъ крылахъ,
Въ зеленыхъ Индіи поляхъ,
Дыша восточною весной,
Царевной воздуха живой,
Подруга мотылька летитъ,
Младенца за собой манитъ,
Предъ нимъ порхаетъ на цвѣтахъ
И, вдругъ теряясь въ облакахъ,
Мелькая вьется; утомленъ,
Почти въ слезахъ вздыхаетъ онъ,—
Такъ юношу краса манитъ,
И такъ легка и такъ блеститъ;
Надежду въ немъ тревожитъ страхъ,
Безумье кончитъ онъ въ слезахъ.

Удастся-ль, — горе и тоска
Ждуть и красу, и мотылька:
Покоя, счастья лишены,
Они бѣдамъ обречены:
Одинъ —младенческой игрой,
А та—любовью роковой.
Едва желанное сбылось,
И рьяной волѣ удалось
Достать плѣнительный предметъ,—
Ужъ въ немъ очарованья нѣтъ:
Прикосновеньемъ каждымъ онъ
Сіянья прежняго лишенъ,
И цвѣтъ и прелесть потерялъ,
Забытъ и брошенъ—и увялъ.
Безъ крыльевъ и томясь тоской,
Двумъ жертвамъ гдѣ найти покой?
Ахъ, мотылекъ ужъ не блеститъ,
Съ тюльпана къ розѣ не летитъ!
Красѣ, которой нѣжный цвѣтъ
Увянетъ вмигъ,—блаженства нѣтъ.
Гдѣ мотылекъ полу-живой?
Не вьется ихъ веселый рой;
И тѣ, кто ихъ милѣй,—и тѣ
Безъ чувствъ къ виновной красотѣ;
И, всякой тронуты бѣдой,—
Подругѣ не простятъ одной.

СТАНСЫ.

(Изъ „Морскаго разбойника", лорда Байрона).

Глубоко въ тишинѣ, предавъ навѣкъ безмолвью,
Я тайну нѣжную храню въ груди моей,
И сердце томное, къ тебѣ дрожа любовью,
Ввѣряетъ лишь ее одной любви твоей.
Подъ сводомъ тихая лампада гробовая
Бросаетъ вѣчный свой никѣмъ незримый свѣтъ,
Не тмитъ ее тоска, во мракѣ унывая,
Хотя напрасенъ блескъ, какъ будто вовсе нѣтъ.
О, не забудь меня и близъ моей могилы!
Увы, когда пройдешь, то вспомни милый прахъ;
Одинъ ударъ убьетъ мои душевны силы,—
Забвенья твоего ужасенъ сердцу страхъ.

Будь тронутъ пламенной. нѣжнѣйшею мольбою
О тѣхъ, кого ужъ нѣтъ: печаль есть долгъ святой;
Обрадуй тѣнь мою сердечною слезою—
Наградой за любовь, послѣднею, одной.

СТАНСЫ.

Вчера я, мракомъ окруженный,
На ложѣ сонъ забывъ, мечталъ;
Безмолвно жаръ, мнѣ вдохновенный.
Въ груди стихами ужъ пылалъ.
Межъ тѣмъ въ эѳирной тьмѣ сбиралась
Гроза,—изъ тучъ сверкнулъ огонь,
И молнія струей промчалась,
Какъ буйный блѣдно-гривый конь.
И трескъ воздушной колесницы
На все бросалъ священный страхъ,
И звѣри прятались и птицы,
Дрожа въ берлогахъ и гнѣздахъ.
А я... мой духъ къ Творцу летаетъ,
Пылая молніи огнемъ,
И умъ встревоженный мечтаетъ
Вольнѣй, когда ударитъ громъ.
Восторгомъ оживленъ небеснымъ,
Я былъ не рабъ земныхъ оковъ,—
Органомъ звонкимъ и чудеснымъ
Въ огромной стройности міровъ.
И Богъ сильнѣй вѣщаетъ мною
И въ думахъ пламенныхъ моихъ,
Чѣмъ вкругъ шумящею грозою
И въ дивныхъ ужасахъ ночныхъ.

КНЯГИНѢ З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

(Въ отвѣтъ на ея посланіе). *)

Я арфа тревоги, ты—арфа любви
И радости мирной, небесной;

---

*) Посланіе это слѣдующее:

И. И. Козлову.

Ты арфа страданья,
Ты арфа терпѣнья,—
Ты арфа съ душой.
Твой духъ, твои струны
Поютъ хоръ мученья;
Напѣвъ ихъ: *аминь*.
Терпи, моя арфа!
Звучишь ты надеждой,
Пророчишь ты рай!
И ангелъ скорбящихъ
Твой голосъ узнаетъ—
И встрѣтитъ тебя.

Княгиня Зинаида Волконская.

Звучу я напѣвомъ мятежной тоски.—
Милъ сердцу твой голосъ чудесный.
Я здѣсь омрачаюсь земною судьбой,
Мечтами страстей сокрушенный.—
А ты горишь въ небѣ прекрасной звѣздой,
Какъ ангелъ прекрасный, нетлѣнный!

ГИМНЪ ОРФЕЯ.

Когда цѣлуете прелестныя уста,
И сердце таетъ нѣгой наслажденья.
Вамъ шепчутся и ласки, и моленья,
И безгранично своевольствуетъ мечта...
Тогда, любовью пламенѣя,
Вы слушаете *страстный* гимнъ Орфея.
Когда душа тоскою сражена,
Нѣтъ слезъ отъ полноты томленья,
И меркнетъ свѣтъ, и мысли безъ движенья,
И волны времени безъ цѣли и безъ дна...
Тогда, отъ горя каменѣя,
Вамъ чудится *плачевный* гимнъ Орфея.
Когда къ Творцу міровъ возносите мольбы,
И тонетъ взоръ въ безбрежности творенья,
Молчатъ уста въ избыткѣ умиленья,
Вы довѣряетесь влеченію судьбы...
Тогда, вамъ благодатью вѣя,
Весь міръ гремитъ *священный* гимнъ Орфея!
Когда поэтъ на языкѣ земномъ
Передаетъ пророческимъ перомъ
Таинственныя вдохновенья,
И освѣтлитъ души видѣнья
Поэзіи огнемъ,—
Вѣнчаетъ міръ, исполненъ удивленья,
Чело пѣвца безсмертія вѣнкомъ.

STANCES.

(Dédiées à la princesse Golitzine, née Ismailoff).

Lorsque ma nef aventureuse
Franchit les turbulentes mers,
A la clarté pâle et douteuse
D'astres, pour moi toujours couverts,
Que j'aime, au bruit du flot qui gronde
Unir mes douloureux accens,

Et dans la nuit triste et profonde
Faire entendre mes faibles chants!
  Oui, j'ai gardé dans mes souffrances
Le prestige des sentiments,
Luth plaintif et songes riants...
Et mon coeur, et mes souvenances.
  Je rêve à ceux que je chéris,
Et mon coeur bât plus fort encore,—
J'ose espérer dans mes ennuis
D'un jour sans fin la douce aurore.
  Je sens alors fuir la terreur
Et trouve ainsi, bravant l'orage,
Certain attrait dans le nauffrage
Et du charme dans le malheur! *)

Переводъ:

СТАНСЫ.

(Княгинѣ А. П. Голицыной, рожденной Измайловой).

Когда корабль мой, полонъ силъ,
  Межъ волнъ морскихъ скользитъ безпечно
При свѣтѣ матовыхъ свѣтилъ,
Сокрытыхъ для меня навѣчно,—
  Люблю я съ шумомъ грозныхъ волнъ
Сливать души моей стенанья,
И, среди ночи, грусти полнъ,
Свою же слышать пѣснь страданья!
  Да, сохранилося во мнѣ
О лучшихъ дняхъ воспоминанье;
Меня ласкаетъ въ сладкомъ снѣ
Сердечныхъ чувствъ очарованье!
  Въ мечтахъ съ друзьями вѣчно я;
Порою сердце сильно бьется;
Я жду, когда и для меня
Заря предвѣчная зажжется!
  И мнѣ не страшны той порой
Крушенья, бури, непогоды;
Мирюся я съ своей судьбой,
И милы мнѣ мои невзоды!

*) Переводы всѣхъ стихотвореній Козлова на иностранныхъ языкахъ сдѣланы, очевидно, имъ самимъ.

ALLA CONTESSA FIQUELMONT.

Graziosa quanto bella
Tu sei la dolce stella,
Speranza del dolor.
E giacche sempre dura
In me la notte oscura
Ti veggio col mio cor.

Переводъ:

ГРАФИНѢ ФИКЕЛЬМОНЪ.

Стройна, настолько-жъ какъ прекрасна,
Звѣздой привѣтной блещешь ясно,
Въ печали утѣшаешь ты!
Суровый рокъ закрылъ мнѣ очи;
Но сердцемъ, среди вѣчной ночи,
Тебя лишь зрять мои мечты.

TO COUNTESS FIEQUELMONT.

In desert blush'd a rose, its bloom
So sweetly bright: to desert smiled;
Thus are by thee, my heavy gloom,
And broken heart from pain e'er wiled.
Let, oh let heaven smile on thee
Still more beloved, and still more charming,
Be ever bless'd, — but ever be
The angel all my woes beguiling.

Переводъ:

ГРАФИНѢ ФИКЕЛЬМОНЪ.

Какъ средь пустыни розы цвѣтъ
Отрадно блещетъ и плѣняетъ.
Такъ твой мнѣ дружескій привѣтъ
Въ разбитомъ сердцѣ миръ вселяетъ.
Пусть все даруется тебѣ:
Любовь, краса, благословенье. —
За то, что ты въ моей судьбѣ
Прошла какъ ангелъ утѣшенья.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

A m-r KOSLOFF.

(Французскіе стихи, написанные Козлову путешественникомъ Виконтомъ Ла-Буильери, проживавшимъ долгое время въ Петербургѣ).

Ami, vous qui ne voyez pas,
Dites moi, quelle clarté sainte
Illumine la sombre enceinte
De vos ténèbres d'ici bas?..
Et tandis que notre oeil regarde
Ou des étoiles, ou des fleurs,
Dites nous quels rayons meilleurs,
Quelles autres fleurs Dieu vous garde?..
Ami, vous qui ne marchez pas,
Dites nous, quel vol vous seconde
Et vous emporte vers un monde
Que n'atteignent jamais nos pas?..
Pourtant nous marchons d'un pas ferme,
Et nos pieds ne sont jamais las!
Nous courons vite... hélas! hélas!
Nous n'arrivons jamais au terme!
Ami, vous qui ne marchez pas,
Apprenez moi donc votre voie!
Et puis vous ferez que je vois,
Ami, vous qui ne voyez pas!

Vicomte Français de la Bouillerie.

Переводъ: *)

ИВАНУ КОЗЛОВУ.

Мой другъ! Увы, не видишь ты;
За то, не правда-ль, въ утѣшенье
Святаго полонъ ощущенья
Твой міръ душевной красоты?
Въ восторгъ приходимъ мы порой,
Звѣздой любуясь иль цвѣтами;
Неправда-ль, — лучшими лучами
Мерцаетъ свѣтъ незримый твой?
Мой другъ, ходить не можешь ты;
Скажи же, въ силу чьихъ велѣній

---

*) Очевидно, и эти переводы съ посланій Козлову сдѣланы имъ самимъ, почему мы и печатаемъ ихъ вмѣстѣ съ оригиналами.

Витаешь въ мірѣ ты видѣній,
Земной не видя суеты?
  Что̀ въ томъ, что шагъ нашъ скоръ и смѣлъ,
Что мы не знаемъ утомленья?
Всю жизнь намъ суждено стремленье,—
И гдѣ же, наконецъ, предѣлъ?
  Мой другъ, хотя не ходишь ты,
Но намъ ты укажи дорогу,
Разсѣй сомнѣнія тревогу,
Лиши душевной слѣпоты.

Виконтъ Ф. де-ла Буильери.

TO JOHN KOSLOFF.

(Англійскіе стихи, посвященные Козлову г-мъ Герейро, состоявшимъ при Португальскомъ посольствѣ въ Петербургѣ).

By ruthless hands deprived of light
  The prisoned bird more sweetly sings,
The dreaded veil of endless night
To him at length no terror brings.
  Within himself the songster finds
A little world of heavenly sound,
That earths corporeal ties unbinds
And holier rendess all around.

I. Gucreiro.

Переводъ:

ИВАНУ КОЗЛОВУ.

Рукой безжалостной навѣкъ лишившись зрѣнья,
  Вѣдь птичка-плѣнница поетъ еще нѣжнѣй;
Покровомъ ночи скрытыя мученья
Уже теперь не страшны стали ей!
  Тебѣ-жъ, пѣвецъ, — другое утѣшенье:
Въ себѣ самомъ небесныхъ пѣсенъ рой
Пробудишь ты, и звуки умиленья
Тебя забыть заставятъ міръ земной!



КРАТКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

1) **Чернецъ** (стр. 13—28). До появленія „повѣсти“ отдѣл. изданіемъ (1825 г.) ея глава X была напечатана съ незначительными варіантами въ „Новост. Лит.“ 1823 г., подъ заглавіемъ: „Возвращеніе на родину. (Отрывокъ изъ поэмы, еще не напечатанной).“

2) **Кн. Наталья Долгорукая** (стр. 39—66). Гл. VII ч. 2-й была напечатана въ „Сѣверн. Цвѣт.“ 1827 г. подъ заглавіемъ: „Лунная ночь въ Кремлѣ“. Отд. изд. поэмы—въ 1828 г.

3) **Безумная** (стр. 67—83). Пов. появилась отд. изд. въ 1830 г. съ портретомъ автора.

4) **Венгерскій лѣсъ** (стр. 84—93). Баллада напечатана въ „Нев. Альм.“ 1826 и 1827 г.

5) **Невѣста Абидосская** (стр. 94—136). Отд. изд. въ 1826 г. Отрывки изъ поэмы появлялись передъ тѣмъ: въ „Новост. Литер.“ 1823 г. кн. IV—„Леондрова ночь“; въ „Соревн. Просв.“ 1825 г., ч. 29, главы X и XI части 1-й, съ значительными варіантами; затѣмъ въ „Москов. Телегр.“ 1825 г., ч. 5, главы II, III и IV части 2-й, также съ значительными варіантами. Въ изданіяхъ соч. Козлова поэма печаталась со многими ошибками; нами исправлена по изд. 1832 года.

6) **„Крымскіе сонеты“** (стр. 137—147). Отд. изд. въ 1829 г. Раньше нѣкоторые появились въ журналахъ; напр.: „Аккерманскія степи“ въ „Моск. Телегр.“ 1828, № 13; „Видъ горъ изъ степей Козловскихъ“—въ „Альм. сѣв. музъ“ 1828; „Чатырдагъ“—въ „Славянинѣ“ 1828 г. Въ „Соч.“ печатались искаженными; исправлены по отд. изд. 1829 г.

7) **Сельскій субботній вечеръ въ Шотландіи** (стр. 148—155). Отд. изд. въ 1829 г. СПБ.

8) **Часть вторая. Мелкія стихотворенія** (стр. 156 и пр.). Стихотв., напечатанныя въ **первомъ отдѣлѣ**, появились отд. книжкой въ 1828 г.; написанное послѣ — вошло въ изд. „Стихотв.“ 1832—33 года **отдѣломъ вторымъ**; Жуковскій въ изд. 1840 прибавилъ **третій** отдѣлъ, перенеся въ него изъ перваго два стих.: „Стансы: Прости, ужь полночь“ и „Видѣніе Танкреда“. Мы прибавили **четвертый** отдѣлъ. Въ изд. 1840 г. встрѣчаются извращенія; дальнѣйшія изд. были простыми перепечатками его,—но съ новыми ошибками.

9) **Разореніе Рима...** и пр. (стр. 157) напечатано было въ „Сѣв. Цв.“ 1827 г. подъ заглавіемъ: „Подражаніе Шатобріану о разореніи Рима и возстановленіи христіанства“.

10) **„Къ Свѣтланѣ“** (стр. 158). Въ „Сынѣ Отеч.“ 1821, № 44, безъ подписи, но съ примѣчаніемъ редакціи, показывающимъ принадлежность его Козлову.

11) Изъ слѣдующихъ затѣмъ стихотвореній **перваго отдѣла** появились въ журналахъ и альманахахъ: „Ночь въ замкѣ Лары“ (стр. 161) въ „Славянинѣ“ 1827 г., № 14 (съ помѣткой: „Февраля 7 дня 1827 г.“).—„На погребеніе генерала Мура“ (165) — въ „Сѣв. Цв.“ 1826 г.—„Венеціанская ночь“ (166) въ „Полярн. Звѣздѣ“ 1825 г. (съ варіантами: 1-й стихъ 4-ой строфы—„**Но зачѣмъ** не видно болѣ...“; 1-й стихъ 6-ой строфы—„**Разстилалась тѣнь густая...**“; 1-й стихъ 10-ой строфы—„**Тучъ разорванныхъ грядою**“...).—„Плачъ Ярославны“ (168) въ „Дамск. Журн.“ 1825 г., № 23 (съ помѣткой: „11 октября“).—„Португальская пѣсня“ (172)—въ „С. Отеч.“ 1820, № 12. — „Къ Н. И. Гнѣдичу“ (172) въ „Сѣв. Цв.“ 1826 г. —„Къ радости“ (173) въ „Полярн. Зв.“ 1824, и потомъ повторено въ „Эвтерпа“ 1831 г.—„Княгинѣ З. А. Волконской“ (175) нѣсколько разъ: въ „Новост. Лит.“ 1826 г., кн. 15; въ „Дамск. Журн.“ 1826 г., № 3; въ „Звѣздочкѣ“ 1826 г.; въ „Альб. сѣв. музъ“ 1828 (съ примѣчаніемъ: „Сія піеса была уже напечатана, но почтенный авторъ, сдѣлавъ въ ней нѣкоторыя перемѣны, изъявилъ желаніе помѣстить оную въ нашемъ альманахѣ“. Эти „перемѣны“ заключались въ измѣненіи очевидно ошибочно напечатаннаго стиха: „**И тихо**, мило на землѣ“ въ „**И то, что** мило на землѣ“. Однако странное „И тихо, мило...“ осталось во всѣхъ посмертныхъ изданіяхъ Козлова).—„Сонъ невѣсты“ (175) и „Добрая ночь“ (180) въ „Сѣв. Цв.“ 1825 г.; повторены въ „Весен. Цв.“ 1835 г.—„Къ княгинѣ М. А. Голицыной“ (183) и „Княжнѣ С. Д. Радзивилъ“ (184) въ „Сѣв. Цв.“ 1825 г.—„Въ альбомъ“ (185) въ „Нов. Лит.“ 1822, № 12, и 1823 г., № 11 (въ исправл. видѣ), затѣмъ въ „Невск. Альм.“ 1828 г.—„На отъѣздъ“ (185) въ „Нов. Литер.“ 1825, кн. XI (съ примѣчаніемъ: „Стихи написаны Л. Байрономъ въ альбомъ одной молодой итальянской графини за нѣсколько недѣль до отъѣзда своего (?) въ Мессолунги“; а также съ варіантами: ст. 3-й „**Меня, мой другъ, унылый страхъ**“; стихи 6—9 „**И я опять съ тобой...—Но все невольно грудь полна—Какою-то тоской.—О, какъ горючихъ слезъ не лить**“).—„Обвороженіе“ (186) въ „Невск. Альм.“ 1828. — „Фея Моргана“ (190) въ „Нов. Лит.“ 1823, № 2.—„Сел. Сиротка“ (191) въ „Нов. Лит.“ 1823, № 8, и въ „Невск. Альм.“ 1827. — „Романсъ“ (193) въ „Нов. Лит.“ 1823, № 5. — „Гр. Лебцельтернъ“ (195) въ „Славянинѣ“ 1828 г., кн. V, и „Невск. Альм.“ 1828.—„Молодая узница“ (195) въ „Невск. Альм.“ 1826 г.—„Евр. мелодія“ (197) въ „Сѣв. Цв.“ 1826 г.—„Безумная“ (197) въ „Невск. Альм.“ 1829.—„Безсонница“ (199) въ „Слав.“ 1827, № 5 (съ помѣткой: „22 января“).—„Ирландск. мелодія“ (200) въ „Сѣв. Цв.“ 1825 г. — „Вечерній звонъ“ (201) въ „Сѣв. Цв.“ 1828 и въ „Весен. Цв.“ 1835.

12) Стих. **втораго отдѣла**, вошедшія въ изд. 1832—33 гг., напечатаны въ журналахъ и альманахахъ: „Элегія“ (202) въ „Сироткѣ“ 1831 г.—„Филарету“ (203) въ „Лит. Газ.“ 1830, № 65.—„Къ полевой маргариткѣ“ (211) въ „Вес. Цв.“ 1835 г.—„Къ тѣни Дездемоны (213) въ „Сѣв. Цв.“ 1830 г.—„Сонъ“ (213) въ „СПб. Вѣстн.“ 1831, № 16, и „Лит. Приб.“ 1831, № 74 (въ искаженномъ и не полномъ видѣ, съ варіантами).—„Изъ Донъ-Жуана“ (216) въ „Сѣв. Цв.“ 1830 г. — „Явленіе Франчески“ (217) въ „Невск. Альм.“ 1830 г.—„Прости“ (225) въ „С. Отеч.“ 1823, № 18.—„Къ Зонтагъ“ (227) въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1830, № 111. — „Умир. Эрменгарда“ (227) въ „Лит. Газ.“ 1831 г., № 11, и „Лит.

Приб.“ 1832, № 98.—„Заря погасла“ (230) въ „Сѣв. Цв.“ 1829 г.—„Видѣніе Танкреда“ (232) въ „Сѣв. Цв.“ 1826 г. и въ изд. 1828 г. (Заглавіе: „Явленіе Клоринды Танкреду“; и варіанты: 6-ой и 7-ой стихи: „Поэтъ и боръ унывно оглушаетъ;—Въ томленьи силъ невольно...“; послѣдній стихъ: „На синевѣ исчезла дѣва рая“). — „Фіорина“ (235) въ „Сироткѣ“ 1831 г.—„Изъ Orlando furioso“ (237) въ „Лит. Газ.“ 1830 г.—„Воспоминаніе“ (238) въ „Лит. Газ.“ 1831, № 17.—„Новые стансы“ (239) въ „Моск. Тел.“ 1827, ч. 13, и въ „Эвтерпа“ 1831 (въ первомъ изд. 1828 г. безъ 3-ей строфы). — „Къ Шимановской“ (243) въ „Радугѣ“ 1830 г. (Къ ...).—„Романсъ Дездемоны“ (244) въ „Сѣв. Цв.“ 1831 г. (искажено).—„Подраж. Шенье“ (249) въ „Комотѣ Бѣлы“ 1833 г.

13) Отд. третій: „Моя молитва“ (250) напечатано въ „Б. д. Ч.“ 1834, т. I.—„Е. И. В. Александру Николаевичу“ (252) въ „Б. д. Ч.“ 1834, т. 6 (помѣтка: „30-е августа“).— „Эрминія“ (254) ib. 1836, т. 19 (варіанты: стр. 2-я. ст. 4—„Сокрылся вдругъ, дубравой удаляясь“: стр. 7-я, ст. 4-й—„Прекрасная являетъ ихъ очамъ“...).—„Ночь родительск. субботы“ (256) ib. 1836, т. 14.—„Бартеневой“ (257) въ „Биб. д. Ч.“ 1836, т. 17 („Русская пѣвица“; варіантъ въ ст. 10 стр. 2-ой: „Ведомъ мелькающей звѣздою“).—„Къ Мятлеву“ (259) въ „Сборникѣ“ 1838 г. (варіанты: ст. 45: „Тотъ озаренною душою; ст. 81: „Давно друзья въ твое жилище“).—„Стансы“ (261) въ „Лит. Приб.“ 1838, № 22.—„Разлука“ (262) въ „Б. д. Ч.“ 1836, т. 14 (загл. „Отплытіе витязя“; варіанты: въ 3 стр.—„Ложится въ зыбкой глубинѣ“; въ 8-ой стр.—На камнѣ предъ стѣной угрюмой).—„Другу весны моей“ (264) въ „Лит. Приб.“ 1838, № 5 (послѣдній стихъ: „Краса блаженствъ—въ любви самъ Богъ).—„Дубъ“ (266) въ „Б. д. Ч.“ 1836, т. 17.—„Касатка“ (267) ib., т. 19.— „Къ Сіянѣ“ (268) въ „Б. д. Ч.“ 1837, т. 20 (вар.: 4 ст.—„Хотя крушитъ сердецъ покой“).— „Стансы“ (270) въ „Б. д. Ч.“ 1835, т. 11 („Тоска“).—„Къ ней“ (270) ib. (загл.: „Къ невѣрной“; варіантъ: 3-й ст. отъ конца—„Душой взбунтованной тужилъ“).—„Обманутое сердце“ (272) въ „Б. д. Ч.“ 1834, т. 3.—„Сельская жизнь“ (273) въ „Альманахѣ“ Владиславлева 1838.— „Жнецы“ (274) въ „Б. д. Ч.“ 1836, т. 18.—„Къ печальной красавицѣ“ (275) въ „Б. д. Ч.“ 1834, т. 3, и 1836, т. 15 (съ варіантами).—„Гр. Лаваль“ (276) въ „Отеч. Зап.“ 1839 г., т. 6.—Изъ 4 п. „Чайльдъ-Гарольда“ (277)—„Б. д. Ч.“ 1835, т. 7 (загл.: „Байронъ въ Колизеѣ“; за стихомъ: „Твоею жертвою — я самъ“, слѣдуютъ: „Не внемли, если бывъ счастливымъ,—Надменность зналъ; но если я—Лишь противъ злобы горделивымъ,—И ей не погубить меня,—Тогда, въ судьбѣ моей ужасной,—Не дай, не дай свинцу лежать—На сердцѣ у меня напрасно!—Иль также имъ не горевать?“ — Двѣнадцать стиховъ: „Нѣтъ въ этомъ вѣкѣ...“ и пр.—отсутствуютъ).—„Умир. гейдукъ“ (279) въ „Б. д. Ч.“ 1834, т. 4.—„Ревность“ (280) въ „Б. д. Ч.“ 1837, т. 19, и въ „Русск. Альман.“ 1832—33 (загл. „Ревнивый“).—„Къ Балкъ-Полеву“ (281) въ „Сборн.“ 1838 г.—„Свѣжана и Русланъ“ (283) въ „Б. д. Ч.“ 1834, т. 1.—„Два челнока“ (286) въ „Новосельѣ“ 1833, т. 1.— „Пѣсня“ (288) въ „Лит. Приб.“ 1838, № 20.—„Гр. Фикельмонъ“ (289) ib., № 15.—„Первое свиданіе“ (291) въ „Б. д. Ч.“ 1837, т. 21.—„Къ Л. Мейеру“ (292) въ „Лит. Приб.“ 1837, № 31 (помѣтка: „21 апрѣля“).—„Дочери гр. Фикельмонъ“ (293) ib., № 52 („Милой дочери...“).—„Элегія“ (294) ib. № 44.—„Сельская элегія“ (295) въ „Б. д. Ч.“ 1836, т. 13.— „Фанни“ (296) въ „Утр. Зар.“ 1839 (загл. „Идиллія“, варіантъ 11 и 12 ст.: „Я знаю, у меня во блескѣ молодомъ,—Есть алыя уста...“). — „Витязь“ (296) въ „Б. д. Ч.“ 1836, т. 16 (эпиграфъ: „My good, my guilt, my will, my woe—My hope, on high, my all below.— Byron).—„Пловецъ“ (298) въ „С. Отеч.“ 1823, ч. 84, и „Б. д. Ч.“ 1835, т. 12. — „Невѣста“ (299) въ „Б. д. Ч. 1835, т. 9.—„Тревожное раздумье“ (300) ib.; также въ „Утр. Зар.“ 1839 г.—„Встрѣча“ (301) въ „Лит. Приб.“ 1838, № 27.—„Ночь“ (303) въ „Б. д. Ч.“ 1834, т. 2.—„Тайна“ (303) въ „Б. д. Ч.“ 1836, т. 16.—„Возвращеніе крестоносца“ (304) въ „Новосельи“ 1834, т. 2.—„Бренда“ (307) ib.

14) Въ отдѣлъ четвертый нами взяты: „Ночь на рѣкѣ“ (313) изъ „С. Отеч.“ 1821, т. 17.—„Подражаніе Тассу“ (314) изъ „Соревнов. Просвѣщ.“ 1824, № 4.—„Къ звѣздѣ“ (315) изъ „Нов. Лит.“ 1823, кн. 3.—„Байронъ“ (318) изъ „Нов. Лит.“ 1824, декабрь.— „На рожденіе Андрюши В.“ (318) изъ „Славянина“ 1830, ч. 13.—„Стансы: Межъ дѣвъ...“ (320) изъ „Б. д. Ч.“ 1834, т. 3.—„Къ Эммѣ“ (320) ib., т. 4.—„Два сонета изъ Петрарки“ (321) изъ „Б. д. Ч.“ 1835, т. 8.—„Мальвина“ (321) ib., т. 10.—„Сонеты: Прелестный вечеръ...“ (323) ib., т. 11.—„Элегія: О, ты, звѣзда“ (323) ib. т. 12. — „Утѣшеніе“ (324) и „Въ альбомъ гр-ни N. (325) изъ „Листка грацій“ 1829 г.—„Выборъ“ (325) изъ „Библ. д. Ч.“ 1836, т. 19 и „Лит. Приб.“ 1838 г. № 33.—„Поэтъ и буря“ (326) и „Еврейская мелодія“ (327) изъ „Б. д. Ч.“ 1836, т. 19.—„Пѣснь о Марко Висконти“ (327) изъ „Соврем.“ 1837, т. 5.—„Изъ Джьяура“ (330) изъ „Лит. Газ.“ 1838 г., № 15.—„Стансы“ (Изъ „Морскаго разбойника“) (331) изъ „Альманаха“ Владиславлева 1838 г.— „Стансы: Вчера я мракомъ“ (332) и „Кн. З. А. Волконской“ (332) изъ „Утр. Зари“ 1839 г.—„Гимнъ Орфея“ (333) изъ „Б. д. Ч.“ 1839, т. 34.—Многія изъ нихъ были указаны (Лонгиновымъ?) въ „Рус. Арх.“ 1864 г.; но съ ошибками. Стихи на иностранныхъ языкахъ съ ихъ переводами, а также помѣщенные въ „Приложеніи“ — были напечатаны въ „Русск. Арх.“ 1886 года г. Хомутовымъ, нашедшимъ ихъ въ бумагахъ Козлова.

15) Въ изданіе наше не вошли напечатанныя въ журналахъ и одномъ альманахѣ стихотворенія („Въ альбомъ NN“, „Въ альбомъ Л... Н... Пожарской“, „Охотскъ“, „Кольцо“, „Могила“), хотя и подписанныя: „И. Козловъ“, но несомнѣнно принадлежащія не нашему поэту, а какому-то его однофамильцу.

Оглавленіе.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

стр.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Приложеніе.

